

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
"КАЗАНСКИЙ (ПРИВОЛЖСКИЙ) ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ"

На правах рукописи

БИК-БУЛАТОВ АЙРАТ ШАМИЛЕВИЧ

**КАЗАНСКАЯ ЖУРНАЛИСТИКА ПЕРИОДА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ:
ЗАКОНОМЕРНОСТИ И ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ**

Специальность 5.9.9. – Медиакоммуникации и журналистика

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени доктора филологических наук

Казань – 2023

Оглавление

Введение.....	4
Глава I. Теоретические подходы к изучению истории провинциальной журналистики.....	31
1.1. Историография по провинциальной прессе Российской Империи.. –	
1.2. Проблема периодизации истории журналистики как предмет научной дискуссии: обзор подходов.....	47
1.3. Трудности изучения и презентации казанской журналистики времён Российской империи.....	53
Глава II. Генезис и основные закономерности развития казанской журналистики	
XIX начала XX века.....	64
2.1. Предпосылки появления прессы в Казанском крае..... –	
2.2. Догазетный период. Казанская гимназия как предтеча появления прессы.....	64
2.2.1. Казанская гимназия под московским патронатом..... –	
2.2.2. Казанская гимназия второго периода (1799 – 1804).....	78
2.3. Движущие силы и факторы возникновения казанской прессы.....	86
Глава III. Казанская журналистика первой половины XIX века: издания, журналисты, проблематика... ..	101
3.1. Университетский период... ..	102
3.1.1. Общая характеристика периода..... –	
3.1.2. Основные издания «университетского» периода.....	124
3.1.3. Университетские издания и проекты на излёте и по окончании первого периода в истории казанской журналистики.....	154
3.2. «Губернский» период в истории казанской журналистики.....	164
Глава IV. Казанская журналистика второй половины XIX века: тенденции, ведущие газеты, типология прессы... ..	192
4.1. Тенденции развития казанской прессы второй половины XIX века –	
4.2. Казанская журналистика 1860-х гг.: от официальных учредителей прессы к частному учредительству.....	194
4.3. Казанская журналистика 1870-х гг.: формирование областного	

проекта.....	240
4.4. Казанская журналистика в 1880-е гг.: пресса в условиях капитализации и формирования рынка прессы.....	261
4.5. Казанская журналистика в 1890-е гг.: массовизация прессы....	280
Глава V. Казанская журналистика в начале XX века: пресса между двух революций.....	292
5.1. Татарская казанская печать начала XX века в общем контексте казанской прессы.....	–
5.2. Русская казанская пресса начала XX века: период политизации.....	330
Заключение.....	397
Приложение №1.....	410
Список источников и использованной литературы.....	415

ВВЕДЕНИЕ

Изучение местной прессы прошлых столетий всегда будет важной исследовательской задачей для учёных самых различных научных специальностей, создающих труды по истории края, его общественной и политической жизни.

Устройство и характер местного общества; взаимоотношения между различными сословиями и классами людей; различные аспекты городского и сельского хозяйства, промышленности и инфраструктуры, местного досуга, истории искусств, – для всех этих и многих других научных тем газеты края будут являться неоценимым и одним из первейших источников.

Не только как источник сведений о различных аспектах жизни, но и сама по себе, как некая общественная институция, существующая в социальном пространстве города, края, а иногда и целой конгломерации регионов (например, первые казанские газеты и журналы имели географию гораздо более широкую, и охватывали множество регионов, включая Сибирь) – пресса является важным объектом для исследования. Необходимо понимание того, какую роль газеты играли в жизни города и областей, каковы были задачи прессы в прошлые эпохи.

О том, насколько велико могло быть значение периодической прессы в жизни края, писал идеолог и один из неформальных руководителей казанской «Камско-Волжской газеты», знаменитый сибирский «областник» Г.Н. Потанин в письме другому видному деятелю провинциальной печати, выпускнику Казанского университета нижегородцу А.С. Гацискому: «Нужно дать понять провинциальной публике, что в газете все ее спасение, вся ее жизнь. Ни университет, ни земские собрания — ничто не может быть таким будильником жизни как периодическое издание, пресса»¹. Функции и задачи газет в XIX

¹ Письма Г. Н. Потанина. Т. 3. Иркутск: Изд-во Иркут, ун-та, 1989.С.22.

веке выходили далеко за рамки привычного нам в XXI веке функционала прессы, и они, конечно, должны быть изучены самым подробным образом.

Исследования местной прессы более всего актуализируются в контексте (1) регионалистики – науки, посвящённой общему и всестороннему изучению жизни регионов в различных её аспектах (социальном, общественно-политическом, хозяйственно-экономическом и др.), и – (2) истории журналистики, изучающей различные моменты и этапы функционирования прессы в их историческом развитии, рассматривающей прессу, журналистику как отдельный социальный феномен и делая её и весь комплекс отношений, формирующихся вокруг журналистики и отдельных изданий в конкретный исторический период – специальным объектом исследования данной науки.

В рамках науки истории журналистики отдельно поставлен вопрос о необходимости составления так называемой «энциклопедии» или карты историй региональных журналистик России»².

Известный факт, что в основные программы и учебники по Истории отечественной журналистики весьма мало попадает сведений по истории журналистики российской провинции, в основном эти учебники сосредотачиваются на истории столичных изданий, журналистов и их взаимоотношений. История журналистик тех или иных провинций отражена лишь в монографиях, изданных малыми тиражами и локально на территории самих этих областей. Нет у нас, по-прежнему, единого ресурса, где бы эти различные истории местной прессы были бы собраны в одном медийном пространстве, между тем, для полного понимания течения истории отечественной журналистики вдумчивое изучение и учитывание контекста журналистики региональной – необходимо.

Российская Империя (1703 – 1917) – сложное и неоднородное по своим частям государство, раскинувшееся на большой территории. Говоря о журналистике Российской Империи, мы должны, в частности, иметь в виду и печать

² Об этом см.: Ахмадулин Е.В. «Энциклопедия региональной печати» и научный потенциал регионов // Известия ЮФУ: филологические науки. 2012. №2. С. 186–190. С 1998 года при факультете журналистики Воронежского государственного университета существует Академия наук региональной печати России.

на языке нерусских народов, в том числе: отдельно и хорошо развитую журналистику Царства Польского, журналистику Финляндии, татаро-мусульманскую журналистику России. История этих журналистик никак не отражена у нас сейчас в общих программах по истории отечественной журналистики, между тем, и эту проблему необходимо поставить, рассмотрев в том числе и взаимосвязи иноязычной российской журналистики с русской журналистикой как столичной, так и того региона, который она представляет.

Казанская губерния является одним из таких регионов. В начале XX века здесь появится и станет за несколько лет довольно разветвлённой подсистема татарской журналистики. Во многих регионах есть курсы или разделы в общем курсе по истории отечественной журналистики, посвящённые местным, региональным журналисткам, необходимо начать работу по их синхронизации, а также добиваться включения наиболее важных и общих для различных регионов тенденций в основную программу по изучению истории российской журналистики.

Если такая условная «карта историй региональных журналистик» будет когда-нибудь создана на каком-нибудь специальном ресурсе, то история Казанской журналистики по праву должна будет занять в ней одно из ведущих мест. До сих пор, несмотря на некоторые уточняющие открытия (которые подробно мы осветим в основной части работы) многие исследователи именно с первой казанской газеты – «Казанских известий» (1811-1820) начинают историю российской провинциальной прессы. Именно с её основания отсчитывали и 100-летие российской провинциальной печати, на которое откликнулась в 1911 году и столичная российская журналистика, а в Казани прошли, хотя и с небольшим размахом, праздничные мероприятия.

В разные годы не менее пяти казанских газет («Казанские известия», «Казанские губернские ведомости» в 1840-1850-е гг., «Казанский Биржевой листок» в 1869, «Камско-Волжская газета» (1872-1874), «Волжский вестник»

в середине 1880-х) назывались экспертами лучшими российскими провинциальными газетами. Такую же аттестацию применяли по меньшей мере к двум казанским журналам³.

Казанская журналистика имеет особую, не похожую на большинство других регионов России историю, хотя в ней и отразились многие тенденции, характерные для российской журналистики в целом, так и некоторые узловые тенденции российской провинциальной журналистики XIX – начала XX века. Между тем, до сих пор ещё не было создано обобщающего труда по истории казанской журналистики до 1917 года⁴, не выяснена периодизация, основные характеристики разных этапов, основные тенденции и пути её развития и трансформации. Ключевые издания казанской журналистики исследованы не равномерно. До последнего времени не существовало у нас единого сводного учебника по истории татарской журналистики (первые попытки этого рода начали появляться лишь совсем недавно, в рукописи диссертант ознакомился с проектом подобного учебника авторства профессора В.З. Гарифуллина, выражает ему благодарность за возможность такого ознакомления), собственная авторская версия изложения истории татарской журналистики содержится в

³ «Казанские известия» просто по праву первенства среди провинциальных газет и единственности на момент её выхода; о «Казанских губернских ведомостях» 1840-х как лучшей провинциальной газете говорил историк XIX века М.Ф. Де-Пуле (см.: Русский архив, 1877. Т.33. С.341), а также лейпцигский журнал «Jahrbucher für Slawische Kunde» («Ежегодник славяноведения») (см. об этом: Загоскин Н.П. Очерки города Казани и казанской жизни в 40-х годах. Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 2003. С. 100). О «Казанском биржевом листке» высказался Н. Лесков, перечисляя недостатки всех, выходявших к 1869 году российских провинциальных газет, далее он замечает: «Единственное отрадное исключение представляет в этом отношении «Казанский биржевой листок»...» (<Лесков Н.С.> С.-Петербург. 7 января// Северная пчела, 1869, № 2). «Камско-волжскую газету» 1870-х, как и «Волжский вестник» 1880-х называл, например, среди лучших провинциальных газет России Н. Шелгунов, но имеется ещё целый ряд высказываний современников, согласных с такой оценкой. Из журналов – «Заволжский муравей» при своём кратком существовании (1832-1834) мало удостоился высоких оценок, но это был единственный своего времени провинциальный журнал в России, и в тот выходило всего 4 литературных журнала по всей стране. Современные исследователи именно с «Заволжского муравья» начинают отсчёт существования Уральской журналистики, несмотря на то, что журнал этот выходил в Казани (см.: Литературный процесс в региональной периодической печати 1830–1930-х гг.: от «Заволжского муравья» к «Уральскому рабочему»: коллективная монография. Институт истории и археологии УрО РАН/ред.: Е.К. Союзина, Т.А. Снигирева. Екатеринбург: Кабинетный учёный, 2016. 422 с.). Наконец, журнал «Записки Императорского Казанского экономического общества» по словам столичного журнала «Русский вестник» (1856, № 5-6) занимали «одно из первых мест в ряду наших специальных журналов». (С.13 «Современной летописи» «Русского вестника»).

⁴ Исключение составляет работа Е.В. Курбаковой, которая, однако, рассматривает казанскую журналистику воедино с нижегородской, этот подход интересный, но не может полностью нас удовлетворить в свете тех задач по раскрытию закономерностей развития именно казанской журналистики, которые мы поставили перед собой в ходе настоящей работы. Подробнее концепция Е.В. Курбаковой разбирается нами далее.

VI части монографии диссертанта по истории казанской журналистики издания 2021 года⁵. Конечно, исследования по отдельным татарским газетам и журналистам осуществлялись и имеют уже большую традицию, но и здесь имеется ещё много лакун. При этом вопрос о взаимодействии русской и татарской казанской печати остаётся недостаточно изученным. Все эти проблемы являются актуальными исследовательскими задачами по изучению истории казанской журналистики в рамках науки истории журналистики. Этот научно-исследовательский ракурс является ведущим в настоящей работе

Регионоведческий ракурс исследования выступает как дополнительный в настоящей работе, в этом контексте актуальность настоящей работы определяется необходимостью выяснения роли и значения института прессы и отдельных газет в жизни региона, изучения характера и качества отражения различных аспектов социального бытия в крае (общественно-политической ситуации, административного управления, медицины, образования, хозяйственно-экономических вопросов и др.) на страницах периодических изданий на разных исторических этапах.

Итак, **актуальность** настоящей работы многообразно выражена в различных аспектах, и прежде всего: (1) в контексте изучения процессов истории российской журналистики и как часть истории провинциальной журналистики России. В этой связи концептуализация и периодизация истории казанской журналистики видится нам важной научной задачей (2) в контексте изучения различных процессов истории края, местных отраслей и сфер человеческой деятельности и гражданской активности. Прежде всего имеется в виду история Казанской губернии, но и шире: Камско-Волжского края, газетно-журнальная сфера которого рассматривалась современниками как единая. Наиболее тесные связи казанская журналистика XIX века имела с печатью Нижнего Новгорода, Вятской губернии и других соседних областей. Сфера татарской печати,

⁵ См.: Раздел VI. Татарская казанская журналистика до 1917 г. – в кн.: Бик-Булатов А.Ш. Очерки истории казанской журналистики 1758–1918. Выпуск 2. Казань: Издательский дом Маковского, 2021. С. 495 – 630.

куда входила и татарская казанская печать, была сформирована к началу XX века, ключевыми городами помимо Казани явились здесь Оренбург, Уфа, важным было также взаимодействие с турецкой (г. Стамбул) журналистикой. В русле нашей работы, ключевым аспектом становится сосуществование и взаимосотрудничество татарской и русской казанской прессы.

Степень научной разработанности темы:

В Казани до 1917 г. в роли обобщающих работ по истории казанской журналистики выступают лишь юбилейные справочные статьи к столетию казанской печати (1911 г.). Укажем в этой связи на большой материал Е. Шамурина (<Шамурин Е.И.> За 100 лет (юбилейная историческая справка) // Камско-Волжская речь, 1911, № 84 от 19.04.1911 (ст. стиль)). Вторая часть этой статьи была перепечатана Н. Петровским в XXVII томе «Известий общества археологии, истории и этнографии» за 1911 год. Статья Н. Петровского также была издана отдельным оттиском⁶.

В XX – начале XXI века из общих работ по истории казанской прессы выходили лишь библиографические указатели⁷. До начала 2020-х годов единственной попыткой серьёзного обобщённого рассмотрения истории казанской журналистики за первые 100 с лишним лет её существования (до 1917 года), явилась монография Е.В. Курбаковой «История казанской и нижегородской прессы 1811–1917 гг.: власть и общественные настроения российской провинции»⁸, содержащая много новых, полезных сведений. Но само это соединение в общий контекст прессы двух регионов, хотя и имеющее под собой некоторые основания, представляется нам несколько нарочитым и послужило причиной того, что многие явления сугубо казанской прессы оказались вне поля зрения

⁶ Петровский Н. М. По поводу столетия казанской периодической печати. Казань: типо-лит. Имп. ун-та, 1911. 14 с.

⁷ См., напр.: Казанская периодическая печать (русские издания) 1811—1916. Библиографический указатель / Составитель В. И. Шишкин; Научный редактор доцент Л. М. Пивоварова. — Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1985. 37 с.; Казанская периодическая печать XIX - начала XX века: Библиогр. указатели / Научный ред. Ф. Ф. Нуреева. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1991. 87 с.

⁸ Курбакова Е.В. История казанской и нижегородской прессы 1811-1917 гг.: власть и общественные настроения российской провинции: Монография. Нижний Новгород: Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, 2008. 375 с.

исследователя. Кроме того, как явствует из названия, в монографии отражен преимущественно лишь один, хотя и наиболее важный аспект деятельности журналистики: взаимоотношения общества и власти. Дискуссионной считаем мы и предложенную по этому признаку периодизацию истории казанской прессы.

Несмотря на это, работа содержит ряд ценнейших сведений по истории многих казанских газет, добытых автором в результате кропотливого изучения в том числе местных архивов и, как уже было сказано, является первой попыткой обобщить и представить историю казанской журналистики за первые сто лет. В этом смысле вклад Елены Викторовны Курбаковой в изучение истории казанской журналистики, выраженный не только этой монографией, но и рядом статей в научных журналах – безусловен и весьма значителен.

В 2011 г. была издана небольшая (в 108 книжных страниц) монография К.Н. Куранова «Казанская пресса. Начало»⁹, охватывающая, однако, лишь первые 25 лет истории казанской печати от возникновения «Казанских известий» в 1811 г., то есть фактически не доходящая до самых известных дореволюционных казанских периодических печатных органов – «Камско-Волжской газеты» и «Волжского вестника». Несмотря на то, что книга издана в 2011 г., основу её составили работы К.Н. Куранова ещё советского периода, с небольшими уточнениями, связанными с обнаружением в 2010 году комплекта «Тамбовских известий» (1786-1788), первой газеты российской провинции, вышедшей раньше «Казанских известий» (1811–1820), прежде «Тамбовские известия» считались безвозвратно утраченными. Монография К. Куранова, составленная, как уже было сказано, из статей советского времени, и потому не совсем свободная от некоторых идеологических наслоений, довольно подробно освещает многие аспекты ранней истории казанской журналистики, а главы,

⁹ Куранов К.Н. Казанская пресса. Начало. Казань: Идель-пресс, 2011. 110 с.

посвящённые первым казанским журналистам – Д.Н. Зиновьеву и К.Ф. Фуксу – остаются эталонными работами об этих публицистах.

По истории отдельных изданий на протяжении XIX – XX веков вышло немало трудов, большая часть из них представлена в вышеупомянутых указателях. Так, первой казанской газете «Казанские известия» в XIX веке посвящали свои труды Н. Попов, Н. Загоскин¹⁰, а в XX веке К. Куранов¹¹. Газета «Казанские губернские ведомости» хорошо представлена в классических работах советского литературоведа Л. Бурмистровой¹², в 2000-е годы ряд научных статей по материалам издания выпустили Л.Ф. Байбулатова и Н.С. Хамитбаева¹³

Долгое время не везло одному из замечательных казанских изданий – «Камско-Волжской газете», идейными руководителями которой были сибирские областники Г. Потанин, Н. Ядринцев (редакторами же – казанские публицисты К. Лаврский и Н. Агафонов). Течение «областничество» было идеологически неудобным для исследователей советского времени, и всё же в 1970-е годы появилась статья Х.С. Булацева, заведующего кафедрой Ленинградского университета, а потом и раздел в его монографии об этой одной из

¹⁰ Попов Н. А. Общество любителей отечественной словесности и периодическая литература в Казани с 1805 по 1834 г. // Русский вестник. 1859. Т. 23. Сентябрь. С. 52-98; Н.П. Загоскиным история первой газеты рассматривается в рамках его труда по истории университета, см.: Загоскин Н.П. История Императорского казанского университета за первые сто лет его существования, 1804–1904. Т. 2. Ч. 2: (1814–1819). Казань: Типо-литогр. Имп. казанскаго ун-та, 1902. 698, XVIII, VII с.

¹¹ См. примечание № 7.

¹² Бурмистрова Л.П. Провинциальная газета в эпоху русских просветителей (Губернские ведомости Поволжья и Урала 1840 – 1850 гг.). Казань: Изд-во Казанского ун-та. 1985. 140 с.

¹³ На рубеже 2000 – 2010-х годов в рамках грантового проекта в разных сборниках вышло несколько статей исследователей Л.Ф. Байбулатовой и Н.С. Хамитбаевой, представляющих освещение досуговых тем в газете (Хамитбаева Н.С. Театральная жизнь Казани второй половины XIX века на страницах газеты «Казанские губернские ведомости» // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья: Сб.статей. Казань: изд-во «Ихлас»; Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2011.С. 173 – 191; Хамитбаева Н.С. Газета «Казанские губернские ведомости» и музыкальная жизнь города Казани во второй половине XIX в.// Там же. С. 191 – 205; Байбулатова Л.Ф. Некоторые вопросы науки в Казани на страницах газеты «Казанские губернские ведомости» в XIX в.// Там же. С. 9 – 21; Хамитбаева Н.С., Байбулатова Л.Ф. Вопросы образования в Казани на страницах газеты «Казанские губернские ведомости» в XIX в.// Образование и просвещение в губернской Казани. Сб. статей. Вып. 2. Казань: Институт истории АН РТ, 2009. С.267 – 284. И ещё несколько примыкающих, без упоминания названия газеты в названии).

знаковых российских провинциальных газет¹⁴. На рубеже 2000-2010-х годов свой обзор и общую историю «Камско-Волжской газеты» в своей монографии представил В.Ф. Блохин¹⁵, назвавший газету «в определённом смысле первым образцовым провинциальным изданием за период 1860–1870-х гг.»¹⁶.

Изучением газеты «Казанский телеграф» (1893-1917 гг.) в начале 2000-х годов в рамках большого исследования по истории казанского право-националистического движения, занялся видный казанский историк И. Е. Алексеев¹⁷. Большая часть исследований по газете «Волжский вестник» касается её литературной критики (см.: диссертацию Б.И. Колмакова, а также составленный им библиографический указатель литературно-критических публикаций «Волжского вестника»¹⁸).

При этом ряд важных казанских изданий не имеют специальных работ, им посвящённых. У нас плохо поставлено исследование творчества отдельных казанских журналистов, за исключением случаев «писатель-журналист», когда участником той или иной казанской газеты являлся какой-нибудь писатель со всероссийской известностью (по темам участия в казанских газетах М. Горького, В. Короленко, Г. Успенского, П. Засодимского – ключевые работы были созданы и опубликованы Е.Г. Бушканцем¹⁹, одним из ведущих советских исследователей казанского литературно-журнального процесса XIX века). На рубеже 1990-2000-х годов появилось ряд работ по истории казанской газетной

¹⁴ Булацев, Х. С. Из истории провинциальной печати («Камско-Волжская Газета», 1872-1874) // Вестник Ленинградского ун-та. 1972. №2. С. 77 – 86; Булацев Х.С. Пионеры провинциальной печати (первые шаги демократической прессы российской провинции второй половины XIX в.). Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1981. 140 с.

¹⁵ См.: Блохин В.Ф. Провинция газетная: Государственное управление периодической печатью и становление газетного дела в российской провинции (1830-е – 1870-е гг.). Брянск, 2009. С. 279-290.

¹⁶ Там же. С. 279.

¹⁷ См. основной его труд по газете: Алексеев И.Е. Флагман правой казанской периодики: газета «Казанский Телеграф» и её редактор Н.А. Ильяшенко. Эл. ресурс. URL.: <https://rusk.ru/st.php?idar=113922>. Режим доступа – свободный. 03.10.2001.

¹⁸ Колмаков Б.И. Литературная критика газеты "Волжский вестник": дис. ... к. филолог. н.: 10.01.01 / Гос. ун-т им. В. И. Ульянова-Ленина. Казань, 1996. 229 с.; Литературно-критические публикации казанской газеты "Волжский вестник" (1884-1906): библиогр. указ. /сост.Б.И.Колмаков. Казань: КГУ, 2000. 23с.

¹⁹ Бушканец Е.Г. Казань в жизни и творчестве русских писателей XIX века // Казань в истории русской литературы. Казань: Казан. гос. пед. ин-т, 1965. Сб.1. С.3 – 15; Бушканец, Е. Г. Местная печать как историко-литературный источник / Е. Г. Бушканец // Вопросы источниковедения русской литературы второй половины XIX-XX вв. Казань: Изд-во КГУ, 1985. С. 3 – 16.

литературной критики (в этой связи в научных работах освещена деятельность казанских публицистов К. Лаврского, А. Подосёновой, Я. Александрова²⁰ и других. Отдельные статьи посвящены журналистской деятельности К. Фукса, аспектам деятельности Н. Юшкова, П. Пономарёва, П. Васильева. Кроме случая Карла Фукса, которым занимался историк журналистики Константин Куранов, также написавший очерк о первом казанском редакторе и журналисте Д.Н. Зиновьеве – нигде из статей, посвящённых названным авторам, не оговаривалась тема журналистики как специальная, которую разбирают специалисты-исследователи в своих статьях, а лишь как одно из направлений деятельности этих героев, чаще подаваемых в биографических статьях в качестве краеведов, библиографов, общественных деятелей, нежели журналистов. Так, есть статьи о Н. Загоскине²¹ как об историке, профессоре, юристе, но не как об одном из ведущих журналистов Казани, то же можно сказать и о библиографии работ об Н. Агафонове²² и о многих других важных деятелях казанской прессы. Некоторые виднейшие журналисты Казани до 1917 года вовсе не удостоились пока ни одной специальной статьи (например, В. Самсонов - ведущий критик и один из редакторов «Камско-Волжской речи»).

Ряд казанских изданий затрагивается в монографиях и диссертациях, изучающих общие закономерности функционирования провинциальной прессы. Особенно это касается работ, посвящённых «Губернским ведомостям», официальным газетам, выходившим во многих частях России, имеющим не столько индивидуальные, сколько общие черты, создававшимся именно как система официальной провинциальной журналистики. Однако в

²⁰ См. напр.: Бушканец Л.Е. К.В. Лаврский как литературный критик провинциальной газеты // Литературная критика в газете. На материалах русской прессы 1870–1880 годов. Peterland Frankfurt am Main. 1996. С. 153–173. Об А. Подосёновой и Я. Александрове – в диссертации Ершовой: Ершова А. А. А.П. Чехов в оценке казанской критики и литературоведения конца XIX - начала XX веков: дис. ... кандидата филологических наук. Казань, 2016. 394 с.

²¹ См. напр.: Кожевина М.А. Николай Павлович Загоскин и «Наука истории русского права...» // Научный вестник Омской академии МВД России. 2012. № 1(44). С.53 – 59.

²² Последняя по времени большая статья о нём: Миначетдинова Г.С. Н. Я. Агафонов «Идеальный летописец казанской жизни» // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 34 (249). История. Вып. 48. С. 152-157. Н.Я. Агафонов рассматривается в ней как краевед, а не журналист.

них одни и те же тенденции от региона к региону могли иметь несколько разное выражение, что даёт хорошие основания для сравнения этих изданий, выделения в них типического и индивидуально- своеобразного. В историко-журналистской науке в последние годы наблюдается пересмотр отношения исследователей к «губернским ведомостям» - от пренебрежительного (ср.: «Это были очень убогие издания. И даже участие в некоторых газетах демократических журналистов вроде А.И. Герцена было бессильно их изменить, оживить <...> до конца дней своих эти издания так и остались сухими казенными листками. Отчеты о деятельности различных обществ, городских дум и управ, объявления о розысках и торгах, происшествия, сведения о приехавших и уехавших, 2-3 статейки, касающихся местных вопросов, этнография – вот те рамки, из которых эти издания так и не вышли»²³), к более взвешенному.

Из работ последнего времени, посвящённых этому кластеру изданий, назовём статью В.В. Шевцова ««Губернские ведомости» в советской и постсоветской историографии: основные направления изучения»²⁴, содержащую указания на многие другие современные монографии и исследования по губернским ведомостям, а также обзорные ключевых из них. Тем же автором написана обзорная статья на тему ««Губернские ведомости» в дореволюционной историографии периодической печати» (см. по списку литературы).

Но и помимо «Губернских ведомостей» работы по истории региональной журналистики различных (т.е. других, не Казанской губернии) областей России важно иметь в виду при изучении истории казанской журналистики. Так, одной из важных черт местной журналистики второй половины XIX века стало то, что основу журналистского корпуса составили так называемые «неблагонадёжные элементы».

²³ Есин Б.И. Краткий очерк развития газетного дела в России XVIII-XIX веков. М.: Изд-во Моск. н-та, 1967. С. 30.

²⁴ Шевцов В. В. «Губернские ведомости» в советской и постсоветской историографии: основные направления изучения // Вестник Пермского университета. Сер. История. 2013. № 3 (23). С.105—123.

Вследствие этого – наблюдается высокий процент кочевания журналистов из региона в регион (после запрещения жить в определённой области журналист перемещается в соседний регион и там также активно включается в журналистскую работу). Так, например, известный журналист П.А. Голубев, некоторое время - выпускающий редактор казанской газеты «Волжский вестник», переменил множество городов и везде участвовал в местной печати (в разное время он обосновывался в таких городах как: Царевококшайск, Казань, Самара, Пермь. Вятка, Ставрополь, Омутнинск). Чтобы восстановить профессиональную биографию только этого журналиста – нужно изучить прессу всех названных городов за определённые годы.

Таким же образом складывались связи между журналистикой разных регионов. В 1870-е годы Г. Потанин заявлял о формировании системы независимой провинциальной печати (как альтернативной системе «Губернских ведомостей»).

Таким образом, изучение журналистики соседних регионов делается важной исследовательской задачей и для историка казанской журналистики, именно в контексте выяснения степени научной разработанности темы, особенно это касается регионов, чьи журналистские связи с Казанью были традиционными (Нижний Новгород, Сибирь и др.). В последнее время в отечественной науке наблюдается всплеск работ по истории региональной журналистики, поэтому необходимо, как уже было сказано, соединить полученные сведения в некую единую систему. Это одна из важных коллегиальных задач будущего для нашего научного сообщества.

Памятуем также о работах, разрабатывающих некоторые общие аспекты функционирования региональной печати в различные исторические периоды. Их типологию, тематику, отражение того или иного вопроса в местной печати, отдельных жанров, рекламы в провинциальной периодике, отношения с властью и различными социальными группами и других. Отдельные эпизоды по

истории казанских газет затрагиваются также во многих современных краеведческих монографиях и статьях, посвящённых прошлому Казани (в работах Л. Жаржевского, Л. Девярых, А. Клочкова и др. (труды этих авторов см. в списке литературы)).

Из диссертаций последнего времени, прямо посвящённых разным аспектам функционирования казанской прессы XIX – начала XX века, назовём работу Е.В. Курбаковой, а также С.Ф. Галанина, Л.Ф. Хайрутдиновой²⁵. По отдельным казанским газетам до 1917 года из диссертаций последнего времени можно назвать лишь работы по газетной литературной критике.

Отдельным кластером исследований, важных в контексте настоящей диссертации, являются работы по истории татарской печати. Татарская журналистика начала XX века имеет свои географические границы, она отнюдь не локализована только Казанью, включает в себя и Оренбург, и Астрахань, и центральноазиатские регионы тогдашней России, а также и Санкт-Петербург и даже Стамбул. Но, конечно, Казань – одно из центральных мест в этой сфере, казанские татарские газеты и казанские публицисты занимали здесь лидирующие позиции. В контексте нашей темы, необходимо должны быть поставлены вопросы о характере отношений русской и татарской казанской печати, о функционировании местной печати в условиях билингвальности, но и невозможности оторвать казанскую татарскую печать от общетатарской сферы прессы, в которую она входила, и зачастую гораздо более неразрывно и полнокровно, чем в общеказанскую.

²⁵ Курбакова Е.В. Губернская власть и пресса российской провинции в 1811-1917 гг.: на материалах Казанской и Нижегородской губерний: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.02. Нижний Новгород, 2009. 590 с.; Галанин С.Ф. Газетная реклама как исторический источник: по материалам казанских газет второй половины XIX века: диссертация ... кандидата исторических наук: 07.00.09. Казань, 1999. 322 с.; Хайрутдинова Л.Ф. Литературная критика газеты "Казанский телеграф": 1893 – 1917 гг.: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.01.01. Казань, 2000, 237 с.

Тем не менее, изучение и обозрение истории казанской печати до 1917 (1918) года невозможно без включения туда и татарской печати, и соответственно, работы по истории татарской печати также включаются нами в раздел, обзорающий общую степень разработанности темы.

Из обобщающих работ последнего времени можно назвать монографию Р. Амирханова *Татарская дореволюционная пресса в контексте «Восток – Запад»* (на примере развития русской культуры)²⁶; учебное пособие Р.Р. Сафиуллиной *«История татароязычной мусульманской журналистики»*²⁷, затрагивающее именно кластер религиозной татарской прессы. Первыми обобщающими работами по истории татарской периодической печати можно назвать статьи Г. Ибрагимова 1920-х годов.

Среди научных работ по отдельным изданиям тюрско-татарской печати больше всего посвящено газете крымско-татарского просветителя И. Гаспринского *«Терджиман»* / *«Переводчик»*, выходившей с 1883 года и являвшейся монополистом тюрско-татарской прессы до 1905 года²⁸. Из работ, посвящённых отдельным изданиям, упомянем диссертацию о первой казанской татарской газете *«Казан мухбире»* (Казанский вестник) М. Аскарлова: *«Газета "Казан мухбире" ("Казанский вестник") и её роль в развитии татарской публицистики начала XX века»*²⁹.

Чаще всего, в татарских исследованиях преобладают работы, посвящаемые отдельным личностям, общественным деятелям, среди прочего – журналистам и редакторам казанских газет. Так, в контексте биографии Хади Мак-

²⁶ Амирханов Р.У. *«Восток – Запад»* (на примере развития русской культуры). Казань: Татар. кн. изд-во, 2002. 240 с.

²⁷ Сафиуллина Р.Р. *История татароязычной мусульманской журналистики: учебное пособие*. Казань: Издательство Казанского университета, 2019. 299 с.

²⁸ См. напр.: Брилёва Д.С. И. Гаспринский и газета *«Терджиман»* в журнале *«Шура»* (1908–1917)// *Исламоведение*, 2015, Т.6. № 2. С. 5-16; Абибуллаева С.И. Газета *«Терджиман»*: факторы уникальности// *Вопросы Крымскотатарской филологии, истории и культуры*, 2018, № 6. С. 127 – 130 и др.

²⁹ Аскарлов М.А. Газета *«Казан мухбире»* («Казанский вестник») и её роль в развитии татарской публицистики начала XX века: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.01.01. Казань, 2004.166 с. В настоящей диссертации принята транскрипция в названии: «мухбире». Оба варианта равнозначны (мухбире=мохбире).

судя разбирается история газеты «Юлдуз» («Звезда»), имама Галимджана Баруди – журнала «Дин вэ Эдэб» («Религия и нравственность»), поставлены темы «Тукай – журналист»; «Гаяз Исхаки – журналист», затрагивается журналистская деятельность Галимджана Ибрагимова, Юсуфа Акчуры и др. Среди изданий – подробнее были разработаны в советское время газеты и журналы демократического толка, но до сих пор, например, нет специальных работ о правой традиционалистской газете «Бэянешак» («Глашатай правды»). Так что и здесь, как и в случае с русскоязычной казанской печатью, можно констатировать некоторую неравновесность исследуемого поля прессы.

Среди современных авторов, исследующих различные аспекты функционирования дореволюционной (до 1917 года) татарской печати можно назвать В.З. Гарифуллина, Л.Р. Габдрафикову, Д.М. Усманову, А.Ю. Хабутдинова и др.³⁰

Таким образом, можно констатировать, что научного труда, обобщающего историю казанской журналистики от начала её возникновения до 1918 года, с выделением этапов и характерных для каждого их них признаков и характеристик до последнего времени не существовало. В 2020 и 2021 году нами было издано две монографии, в формате «очерков по истории казанской журналистики» {Бик-Булатов – 2020; и Бик-Булатов – 2021}³¹.

Цель работы: На основе углублённого изучения казанской журналистики в хронологических рамках от 1811 года (с выхода первой местной газеты «Казанские известия») до 1918 года (прекращения выхода в Казани независимых, антибольшевистских изданий), исследования закономерностей её развития, истории ключевых газет и журналов, авторов, публикаций и событий журналистики, обосновать и и представить общую концепцию истории казанской

³⁰ См. работы упомянутых учёных по списку литературы.

³¹ Бик-Булатов А.Ш. Очерки истории казанской журналистики 1811–1918. Вып. 1. Чебоксары: free poetry, 2020. 242 с.; Бик-Булатов А.Ш. Очерки истории казанской журналистики 1758–1918. Вып. 2. Казань: Издательский дом Маковского, 2021. 978 с.

журналистики до 1918 года с выделением и характеристикой её специфики на каждом этапе.

Объект исследования:

В качестве основного объекта исследования выступает казанская журналистика, рассматриваемая в её развитии (с момента основания казанской прессы в 1811 году и до 1918 года).

Под «казанской журналистикой» в настоящей работе мы понимаем совокупность изданий периодической печати, выходивших в Казани, их корреспондентов и журналистов (в т.ч. казанских корреспондентов столичных и иных журналов и газет), а также все типы отношений, возникшие у прессы с её аудиторией, органами власти, типографиями и издательствами, учредителями и рекламодателями за указанный период.

Основными источниками (*эмпирической базой*) исследования служат газеты и журналы, выходившие в Казани с 1811 по 1918 годы (см. по библиографическим указателям, приведённым в списке литературы), углубленное внимание уделялось универсальным, общественно-политическим газетам и журналам, занимавшим лидирующие позиции на местном поле прессы в период своего выхода.

В 1811–1820-х гг. единственной газетой, выходившей в Казани являлись «Казанские известия», но были также попытки выпусков журналов (например, один выпуск «Трудов Казанского общества любителей отечественной словесности» (1817)), некоторые нереализованные издания, сохранившиеся в планах, рукописные журналы казанских студентов.

В 1820 – начале 1830-х – ключевое издание: «Казанский вестник» и «Прибавления» к нему (выходившего в формате газеты). После их окончательного закрытия («Прибавлений» – в 1831 году, продержавшихся даже дольше самого «Казанского вестника»), два года ещё выходил журнал «Заволжский муравей» (1832–1834 гг.), а с 1834 издавался научный журнал «Учёные за-

писки Императорского Казанского университета», которые уже не мог в полной мере заменить отсутствие в Казани универсального органа прессы, однако поддерживал некоторую преемственность казанских изданий.

1840-1850-е – единственная газета: «Казанские губернские ведомости», эти же годы – ключевые для этого издания, когда оно пользовалось успехом в обществе. Выходит журнал «Православный собеседник», ряд отраслевых изданий.

1860-е годы – начало частной журналистики в Казани. Газеты: «Справочный листок г. Казани» (1867); «Казанский биржевой листок» (1868-1892).

1870-е годы – важнейшее издание для всего периода, не только в Казани, но и для общероссийской истории провинциальной печати: «Камско-Волжская газета» (1872-1874).

С 1880-х годов система печати в Казани будет расти и делаться разветвлённое, но в основе её всегда будут две (реже три) главные газеты, из которых часто одна будет тяготеть к типу общественно-массовых, учитывающих более рыночную конъюнктуру, а другая - к типу общественно-демократических, идейных изданий.

Такие «пары» конкурирующих в разные годы двух главных казанских газет будут составлять:

1. «Камско-Волжская газета» и «Казанский биржевой листок» (1870-е)
2. «Волжский вестник» и «Казанский биржевой листок» (1880-1890-е)
3. «Камско-Волжская речь» и «Казанский телеграф». (1900-1910-е).

В роли «третьей» газеты в разное время будут выступать: «Казанские вести», «Камско-Волжский край» и др. Роль второй оппозирующей газеты на короткое время будут брать на себя также издания: «Вечернее эхо», «Волжско-Камская речь», «Волжский листок».

Структура системы печати Казани учитывалась нами при работе с источниками. Был поднят также большой пласт отраслевых изданий, в т.ч. изданий научных обществ; земской и уездной печати; печати политических партий

и др. В блоке, посвящённом началу XX века, включены и татарские газеты и журналы.

Поскольку казанские журналисты ощущали себя частью общего волжско-камского «медийного», как бы сейчас сказали, поля, поэтому по причинам общей текучки журналистских кадров, характерной для второй половины XIX века, нами также просматривались издания соседних областей и губерний (прежде всего: Нижнего Новгорода, Самары, Саратова, Перми, некоторые газеты Сибири).

Выборочно нами изучались отделы внутренних обзрений столичных журналов, куда могли попадать знаковые публикации или ссылки на публикации из казанских газет; особо – отдел «Очерки русской жизни» Н. Шелгунова в «Русской мысли» и «Русских ведомостях», изданный потом отдельно; материалы по дискуссии о характере провинциальной прессы, вышедшие в связи с «Камско-Волжской газетой» (прежде всего, статьи в журнале «Дело»).

Кроме того, в ходе работы над диссертацией были изучены мемуары и документы по истории казанской журналистики, как изданные, так и находящиеся в рукописях в различных архивах и хранилищах; научно-исследовательские труды по различным аспектам истории казанской журналистики.

Предмет исследования: специфика, периодизация и закономерности развития казанской журналистики с момента основания до 1918 года, включая историю ключевых изданий, журналистов, знаковых публикаций и событий в истории казанской прессы.

Задачи исследования

1. Обозреть и охарактеризовать теоретические подходы к изучению истории провинциальной журналистики с выделением критериев её этапизации, выработанные в современной науке, сформулировать и обосновать свой собственный исследовательский подход по отношению к уже имеющимся.

2. Проследить генезис и выявить основные закономерности развития казанской журналистики XIX начала XX века на основе комплексного её рассмотрения за весь указанный период.
3. Выделить периоды и провести первичную этапизацию истории казанской журналистики до 1918 года.
4. Подробно изучить и проанализировать этапы истории казанской журналистики (включая основные тенденции, издания и их типологию, ведущих журналистов и проблематику для каждого из выделенных периодов).
5. Окончательно уточнить периодизацию и основные характерные черты каждого периода в истории казанской журналистики до 1918 года, составить сопоставительную таблицу.

Методология и методы исследования. Методологической основой диссертации является принцип научной объективности, что подразумевает комплексное изучение и осмысление исторических источников и критическое отношение к ним; а также – принцип историзма, постулирующий изучение явления в его развитии (от зарождения, до становления и угасания). В нашем конкретном случае принцип историзма реализуется через рассмотрение становления провинциальной печати в динамике и в соответствии с теми конкретно-историческими условиями, в которых оно складывалось. Историзм как способ осмысления прошлого, современности и вероятного будущего предполагает нахождение корней всех явлений в прошлом; понимание, что между эпохами существует преемственность, а каждую эпоху надо оценивать с точки зрения ее исторических особенностей и возможностей.

В основу исследования был положен историко-генетический метод, предполагающий также установку причинно-следственных связей в процессе исторического изменения изучаемого явления или процесса. Одним из результатов применения исторического метода как раз и явится создание периодизации, что входит в основные задачи диссертации. Периодизация, как известно, «это особого рода систематизация, которая заключается в условном делении

исторического процесса на определенные хронологические периоды. Эти периоды имеют те или иные отличительные особенности, которые определяются в зависимости от избранного основания (критерия) периодизации <...> Многие ученые отмечают ее большую значимость для истории и других социальных наук (см., например: Gellner 1988; Ясперс 1994, Штомпка 1996, Корнейро 2000, Бентли 2001; Геллнер 2001; Грин 2001; Гринин 2006; Мак-Нил 2001; Розов 2001a; Стернз 2001 и др.)»³².

Среди последних теоретических работ по теме периодизации истории журналистики назовём статьи и выступления М.М. Ковалёвой, Д. Л. Стровского, А. Ш. Бик-Булатова, Л.П. Громовой и др.³³. Подробнее эту часть теоретико-методологической базы мы обзораем в первой главе работы.

Методологические основы изучения газетного дела в XIX - начале XX века заложены в работах В. Г. Березиной, Б. И. Есина, А. И. Станько, Е.В. Ахмадуллиной и др.³⁴.

³² Теория и методология истории: учебник для вузов / Отв. ред. В. В. Алексеев, Н. Н. Крадин, А. В. Коротаяев, Л. Е. Гринин. Волгоград: Учитель, 2014. С.391.

³³ См. напр.: Ковалёва М.М. Периодизация как основа изучения истории отечественной журналистики // Журналистика в 2003 году: обретения и потери, стратегии развития. Материалы науч.-практ. конф. М.: Моск. гос. ун-т, 2004. С. 86-88; Стровский Д.Л. Отечественные политические традиции в журналистике советского периода. – Екатеринбург: Издательство Урал. ун-та, 2001. С. 49-51. Бик-Булатов А. Ш. Концептуализация истории отечественной журналистики на современном этапе (методологический аспект) // Ученые записки Казанского университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2012. Т. 154, № 6. С. 169-179. Громова Л.П. Публицистика в современных исследованиях // Медиа в современном мире. 60-е Петербургские чтения. сборник материалов Международного научного форума. В 2 т. Том. 2. СПб.: СПбГУ, 2021. С. 16 – 17.

³⁴ Березина В.Г. Газеты 1860-х годов // Очерки по истории русской журналистики и критики. Т. II. Л., 1965; Она же. Русская журналистика первой четверти XIX в. Л., 1965; Она же. Русская журналистика второй четверти XIX в. (1840-е годы). Л., 1969; Она же. Белинский о газете и ее месте в русской периодической печати 1830-1840-х годов // Вестник Моск. унта. Сер. 10. 1983. №6; Есин Б.И. Русская дореволюционная газета. 1902 - 1917 гг. Краткий очерк. М., 1971; Он же. Путешествие в прошлое. М., 1983; Он же. Русская газета и газетное дело в России. Задачи и теоретико-методологические принципы изучения. М., 1988; Он же. Материалы к истории газетного дела в России // Вестник Моск. ун-та. Сер. 11. 1967. №4.; Он же. Запрещение розничной продажи как средство ограничения свободы печати // Вестник Моск. ун-та. Сер. 11. 1967. №6.; Он же. Себестоимость русской газеты в 1913 г. // Из истории русской журналистики начала XX в. М., 1984; Он же. Государственные меры поощрения прессы в России конца XIX - начала XX в. // Вестник Моск. ун-та. Сер. 10. 1995. №4; Станько А.И. Русские газеты первой половины XIX в. Ростов н/Дону, 1987; Он же. Региональная газета как тип издания (истоки изучения) // Типология местной прессы. Советский Союз - Польша. Ростов н/Дону, 1991; Он же. Пресса южного региона России (XIX в.). Краснодар, 1998. Ахмадулин Е.В. Системный подход в исследовании региональной печати // Местная и национальная печать. Вопросы истории и методологии. - Ростов н/Д., 1983. - С. 17-18. Он же. Правительственная печать России (конец XIX – февраль 1917 г.). – Ростов н/Д, 2000. Он же. Пресса политических партий России начала XX века: Издания консерваторов. – Ростов н/Д, 2001. Он же. Пресса политических партий России начала XX века: Издания либералов. – Ростов н/Д, 2001.

При освещении типологических признаков печати использовался метод сравнительного анализа и типологического анализа; методы структурного и системного анализа позволили нам раскрыть особенности функционирования совокупности казанских газет того или иного периода как системы, выявить закономерности их функционирования и взаимодействия, а также изучить структуру отдельных изданий, рубрикации и её обоснование.

При анализе ключевых текстов, характерных для того или иного этапа в истории казанской журналистики, использовались традиционные литературоведческие методы и подходы, выработанные теоретиками публицистики (труды М.С. Черпахова, В.В. Учёновой и др.³⁵). В своём исследовании мы также опирались на общие принципы и подходы к изучению истории журналистики, принятые учёными казанской научной школы журналистики³⁶, для изучения отдельных тем в рамках диссертации использовался также дискурсивный подход в историко-журналистских исследованиях, который полнее был обоснован и реализован в моих предыдущих монографиях³⁷.

Хронологические рамки исследования в основном укладываются в период 1811-1918 гг. Границами служат 1811 год – год выхода первой газеты и 1918 год – год прекращения выхода антибольшевистских изданий. При этом, говоря о предпосылках появления прессы в Казани, мы имеем в виду формирование в городе интеллектуально-культурной среды, первым толчком к которому послужило открытие Первой Казанской гимназии (1758). Эти ранние 50 лет (с момента её открытия и до возникновения проекта первой газеты (1808), реализованного через три года) уже ознаменованы появлением первых казанских публицистов, а также формата публичных литературных бесед в Казани,

³⁵ Черпахов М.С. Проблемы теории публицистики. М., 1973; Учёнова В.В. Основные направления разработки теории публицистики. Учебно-методическое пособие. М., 1978.

³⁶ О казанской научной школе журналистики см.: Туманов Д.В., Бик-Булатов А.Ш., Шайхитдинова С.К. Казанская научная школа журналистики: определение парадигмальных границ // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2017. – Т. 159, кн. 3. – С. 541–568.

³⁷ см.: Бик-Булатов А.Ш. История отечественной публицистики XIX-XX веков: дискурсы нигилизма. Казань: КГУ, 2010; Бик-Булатов А.Ш. Образы и типы православного духовенства в русской журналистике XIX - начала XX века. - СПб: Дмитрий Буланин, 2018.

первых спектаклей, первой книжной лавки, первой подписки на столичные газеты. Поэтому мы затрагивали в нашей работе и некоторые события по формированию журналистской и общекультурной среды Казани по самой верхней хронологической границе (т.е. с 1758 года). Некоторые же направления специализированной прессы Казани (например, художественная журналистика и художественная критика) не прерывались 1917-1918 годами, в этих случаях мы допускали некоторый выход за объявленные хронологические рамки, впрочем, такие примеры незначительны.

Географические рамки исследования:

В основном, в работе рассматриваются издания, выходившие в Казани и являющиеся частью казанской журналистики. При этом надо иметь в виду, что в определённые годы влияние казанской прессы простиралось на всю Сибирь, и, например, редактор «Заволжского муравья» М.С. Рыбушкин считал Казань городом сибирским, и впервые сибирская повестка была реализована именно в казанских изданиях, что дало повод В.С. Манассеину выпустить даже отдельную библиографию под названием «Сибирь в казанской периодической печати первой половины XIX столетия»³⁸.

Позднее, похожую роль играла казанская печать для Камско-Волжского региона, не совпадающего в границах сугубо с Казанской губернией. Итак, казанская пресса, оставаясь по месту выпуска казанской, по степени влияния и территориальной включённости в различные региональные сферы прессы далеко выходила за пределы одного города и одноимённой губернии. Всё это необходимо учитывать и иметь в виду при определении географических рамок. Отдельно нужно указать на симбирский и нижегородский филиалы «Казанского биржевого листка»; нижегородский филиал «Волжского вестника», также на сложную географию татарской печати, с входящими в неё казанскими татарскими изданиями, на перемещения провинциальных журналистов,

³⁸ Манассеин В.С. Сибирь в казанской периодической печати первой половины XIX столетия: серия: труды библиотеки Иркутского университета. № 1. Иркутск, 1927. 39 с.

менявших подчас до десятка городов. Эти и другие моменты являют собой дополнительные специфические характеристики географии казанских изданий, которые учитывались нами по ходу работы.

Научная новизна работы определяется, прежде всего, тем, что в ней впервые обосновывается и выдвигается периодизация казанской журналистики от момента её зарождения до 1918 года.

Также в настоящей работе впервые рассматривается и теоретически обосновывается влияние идейного направления и концепции «областничества» на развитие и спецификацию казанской журналистики второй половины XIX начала XX века. В работах предшественников идеи областничества соотносились лишь с «Камско-Волжской газетой» (1872-1874).

Теоретическая новизна работы, кроме вышеуказанных пунктов заключается также в том, что впервые казанская татарская журналистика рассматривается не только в контексте общетатарской литературно-просветительской и газетно-журнальной сферы, но и во взаимодействии с русской казанской сферой прессы, что позволило рассмотреть специфику местной татарской прессы на новых концептуальных основаниях, получить новые сведения и новые знания о функционировании системы татарской прессы, её включённости в городскую информационную среду и общественно-политическую повестку. Обосновывается концепция такого ракурса изучения казанской татарской прессы.

К *практической новизне* относится, в частности, то, что в настоящей диссертации многие данные по истории казанской печати впервые вводятся в научный оборот, впервые в контексте казанской журналистики рассматривается творчество ряда журналистов: С. Мельникова, А. Камкова, Ф. Целлинского и других, исследуется работа нижегородского и симбирского филиалов «Казанского биржевого листка», подробно разбирается участие казанской прессы в т.н. «Мултанском деле» и ряд других сюжетов.

Теоретическая значимость работы определяется тем, что в ней обоснована периодизация казанской журналистики до 1918 года, выявлены критерии периодизации и её принципы, определены те из них, которые являются закономерными в контексте всей российской провинциальной прессы этого периода, а также те, которые предопределили специфику казанской прессы. Обоснована концепция исследования татарской казанской прессы во взаимодействии с русской прессой г. Казани. Разработаны механизмы историко-журналистских исследований казанской прессы периода Российской империи.

Практическая значимость работы: заключается в возможности использовать результаты диссертации при разработке курсов по истории региональной печати, истории казанской прессы, истории Казани и казанского общества, истории татарской журналистики, татарской нации. Также полученные данные могут быть использованы при составлении различных справочников и библиографических указателей казанской прессы, для разработки экскурсий и туристических маршрутов, при составлении туристических путеводителей, для школьных уроков по истории родного края, для преподаваемых в вузах дисциплин, связанных с мастерством журналиста и публициста и др.

Личный вклад соискателя состоит в: выполненном лично автором поиске, обработке и интерпретации данных по истории казанской журналистики, полученных при проведённом непосредственно соискателем анализе первоисточников; также – в личном участии соискателя в апробации результатов исследования; в подготовке основных публикаций по выполненной работе и т.д.

Апробация: Различные аспекты работы были отражены в многочисленных докладах на конференциях (Москва, Санкт-Петербург, Ижевск, Ярославль,), монографии по истории казанской журналистики, написанные в ходе подготовки диссертации, получили положительную оценку научного сообщества и удостоились присуждения Международной «Невской премии» в номинации «теория» в области изучения журналистики и массовых коммуникаций,

был опубликован ряд статей в рецензируемых журналах, в т.ч. в журналах, рецензируемых ВАК. Кроме названных двух основных монографий по теме, частично проблематика провинциальной, в т.ч. казанской прессы, затрагивалась и в других моих исследованиях (см.: Бик-Булатов, 2010 и Бик-Булатов, 2018). По теме истории казанской журналистики мною был проведён ряд публичных лекций, а также экскурсия «Казанский университет и казанская пресса XIX века».

Положения, выносимые на защиту.

1. Основными периодами истории казанской русской журналистики мы считаем следующие:

I. 1758 – 1811. Формирование предпосылок для зарождения казанской журналистики;

II. 1811 – 1838. Ранняя казанская журналистика, «университетский» период казанской прессы;

III. 1838 (1843) – 1862. Период доминирования «Казанских губернских ведомостей» в информационном поле Казанской прессы.*

**1843 – год появления «Неофициального отдела» в «Казанских губернских ведомостях».*

IV. 1860-1870-е гг. – зарождение и оформление сферы частно-общественной казанской прессы.

Условно можно разделить по десятилетиям на 1860-е и 1870-е гг. 1860-е гг.: Период можно назвать переходным: от доминирования официальных – к частным независимым органам печати. 1870-е гг. Возникновение «Камско-Волжской газеты» и группы публицистов, так называемого «поволжского областничества». Оформление областнической парадигмы казанской журналистики.

V. 1880-1890-е гг. Функционирование казанской прессы в условиях проникновения торговых отношений и капитализации отрасли.

VI. 1900-1910-е гг. *Функционирование казанской печати в условиях политизации журналистики и одновременного существования русской и татарской прессы.*

2. *Университет явился центром зарождения и формирования казанской прессы* и в плане организации и учреждения всех без исключения изданий за первые двадцать пять её истории, и в связи с оформлением кадрового состава казанских журналистов и организацией цензурирования местной печати. «Университетоцентричность» отличает казанскую прессу от журналистики других регионов России.
3. *Наиболее влиятельным парадигмальным основанием казанской печати со второй половины XIX века становятся идеи так называемого «поволжского областничества»*, впервые оформившиеся в рамках концептуального обоснования «Камско-Волжской газеты» (1872-1874). Административному делению страны на губернии областники предпочитают другое – деление по географическим условиям и по порождаемым ими особенностям экономического быта. Это «неформальное» деление обеспечивается местным обществом, активно вовлекающимся в изучение и деятельное преобразование жизни края.
4. *В организации казанской журналистики ко второй половине XIX уже наблюдаются основные признаки системности*, центральными элементами которой были две основные (реже три) частные конкурирующие газеты, отдельный казанский цензор, сформированный рекламный рынок, налаженное взаимодействие газет с информагентствами. В систему местной печати входили также существующие всё это время официальные «Казанские губернские ведомости», издания Университета и Духовной академии. Многочисленные специальные издания, после 1905 года – татарские издания.

5. *Сформированные к началу XX века казанская русская и татарская сферы периодической прессы, оставаясь в целом независимыми одна от другой, взаимодействовали друг с другом.* Молодые татарские казанские издания входили в большей степени в татарскую медиасферу, существующую в своих географических и общественно-политических границах, однако наблюдается участие ряда татарских журналистов в русских казанских изданиях и наоборот. По обсуждаемой повестке дня, татарские казанские издания имели как национальную (общетатарскую), так и городскую (общеказанскую) повестку.

Структура работы:

Работа состоит из введения, пяти глав, заключения, приложения и списка источников и литературы. Структура каждой из глав диссертационного исследования обусловлена задачами исследования и согласуется с обосновываемой в диссертации общей периодизацией казанской прессы.

Глава I. Теоретические подходы к изучению истории провинциальной журналистики

1.1. Историография по провинциальной прессе Российской Империи

Историография российской печати, в том числе провинциальной, начинает формироваться в XIX веке. В первый период доминируют не строго научные, а научно-публицистические сочинения по истории журналистики, публиковавшиеся зачастую на страницах толстых журналов. Классическим примером может являться статья Н. Добролюбова о журнале екатеринского времени «Собеседник любителей русского слова», где история этого журнала, разбираемая подробно автором, соединяется с общественно-политическими воззрениями, исповедуемыми Добролюбовым и продвигаемыми им в журнале «Современник».

По истории провинциальной журналистики среди работ XIX века можно выделить следующие: Боричевский И.П. Обзорение губернских ведомостей с 1842 по 1847 гг. // Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1848–1851. Ч. 58, 59, 61, 63, 65, 67, 68, 69, 72; Боричевский И.П. Обзорение губернских ведомостей с 1848 по 1850 гг. // Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1852–55. Ч. 75, 76, 80, 83, 85; Глинский Б.Б. Русская периодическая печать в провинции // Исторический вестник. 1898. № 1; Дмитриев-Мамонов А. И. Начало печати в Сибири. 500 лет. СПб.: т-во «Худож. печати», ценз. 1900. Ряд работ выходил по отдельным газетам провинции.

В советский период изучение провинциальной журналистики выделилось в отдельное научное направление и шло уже довольно интенсивно, хотя и под определённым идеологическим углом. Отдельный кластер научных исследований, был посвящён такому типу изданий, как «губернские ведомости». Подробный обзор советской и постсоветской историографии по «губернским

ведомостям» предпринял В.В. Шевцов³⁹. Он классифицирует исследования, затрагивающие «губернские ведомости», разделяя их по нескольким группам:

- 1) советские исследователи, рассматривавшие «Губернские ведомости» в общем контексте истории провинциальной прессы (Е. П. Прохоров, А.В. Западов, А.М. Разгон, Б.И. Есин)⁴⁰;
- 2) советские исследования о «Губернских ведомостях» как первых газетах на национальных окраинах (Турарбеков, Хоруев, Ватейшвили, Махарадзе, Трубецкой)⁴¹;
- 3) советские обобщающие работы по сибирской журналистике (Л.С. Любимов, Л.Л. Ермолинский, Н.П. Матханова)⁴²;
- 4) современные обобщающие работы по истории провинциальной прессы (М.Н. Мохначева)⁴³;
- 5) истории отдельных «Ведомостей» в работах современных историков региональной журналистики (В. А. Павлов, А.А. Вахрушев, А.Н. Лихтин, А.В. Старых, П. Г. Немашкалов и др., упоминаются несколько десятков работ)⁴⁴;

³⁹ Шевцов В. В. «Губернские ведомости» в советской и постсоветской историографии: основные направления изучения // Вестник Пермского университета. Сер. История. 2013. № 3 (23). С.105—123.

⁴⁰ Прохоров Е. П. 1838 // Русская периодическая печать (1702-1894) : справочник. М., 1958; Западов А.В. История русской журналистики XVIII-XIX вв. М., 1963; Разгон А. М. Губернские ведомости // Советская историческая энциклопедия. М., 1963. Т. 4. Есин Б. И. Русская дореволюционная газета (1702-1917 гг.): краткий очерк. М., 1971.

⁴¹ Турарбеков З. Из опыта перевода дореволюционной казахской периодической печати (вторая половина XIX - начало XX в.): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Алма-Ата, 1966; Хоруев Ю.В. История печати на Тереке (1863-1907 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Махачкала, 1966; Ватейшвили Д.Л. Русская общественная мысль и печать на Кавказе в первой трети XIX в. М., 1973; Махарадзе Н.А. Первая русская газета на Кавказе (1828-1832). Тбилиси, 1975; Трубецкой Б.А. Из истории периодической печати Бессарабии (1854-1916 гг.). Кишинев, 1989.

⁴² Любимов Л.С. История сибирской печати. Иркутск, 1982; Ермолинский Л.Л. Сибирские газеты 70-80-х гг. XIX в. Иркутск, 1985; Матханова Н. П. Авторы и читатели сибирских губернских ведомостей в первые годы их издания // Книжное дело в Сибири (конец XVIII - начало XX в.). Новосибирск, 1991.

⁴³ Мохначева М.П. Журналистика и историческая наука: в 2 кн. М., 1999.

⁴⁴ Павлов В.А. Очерки истории журналистики Урала. Екатеринбург, 1992. Т. 1; Вахрушев А.А. Становление и развитие печати Вятской губернии (XIX - начало XX в.): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ростов н/Д, 1994; Лихтин А. Н. История газет российской провинции в процессе взаимоотношений с органами государственной власти (на материалах Оренбургского края XIX - XXI вв.): дис. ... канд. ист. наук. Оренбург, 2005; Старых А.В. Становление фельетона в русской провинциальной частной газете: газета «Оренбургский Листок» 1876-1879 гг.: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2010; Немашкалов П.Г. Издательское дело российской провинции в XIX - начале XX в. (на материалах Ставропольской губернии): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ставрополь, 2006. И др.

- б) группа работ о политических ссыльных как сотрудниках первых восточно-сибирских газет (Б.Г. Кубалов, В.Г. Карцев, А.В. Дулов)⁴⁵;
- 7) исследования о работе в «Губернских ведомостях» выдающихся представителей русской общественной мысли, литературы и науки (Н.Н. Баландина, А.Н. Иванов, С.А. Макашин)⁴⁶;
- 8) немногочисленная группа работ об изменении направления и содержания «Губернских ведомостей» в период Первой русской революции⁴⁷;
- 9) взаимоотношения «Губернских ведомостей» с цензурой и органами власти;
- 10) иностранные исследования;
- 11) «Губернские ведомости» как источник изучения локальной истории;
- 12) этнографические публикации в «Губернских ведомостях».

Некоторые исследования и подходы, в них развиваемые, обозреваются В. Шевцовым подробнее. Так, по его характеристике: «с использованием таких приемов из журналистского арсенала, как сенсация и разоблачение, о «Сибирских губернских ведомостях» пишет Ю.Л. Мандрика»⁴⁸; «Попытка изучения общественного движения на материале «Губернских ведомостей» впервые была предпринята Л.П. Бурмистровой⁴⁹, показавшей, как путем группировки и комментирования информационных заметок и фактов, сообщаемых «Гу-

⁴⁵ Кубалов Б.Г. А.И. Герцен и общественность Сибири. Иркутск, 1958; Карцев В.Г. М.В. Бугаевич-Петрашевский в период революционной ситуации конца 1850 - начала 1860-х гг. // Ученые записки Калининского государственного пед. института. Калинин, 1963. Т. 35; Дулов А. В. Общественно-политическая деятельность и эволюция взглядов петрашевцев в Сибири: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 1965.

⁴⁶ Баландина Н.Н. А.И. Герцен и «Владимирские губернские ведомости» // Ученые записки Владимирского педагогического института. Ковров, 1958; Иванов А.Н. Константин Дмитриевич Ушинский в Ярославле. Ярославль, 1963; Макашин С.А. Салтыков-Щедрин на рубеже 1850-1860 гг.: Биография. М., 1972.

⁴⁷ Примеры работ, вошедших в группы 8-12 см. в указанной статье В. Шевцова.

⁴⁸ См.: Шевцов В.В. Указ. соч. С.107.

⁴⁹ Бурмистрова Л. П. «Губернские ведомости» как исторический источник эпохи падения крепостного права (на материале Поволжья и Урала) : автореф. дис. ... канд ист. наук. Казань, 1968.

бернскими ведомостями» Казани, Самары и Саратова, революционно–демократическая печать («Современник» и «Колокол») получала возможность критиковать различные стороны российской провинциальной жизни»⁵⁰ и др.

Уже только один этот обзор исследований по «Губернским ведомостям», предпринятый В. Шевцовым, показывает, сколь многовекторный объект для изучения представляют собой провинциальные даже официальные «губернские ведомости». Поскольку совокупность «губернских ведомостей» создавалась как система официальной провинциальной печати, многие стороны в организации и характере этих газет так или иначе могли быть проявлены в изданиях разных регионов и дают хороший материал для научных исследовательских сопоставлений.

С конца XX века и по настоящее время в российском историческом журналистиковедении наблюдается всплеск работ по истории провинциальной печати. Среди наиболее заметных трудов отметим следующие: «Русская провинциальная частная газета» под редакцией Л.Е. Кройчика и Б.Ю. Мандрики⁵¹, вышедшая в пяти томах антология «Сибирский листок» В.К. Белобородова при участии Б.Ю. Мандрики⁵², «Тюменские губернские ведомости» В.В. Шевцова⁵³, «Журналистика города Томска» Н.В. Жилияковой⁵⁴, «Провинция газетная» В.Ф. Блохина⁵⁵, «Региональная печать Дона и Северного Кавказа» Е.В.

⁵⁰ Шевцов В.В. Указ. соч. С. 108.

⁵¹ Российская провинциальная частная газета / сост. Л. Е. Кройчик, под ред. Л. Е. Кройчика и Ю. Л. Мандрики. Тюмень: Мандр и К°, 2004. 431 с.

⁵² Сибирский листок: 1890—1894 / Сост.: В. К. Белобородов, Ю. Л. Мандрика. — Тюмень: Изд-во Ю. Мандрики, 2003; Сибирский листок: 1895—1900 / Сост.: В. К. Белобородов, Ю. Л. Мандрика. — Тюмень: Изд-во Ю. Мандрики, 2003; Сибирский листок: 1901—1907 / Сост.: В. К. Белобородов, Ю. Л. Мандрика. — Тюмень: Изд-во Ю. Мандрики, 2003; Сибирский листок: 1908—1911 / Сост.: В. К. Белобородов, Ю. Л. Мандрика. — Тюмень: Изд-во Ю. Мандрики, 2003; Сибирский листок: 1912—1919 / Сост.: В. К. Белобородов, Ю. Л. Мандрика. — Тюмень: Изд-во Ю. Мандрики, 2003.

⁵³ Шевцов, В.В. «Томские губернские ведомости» (1857–1917 гг.) в социокультурном и информационном пространстве Сибири (вторая половина XIX – начало XX века) / В.В. Шевцов. – Томск : Томский государственный университет, 2012. – 414 с.

⁵⁴ Жилиякова, Н.В. Журналистика города Томска (XIX – начала XX века): становление и развитие / Н.В. Жилиякова. – Томск : Изд. Том. ун-та, 2011. 446 с.

⁵⁵ Блохин В.Ф. Провинция газетная: Государственное управление периодической печатью и становление газетного дела в российской провинции (1830-е – 1870-е гг.). Брянск, 2009. 384 с.

Ахмадуллина и А.И. Станько⁵⁶, диссертацию О.И. Лепилкиной «Структурно-типологическая трансформация системы русской провинциальной прессы в XVIII – начале XX вв.»⁵⁷. и др.

Из работ по истории журналистики соседних с Казанской губернией регионов отметим трилогию М.И. Роднова об уфимской прессе⁵⁸; труд Т.Н. Масальцевой по истории пермской журналистики⁵⁹; двухтомник В.А. Павлова по уральской журналистике⁶⁰; «Историю Симбирской-Ульяновской журналистики в фактах, документах, воспоминаниях (1838-2017)»⁶¹, монографию А.П. Леонтьева по единственной дореволюционной газете на чувашском языке «Хыпар»⁶², отдельные статьи по истории Самарской журналистики⁶³.

Особо тесные связи сложились у деятелей казанской журналистики XIX века с писателями и изданиями нижегородской губернии и сибирским регионом.

Говоря о казанско-нижегородских журналистских связях, можно упомянуть, что в конце XIX века существовал даже проект создания «Общества провинциальных литераторов Волжско-Камского края», инициированный журналистами Казани и Нижнего Новгорода. В Нижнем Новгороде в это время работал филиал газеты «Казанский биржевой листок», говорили даже о «казан-

⁵⁶ Региональная печать Дона и Северного Кавказа XIX – начала XX вв. / Е. В. Ахмадулин, А. И. Станько ; Южный федеральный университет. – Ростов-на-Дону : Издательство Южного федерального университета, 2014. – 372 с.

⁵⁷ Лепилкина О. И. Структурно-типологическая трансформация системы русской провинциальной прессы в XVIII — начале XX вв.: дис. ... докт. филол.наук. Ростов н/Д.2011. 429 с.

⁵⁸ Книги М.И. Роднова: I. «У истоков уфимской прессы, вкуче с прогулками по старинной Уфе и просторам Башкирии»; II. «Судьба редактора»; III. «Свет из Петербурга» - издавались в Уфе, в 2009-2010-х гг. (см. по списку литературы).

⁵⁹ Масальцева Т.Н. История Отечественной журналистики: периодическая печать Пермской губернии XIX – начала XX века. Пермь, 2017. 171 с.

⁶⁰ Павлов В. А. Очерки истории журналистики Урала: в 2 т. Свердловск; Екатеринбург, 1992–1995.

⁶¹ История Симбирской-Ульяновской журналистики в фактах, документах, воспоминаниях (1838-2017) / сост. В. А. Лучников. – Ульяновск: Печатный двор, 2017. 361 с.

⁶² Леонтьев А.П. «Хыпар»: минувшее и настоящее. Факты. События. Личности. Судьбы. Чебоксары: Изд. дом. «Хыпар», 2011. 640 с.

⁶³ См. об этом: Морозова К.И. Источники изучения самарской прессы конца XIX – начала XX в.: к постановке проблемы//Поволжский педагогический вестник, 2018. Т.6. №1.С. 107 – 111. Некоторые заходы в проблему изучения самарской дореволюционной периодики сделаны и нами в статье: Бик-Булатов, А.Ш. Алексеев Пешков—редактор «Самарской газеты» // Вопросы литературы.2020 №4.С. 128–139.

ской фракции писателей» в Нижнем Новгороде. Ключевой работой, объединяющей в единый дискурс историю журналистики двух областей, является монография Е.В. Курбаковой⁶⁴.

Труд Елены Владимировны – это, пожалуй, первая попытка обобщённо представить историю казанской журналистики за 100 лет. Однако мы уже отмечали, что, во-первых, это объединение под одной шапкой казанской и нижегородской печати, несмотря на все существующие между журналистикой двух регионов связи, представляется нам всё же несколько «натянутым», т.к. некоторые феноменальные особенности именно казанской печати остались вне поля зрения исследователя (например, практически вовсе не затронуто участие в казанской информационной сфере татарских изданий). Осталась втуне и фактически без внимания исследователя важнейшая в истории казанской журналистики «Камско-Волжская газета», а также факты открытия в Нижнем Новгороде филиалов «Казанского Биржевого листка» и «Волжского вестника», проекта по созданию объединения публицистов двух регионов. В основном это вызвано особенностями авторской периодизации истории казанской журналистики, предложенной Е.В. Курбаковой.

Ещё раз отметим: многие важнейшие сюжеты из истории казанской журналистики были впервые обнародованы и изучены Еленой Викторовной Курбаковой, внесшей значительный вклад в разработку истории казанской журналистики. Чуть ниже мы подробнее остановимся на теме периодизации провинциальной, и конкретно, казанской журналистики, где, в частности, выразим своё отношение и к версии, предложенной Еленой Владимировной.

Говоря об особых связях Казани с Сибирью, мы уже приводили некоторые факты: в 1927 году В.С. Манассеин выпустил отдельную библиографию под названием «Сибирь в казанской периодической печати первой половины XIX столетия», опираясь именно на эти связи и обосновывая их. А редактор

⁶⁴ Курбакова Е.В. История казанской и нижегородской прессы 1811-1917 гг.: власть и общественные настроения российской провинции: Монография. Нижний Новгород: Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, 2008. 375 с.

«Заволжского муравья» (1832 – 1834) М.С. Рыбушкин и вовсе считал Казань – первым сибирским городом. Но и во второй половине XIX совершенно особую роль в истории казанской журналистики играли сибиряки. Так, идейными руководителями лучшей казанской газеты второй половины столетия – «Камско-Волжской газеты» – были знаменитые сибирские «областники» Г.Н. Потанин и Н.М. Ядринцев. Газета эта, несмотря на свою недолговечность (выходила в 1872 – 1874 гг.), повлияла на всё дальнейшее развитие казанской журналистики и должна быть вписана в ряд других, преимущественно сибирских изданий, возглавлявшихся, либо курировавшихся Г.Н. Потаниным и Н.М. Ядринцевым. В этой связи, история сибирской журналистики представляет значительный интерес для историков журналистики казанской. Основные монографии по истории сибирской журналистики, это: Гольдфарб С. И. Газетное дело в Сибири: первая половина XIX – начало XX в. Иркутск, 2002; Любимов Л. С. История сибирской печати. Иркутск, 1982; Ермолинский Л. Л. Сибирские газеты 70– 80-х годов XIX в. Иркутск, 1985; Мандрика Ю. Л. Неофициальная часть губернских ведомостей как тип провинциального издания (на материале «Тобольских губернских ведомостей»). Воронеж, 2004; Жиликова Н. В. Журналистика города Томска (XIX – начало XX века): становление и развитие. Томск, 2011; Шевцов В. В. «Томские губернские ведомости» (1857-1917 гг.) в социокультурном и информационном пространстве Сибири. Томск, 2012. и др. (см. в списке литературы).

Кроме географической общности, с некоторыми регионами у Казани наблюдалась также общность профессиональной среды, в недрах которой начинала своё существование пресса в данном административно-территориальном подразделении России. В зарождении журналистики в Казани выдающуюся, определяющую роль сыграл Казанский университет. Лишь немногие регионы России XIX века имеют похожую историю прессы. Пожалуй, наиболее близкий пример представляет собой харьковская журналистика. Из клас-

сических исследований, ей посвящённых, назовём работы: Багалея Д. И., Миллер Д. П. История харьковской журналистики // Багалея Д. И., Миллер Д. П. История города Харькова за 250 лет его существования (1655—1905): в 2 т. Х., Харьков: 1912. Т. 2. С. 780–791; Животко А. Історія української преси. К.: Наша культура і наука, 1999. 368 с.

Современный исследователь провинциальной прессы XVIII–XIX веков О. И. Лепилкина, подчёркивает, что среди всех университетских городов в деле организации прессы – «наиболее продуктивным был Харьковский университет, при котором (или сотрудниками которого) издавались «Харьковский еженедельник» (1812), «Харьковский Демокрит» (1816), «Украинский вестник» (1816–1819), «Харьковские известия» (1817–1823), «Украинский домовод» (1817), «Труды общества наук» (1817), «Опыты в словесности воспитанников благородного пансиона Г. Коваленкова в Харькове» (1823), «Украинский альманах» (1831), «Брошюрки» (1830–1833), «Утренняя звезда» (1833), «Запорожская старина» (1833–1838), «Минерва» (1835), «Надежда» (1836 г.). Важным является и тот факт, что харьковские издания представляют собой апробацию разных типов периодических изданий. Среди них есть научный, литературный, сатирический, сельскохозяйственный журналы, еженедельная деловая газета, литературный альманах»⁶⁵.

Казанский университет, создал хотя и не такую разветвлённую, но тоже значительную сеть изданий. Назовём среди них газету «Казанские известия», журнал «Казанский вестник» и «Прибавления к «Казанскому вестнику», «Труда общества любителей отечественной словесности», журнал «Заволжский муравей», «Учёные записки», ряд студенческих рукописных журналов. Сравнение изданий начала XIX века, центровавшихся вокруг двух крупнейших провинциальных университетов, может иметь научную перспективу.

⁶⁵ Лепилкина О.И. Этап дискретности в формировании провинциальной прессы в Российской империи (1786–1837 гг.) // RELGA: научно-культурологический электронный журнал, № 6 [224] от 01.04.2011. Эл. ресурс: URL: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=2889&level1=main&level2=articles>. – Режим доступа: свободный. – 01.11.2021.

В целом, можно уже констатировать, что в большинстве российских регионов, а также некоторых соседних странах (напомним, в XIX веке в Российскую Империю входило также ещё некоторое количество губерний и областей, представленных на современной политической карте в качестве независимых государств) за последние тридцать лет были выпущены книги и монографии по истории местной журналистики. Делались попытки обобщения опыта российской провинциальной прессы.

Среди научных трудов последнего времени, изучающих функционирование провинциальной журналистики до 1917 года в целом, как системы, ключевое значение имеет диссертационное исследование Ольги Ивановны Лепилкиной «Структурно-типологическая трансформация системы русской провинциальной прессы в XVIII-начале XX вв.»⁶⁶.

Ольгой Ивановной была предложена периодизация периодической печати России до 1917 года. Забегая несколько вперёд, скажем, что разработанная нами периодизация казанской журналистики, которую мы представили в общих чертах в нашем монографическом исследовании по истории казанской прессы и окончательно уточняем и формулируем в ходе настоящего диссертационного сочинения, неплохо ложится на модель, предложенную О.И.Лепилкиной, конечно, с учётом всех уточнений, вызванных конкретными условиями (географическими, экономическими, политическими, литературно-общественными, национальными и др.) казанского региона.

Позже мы подробнее поговорим о периодизации казанской журналистики, которую мы предлагаем, пока же попробуем приложить модель О. И. Лепилкиной на нашу казанскую ситуацию.

Ольгой Ивановной предлагается следующая периодизация истории провинциальной журналистики в России:

⁶⁶ Лепилкина О. И. Структурно-типологическая трансформация системы русской провинциальной прессы в XVIII — начале XX вв.: автореф. дис. ... докт. филол.наук. Ростов н/Д.2011.

«Этап дискретности, основной характеристикой которого была апробация разных типов изданий (1786-1837); этап создания и функционирования монотипологической структуры, характеризующийся доминированием губернских ведомостей (1838-1858); этап становления многокомпонентной децентрализованной структуры провинциальной периодики (1859-1904); этап преобразования системы провинциальной периодической печати, характеризующийся приоритетностью общественно-политических изданий как ее структурообразующего компонента (1905-1917)»⁶⁷.

В Казани первый этап существования прессы начинается с 1811 года, основания газеты «Казанские известия». Первые 25 лет вся журналистика в городе концентрировалась при университете, а новый период начнётся с основания «Казанских губернских ведомостей» в 1838 году. Как видим, начало второго этапа в Казани совпадает в границах с общероссийским в версии О.И. Лепилкиной.

Но на самом деле, уже с 1758 года – времени основания Первой Казанской гимназии, начинают складываться предпосылки для организации прессы в Казани. Появляются первые публицисты, даже проводится первая подписная кампания для газеты «Московские ведомости», появляются книжные точки, первые опыты театра, публичные литературные слушания при гимназии, первый частный литературный кружок. «В этой-то гимназии, – говорит один из казанских публицистов 50-х годов XIX уже века, – наше общество сошлось лицом к лицу с европейской образованностью того времени: академические речи, мифологические образы Аллолона и Муз – одна из самых характеристических принадлежностей литературы XVIII столетия, наконец, что всего важнее, театральные представления, на которых разыгрывались комедии Мольера и трагедии Сумарокова, – все это жители Казани в первый раз услышали и увидели в стенах гимназии»⁶⁸.

⁶⁷ Лепилкина О.И. Структурно-типологическая трансформация системы русской провинциальной прессы в XVIII – начале XX в. : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Ростов-на-Дону, 2011. С. 9.

⁶⁸ Казан. Губ. Вед. 1857. № 8. С. 73.

В целом, если учитывать этот предварительный этап вместе с собственно, первым, с основания «Казанских известий», можно говорить о том, что два начальных периода истории казанской журналистики полностью вписываются в границы, обозначенные О. Лепилкиной как первый этап для истории общероссийской провинциальной печати, и даже несколько превосходят их, имея в виду год основания гимназии – 1758-ой.

Для Казани – собственно, первый период прессы (с 1811) уже не был, по существу, этапом дискретности, но этапом университетской журналистики. А период-предтеча – с 1756 по 1811 – связан с предпосылками зарождения журналистики в Казани.

Второй этап по Лепилкиной – практически полностью описывает ситуацию Казани и может быть названным точно так же: «Этап создания и функционирования монотипологической структуры, характеризующийся доминированием губернских ведомостей». Граница этого этапа для Казани будет несколько сдвинута – до конца 1861 года (по сравнению с 1858, обозначенным Ольгой Ивановной), после кончины редактора А.Ф. Михайлова, и вскоре за ним А.А. Камкова.

Следующий этап – самый длинный в периодизации О.И. Лепилкиной: «Этап становления многокомпонентной децентрализованной структуры провинциальной периодики (1859-1904)». В Казанском случае – предпочтительнее разделить его на три более мелких периода: 1860-е⁶⁹ – упадок «Казанских губернских ведомостей» и появление первых частных, но фактически ещё полуофициальных газет промежуточного типа. 1870-е⁷⁰ – появление «областной» «Камско-Волжской газеты», надолго задавшей областнический тренд

⁶⁹ Верхней границей периода может быть 1862 – год вступления в должность редактора «Казанских губернских ведомостей» Н. Вячеслава; нижней границей – 1872 – основание «Камско-Волжской газеты».

⁷⁰ Верхняя граница: 1872 – основание «Камско-Волжской газеты»; нижняя граница – дек. 1881: основание газеты «Волжско-Камское слово».

для казанской прессы. 1880-1890-е⁷¹ – здесь и происходит складывание той самой децентрированной системы, обозначенной О.И. Лепилкиной в общем названии этапа в истории российской провинциальной прессы, и постепенная коммерциализация сферы прессы и журналистики г. Казани.

Последний этап, выделенный О.И. Лепилкиной, по нашему мнению, вполне характерен и для казанской печати: этап преобразования системы провинциальной периодической печати, характеризующийся приоритетностью общественно-политических изданий как ее структурообразующего компонента (1905-1917). Спецификой Казани стало появление в этот период татароязычной журналистики, у которой, помимо её частичного вхождения в казанскую сферу прессы, есть и собственная периодизация, не связанная с общероссийской так тесно, как это имеет место у русскоязычной журналистики Казани.

Как уже упоминалось, свой вариант периодизации истории казанской журналистики предложила Е.В. Курбакова. Здесь нужно оговориться, что полное название монографии Елены Владимировны – «История казанской и нижегородской прессы 1811 – 1917: власть и общественные настроения российской провинции». То есть вся история прессы двух областей рассматривается через призму одной постоянно присутствующей в повестке, но с течением времени и на разных этапах развития местных обществ – меняющейся по своему характеру темы: взаимоотношение власти и журналистики.

С одной стороны, это даёт нам возможность почувствовать процессуальность, увидеть историю журналистики не в статике, а в динамике, не просто историю отдельных изданий, но функционирование всей системы печати. С другой же стороны – это всё-таки не вся журналистика, а лишь определённый её вектор и тематический раздел. Вряд ли уместно выстраивать периодизацию

⁷¹ Верхняя граница: дек. 1881 г. – основание «Волжско-Камского слова»; нижняя граница: 1898 – закрытие газеты «Камско-Волжский край».

всей истории прессы отдельного региона, основываясь лишь на динамике развития отношений медиа и власти.

Процессуальное изучение истории журналистики – одна из волнующих задач для историков журналистики. Разработке исследовательских подходов в этом направлении посвящены, в частности монографии автора настоящей диссертации 2010 и 2017 годов. Название монографии 2010 года по своей конструкции напоминает труд Е.В. Курбаковой: «История отечественной публицистики: дискурсы нигилизма»⁷².

Принципиальна в труде 2010 года была замена «журналистики» на «публицистику», то есть в центре исследовательского внимания для автора монографии находились тексты (а не, например, тенденции журналистики или характер изданий), но именно: тексты, рассматриваемые процессуально, то есть как некая делящаяся во времени «история публицистики». Этот «процесс» текстов показывался через смену дискурсов о нигилизме. В качестве агентов дискурсов могли выступать как отдельные публицисты, так и целые издания. И в этом смысле, монография эта, как и следующая (образы духовенства) могла претендовать на то, чтобы быть своеобразной иллюстрацией к истории отечественной журналистики, показывающей её как борьбу различных сил, а в том числе, раскрывающая дополнительные обстоятельства, приводившие к смене дискурсов (политическую обстановку, яркие литературные произведения, общественную ситуацию и др.).

В 2017 году, во второй из названных монографий следовало такое авторское пояснение: «Исследовательский подход, который я апробировал еще на стадии кандидатской диссертации и монографии 2010 г., заключается в том, что одним из продуктивных способов осмыслить историю русской публицистики и путей ее развития является изучение постепенного становления и

⁷² Бик-Булатов А.Ш. История отечественной публицистики XIX - XX веков: дискурсы нигилизма. - Казань: Казан. гос. ун-т, 2010. 292 с.

трансформации в работах различных авторов одной из ее важных тем, выраженной через образ либо метафору, достаточно многозначную, при этом продолженную во времени и взаимодействующую с важнейшими дискурсами, включенную в орбиту многих актуальных вопросов»⁷³.

Позиция Е.В. Курбаковой представляется в чём-то близкой, также нацеленной на показ процессуальности, хотя речь в её монографии ведётся как раз о тенденциях и характере отношений в журналистике, нежели о текстах публицистики и дискурсах. Однако, в нашем случае – мы подчёркивали именно дополнительную, добавочность дискурсного подхода по отношению к традиционным способам презентации истории журналистики (ср.: «предложенный мной подход позволяет некоторым образом ощутить, почувствовать эту процессуальность и в дополнение к традиционным способам изучения публицистики помочь исследователям лучше понять некоторые закономерности ее развития»⁷⁴).

Нами отнюдь не предполагалось, например, строить на основе дискурсного подхода общую периодизацию истории публицистики или журналистики. Общие взгляды на тему периодизации истории отечественной журналистики были выражены нами в статье «Концептуализация истории отечественной журналистики на современном этапе (методологический аспект)»⁷⁵. Проведя там обзор некоторых подходов к проблеме, предложенных современными учёными, историками журналистики⁷⁶, далее мы выдвигаем нашу собственную модель периодизации, основанную на сменах институционализаций журналистики, происходивших от периода к периоду (ср.: «По нашему мне-

⁷³ Бик-Булатов А.Ш. Образы и типы православного духовенства в русской журналистике XIX - начала XX века. СПб.: Дмитрий Буланин, 2018. С. 20 – 21.

⁷⁴ Там же. С.21.

⁷⁵ Бик-Булатов А. Ш. Концептуализация истории отечественной журналистики на современном этапе (методологический аспект)// Ученые записки Казанского университета. Сер. : Гуманитарные науки. 2012. Т. 154, № 6. С. 169 – 179.

⁷⁶ В статье обозреваются подходы А.Г. Беспаловой, Н.М. Тобольцевой, Р.П. Овсепяна, М.М. Ковалёвой, Л.М. Макушина и др.

нию, в основе периодизации журналистики в первую очередь должен быть ответ на вопрос, что представляла собой журналистика в тот или иной период»⁷⁷).

Вторым фактором определения периодизации в той же статье мы называем тематику и характер освещения проблем⁷⁸. Характер освещения определяется многими параметрами: степенью гласности и свободы слова в разные эпохи, допуском или отсутствием политики в журналистике в тот или иной период, самоопределением журналистики, преобладающими типами изданий, аудиторией журналистики и др. Конечно, каждый из названных факторов – может быть в свою очередь положен в основу различных концепций периодизации журналистики. При этом институционализация журналистики – остаётся, на наш взгляд, главным фактором в этом ряду.

Вернёмся теперь к периодизации казанской (и нижегородской) прессы по параметру «взаимоотношения власти и прессы», предложенному Е.В Курбаковой. Вот эти этапы:

Первый этап: конструктивное сотрудничество прессы с местным самоуправлением (1811 г. – конец 1880-х гг.)

Второй этап: появление в провинциальной прессе деструктивной критики местных властей (начало 1890-х гг. - конец 1905 г.)

Третий этап: победа экстремистских настроений (конец 1905 г. – 1917 г.)⁷⁹.

Далее в монографии обзорно рассматривается казанская и нижегородская пресса для каждого из трёх этапов. Преобретшая особенно к последнему году издания известную остроту и местами носившая яркий обличительный характер (насколько это было возможно в условиях цензурных), «Камско-

⁷⁷ Бик-Булатов А.Ш. Концептуализация... С. 177.

⁷⁸ Указ. соч. С.178.

⁷⁹ См. в: Курбакова Е.В. История казанской и нижегородской прессы 1811-1917 гг.: власть и общественные настроения российской провинции: Монография. Нижний Новгород: Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, 2008. Первый этап – С. 164 – 182; Второй этап – С. 182 – 197; Третий этап – С. 197 – 228.

Волжская газета» (1872 – нач. 1874), хронологически относящаяся к первому этапу по модели Е.В.Курбаковой, лишь частично вписывается в формулу «конструктивное сотрудничество прессы с местным самоуправлением», не поэтому ли в параграфе о казанских изданиях первого этапа об этой газете всего несколько слов: «С дискуссии со столичной «Неделей» начала свое существование казанская «Камско-Волжская Газета». На протяжении всего существования газеты коллектив публицистов утверждал роль и значение местного самоуправления, настраивал читателей на проявление общественной активности во всех, относящихся к жизни местного сообщества, ситуациях»⁸⁰. На этом разговор о газете заканчивается.

Для сравнения, 4 полнокровных абзаца далее посвящено Е.В. Курбаковой газете С.М. Шпилевского «Волжско-Камское слово» (1881-1882)⁸¹, представлявшей собой в значительной степени совместный проект представителей лояльного общества и либеральной в то время губернской администрации. Между тем, влияние двух поименованных выше газет на дальнейший ход истории казанской журналистики несопоставимо. Течение, сложившееся в связи с «Камско-Волжской газетой» (упомянутой Е.В. Курбаковой вскользь), стало одним из магистральных в Казанской журналистике, и имело своих продолжателей, помнящих о своей журналистской родословной вплоть до 1918 года, тогда как «Волжско-Камское слово» вскоре было прочно забыто.

Не нашлось в этой главе места и «Казанским губернским ведомостям», видимо, как представляющим не общество, а саму казанскую власть, и поэтому выходящую за рамки исследовательского объекта? Но и в этом случае, невключение «Казанских губернских ведомостей» в обзор небесспорно⁸².

⁸⁰ Указ. соч. С. 167 – 168.

⁸¹ Там же. С. 168 – 169.

⁸² Одной из особенностей именно «Казанских губернских ведомостей» в 1840 – 1850-е гг. по сравнению с другими по России изданиями этого рода, была тесная связь редакторов этой газеты с университетом, т.е. с казанским культурным и интеллигентным обществом, что и выдвинуло её в глазах многих на лидирующие позиции среди всех российских «Губернских ведомостей», сохранилось несколько печатных высказываний на этот счёт от разных экспертов, которые мы приводили в монографии.

На этих примерах видно, что периодизацию Елены Викторовны Курбаковой можно использовать как дополнительную по выбранному параметру, но не основную для истории казанской журналистики. Нужно также уточнить критерии «конструктивности», «деструктивности», вынесенные исследователем в качестве основы этапизации прессы.

1.2. Проблема периодизации истории журналистики как предмет научной дискуссии: обзор подходов.

Проблема периодизации и её основания для истории отечественной журналистики – одна из обсуждаемых в современной науке. Прежние, выработанные в советское время критерии периодизации, основанные на ленинских представлениях о стадиях развития революционного движения в России, подвергаются переосмыслению в современных научных работах. Существенную оговорку делает проф. Е.В. Ахмадулин: «Некогда «стройная система» развития журналистики в связи с этапами освободительного движения подвергается критике и коренному пересмотру, но подспудно сохраняет некоторые свои позиции в оценках изданий и публицистов («революционно-демократический», «буржуазный», «черносотенный» и т.п.)⁸³.

С некоторой долей скепсиса высказывается он о новых подходах («по царям, по взаимоотношениям власти с прессой, по типологическим приоритетам, по десятилетиям» и т.д.). Сам же профессор Е. В. Ахмадуллин называет себя приверженцем системного подхода в вопросе периодизации истории журналистики. «Российская журналистика, как и всякая иная, является сложной социальной системой и зависит от изменения системоформирующих факторов этой системы»⁸⁴.

⁸³ Ахмадулин Е.В. Проблемы методологии системного исследования истории отечественной журналистики. // Известия ЮФУ: филологические науки. 2009. № 1. С.119.

⁸⁴ Там же.

Такая позиция, однако, приводит исследователя к такому, например, выводу: «... петровские «Ведомости» не только не стали родоначальниками российской журналистики, но и периодическим изданием как таковым, с присущими ему атрибутами»⁸⁵. Тезис, на наш взгляд довольно спорный, но его опровержение выходит за тематические рамки нашей работы, и нуждается в специальной статье. Мы упоминаем об этом примере для того лишь, чтобы ещё раз проиллюстрировать: вопросы периодизации очень сложны и неоднозначны, и могут подчас приводить исследователей к весьма своеобразным заключениям.

Само же требование системности в исследованиях по истории журналистики, безусловно, мы поддерживаем. Впервые его высказал и концептуализировал в своих работах Борис Иванович Есин, не единожды утверждавший: «... Нужны целостные исследования, в которых журналистика рассматривалась бы... как развитие целостной, функциональной системы и её составных частей»⁸⁶. Он же дал и первое определение системы печати: «Под системой печати мы понимаем не просто сумму всех изданий с существующей между ними субординацией, а точное представление обо всех типах периодических изданий данного времени, обеспечивающих полноту информации данного общества. Система печати — понятие историческое. Складывается оно под влиянием потребности в средствах управления, информации, пропаганды и агитации в обществе, зависит от технических возможностей, состояния читательской массы и развития самой журналистики как особой сферы человеческой деятельности»⁸⁷.

В статье Е. В. Ахмадулина⁸⁸ делается обзор ещё ряда концептуальных определений системы печати (В.Г. Афанасьева, Е.П. Прохорова, С.Я. Махониной, А. И. Станько, Е.А. Корнилова, М.М. Ковалёвой). Нас же, в контексте

⁸⁵ Указ. соч. С.126.

⁸⁶ Есин Б. И. Русская дореволюционная газета (1702-1917 гг.): задачи и теоретико-методологические принципы изучения. М., 1981. С.7.

⁸⁷ Там же.

⁸⁸ Ахмадулин Е.В. Проблемы методологии системного исследования истории отечественной журналистики. // Известия ЮФУ: филологические науки. 2009. № 1.С.118 – 129.

нашего исследования, вполне удовлетворяет определение Б.И. Есина. Нам представляется, что предложенная нами периодизация, как отечественной, так и узко: казанской журналистики – вполне соответствует комплексному системному подходу, о котором напоминают названные теоретики журналистики.

Говоря о традиционной, ещё советской периодизации, В. Шевцов показывает, как её приверженцы характеризовали и рассматривали в этом контексте провинциальные «губернские ведомости»:

«История провинциальной печати выстраивалась советскими историками в соответствии с тремя этапами общественного движения в России. «Губернские ведомости» вписывались в первый, дворянский, этап, главными изданием которого был «Колокол» А.И. Герцена, редактировавшего и «Прибавление к «Владимирским губернским ведомостям»». На буржуазно-демократическом этапе отмечалось участие в неофициальных частях «Ведомостей» представителей разночинного демократического лагеря, передовых литераторов и деятелей науки. На пролетарском этапе «Ведомостям» уже не было места: они относились к органу реакционно-охранительного лагеря. В статье Е.П. Прохорова, в справочном издании по дореволюционной печати, «Губернские ведомости» оценивались как выражавшие официальную точку зрения и выступавшие проводником правительственной идеологии. О факте издания «Губернских ведомостей» сообщалось в «Истории русской журналистики» А.В. Западова. В справочной статье А.М. Разгона в «Советской исторической энциклопедии» проект местной правительственной печати получал идеологическую нагрузку: «Введение губернских ведомостей на местах совпало с репрессивными мерами против передовой печати». О сотрудничестве с «Иркутскими губернскими ведомостями» политических ссыльных и местной разночинной интеллигенции упоминалось в обобщающем издании по истории Сибири. Идеологическое назначение неофициальной части «Ведомостей» под-

черкивал А.И. Станько: «...под прикрытием официальной гласности воздействовать на умы провинциальных читателей в монархическом духе»...»⁸⁹. И т.д.

Итак, мы видим, что способ периодизации мог влиять и на включение/не включение тех или иных изданий в орбиту научного рассмотрения. Говоря здесь о «Казанских губернских ведомостях» в контексте предложенной нами периодизации, укажем, что особенное значение для Казани они имели в период 1843-1861 (редакторы последовательно: Соколов, Второв, Артемьев, Березин, Немиров, Титов, Михайлов, Камков), т.е. – третий этап в предложенной нами периодизации. Далее, значение «Казанских губернских ведомостей» падает при редакторе Н. Вячеславе (1862-1867). Последние попытки оживить газету делаются при редакторах С.М. Шпилевском (1868) и затем при Н.Ф. Юшкове (1870-1890-е гг.), но газета уже не имеет такого большого значения в общей системе казанской печати и рассматривается в нашей монографии лишь изредка, ситуативно.

Если же говорить в целом о периодизации провинциальной прессы (а не только о «губернских ведомостях»), то в общих чертах, как уже было сказано, наиболее близкий нам вариант предложила профессор О.И. Лепилкина. При этом мы выработали собственные предложения в поиске критериев для периодизации провинциальной печати.

Мы считаем, что главным основанием для выделения этапов развития провинциальной журналистики может служить доминирование в те или иные эпохи разных типов учредителей изданий, что соответствует нашей идее о сменах институционализаций журналистики, положенной нами в основу периодизации истории уже всей отечественной журналистики (см. выше ссылки на нашу статью «Концептуализация... etc.»).

⁸⁹ Шевцов В. В. «Губернские ведомости» в советской и постсоветской историографии: основные направления изучения // Вестник Пермского университета. Сер. История. 2013. № 3 (23). С.105.

В первый большой этап провинциальной прессы (до 1838 года) учредителями в Казани в основном становились университеты или представители университетской корпорации (профессора), представители иных учебных заведений, духовных академий и т.д., члены литературных кружков и обществ.

Во второй – доминирует созданная на государственном уровне официальная провинциальная печать (система «губернских новостей», работающих при губернских управлениях).

Далее создаётся разветвлённая система печати, центральное место в которой занимают частные издания, создававшиеся группами демократической интеллигенции. После 1880-х годов всё большую роль в издании газет начинает играть рыночный фактор. На роль учредителей приходят также крупные и средние бизнес-компании.

После 1905 года – сюда добавляется печать политических партий.

Конечно, необходимо соотносить историю местной печати с общими периодами развития отечественной журналистики, некоторые процессы в провинции происходят со сдвигом на десять лет относительно тенденций в столичной журналистике.

Ещё из важных уточнений. Профессор Б.И. Есин (1922 – 2016) в одной из последних своих работ ставил вопрос о том, что в работах по истории провинциальной печати последнего времени «подчас недостаточно ясно раскрывают роль местной печати в развитии сознания великой общности страны, населяющего её народа, понимания единства с общерусским национальным содержанием, сложившимся менталитетом»⁹⁰. Действительно, не только на выработку регионального самосознания, но и общероссийского работала местная печать, и прав был уважаемый Борис Иванович, утверждая, что «вопрос о воспитании у местного читателя восприятия страны как великой и единой ве-

⁹⁰ Есин Б. И. Реплика к последним трудам по истории русской региональной печати России // Век информации. 2017. № 3. С.126.

личины заслуживает отдельного внимания». Учёный даже взволнованно призывает: «Не должны авторы откладывать его, относя к задачам «будущего» исследования. Это нужно сейчас!»⁹¹.

По тем примерам, которые приводит в этой статье Борис Иванович, видно, в чём он видит некоторую угрозу идеологического характера в современных работах по истории провинциальной журналистики: некоторую скрытую апологетику автономизации отдельных областей, противопоставления регионального сознания общерусскому. Особенно в этой связи Б.И. Есин остаётся на работах по сибирской журналистике, неизменно имеющих дело с феноменом так называемого сибирского областничества: «В книге Н.В. Жиликовой есть целая глава о «сибирофильстве», «сибирском сепаратизме», даётся анализ полемики вокруг этого явления... <в послесловии этой книги пишется, что> полемика «стала мощным фактором формирования регионального самосознания». Только это, конечно, совсем не так. Poleмика способствовала выработке и общерусского сознания, независимо от того, кто тогда ситуационно был больше прав»⁹².

Областничество, в том числе под влиянием сибирских публицистов – стало одним из важнейших направлений в Казанской журналистике второй половины XIX первых десятилетий XX века. На самом деле, и сами казанские публицисты того времени протестовали против возможных обвинений их в сепаратизме, и отделении от общерусского культурно-политического контекста.

Ещё на следствии, в 1865 году, лидер сибирских «областников» Г. Потанин пояснял: «Сепаратизм есть только направление местного патриотизма при известных условиях; другие условия могут привести его к идее совершенно противоположной, об единстве»⁹³. Казанцы же и вовсе стараются всячески дистанцироваться от сепаратизма, пресечь возможные обвинения их в этом.

⁹¹ Там же. С.127.

⁹² Там же. С.126.

⁹³ Потанин Г.Н. Избранные произведения в 3-х тт. Т.2. Павлодар, 2005. С. 91.

Обоснование идей поволжского областничества содержится, к примеру, в редакционной статье первого номера журнала «Наш Край», вышедшего в 1912 году: «Россия слишком велика и разнообразна, чтобы её можно было рассматривать как однородную территорию. По географическим условиям и по порождаемым ими особенностям экономического быта территория эта разбивается на несколько областей, районов... Такою же живою, обособленную частью России является Приуралье и Среднее Поволжье, области бассейна реки Камы с прилегающей к нему территорией, край, в котором одним из важнейших умственных центров был и остаётся город Казань. Спешим оговориться. Попытка изучать бытовые условия жизни областей отнюдь не содержит в себе никакого намёка на сепаратизм и вызывается исключительно тем обстоятельством, что административное деление страны на губернии и уезды в общем искусственно и часто мало отвечает бытовым условиям края»⁹⁴.

Поскольку, конечно, «областнический» тренд один из наиболее влиятельных в казанской журналистике, начиная с 1870-х годов (а как подчёркивали сами публицисты, подспудно он формировался уже с самого начала, с самой первой газеты «Казанские известия» (1811-1820)), и невозможно его обойти или игнорировать, то учитывать приведённые замечания Бориса Ивановича Есина в контексте рассказа об истории казанской прессы – особенно важно.

1.3. Трудности изучения и презентации истории казанской журналистики времён Российской империи.

В истории казанской журналистики до 1917 года можно выделить три основных доминирующих типа учреждений органов печати: 1. Издания, рож-

⁹⁴ Наш край, 1912. № 1. С. 4-5.

дённные на базе университета и редактировавшиеся университетскими деятелями наук. (в период с 1811 по 1838). 2. «Казанские губернские ведомости» (расцвет издания в период: 1843 – 1861) 3. Частные издания. Отметим, что и во втором и в третьем периоде влияние университетской среды на казанскую журналистику было велико, так, лучшими редакторами «Казанских губернских ведомостей» были университетский библиотекарь А.И. Артемьев и его преемник, профессор И.Н. Березин. Редактором лучшей частной газеты Казани 1880-х годов «Волжский вестник» был профессор, а в будущем ректор – Н.П. Загоскин. Но говоря об изданиях первого блока, мы имеем в виду прежде всего те, которые и учредительски были связаны с университетом.

Из научных монографий, посвящённых изданиям каждого из трёх названных блоков, встречающихся не только в казанской прессе, но и в типологии прессы других регионов России, наиболее разработанным, как уже говорилось, остаётся тип губернских ведомостей, имеющих отдельную историографию (выше мы приводили краткое резюме обзора этой историографии, предпринятого В. Шевцовым).

Кластер изданий начала XIX века, выходявших в связи с университетом, разрабатывался подробнее историками казанской журналистики (похожую ситуацию, напомним, мы имеем, например, в Харькове).

Главным подходом при изучении изданий университетского кластера сделался персоналистский – через характеристику главных редакторов первых казанских газет и журналов (эпоха персонального журнализма).

Так, в монографии К.Н. Куранова «История казанской журналистики. Начало» много места уделено первому редактору первой казанской газету Д.Н. Зиновьеву, и далее деятельности на журналистском поприще известного ботаника, этнографа, медика и нумизмата, некоторое время ректора Казанского университета профессора К.Ф. Фукса⁹⁵.

⁹⁵ О Д.Н.Зиновьеве: Куранов К.Н. Он был первым. – в кн.: Куранов К.Н. Казанская пресса. Начало. С. 87 – 108. О К. Ф. Фуксе: Указ. соч.С.73 – 86.

Здесь мы сталкиваемся с проблемой писательской репутации и её влияния на восприятие журнала. Случайно ли, что в той же книге К.Н. Куранова практически обойдена вниманием личность главного редактора «Заволжского муравья» М.С. Рыбушкина, а об издании рассказывается через призму участия в нём Карла Фёдоровича Фукса?

Ещё сильнее эта проблема выразилось в научной рецепции по поводу издания «Казанский вестник», детища М. Магницкого. Современные исследователи издания Е. Вишленкова и В. Шишкин констатируют: «Магницкий не был положительным героем в истории. Но не был и злодеем. Он стал таковым в мемуарной, а затем в историографической традиции. В течение XIX в. в российском историческом сознании выстраивалась ценностная иерархия персонажей отечественной истории. Магницкий олицетворял в ней нравственный "низ". И в таковом качестве его имя негативно окрашивало всё, к чему казанский попечитель имел отношение, а тем более инициировал»⁹⁶.

В исследованиях XIX века подобный ракурс по отношению к «Казанскому вестнику» был доминирующим. Так, Н.П. Загоскин же сразу подчёркивает тенденциозный характер «Казанского вестника». Для этого он использует показания самого М. Магницкого из представления, с которым тот вышел 26 марта 1820 к министру духовных дел и народного просвещения. В нём Магницкий доказывал неуспешность издания прежних «Казанских известий» и необходимость перейти на формат журнала задуманного им «Казанского вестника». Среди преимуществ издания журнала вместо газеты им указывалось, например, такое: «Журнальные статьи подлежат более строгому выбору и более тщательной обработке». То есть – легче их цензурировать⁹⁷.

⁹⁶ Вишленкова Е.А., Шишкин В.И. «Казанский вестник». – в.: "Казанский вестник", 1821 - 1933 гг.: Указатель содержания / Составители: В.Г.Салова, В.И.Шишкин, Ж.В.Щельванова - Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 2003. - 116 с. Эл. ресурс:

https://web.archive.org/web/20121105162912/http://ksu.ru/kgu200/knigi/kaz_vestn.htm. Режим доступа: свободный. – 05.01.22.

⁹⁷ История Императорского казанского университета за первые сто лет его существования, 1804-1904/ [соч.] Н. П. Загоскина, заслуженного ординарного проф. – Казань: Типо-литогр. Имп. казанского ун-та, 1902–1904.Т. 4: Окончание ч. 3: (1819-1827). С.30.

Н.П. Загоскин отмечал: «Рассматривая учёно-литературную продуктивность казанского университета за первую половину двадцатых годов, мы невольно поражаемся немногочисленностью серьёзных научных трудов, сошедших со станков университетской типографии за время попечительства Магницкого. Объясняется это, конечно, тем, что лишь немногие из членов университетской коллегии выказывали готовность ставить истинные интересы науки и свои научные воззрения на почву компромиссов с теми, уже хорошо знакомыми нам требованиями, которые предъявлялись в этом отношении попечителем». Все материалы, даже лекции проходили «суровую цензуру Магницкого». «С этими требованиями приходилось считаться и в трактатах чисто научного характера, и в статьях, помещавшихся в университетском повременном органе того времени («Казанский вестник» с «Прибавлениями» к нему, сменивший собою прежние «Казанские известия»)⁹⁸.

Предвзятость Н.П. Загоскина по отношению ко всему, что касалось эпохи М. Магницкого в Казанском университете подчёркивал в начале XX века профессор, лидер казанских «правых» В. Залеский, выпустивший специальную брошюру, разоблачавшую поверхность и ошибочность некоторых суждений Н.П. Загоскина в его многотомной «Истории Императорского Казанского университета»⁹⁹. Конечно, многие суровые оценки, вынесенные «Казанскому вестнику» можно считать и вполне справедливыми, однако некоторые достижения и своеобразие этого издания оставались совершенно втуне, и лишь в последнее время наблюдаются попытки более справедливого и взвешенного отношения к этому изданию в работах учёных.

Точно так же проблема репутации сказывалась на отношении позднейших комментаторов и к основателю «Казанских известий» И. Запольскому, и

⁹⁸ История Императорского казанского университета за первые сто лет его существования, 1804-1904/ [соч.] Н. П. Загоскина, заслуженного ординарного проф. – Казань: Типо-литогр. Имп. казанского ун-та, 1902–1904. Т. 4: Окончание ч. 3: (1819-1827). С.10.

⁹⁹ Залеский В.Ф. Рецензия на «Историю Казанского университета» проф. Н.П.Загоскина. СПб.1905. Отт. из. Ж.М.Н.П.: Ч.362. 1905. № 12. С. 416 – 432.

к последующему, лучшему за всю историю редактору этой газеты П.С. Кондыреву, любимцу и выдвиженцу первого директора университета И.Ф. Яковкина, получившего в глазах потомков (и во многом заслуженно) отрицательную оценку. Но общественная «репутация» директора Яковкина переносилась комментаторами и на П.С. Кондырева¹⁰⁰. Конечно, применяя персоналистский подход к изучению истории первых казанских изданий, необходимо учитывать эти моменты, чтобы избежать предвзятости и ангажированности.

Из изданий «университетского» периода подробному разбору рубрик, аудитории, политики и кампаний изданий, тиража, характера выхода, отношений с цензурой подвергались пока что только «Казанские известия», для «Заволжского муравья», например, мы имеем лишь общую библиографию статей, короткие справки о некоторых авторах. Нет также системного исследования по «Казанскому вестнику» или «Прибавлениям» к нему.

Определённую эволюцию в последнее время, как уже говорилось, претерпели исследовательские подходы к изучению «губернских ведомостей».

«Казанские губернские ведомости» имеют здесь и свою специфику, по сравнению с рядом газет этого рода в других регионах. Конечно, здесь тоже особенно рельефно проявили себя личности, стоявшие во главе издания в разные годы.

В своей монографии я подчёркиваю, к примеру, роль губернатора С.П. Шипова, взявшего издание под личный контроль, при котором даже официальный отдел «Казанских губернских ведомостей», по сути долженствующий носить сухой, полусправочный и служебный характер содержал острые выпады против местных чиновников:

«Сами публикуемые в номерах губернаторские постановления уже носят необычный характер. В них – борьба с беспорядками, неустройствами, пуб-

¹⁰⁰ Подробнее см.: Бик-Булатов А.Ш. Очерки... (2021). С. 75-81.

личная критика отдельных своих же подчинённых. Да, журналистика тогдашняя не имела права на критику, только губернатор и имел. Но это ещё поискать такого губернатора, который будет выносить на публику – критику и борьбу со злоимствами!

Вот некоторые примеры таких губернаторских постановлений: «Циркулярное предписание г. Казанского Военного губернатора земским полициям казанской губернии о наблюдении за правильным требованием обывательских подвод (имеется в виду: подвод с лошадьми – А.Б.). До сведения моего дошло, что воинские чины и служебные лица разного звания, следуя не только по казенным, но даже и по партикулярным надобностям, требуют подвод от обывателей, не имея на то установленных открытых листов или подорожен, и даже изымают подводы, без платы прогонов насильственно <...> я предписываю земским полициям... иметь со своей стороны наблюдение, предоставленную властью, ограждать крестьян от обид и притеснений...». («КВГ», 1843. № 3 от 16 янв.).

Ещё одно из другого номера газеты. Там губернатор напоминает об имеющемся распоряжении Государственного совета по поводу мостов и гатей. «По вступлении моём в прошлом году в управление губерниею, я усмотрел, что во исполнение сего Высочайшего повеления не только не сделано надлежащего распоряжения, но даже не было собрано и нужных предварительных сведений о состоянии дорог, мостов и гатей. Между тем, они большею частью пришли в ветхость, а некоторые – в совершенное разрушение». Далее губернатор докладывает, какие он издал распоряжения, какие по ним были приняты меры, что составлены проекты, они направлены министру внутренних дел и т.д. («КВГ», 1843. № 25 от 19 июня).

По сути, из первого сюжета мы узнаём, что злоупотребляют военные и специальные чины, забирая у обывателей под свои частные нужды подводы с лошадьми. А из второго – о халатности и нерасторопности городских чиновников. Узнаём от губернатора! То есть, он не просто раздаёт распоряжения, а

выставляет виновных перед лицом публики, что обычно должна делать журналистика, но вовсе непривычно видеть подобные сигналы, исходящими от власти!»¹⁰¹

Именно при С.П. Шипове в газете был открыт «неофициальный отдел», полностью сформировалась его структура и физиономия при втором по счёту редакторе «неофициального отдела» Николае Ивановиче Второве. Историк и публицист второй половины XIX века М.Ф. Де-Пуле писал: «Издание неофициальной части губерн. ведомостей под редакторством Второва, при живом содействии таких умных и образованных людей, как Шипов и Завилейский (вице-губернатор – А.Б.), составило в некотором роде эпоху»¹⁰²

Пока что нет у нас специальной работы по изучению «Казанских губернских ведомостей» как таковых. В основном газета рассматривалась исследователями лишь как источник для истории общественного движения и культурной жизни¹⁰³. Некоторые аспекты общего функционирования газеты рассмотрены в наших монографиях¹⁰⁴.

Эпоха частных провинциальных изданий в России начнётся в 1870-е годы. Сибирские теоретики и практики газетного дела в российской провинции Г. Потанин и Н. Ядринцев предложили в это же время деление частных изданий на городские и областные:

«Городской листок обыкновенно издается для нужд городского купечества; у него бывает городских подписчиков более, чем иногородних; только в случае, когда город имеет торговое значение, простирающееся на большое

¹⁰¹ . Бик-Булатов А.Ш. Очерки... (2021). С. 149 – 150.

¹⁰² См.: «Русский архив», 1877, Т.33. С.341.

¹⁰³ Ранний этап газеты лучше всего освещён в работе: Бурмистрова Л.П. Провинциальная газета в эпоху русских просветителей (Губернские ведомости Поволжья и Урала 1840 - 1850 гг.). Изд-во Казанского ун-та. 1985. 140 с. На рубеже 2000 – 2010-х годов в рамках грантового проекта в разных сборниках вышло несколько статей исследователей Л.Ф. Байбулатовой и Н.С. Хамитбаевой, представляющих освещение досуговых тем в газете во вторую половину XIX века (Хамитбаева Н.С. Театральная жизнь Казани второй половины XIX века на страницах газеты «Казанские губернские ведомости»; Хамитбаева Н.С. Газета «Казанские губернские ведомости» и музыкальная жизнь города Казани во второй половине XIX в.; Байбулатова Л.Ф. Некоторые вопросы науки в Казани на страницах газеты «Казанские губернские ведомости» в XIX в.; Хамитбаева Н.С., Байбулатова Л.Ф. Вопросы образования в Казани на страницах газеты «Казанские губернские ведомости» в XIX в. И ещё несколько примыкающих, без упоминания названия газеты в названии).

¹⁰⁴ См.: Бик-Булатов А.Ш. Очерки... (2020): С. 37 – 51; Бик-Булатов А.Ш. Очерки... (2021): С. 177 – 291.

пространство, такая газета имеет большое распространение вне города... Городской листок издается в видах спекуляции; издателем его бывает человек, с литературой общего ничего не имеющий, нередко — круглый невежда; газета организуется так: нанимается редактор, который или сам пишет передовые, или нанимает литератора. Областная газета издается обыкновенно каким-нибудь местным патриотом, в большей части — в убыток себе, редактируется самим издателем; дело ведется не для спекуляции, а в видах развития умственной жизни в крае...»¹⁰⁵.

Для Казани в качестве городской газеты ими рассматривались такие издания, возникшие в конце 1860-х гг., как «Справочный листок г. Казани» (1867) и «Казанский биржевой листок» (1868). В качестве «областнической газеты» - «Камско-Волжская газета» (1872 – 1874). Так, в письме А. Гацискому Г. Потанин писал: «Нужно провести резкую грань между «пятью столбами» провинциальной прессы и этой мелкой биржевой макулатурой (Казанский биржевой листок, Саратовский справочный листок и пр.)»¹⁰⁶.

«Пять столбов», по Г. Потанину, это «те газеты, которые широко охватывают целый край: 1) «Камско-Волжская газета», 2) «Донская газета», 3) «Киевский телеграф», 4) «Тифлисский вестник» (изд. Николадзе), 5) «Сибирь»». В письме тому же А.С.Гацискому от 28 ноября 1875 года Потанин восклицает: «Журналистика всегда стояла ближе к жизни в России, чем ученое сословие, вот почему провинциальная журналистика обходит университеты. Я верю и чем больше вглядываюсь, тем больше убеждаюсь, что теперешнее время — время провинциальной журналистики»¹⁰⁷.

Г.Н. Потанин здесь включился в полемику с известными выступлениями Д.С. Мордовцева по провинциальной печати. Вообще, само оформление провинциального областнического поля журналистики как раз проходило в эти

¹⁰⁵ Потанин Г.Н. От Новочеркасска до Казани// Первый шаг: провинциальный литературный сборник. Казань: 1876. С. 316 – 317.

¹⁰⁶ Потанин Г.Н. Избранные произведения в 3-х тт. Т.3. Иркутск, 1989. С.22.

¹⁰⁷ Там же.С.18.

годы. Если Д. Мордовцев говорил о существовании отдельных «фракций»¹⁰⁸ провинциальной журналистики в разных регионах, то Г. Потанин, хотя и подхвативший выражение (при этом добавивший, что существует и т.н. «поволжская» или волжско-камская фракция, пропущенная Д. Мордовцевым при перечислении всех фракций), представлял, однако, всю областническую журналистику единым полем, связанным общими ценностями. Да, каждый действует в своем регионе, в своей области, но мы должны налаживать взаимодействие, связи друг с другом, при этом важно не смешивать, не соединять всех в одной точке (например, не сводить всех воедино в Санкт-Петербурге), а чтобы журналисты и издания развивались именно на местах, но между разными областями и их провинциальной печатью – были бы налажены взаимосвязи. К этому полю региональной газетно-журнальной прессы должна относиться не вся поголовно печать провинции, но печать демократической ориентации (чаще всего народнической), имеющая в виду не извлечение прибыли, а поддержку общественного, народного интереса.

Благодаря «Камско-Волжской газете», областнический тренд стал одним из определяющих для дальнейшей истории казанской журналистики. Рассмотрение «Камско-Волжской газеты» в качестве областнической закрепилось во многих работах современных учёных, так в статье Н. Родигиной в коллективной монографии 2012 года издание называется «знаменитой своей приверженностью провинциальным идеалам «Камско-Волжской газетой»¹⁰⁹; в работе А.В. Малинова «Областничество в истории русской мысли» 2013 года говорится уже вполне определённо: «В Казани в 1872–1874 гг. выходило одно

¹⁰⁸ Дискуссию Д. Мордовцева и Г.Потанина можно проследить по статьям: Мордовцев Д. Л. Печать в провинции // Дело. 1875. № 9-10; Авесов (Потанин Г. Н.) Сибирская фракция писателей по г. Мордовцеву // Сибирь. 1876. № 5, 6.

¹⁰⁹ Родигина Н.Н. «Журналы были нашими лабораториями...»: конструирование исторического сознания провинциальных интеллектуалов второй половины XIX века//Историческая культура императорской России: формирование представлений о прошлом: коллект. моногр. в честь проф. И. М. Савельевой. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. С. 283.

из лучших областнических изданий — «Камско-Волжская газета»¹¹⁰. При этом нет ни одной специальной монографии об этой газете, рассматривающей её в областническом ключе, единственное на данный момент вышедшее подробное исследование этой газеты Х. Булацева¹¹¹, напротив, старательно обходит «областнический» аспект «Камско-Волжской газеты», что, конечно, было обусловлено идеологическими рамками исследований, существовавшими в советскую эпоху.

Вообще, этот интересный областнический пласт казанской журналистики конца XIX начала XX века нуждается, конечно, в специальном исследовании в общем контексте российской провинциальной журналистики. Влиятельнейшая казанская газета 1880-х «Волжский вестник» соединяет в себе черты городского и областнического издания. В дальнейшем, областнический тренд будет поддерживаться в либерально-демократических, либерально-народнических изданиях Казани («Камско-Волжский край» (1896-1898), «Волжско-Камская речь», «Камско-Волжская речь», «Наш край» и др.). Городские издания сильнее будут подвержены процессам коммерциализации и массовизации (ср.: «Казанский биржевой листок» в поздние годы (рубеж 1880-1890-х гг.), «Казанский телеграф» в первый период (1893-1905)).

Пока что мы можем, таким образом, лишь обозначить основные векторы исследований частных казанских изданий второй половины XIX века, соотнеся их с работами, имеющимися по изданиям подобного типа в соседних регионах. Из библиографии трудов по частным казанским изданиям можно выделить несколько тематических блоков: (а) исследования по литературной газетной критике; (б) исследования, затрагивающие освещение отдельных тем в газетах (особенно важно упомянуть в этом контексте статьи и монографию Е.В. Курбаковой, впервые вводящей в научный оборот многие сведения, в т.ч.

¹¹⁰ Малинов А.В. Областничество в истории русской мысли// Журнал социологии и социальной антропологии. 2013. Т. 16. № 1. С. 44.

¹¹¹ Булацев Х.С. Пионеры провинциальной печати: (Первые шаги демократической прессы российской провинции второй половины XIX в.) Л., 1981.141 с.

по истории газет, хотя основным предметом рассмотрения в её работах являются именно проблемно-тематические блоки и в целом, система отношений, в которые вовлечена пресса, нежели история отдельных изданий); (в) исследования по участию в казанских газетах знаменитых писателей и общественных деятелей. Из обобщающих работ по отдельным газетам можно назвать лишь упомянутую монографию Х. Булацева по «Камско-Волжской газете», цикл статей И. Алексеева по «Казанскому телеграфу» в контексте его широких исследований по истории русского правого националистского движения в Казани рубежа XIX начала XX веков, некоторые обобщающие работы советского времени по социал-демократическим, в особенности большевистским изданиям Казани после 1905 г.

Необходимость дальнейшего комплексного изучения частной прессы Казани второй половины XIX – начала XX века очевидна. По большинству из газет этого ряда (в т.ч. по «Казанскому биржевому листку», «Волжскому вестнику», «Камско-Волжской речи», «Камско-Волжскому краю» и др.) у нас отсутствует хотя бы одно комплексное исследование.

Глава II. Генезис и основные закономерности развития казанской журналистики XIX начала XX века

2.1. Предпосылки появления прессы в Казанском крае

Казань – один из пионеров российской провинциальной прессы, здесь возникла газета «Казанские известия» (1811), за которой долго был закреплён статус первой провинциальной газеты России. Наконец, это первый регион, в котором удалось создать тенденцию непрерывного выпуска изданий периодической прессы (в других областях России до этого – издания были кратковременными, так же быстро закрывались, как и основывались, и не порождали тенденции преемничества).

Не случайно О. И. Лепилкиной первый этап в истории провинциальной прессы России был назван этапом дискретности: «Появление газет и журналов в провинции до 1838 года – года повсеместного возникновения губернских ведомостей – носило нерегулярный характер и не совпадало с издательской активностью Санкт-Петербурга и Москвы. Общее количество периодических изданий, выходявших в те или иные годы, свидетельствует о крайне низких темпах развития провинциальной журналистики», – констатирует исследователь¹¹².

Между тем, хотя в Казани журналистика до 1838 была представлена по существу одним главным изданием (сначала это «Казанские известия», потом «Казанский вестник», а вместе с ними и «Прибавления к «Казанскому вестнику»»¹¹³, пережившие «родительское» издание; наконец, журнал «Заволжский муравей», редактор – М.С. Рыбушкин, тот же, что и у «Прибавлений»),

¹¹² Лепилкина О.И. Условия и факторы зарождения провинциальной журналистики в России // Вестник Исык-Кульского университета. Каракол (Киргизия), 2010. №26. III часть. С.181.

¹¹³ «Прибавления к «Казанскому вестнику»» выходили в период с 1821 по 1824 год, когда были закрыты. После увольнения попечителя Казанского учебного округа М.Л. Магницкого совет Университета на рубеже 1826-1827 годов ставил вопрос о возрождении первой газеты – «Казанские известия», вместо этого новый попечитель граф М.Н. Мусин-Пушкин ходатайствовал о возрождении «Прибавлений». Второй период этой

но паузы между выпусками сменявших друг друга «солистов» начинавшейся казанской прессы практически не было¹¹⁴: во все эти годы в Казани существовало какое-нибудь официально действующее периодическое издание. Кроме того, ещё до появления первой казанской газеты была сформирована в городе писательско-учёная, интеллигентская среда, ставшая основой для авторских кадров молодой казанской прессы.

Вообще, особый статус Казани в истории провинциальной печати связан именно с тем, что у нас пресса зародилась в университетской академической общественно-интеллигентской среде в 1810-е годы, такого нет почти нигде, ибо большинство регионов России отсчёт своей прессы берёт в лучшем случае с конца 1830-х годов, когда была создана система провинциальных губернских ведомостей как официозных газет, издающихся при губернском правлении.

Формирование этой среды в Казани шло, начиная с 1758 года – со дня основания экспериментальной Первой Казанской гимназии, детища Московского университета. На пути формирования той самой казанской интеллигентской среды можно выделить несколько важных этапов:

1. Первый период существования Гимназии под патронатом Московского университета до её закрытия в 1789 году
2. Возобновленная гимназии с 1799 в подчинении Приказа общественного призрения, т.е. губернии.
3. Ранний период университета (переходный от гимназии к университету) – 1804-1814. В это время и зародились «Казанские известия» - проект: в 1808, выход первого номера: 1811.

Уже в первый из названных периодов зародилось несколько важных тенденций, ставших предпосылками к появлению журналистики в Казани:

газеты пришёлся на 1828-1834 годы. Именно во втором периоде редактором прибавлений стал М.С. Рыбушкин, сумевший придать изданию характер полноценного общественного органа и местной газеты.

¹¹⁴ Можно счесть некоторой паузой разве что период с 1834 по 1838 (с закрытия «Заволжского муравья» и до учреждения «Казанских губернских ведомостей»), но и тогда всё-таки выходили Учёные записки Казанского университета (наследник прежних журналов, но теперь уже в формате академического издания) и рукописные студенческие журналы, самый известный из которых – «Северное созвездие» Е. Огородникова.

1. На базе гимназии, была впервые организована книжная торговля и подписка на газеты.
2. Появились первые местные публицисты.
3. Сложились и укрепились связи с Московским университетом и московскими издательскими структурами
4. Как часть предыдущего: сформировались связи с московским масонством и его лидерами.
5. Появились первые опыты театральных постановок, публичных литературных слушаний.

Во второй период Казанской гимназии образуются уже конкретные объединения интеллигентов-единомышленников:

1. С конца XVIII века сложился первый литературный кружок Казани, руководимый масоном С.А. Москотильниковым. (Москотильников, Каменев, Арцыбышев, Чернявский)
2. Кружок преподавателей гимназии, позже перешедший в университет, члены которого стали потом инициаторами появления «Казанского Общества любителей Отечественной словесности» (1806) и газеты «Казанский университет». (1811): Карташевский, Запольский, Ибрагимов.

В третий (ранний университетский) период, с кружком Карташевского-Ибрагимова сближаются первые профессора-немцы Казанского университета (Цеплин, Герман, Фукс). Формируется первый кружок студентов – начинающих писателей: Аксаков, Кондырев, братья Панаевы, братья Перевощиковы, Княжевич, объединившиеся под крылом Н. Ибрагимова и основанного под его началом «Казанского Общества любителей отечественной словесности». В Казани появляются типографии, начинается книгопечатание.

Раскроем теперь подробнее тенденции каждого из трёх названных под-периодов догазетного этапа в истории казанской журналистики (1758 – 1811).

2.2. Догазетный период. Казанская гимназия как предтеча появления прессы

2.2.1 Казанская гимназия под московским патронатом

Первые предпосылки для появления прессы в Казани начали складываться вместе с основанием в Казани Первой гимназии. Назовём важнейшие из них.

(1) «Первой подписной компанией в Казани» К.Н. Куранов называет, хотя и несколько громко, на наш взгляд, попытку директора Казанской гимназии М. Верёвкина распространения здесь выпускавшейся под учредительством Московского университета газеты «Московские ведомости».

Верёвкин в 1759 году указывал на «неудовлетворённую потребность Казанского общества, жаждущего политических и литературных сведений», прося высылать в Казань (адресуя в гимназии) до 20 экз. «Московских ведомостей», в то же время он просил «о присылке иностранных ведомостей в Казанские гимназии». Но (как пишет «Русская беседа» № 1 за 1860 год) Верёвкин ошибся в своих расчётах. «Из 10 присланных экземпляров «Московских ведомостей» один приобрёл бригадир Моткин, один преосвященный Гавриил, и один – гимназия, а «прочие семь остались без действия», как выразился Верёвкин в рапорте от 21 мая. После этого «Московские ведомости» получали уже по подписке с вышесказанными 5 экз.» (РБ, 1860, № 1. С.10)¹¹⁵. А.И. Артемьев, приводя выписку из ордера от 17 янв. 1762 года № 36 куратора университета генерал-майора Ф.В. Веселовского, в котором в частности, сообщается, что «позволилось и апробировалось» учредить при гимназиях книжную лавку, «в рассуждении многих охотников покупать русские книги». И далее пишет:

¹¹⁵ Далее – ссылки на очерк: Петровский М. П. Михаил Иванович Веревкин. Очерк из истории русского образования в половине XVIII века// Русская беседа. 1860. Кн.1. отд.V. С. 1 – 24, - даются внутри основного текста диссертации. Сокр.: «Русская беседа» – РБ.

«К сожалению, мы не встретили дальнейших указаний, как устроилась книжная лавка и как шла в ней торговля. Во всяком случае, довольно замечательно уже и то, что если за три года до этого не нашлось в Казани и трёх подписчиков на «Московские ведомости», то теперь уже явилось «много охотников покупать русские книги». Как ни слабо было преподавание в учреждённых гимназиях, а всё-таки кажется, надобно их влиянию приписать такой оборот дела». (ЖМНП, 1874, № 5, С.91)¹¹⁶.

(2) Первыми публицистами Казани следует считать директоров Первой Казанской гимназии, среди которых наиболее значительные фигуры – уже упомянутый М.И. Верёвкин и один из его преемников Ю. И. фон Каниц.

Первый директор Казанской гимназии Михаил Иванович Верёвкин проявил себя как замечательный организатор, радеющий о гимназии и её питомцах. Особую заботу он проявлял о помощи беднейшим ученикам гимназии, много рапортов отправил он в Москву по этому поводу. Так, в рапорте от 7 мая 1759 года Верёвкин сообщал: «записавшиеся в гимназию солдатские дети, за крайнюю бедностию, в рубищах в классы свои приходят, а по выходе из оных многие милостынею питаются, и во избежание того не соблаговолит ли И.М.У. (Императорский Московский Университет – А.Б.) представить к его высокопревосходительству куратору о даче им, из единого милосердия провианта, квартир и одежды, что всё не больше учинить шести рублёв в год на каждого» (Цит. см.: РБ, 1860, № 1, С. 12-13). Верёвкин добился выделения жалования на гимназистов-разночинцев, при этом став объектом множества доносов на себя за якобы нерациональное использование средств.

18 сентября 1759 г. появился ещё один важный рапорт Верёвкина, в котором он пишет: «Здесьшний город есть главный целого царства татарского национального диалекта. Не повелено ли будет завести при гимназиях класс

¹¹⁶ Далее – ссылки на труд: Артемьев А.И. Казанские гимназии в XVIII столетии // Журнал Министерства Народного Просвещения. Май 1874. Четвертое десятилетие. Часть CLXXIII. 32-98 с.; Журнал Министерства Народного Просвещения. Июль 1874. Четвертое десятилетие. Часть CLXXIV. 1-52 с.; Журнал Министерства Народного Просвещения. Ноябрь 1874. Четвертое десятилетие. Часть CLXXVI. 1-67 с. – даются внутри основного текста диссертации.

татарского языка. Со временем на оном отыскиваемы быть могут многие манускрипты: правдоподобно, что оные подадут некоторые может малый свет в русской истории»¹¹⁷. Окончательное введение татарского в программу преподавания произошло при другом замечательном директоре гимназии – Юлие Ивановиче фон Канице.

Деятельность общественная и просветительская – сферы, которые в будущем теснейшим образом будут связаны с журналистикой в местном крае. Но пока ещё казанской прессы не существует, сам М.И. Верёвкин активно проявил себя в Казани и в том, и в другом. Он и писателем, и поэтом, и переводчиком (главная его ипостась, которая потом будет кормить его долгие годы – он фактически станет личным переводчиком императрицы Екатерины II, но это уже после оставления казанской гимназии). Кроме того, он был и журналистом.

Фактически первым репортажем можно назвать письмо Веревкина графу П.И. Шувалову с подробным описанием торжеств, прошедших в Казани 26 апреля 1760 года в честь 5-летия альма-матер казанской гимназии – Московского университета. Это стало событием городского масштаба. Был отслужен молебен. Стреляли из пушек, далее – обед, на котором присутствовало 117 человек. М. Верёвкин подробно описывает всё убранство зала. Наконец, в этот же день начинается в Казани и театральная жизнь, ставят Мольера, пьесу «Школа мужей». «Вот, милостивый государь, и в Тартарии Мольер уже известен. Театр, ей Богу, такой, что желать лучше не можно. Партер, обитый красною каразеею, в 12 лавках состоящий, поместил в себя 400 человек».

Вот как комментирует письмо-репортаж из XVIII века А.И. Артемьев: «Это донесение весьма интересно во многих отношениях (напомним снова, речь о рапорте М. Верёвкина о празднестве, прошедшем в Казани в день 26

¹¹⁷ Цит. по: Шпилевский С.М. Указатель исторических достопримечательностей города Казани. Казань: Унив. тип., 1873. С.39.

апреля 1760 года – А.Б.). Оно отчётливо изображает, какими способами пытались тогда провести в сознание общества важность и пользу образования. Аллегии, эмблемы, мифологические божества считались необходимыми в таких случаях. (В описании казанского праздника М.И. Верёвкиным подробно перечисляются все использованные в этот день аллегорические фигуры – А.Б.). А между тем эти Аполлон с девятью Парнасскими сёстрами, летящий Меркурий, искатели философского камня и сочинители гороскопов... и прочее, тому подобное, было понятно разве какому-либо десятку человек из числа трапезовавших за столом, остальные едва ли знали, кто такие были господа Ломоносов и Сумароков» <...>

С другой стороны, это празднество, а ещё более самое донесение о нём, обрисовывает личность Верёвкина и его манеру относиться к начальству. Сын своего века, член среды, ознакомившейся с западною «розвязью обращения» - он является перед нами очень смелым и решительным, а вместе с тем – покорно льстивым, настойчиво просительным и откровенно самохвальным. Его уверения, например, что «Меркурий, летящий вниз, так искусно на тонком волоске был прилеплен, что я сам, то зная, не мог волоса видеть» и т.п., конечно, могут вызвать улыбку у нас, людей, столь положительно серьёзных, занимающихся только «матерьями важными»; но они побеждают искренностью чувства, художника, хорошо выполнившего своё дело.

Приведём и комментарий М. Петровского из «Русской беседы»: «Мы видим того же Верёвкина: всюду проглядывает его суевливая деятельность и желание принести пользу обществу, но с тем вместе видна привычка «продавать товар лицом», так свойственная административным лицам всех времён и народов: в гимназии, вверенной управлению Верёвкина, не было необходимых пособий преподавания, а в высокаторжественные дни являлся фейерверк». (РБ, С. 23). Укажем только, что до этого М. Петровский много страниц посвятил тому, как много старался тот же М. Верёвкин, чтобы эти пособия в гимназии появились.

Собрание сочинений М. Верёвкина довольно велико и составило бы более 150 наименований. Большинство из них – это переводы, но также и драмы, шедшие на сцене, и стихотворения, некоторые из них вышли в 1761 году в журнале М. Хераскова «Полезное увеселение». А.И. Артемьев упоминает ещё содержащуюся в рукописном сборнике, хранящемся в библиотеке Казанского университета (где в 1840-е годы Артемьев состоял библиотекарем) эпистолу М.И. Верёвкина, не совсем приличного содержания, «Эпистола замечательна только по желанию автора подделаться под склад мужицкой речи. Содержание её – жалоба на дороговизну водки и в конце сказано: «писано во второй год после плачевного разлучения с винною дешевизной, месяца февраля 31 дня». (Артемьев А.И., Часть CLXXIII. С.4). Видится нам в этом описании даже какое-то фельетонное начало. Впрочем, по неприличию содержания А.И. Артемьев отказался от мысли приводить текст эпistolы Верёвкина.

Артемьев упоминает также о множестве мелких статей, опубликованных Верёвкиным в периодических изданиях, а также об одном более основательном: «Описание Екатерининских вод в Астраханской губернии, между города Царицына и селения евангелического братства Сарепы, собранное на месте». Среди переведённых Верёвкиным книг - история Турции, и жизнеописание Конфуция, географический словарь Вождена и многое другое. Переводческая деятельность Верёвкина продолжалась (уже вне Казани) более 30 лет. Верёвкин занимался переводом разных книг исторического содержания по назначению самой императрицы. Впоследствии они печатались в его пользу, «на счёт кабинета государыни».

Вторым ярким директором, а также и публицистом-литератором Казани стал немец Ю.И. фон Каниц. По просьбе М. М. Хераскова для его поэмы «Россияда» директор Казанской гимназии Ю. фон Каниц создаёт труд «Расположение древнего города Казани в 1552 г., с изъяснением плана Казани и описанием осады и взятия её». Составленные им план и описание взятия Казани явились

первой реконструкцией взятия Казани Иоанном IV в 1552 году. Они стали важным трудом для своего времени, которым неоднократно пользовались позднейшие историки.

Тот же Юлий фон Каниц явился первым рецензентом *Херасковской «Россияды»* по заданию Новиковского кружка (очередной раз в связи с Каницем возникает фамилия М.М. Хераскова!). Вот как писал об этом в воспоминаниях поэт И. Дмитриев: «Писали, чертили, переправляли и наконец при всем своем усердии сознались в своем бессилии и предоставили этот труд совершить немцу, директору казанской гимназии. Ю.И. фон Каниц, не имея с ними никакого сношения, самопроизвольно сочинил на немецком языке этот разбор и поместил его в «Рижском журнале». Тогда тотчас поспел перевод и напечатан в С.-Петербургском вестнике»¹¹⁸.

Ю.И. фон Каниц считается ещё автором или организатором выполнения серии снимков Казани, сделанных в 1779 году при помощи камеры-обскуры.

(3) Связи с Московским университетом у первой Казанской гимназии были обусловлены самим фактом её создания. В дальнейшем, и в истории местной журналистики взаимодействие московских и казанских интеллектуальных кругов имело важное значение. Так, именно газета «Московские ведомости» послужила прообразом И. Запольскому (выпускнику Московского университета) при составлении им в 1808 году плана «Казанских известий».

Первая Казанская гимназия, как уже было сказано, это целиком и полностью проект Московского университета. Вот как пишет об этом А. Артемьев: «На университет возлагалась обязанность насаждать и распространять просвещение и вместе наблюдать за правильностью преподавания. Исполняя это, университет скоро пришёл к убеждению, что двух открытых при нём гимназий недостаточно для государства столь обширного, в котором уже, как сказано, пробудилось стремление к просвещению. Жители провинций, отдалённых от

¹¹⁸ Дмитриев И.И. Взгляд на мою жизнь. — Сочинения под ред. А. Флоридова, Т. 2. СПб., 1893, С. 59.

Москвы, не могли отправлять своих детей в эти гимназии и по-прежнему вынуждались довольствоваться учителями, какие попадались под руку». (Артемьев А.И. Часть CLXXIII. С.43).

Последовал рапорт от университета в Сенат. Автором проекта Казанской гимназии А.И. Артемьев называет второго директора Московского университета И.И. Мелиссино, пользовавшегося полной поддержкой куратора университета, графа И.И. Шувалова, одного из главнейших сановников Империи времён Елизаветы Петровны (в других источниках часто можно встретить именно имя графа Шувалова в качестве инициатора появления гимназии в Казани).

Итак, Казанская гимназия, явившаяся в 1758 – это экспериментальный проект Московского университета, первая гимназия в провинции, единственная удостоенная позже официального права именоваться Императорской. Появление гимназии – часть общей политики Российской Империи по просвещению областей государства, вопрос о её создании решался на самом высоком уровне. Московский университет возник всего лишь на три года раньше Казанской гимназии, в 1755, а через год после создания университета (соответственно, в 1756) при нем открылась собственная типография, в которой начали издавать газету «Московские ведомости» - первую русскую газету за пределами Санкт-Петербурга.

В «Московских ведомостях» (№ 64 от 10 августа 1759 года) по приказанию куратора университета был напечатан отчёт о состоянии гимназии и проходивших в ней экзаменах, причём, заявлено: «Наипрележнейшими себя оказали и отменную похвалу заслужили: гвардии капрал Николай Левашов, гвардии ж солдат Сергей Полянский, и ученик Пётр Лазарев. Равным же образом, и нежеписанные ещё за свою прилежность, успехи и доброе поведение, похвалы достойными нашлись, а именно: Василий и Дмитрий Родионовы, Пётр Нарманской, Гаврила Державин, Алексей и Пётр Норовы». Это первое появление имени Г.Р. Державина в печати.

Всё же ещё раз подчеркнём, просвещение местного края понималось как возложенная на них государственная задача и самим Московским университетом, и присылаемыми им в Казань директорами гимназии (М.И. Верёвкин – ассессор Московского университета). Просвещение предполагало создание в городе культурно-интеллигентской среды. В том числе, это означало и создание круга местных читателей, приохочивания местной публики к чтению.

Связи с Москвой не прервались и с переходом гимназии в прямое ведение Казани¹¹⁹.

(4) Связи с московским масонством у Казанских интеллектуалов также закладывались ещё в первый период существования Гимназии, хотя наибольшей интенсивности они достигнут во второй период, когда в Казани уже будет основана масонская ложа Лихачёва и первый городской литературный кружок видного масона С.А. Москотильникова.

Но уже в первый период выстраивается это общение с масонами, как часть неформальных интеллектуальных «московско-казанских» связей, особенно с назначением на должность куратора от Московского университета известного масона, поэта М.М. Хераскова.

В журнале М. Хераскова печатался уже первый директор гимназии М. Верёвкин, но гораздо теснее связи с этим куратором были у Юлия Ивановича фон Каница. В рапорте от 4 авг. 1778 г. Ю. фон Каниц писал Хераскову о возобновлении литературно-педагогических бесед в гимназии. И там же он сообщил о формате публичных лекций, которые были начаты в гимназии по предложению губернатора, но позже университет их запретил, как несоответствующие уставу. «На этот раз университет не нашёл такие учительские собрания несообразными с уставом, всего вероятнее потому, что *Херасков* сам весьма

¹¹⁹ В 1785 году Казанская гимназия была исключена из ведения Московского университета и передана в Приказ общественного призрения, что сразу же негативно сказалось на её состоянии: в 1789 она была закрыта «по недостатку средств» и в связи с открытием Казанского главного народного училища. В 1797 Казанский генерал-губернатор, князь П. С. Мещерский, ходатайствовал о возобновлении гимназии, необходимой для образования дворян и император Павел I утвердил устав возобновляемой гимназии. Вновь занятия начались в 1799 году.

много заботился об образовании учителей», - пишет А.И. Артемьев в очерке о гимназии.

Об участливой помощи Ю. фон Каница М. Хераскову в его работе над поэмой «Россияда» мы уже писали выше. Вообще, в историю просвещения Казанского края М.М. Херасков, поэт и куратор университета, внёс свой вклад, а с директором гимназии у него получилось и взаимовыгодное сотрудничество, обогатившее Казань важными сочинениями по её истории и по русской литературе. Кроме того, и в истории общероссийской журналистики М. Херасков сыграл хотя и посредническую, но важную роль: именно от куратора Московского университета, масона М. М. Хераскова в 1778 году Н.И. Новиков получил предложение снять в аренду типографию Московского университета вместе с книжной лавкой и «Московскими ведомостями». Приход Новикова в типографию и в газету стал эпохой в развитии русской журналистики.

М.М. Херасков – видный деятель русского масонства, именно по его представлению в Московском университете появился новый профессор немецкого языка И. Г. Шварц, член московской масонской ложи князя Н. Трубецкого и один из ближайших товарищей другого видного масона, знаменитого издателя и журналиста Н.И. Новикова. По инициативе Шварца и при поддержке Хераскова были открыты масонами Педагогическая (1779) и Переводческая (1782) семинарии. Последняя была организована на средства членов «Дружеского учёного общества» (создатели – И. Шварц и Н. Новиков), в которое также входили другие видные масоны.

В контексте того тесного сотрудничества между Ю.И. фон Каницем (также масоном) и М.М. Херасковым неизбежно должен был стать и вопрос о связях директора казанской гимназии с кругом Н. И. Новикова. Это тем более важно в контексте нашей темы, потому что, как уже было сказано, именно Н.И. Новикову сотоварищи удалось тогда создать самое мощное в стране книжно-журнальное издательское предприятие, куда входили в т.ч. и «Московские ведомости».

Вопрос этот специально анализировал А.И. Артемьев и вот к каким выводам он приходит: «Ничего также нельзя сказать о том, в каких отношениях к Казанским гимназиям находились московские «Учёное дружеское общество» и «Типографическая компания», деятельность которых в это время была в полном развитии. Можно предполагать, что оба эти учреждения, стремившиеся к распространению «различного рода книг, особливо же учебных, и доставлении их в училища», не забыли Казанских гимназий, подчинённых Московскому университету, типографию которого знаменитый Н.И. Новиков взял в откуп на 10 лет ещё в 1779 году (*годы управления Ю. фон Каница Гимназией: дек. 1764 – 1781 – А.Б.) и вскоре сблизился теснейшим образом с «Немчиком» И.Е. Шварцем, а через него и с П.А. Татищевым, богатым Казанским помещиком, который ставши усердным масоном, сделал большие пожертвования на предприятия «Дружеского ученого общества». Новиков, стараясь о распространении книжной торговли, завёл комиссионеров и открыл книжные лавки в различных городах; но ниоткуда не видно, чтобы комиссионерство или книжные лавки учреждены были в Казани.

И.И. Дмитриев, ссылаясь на И.П. Тургенева, одного из главнейших сотрудников и друзей Н.И. Новикова, положительно утверждает, что Каниц не имел никаких сношений с Новиковским обществом. Это свидетельство очень важно; но вообще как-то трудно представить, чтобы «Дружеское общество» или «Типографическая компания» не имели никаких отношений в Казани, где ещё в 1776 году существовала масонская ложа «Восходящего солнца». Что в делах гимназического архива не удалось открыть сведений по этому любопытному предмету, то это я готов приписать самому себе, потому что в своё время не обратил должного внимания на счёты о приобретении книг и т.п. Это замечание пусть послужит указанием для того, кто со временем тщательнее займётся рассмотрением дел гимназического архива»¹²⁰.

¹²⁰ Артемьев А.И. Ч. CLXXVI. С.54-55.

Увы, пожелание А.И. Артемьева для будущих казанских историков до сих пор, кажется, никем не исполнено. По сообщениям современного исследователя, профессора К. Руденко «С 1776 года в Казани действовала масонская ложа «Восходящего солнца», упомянутая в немецком масонском списке 1786 года. В списке А.Н. Пыпина она отмечена под № 18 как «Лихачева в Казани (Восходящего солнца?)»¹²¹.

Главным двигателем и первым организатором литературной жизни Казани стал, однако, член другой ложи, видный масон С.А. Москотильников, уроженец Ярославля, прибывший в Казань из Нижнего Новгорода. В кружок Москотильникова входил и первый редактор «Казанских известий» (1811) Д.Н. Зиновьев.

(5) Первые театральные представления были показаны уже в первую эпоху жизни Гимназии, выше мы разбирали письмо-репортаж М.И. Верёвкина о первой такой постановке. При Ю.И. фон Канице давались театральные представления с участием гимназистов: пролог «Судьба, Россия и Казань», трагедия А.П.Сумарокова «Синав и Трувор» (1765), комедия «Приданое обманом» (1771) и другие. Был также образован хор певчих. Для повышения образовательного и педагогического уровня учителей ежемесячно проводились литературно-педагогические беседы (1765–1774, 1778–1781). Устраивались ежегодные торжественные «собрания с речами».

Недавно нам удалось выяснить, что сам Ю.И. фон Каниц, будучи учащимся Шляхетного кадетского корпуса (в 1744-1851), принимал участие в самых первых постановках русского театра (имя перечислено среди фамилий актёров, приведённых М.Н. Лонгиновым в его «Последовательных хронологических данных для истории русского театра».

¹²¹ Руденко К.А. Казанские масоны: татарские корни «каменщика», ложа «Восходящее солнце» и расписка Лобачевского// Реальное время. Опубликовано: 6.04.2017. Эл. ресурс: <https://realnoevremya.ru/articles/61453-tayny-i-idei-kazanskogo-masonstva-rubezha-xviii-xix-vekov>. Режим доступа: свободный. – 07.01.2022.

Именно в Шляхетном корпусе в 1749 году была поставлена первая трагедия Сумарокова «Хорев». Фактически, это чуть ли не первый вообще русский спектакль, и в нём в качестве актёра принимал участие юный Юлий фон Каниц, привнесший потом это занятие и в казанскую гимназию, где он занял пост директора.

Вот что писал Каницу в ответ куратор Московского университета И. Меллисино по поводу занятий театром в казанской гимназии: «Сие произвело во мне особливую радость и удовольствие, что вы о приращении тамошних гимназий столь похвальным образом стараетесь. И я совсем вашего мнения, что чрез такие публичные театральные действия юношество весьма полезным быть может; оно приобучается к благородной пристойности, и купно в остроумных изображениях почерпает хороший вкус, а время от времени становится исправным <...> Уверен я, что под вашим распоряжением само представление весьма изрядным было, и в зрителях сего торжествования произвело достойное внимание». (Цит. по: Артемьев А.И. Ч. CLXXIV. С. 33-34). Первая же в Казани собственная актёрская труппа составила позже – в 1791 году, под руководством актёра Бобровского, члена кружка С.А. Москотильникова.

2.2.2. Казанская гимназия второго периода (1799 – 1804)

Среди предпосылок к появлению прессы в Казани, характерных для второго периода гимназии (с 1799 года) – наиважнейшие: формирование групп, кружков, обществ Казанской интеллигенции.

Процесс этот начался ещё в доуниверситетскую эпоху (до 1804 года) и продолжился позже. В конце XVIII века оформился кружок Саввы Москотильникова. К началу 1800-х годов – кружок молодых преподавателей гимназии, выпускников Московского университета (Карташевский, Запольский, Ибрагимов).

После возникновения университета (1804) возникнет первое формализованное объединение – «Казанское общество любителей отечественной словесности» (1806), но также продолжится процесс оформления неформальных групп интеллектуалов (первые профессора-немцы казанского университета, часто выступавшие в союзнчестве с группой Карташевского; первые студенты, бывшие гимназисты, молодёжная часть «Казанского общества любителей словесности»).

О двух наиболее ранних объединениях – кружке Москотильникова и кружке Карташевского, имевших непосредственное отношение к зарождению прессы в Казани скажем в этой части.

Самым знаменитым деятелем казанского масонства и одновременно организатором литературной жизни Казани являлся Савва Андреевич Москотильников. 13 страниц своей монографии о начале Казанской прессы посвятил С.А. Москотильникову и его кружку Константин Николаевич Куранов¹²². Именно в казанском кружке С.А. Москотильникова, в конце XVIII века в Казани впервые заговорили о создании своего печатного органа¹²³.

С.А. Москотильников родом из Ярославля, приехал в Казань в 1793 году, как пишет К.Н. Куранов, уже «будучи опытным журналистом и писателем». Савва Андреевич был связан к тому времени с московскими масонами, какие-то его статьи печатались в журналах Н. И. Новикова. Москотильников имел сношения со знаменитым масоном, сенатором И.В. Лопухиным, дружил с М. Невзоровым, прославившимся фактически первыми в России репортажами в годину 1812 года. Но и сам Савва Андреич автор «Воззвания к обитателям Казанской губернии при слухе о вшествии неприятеля в Москву»¹²⁴.

¹²² см.: Куранов К.Н. Казанская пресса. Начало. С.30-42.

¹²³ Там же. С.30.

¹²⁴ Повторно опубликовано Е.С. Бобровым в 1904 г. См.: Москотильников С.А. Воззвание к обитателям Казанской губернии при слухе о вшествии неприятеля в Москву. – в кн.: Бобров Е. С. А. Москотильников как литератор; Из переписки и бумаг С. А. Москотильникова // Лит. и просв. в России XIX в.: Мат-лы, исслед. и заметки. Казань, 1903. Т. 4. С. 227-228.

В современных источниках гораздо больше уделяется внимание его литературной и масонской деятельности, но совершенно выдающаяся его деятельность как делопроизводителя губернского правления и юриста ещё нуждается в освещении. Здесь в значительной мере проявился Савва Андреевич как общественный деятель. Золотое время для С. Москотильникова наступило после 1810-го года, когда он был осыпан наградами губернатором за помощь в успешном прохождении ревизии. На какое-то время он становится почти всемогущим чиновником, став пользоваться неограниченным доверием губернатора. Савва Андреевич за 10 лет губернаторства Мансурова прошёл путь от «неприятя» до «правителя делами губернатора» (губернатор Б. Мансуров скончался в 1814 году).

А всего Савва Андреевич служил на благо Казани и местного общества более 60 лет, вышел в отставку в середине сороковых годов XIX века. Пик его деятельности пришёлся на конец XVIII начало XIX века, т.е. годы преддверия зарождения университета и молодой Казанской прессы.

Основные участники кружка С.А. Москотильникова – поэт Гавриил Каменев, которому Савва Андреевич помог войти в литературные круги столицы, историк Н.С. Арцыбышев (часто можно прочесть «Арцыбашев», но сам Николай Сергеевич неизменно писал свою фамилию через «ы» – Арцыбышев) из Цивильска, известный антагонист карамзинской «Истории государства Российского» (первые статьи со своими возражениями он поместит в 1822 году, в «Казанском вестнике», а далее они уже будут печататься в столичной периодике). Ещё один участник казанского кружка Саввы Москотильникова – Иван Иванович Чернявский, учитель, потом директор Главного народного училища в Казани (начальной школы, по современной номенклатуре), открытого в Казани в 1786 году. И.И. Чернявский позже станет первым профессором словесности в Виленском университете. Одним из его благодарных учеников будет

великий польский поэт Адам Мицкевич, самый поворот которого к поэзии состоялся после того, как сын профессора Чернявского прочёл ему наизусть поэму В. Жуковского «Людмила».

Вся эта четвёрка казанских литераторов (Москотильников, Каменев, Арцыбышев, Чернявский) вошла в 1802 – 1805 годах в «Вольное общества любителей словесности, наук и художеств», связанное с группой писателей-радищевцев, рассматривавших жизнь А. Н. Радищева как мужественный подвиг во имя правды и свободы.

Казанцы образовали свою, как бы казанскую фракцию ВОЛСНИХ, они помещали свои произведения в органе общества — «Периодическом издании». Активнее других проявил себя здесь как поэт Н. Арцыбышев. Важным моментом стали публикации поэм Г. Каменева, последним из четвёрки, в 1805 году в общество вошёл сам Савва Андреич Москотильников и состоял его членом вплоть до его приостановки в 1812 году, в этот же год он вступил в Казанское общество любителей русской словесности, основанное Н. Ибрагимовым.

Особенный интерес представляют планы кружка об издании своего периодического сборника. Если бы им суждено было сбыться, то именно этот сборник, а не газета, стал бы первым периодическим изданием г. Казани. По словам исследователя казанской старины профессора Е. А. Боброва, «четыре члена интимного москотильниковского кружка – С. А. Москотильников, Г. П. Каменев, Н. С. Арцыбашев и И. И. Чернявский, около 1801 года задумали издать в Казани литературный сборник, заключающий в себе произведения всех названных членов кружка. Мы не знаем, — пишет Е. А. Бобров, — по каким причинам это намерение их не осуществилось. Не сохранилась и рукопись предполагаемого сборника»¹²⁵. Названные члены кружка серьезно были подготовлены к изданию сборника, у них было уже все готово, однако сборник не вышел. По своему характеру сборник должен был представлять произведения,

¹²⁵ Бобров Е. С. А. Москотильников как литератор; Из переписки и бумаг С. А. Москотильникова // Лит. и просв. в России XIX в.: Мат-лы, исслед. и заметки. Казань, 1903. Т. 4. С. 213.

изображающие великие дела, «возвышающие человечество», а также и неприглядные стороны действительности. Программа сборника издателями кратко определена так: «Под мирным кровом простоты, далеко устранившейся от шума, сопровождающего блестящую пышность, в те сладкие минуты, когда нежное дружество, разделяя ощущения сердец, между собою близких, приводило в забвение превратности жизни, когда в тихой беседе душа, растроганная изображением или великих дел, возвышающих человечество, или зла, бросающего черную тень на картину нравственного бытия, предавалась попеременно и приятным восторгам, и горестным впечатлениям, полнота сих чувствований образовала собранные здесь опыты упражнений четверых жителей Казани». У издателей, вероятно, было собрано литературы в достаточном количестве, они не хотели ограничиваться изданием одного сборника. В посвящении к сборнику они обещали, что «если нахмуренное чело критики не лишит надежды в одобрении, вторая книжка будет следовать за первой»¹²⁶.

Интересно, что это не первая задумка Саввы Москотильникова о своём периодическом издании. На рубеже 1780–1790-х годов, т.е. ещё до приезда в Казань, став одним из деятельных участников масонского кружка в Нижнем Новгороде, С.А. Москотильников сотоварищи создали «Нижегородский литературный кружок» и задумывали выпускать рукописный еженедельник под названием «Провинциальный зритель», ведущая роль в этом начинании также принадлежала Савве Андреевичу.

Важно назвать и других членов казанского кружка С.А. Москотильникова, кроме помянутой четвёрки писателей. Одним из них стал актёр, создатель театральной труппы в Казани В.Р. Бобровский. Особо значимо для нас участие в кружке Д. Н. Зиновьева, будущего первого издателя и редактора «Казанских известий». Также среди участников: префект казанской духовной семинарии К.С. Орлов, литератор и библиофил И.А. Второв, отец будущего

¹²⁶ см.: Бобров Е. А. Литература и просвещение в России XIX в. Материалы, исследования и заметки. Т. IV. Казань, 1902, С. 213–214.

редактора неофициального отдела «Казанских губернских ведомостей» Николая Второва, преподаватель главного народного училища С.В. Смирнов, сын городского головы, небезызвестного Леонтия Филипповича Крупенникова, бывшего в 17-летнем возрасте в плену у Пугачева, Алексей Леонтьевич. По словам краеведа П.А. Пономарёва, «участники кружка всецело были проникнуты лучшими веяниями XVIII в. и служили пионерами культуры в среде тогдашнего казанского общества», а «сценические представления были для них одним из орудий просветительного воздействия... этот кружок, несомненно, определял и характер репертуара в театре Бобровского». «Целых шесть лет, – констатирует краевед П.А. Пономарёв, – с блеском и достоинством проработал в Казани этот интеллигентный кружок, создавший «вольный театр» с целью культурного воздействия на местное общество». Основные темы кружка, как указывает П.А. Пономарёв: наука, искусство и литература¹²⁷.

Несколько позже и уже непосредственно при гимназии сформировался кружок молодых преподавателей, неформальным лидером которых был Карташевский. Именно этот кружок стояли у истоков возникновения «Казанского общества любителей отечественной словесности» (основатель – Н. Ибрагимов) и газеты «Казанские известия» (инициатор – И. Запольский).

Этот кружок сформировался ещё в Первой Казанской гимназии. А за несколько лет до начала газеты, но уже после основания Императорского университета (примерно в 1805 – 1807 годах) эти преподаватели – Карташевский, Запольский, Ибрагимов – вступили в открытый конфликт и оказались в оппозиции к первому директору Университета И. Яковкину, человеку, по воспоминаниям многих, хитрому и склонному к интригам. Это могло повлиять на последующее отстранение И. Запольского от редактирования газеты. (Ср.: Загоскин Н.П. «Вся эта начальная пора жизни казанского университета ознаменовывается борьбою Яковкина с протестующею против него и представляемого

¹²⁷ См.: Пономарёв П.А. Казанский поэт Каменев // Волжский вестник, 1889, № 76 от 25 марта, С.1.

им режима советской партией, во главе которой особенно рельефно выступали адъюнкты Карташевский и Запольский, профессора Цеплин, Герман и Каменский»¹²⁸).

Цеплин и Герман – это уже представители немецкой профессуры Казанского университета, также составившей отдельную группу в нём. Биограф старейшего профессора казанского университета П.А. Цеплина Дарий Ильич Нагуевский отмечал:

«Одинокий Цеплин, свыкшийся с жизнью интеллигентных сфер Германии, Прибалтийского края и Петербурга, естественно должен был по своём приезде в Казань искать сближения с наиболее родственной ему по духу, стремлениям и задачам средой сослуживцев... Но здесь за редкими исключениями, он встречал прискорбное разочарование. Директор Гимназии – Лихачев, не будучи ни учёным, ни педагогом и не обладая качествами симпатичного человека – естественно не мог привлечь к себе расположения Цеплина, в глазах которого он был только чиновником, а не руководителем учебного заведения. Хитрый искательный характер Яковкина – не соответствовал прямому открытому образу мыслей первого казанского профессора». Сошёлся П.А. Цеплин со своими земляками-немцами, а из русских преподавателей – всё с теми же Карташевским и Запольским: «Благородный, энергичный характер Карташевского и его стремления к научному совершенствованию и развитию привлекли к нему академически образованного Цеплина и сближение с ними... последовало уже в первые месяцы их совместного служения; тогда же, вероятно, сошёлся Цеплин и с Запольским, другом и земляком Карташевского»¹²⁹.

¹²⁸ См.: Биографический словарь профессоров и преподавателей императорского Казанского университета (1804–1904). /Под ред. Н. П. Загоскина. Ч. 1. Казань, 1904. С. 212.

¹²⁹ Нагуевский Д.И. Казанская гимназия накануне основания Казанского университета (1804 – 1805. Казань: типо-лит. Каз. ун-та, 1900, С.41 – 42.

Современный исследователь Л.Р. Шакирова сообщает следующее: «Еще в гимназии он (И.Ф. Яковкин, будущий первый директор Казанского университета – А.Б.), встретившись с высокообразованными, знающими свое дело, независимыми и прямыми в своих суждениях и поступках людьми, назвал Г.И. Карташевского, И.И. Запольского и Н.М. Ибрагимова людьми «молодого высокоумия». А в отношении Н.М. Ибрагимова за его едкие в свой адрес эпитграммы И.Ф. Яковкин сделал все, чтобы не допустить его на незамещенную до осени 1806 г. кафедру русской словесности»¹³⁰. Основная деятельность группы была сосредоточена не на литературе, а на борьбе за наилучшую и прогрессивную организацию работы нового университета, борьбе, происходившей в основном в Совете и через официальную переписку, и выстраивавшейся как официальная оппозиция директору И. Яковкину. Тем не менее, как уже было сказано, именно лидеры из группы Карташевского встали у основания казанских общества любителей словесности и первой газеты.

Г.И. Карташевский в итоге покинул университет. И.И. Запольский остался, и именно он предложил план будущей газеты. И.Ф. Яковкин недолюбливал И. Запольского, но план показался ему перспективным, в том числе в отношении возможной прибыли для Университета, и далее уже главным автором проекта газеты перед попечителем Учебного округа, своим покровителем Румовским, выступал сам И. Яковкин, а на финальном этапе И. Запольского и вовсе отстранили от газеты. И.Ф. Яковкин интриговал и против С.А. Москотильникова, дал ему отрицательную характеристику, когда тот в декабре 1806 хотел получить кафедру профессору юриспруденции.

Вообще, кружки Карташевского и Москотильникова стояли в близких друг к другу отношениях. Те – университетские патриоты, но оппозиционеры директору (при этом, Карташевского уволили, а Ибрагимов и Запольский оста-

¹³⁰ Шакирова Л.Р. Казанская математическая школа, 1804–1954. Казань: КГУ, 2002. Электронный ресурс: URL.: <http://libed.ru/knigi-nauka/532789-2-kazanskaya-matematicheskaya-shkola-1804-1954-vvedenie-reshenie-nasuschnih-problem-sovremennogo-obrazovaniya-trebuem.php>. Режим доступа – свободный. 9.01.2022.

лись в системе университета). Кружок Москотильникова выстраивался как такой духовно-культурный центр, если не оппозиционный, то альтернативный университету. Но ещё одним из главных соединительных элементов кружка С.А. Москотильникова было масонство.

2.3. Движущие силы и факторы возникновения казанской прессы

В первые годы существования университета продолжилось формирование интеллигентских кружков и литературных объединений. Возникло «Казанское общество любителей отечественной словесности», сначала как сугубо кружок гимназистов под руководством Н. Ибрагимова. Это объединение помогло ощутить себя подросткам, молодым гимназистам, в будущем студентам – как самостоятельную отдельную группу (входили: С. Аксаков, П. Кондырев, братья Панаевы (четверо), Перевоицковы, Княжевичи). И хотя позже в «Общество» принимали уже много маститых членов, в том числе и весьма знаменитых писателей, но студенческий костяк в нём оставался как бы группой внутри общества, отдельным неформальным сообществом, в том числе – предпринимавшим издание своих рукописных студенческих журналов. Наиболее яркие выходцы из этого круга – С.Т. Аксаков и П.С. Кондырев (будущий редактор «Казанских известий» (в 1813 – 1816 гг.).

Мы говорили о сложившейся неформальной группе профессор-немцев. Когда с 19 номера газета «Казанские известия» (год основания 1811) была возвращена университету, то 6 сентября был образован редакционный комитет. В нём кроме двух редакторов (Городчанинов и Перевоицков) и адъютанта Никольского, остальные – были профессора-немцы (М.И. Герман, К.Ф. Фукс, Ф.И. Эрдман, Ф.К. Броннер) они и составили костяк первой редакции (Кондырев вошёл позже, вместо исключённого Эрдымана).

Видится в этом и некоторое следование традициям «Санкт-Петербургских ведомостей», которые после передачи издания в ведение Академии наук

(в 1727), вышли сначала на немецком языке, их главным редактором был профессор Миллер, а главным содержанием – перепечатки из иностранных (в т.ч. научных) журналов и газет.

Членам нашего издательского комитета, немецким профессорам, также поручили готовить в «Казанские известия» переводы из европейских научных изданий. Так, Ф.К. Броннеру для перевода достались «Гилбертовы физические летописи», «Всеобщий указатель» и «Бюллетень Гермштета» Карлу Фуксу, «Йенские учёные ведомости» профессору М.И. Герману, а магистру М.А. Юнакову (вместо уволенного вскоре Эрдмана) поручили для перевода издание «Бертуха географические ефемериды».

Безусловно, самым ярким представителем немецкой профессуры в Казанском университете, в том числе и в контексте журналистском, был Карл Фёдорович Фукс.

Теме «Карл Фукс журналист» посветил специальный очерк К.Н. Куранов, и также я в своей монографии 2021 года¹³¹. Карл Фукс имеет непосредственное отношение к пяти первым и важнейшим в истории Казанской журналистики изданиям – «Казанские известия» (член издательского комитета, ведущий рубрики, постоянный автор), «Казанский вестник» и «Прибавления к нему» (один из ведущих авторов издания), «Заволжский муравей» (один из инициаторов и авторов издания), и наконец, «Казанские губернские ведомости» – автор и советник главного редактора.

Повторю здесь выводы, которые я сделал в монографии, разбирая творчество К.Ф. Фукса как журналиста-автора: «Он и прекрасный очеркист, описатель, пейзажист, и умеет вычленять проблемы; и репортажные, с эффектом присутствия, куски в его очерках выходят замечательно, он же и работает в жанре беседы, искусно передавая чужие монологи. Наконец, с ним связан пер-

¹³¹ См.: Куранов К.Н. Казанская пресса. Начало. Казань: Идель-пресс, 2011. С.73-86; Бик-Булатов А.Ш. Карл Фукс – журналист. – в кн.: Бик-Булатов А.Ш. Очерки... 2021. С. 89-102.

вый в истории казанской журналистики такой ярко выраженный тандем соавторов (вместе с супругой Александрой Андреевной Фукс, ставшей первой женщиной-журналистом Казани). И в целом, конечно же, Карл Фёдорович Фукс сам – это целое явление в Казанской общественной и научной жизни первой половины XIX века, в том числе, и в истории нашей местной журналистики»¹³².

Ещё одной важной тенденцией, предпосылкой появления журналистики в это время, явилось появление типографий.

К моменту появления газеты в городе существовало три типографии и самая ранняя из них – так называемая «азиатская типография». По указу Екатерины II в 1788 году создаётся Оренбургское магометанское духовное собрание — первая официальная организация мусульман России. Учреждается должность главы российских мусульман — муфтия, кандидатура которого после избрания мусульманским обществом должна была утверждаться императором. Появление ОмДС стало первой предпосылкой будущему появлению мусульманской прессы, именно Оренбургский муфтий стал инициатором (подателем прошения) появления Азиатской типографии (1801 г.), этим был заложен фундамент под тот особый статус «книжной столицы», который приобрела Казань в будущем в российском мусульманском мире. Первым содержанием типографии был татарский купец Бурашев, «работающие в типографии все из татар, но только бумага и чернила покупаются у русских»¹³³.

Также функционировала типография губернского правления. «Типография казанского губернского правления была учреждена в 1804 году вновь назначенным в Казань губернатором Б.А. Мансуровым, вложившим в это дело собственные средства, в размере до 1500 рублей, но уже скоро разочаровавшимся в этой затее, вследствие чего он и стал предлагать эту типографию как

¹³² Бик-Булатов А.Ш. Очерки... 2021. С. 101.

¹³³ См.: Фукс К.Ф. Казанские татары, в статистическом и этнографическом отношении. С. 120.

раз в это время основывавшемуся Казанскому университету <...> Из сохранившейся инвентарной описи этой типографии усматривается, что она была совершенно ничтожною (в ней имелся один стан, три кассы, три верстака, три рамы, около 12-ти пудов шрифтов и т.п.) и оценивалось всего в 1028 рублей 70 с половиной копеек. Покупка этой типографии однако не состоялась, так как именным указом от 7 июля 1805 года на содержание её назначена штатная сумма в размере 900 р. в год, с возвращением губернатору его личных средств, употреблённых на основание типографии»¹³⁴.

Университетская типография заработала только в 1808 году. Директор И.Ф. Яковкин по этому случаю писал: «Разговаривая с некоторыми здешними жителями об имеющей быть при университете типографии, получил я достоверное известие, что университет и ныне может иметь от типографии российской до двух тысяч рублей прибыли, ежели бы хотя на два листа было российских литер, печатая объявления о продажах, подрядах...»¹³⁵. Письмо Яковкина было послано в Петербург, ещё до прибытия шрифтов, посланных в Казань для устройства типографии по линии попечителя Казанского учебного округа С.Я. Румовского. Когда, наконец, они прибыли, в августе 1808 года И. Запольский вышел со своим проектом газеты (от появления первого плана до его воплощения прошло практически 3 года, первый номер «Казанских известий» вышел в 1811 году).

Напомним, первый проект И. Запольского по изданию газеты при университете был заблокирован. Далее Иван Ипатович встречается с губернатором, и дальнейшее продвижение будущей первой казанской газеты идёт уже по линии губернского правления, подававшего проект уже не по ведомству

¹³⁴ История Императорского казанского университета за первые сто лет его существования, 1804-1904/ [соч.] Н. П. Загоскина, заслуженного ординарного проф. – Казань: Типо-литогр. Имп. казанского ун-та, 1902–1904. Т. 2: Ч. 2: (1814-1819). С.336.

¹³⁵ Цит. по: Булич Н. Из первых лет Казанского университета, Ч.1.С.621.

министерства народного просвещения, а по ведомству министерства внутренних дел, причём в проекте уже обозначалось намерение издание газеты как на русском, так и на татарском языке.

Князь Куракин запрашивает мнение графа Разумовского (министра народного просвещения), и тот даёт положительный отзыв, но с оговорками. Одна (под явным влиянием попечителя учебного округа С.Я. Румовского, настроенного директором И.Ф. Яковкиным) как раз касалась отстранения И. Запольского от участия в газете под предлогом занятости того при университете. Но также выражалось министром сомнение об издании «Казанских известий» на татарском языке, «потому что азиатская типография, при казанском университете состоящая, имеет литер только на три листа, да и те по большей части уже стары»¹³⁶.

На этой стадии, губернатор бодро отвечает, что проблем не будет: «убеждаясь местными опытами (здесь Загоскин, приводящий этот отрывок ставит вопросительный знак – А.Б.) и многократно доходившими азиатского поколения народа желательными отзывами» – он принимает приобретение этих шрифтов на свой собственный счёт, с тем, чтобы этот расход был ему впоследствии возмещён из доходов с предположенного издания»¹³⁷. Ссылался он и на то, что при губернском правлении есть переводчик с татарского языка. Итак, губернатор сначала обещал приобрести шрифты, основываясь на этом было получено разрешение на татарскую газету, а потом, что видно из объявления 1810 года, он изменил свои планы. Названное объявление – один из немногих документов по периоду, когда газетой занималось губернское правление. В университетском архиве бумаг по этому периоду уже нет, а архив губернаторский – погиб при пожаре 1815 года.

¹³⁶ Цит. по: История Императорского казанского университета за первые сто лет его существования, 1804–1904/ [соч.] Н. П. Загоскина, заслуженного ординарного проф. – Казань: Типо-литогр. Имп. казанского ун-та, 1902–1904. Т. 2: Ч. 2: (1814–1819). С. 289.

¹³⁷ Там же. С.290.

В генезисе первой казанской газеты «Казанские известия» можно выделить несколько движущих сил, действующих в направлении к появлению и начальному этапу жизни газеты.

1. Университет: газета возникала как университетский проект, предложенный университетскими преподавателями, проектно – встроенный в систему университета. 1808-1809.
2. Губернатор: газета получила лицензию, будучи переданной из университета под попечение губернской канцелярии. (1809-1810).
3. Частное издание: из-за самоустранения губернского представительства первый месяц газета существует фактически как частный проект издателя, арендатора губернской типографии Д. Зиновьева (апрель-май 1811).
4. Возвращение издания университету, как официальному и уполномоченному ведомству для контроля за газетой. Учреждается редакционный комитет по управлению газетой, дискуссии о том, какой характер будет иметь газета – более ведомственный /редактор Городчанинов/, более общественный /редактор Перевошиков/ (1811-1812).
5. При редакторе П.С. Кондыреве (1813-1816) побеждает взгляд на газету, как общественную, а на университет – как представитель и выразитель общественного интереса. И после его увольнения эта тенденция сохраняется до прихода М.Л. Магницкого, закрывшего газету.

Итак, первая казанская газета перепробовала ещё до выхода первого номера форматы разных учредительств, которые сказывались и на характере этого издания: учредительство именем университета, именем губернатора, и именем частного лица. Сам университет был молодой и только обретал свой социальный и институциональный статус в культурно-политическом ландшафте Казани. И мы видим, например, разные взгляды на университет как учредителя газеты у редактора Городчанинова (1811 – 1813) и редактора Кондырева (1813 – 1816).

Для первого, университет – это, прежде всего, контролирующий, надзирающий орган, государево око, приставленное к газете для того, чтобы там не появлялось самовольства и ненадёжной информации. А для Кондырева, университет – это представитель и выразитель общества.

Характерен в этом контексте эпизод со статьёй П. Кондырева, тогда ещё не редактора, против печати которой возражал Городчанинов. Статья была посвящена Макарьевской ярмарке, и уже была одобрена всем комитетом, редактор же Городчанинов потребовал, чтобы сведения статьи были подтверждены и заверены либо городским главою купеческого общества, либо полицией. Не взирая на этот протест статья была напечатана (№ 25 за 1811 год), потому что, как было сказано, в первый период газета управлялась демократическим способом, и окончательное решение принимал редакционный комитет голосованием.

В целом, университет оказывал решающее влияние на формирование казанской прессы и в плане организации и учреждения всех без исключения изданий прессы за первые двадцать пять её истории, и в связи с оформлением кадрового состава казанских журналистов и организацией цензурирования местной печати (единственный регион России, где на протяжении более 100 лет в роли отдельного цензора выступал тот или иной профессор Казанского университета). Университетоцентричность отличает казанскую прессу от журналистики других регионов России. Даже в позднейшие периоды, когда центры газетно-издательской деятельности в Казани сместились сначала в сторону губернского правления, а далее – перешли в руки частных объединений публицистов или коммерческих фирм, представители университета играли выдающуюся роль в организации местной печати.

Редактором «Волжского вестника», лучшей газеты поволжского региона 1880-х годов, был профессор, в будущем ректор, Николай Павлович Загоскин, газеты «Камско-Волжский край» – профессор, короткое время исполняющий

обязанности ректора Николай Алексеевич Фирсов, а позже – тот же Н.П. Загоскин, первой частной газеты города – «Справочный листок г. Казани» (1867) – проф. С.М. Шпилевский, он же – первой ежедневной газеты Казани «Волжско-Камское слово», первым редактором «Казанского биржевого листка» – проф. А.К. Чугунов, именно при его редакторстве назвал эту газету лучшим провинциальным органом печати писатель Н.С. Лесков (1869) и т.д.

Период превалирующего влияния губернской администрации на прессу начнётся с 1838 года, года возникновения «Казанских губернских ведомостей», ставшей частью создаваемой централизованно системы официальной провинциальной прессы. С 1838 по 1867 год единственной казанской газетой оставались местные губернские ведомости. Но уже с 1862 года значение этого издания начинает падать. Однако и в дальнейшем были попытки оживить это издания (С.М. Шпилевским в 1868, Н.Ф. Юшковым в 1870-е гг.). Наилучшим периодом в истории издания будет время с 1843 (открытие неофициального отдела) по 1861 год. Как мы видели, уже первая газета «Казанские известия» могла начаться в качестве органа губернского правления, и именно для выпуска издания в этом формате была получена лицензия, разрешавшая выход, лишь самоустранение администрации привело к тому, что начальные выпуски газеты стали фактически единоличным предприятием арендатора губернской типографии Д. Зиновьева.

Подробнее взаимоотношение казанской прессы с властями на разных уровнях в разные годы рассмотрено в монографии Е.В. Курбаковой. Большей частью речь там идёт об изданиях, у которых в качестве учредителей выступают частные лица, общества или фирмы.

Отношения прессы и власти выстраиваются в двух аспектах: отраслевом и общественном. Под первым из названных (отраслевом) мы имеем в виду такие типы отношений, в которых власть выступает в роли регулятора в сфере журналистики и прессы. Это весь блок вопросов и согласований, связанных с

учреждением новых газет и журналов, а также с цензурой изданий, контролем за соблюдением прессой законности, правил и установлений.

Второй аспект: общественный, при котором журналистика как социальный институт выполняет свою общественную задачу, и где власть понимается в качестве непосредственного руководителя жизнью людей в регионе, по отношению к которому пресса неизбежно должна высказываться, вступать в диалог, либо освещать его деятельность, выступая посредником между властью и обществом.

В период частно-общественный (примерно начиная с 1870-х гг.), инициатива учреждения новых газет и изданий в Казани была уже не у губернатора и его администрации, а у частных лиц и неформальных сообществ интеллигенции; однако в системе прессы продолжали ещё некоторое время играть заметную роль «Казанские губернские ведомости» (до середины 1860-х годов). В качестве учредителя, кроме собственно «губернских ведомостей», мы имеем во второй половине столетия лишь один яркий пример участия губернатора в организации газеты – речь об издании «Волжско-Камское слово» (1881-1882). Проект этой газеты, нацеленной на создание площадки, соединяющей усилия власти и лояльной ей интеллигенции города, курировал лично губернатор А.К. Гейнс.

Итак, на первом этапе (университетском): газета «Казанские известия» – независимая от губернатора, но благонамеренная пресса. На втором – губернская администрация выступает главным учредителем прессы. Но характерно, что расцвет этого издания возникает в периоды, когда сильнейшее влияние на неё имеют университетские профессора: при редакторе Н. Второве – его главный советник Карл Фукс, обеспечивавший преемственность «Казанских губернских ведомостей» с изданиями университетского периода; далее – главный редактор А.И. Артемьев, университетский библиотекарь, редактирует в своей комнате при здании библиотеки; после Артемьева – редактор:

профессор И.Н. Березин. На третьем этапе инициативу изданий перехватывают частные лица и группы. Губернатор и его администрация остаются в роли регуляторов, установщиков правил для газет. Редкий пример этого периода, когда губернатор выступил учредителем газеты «Волжско-Камское слово».

Эпоха частно-общественной прессы в Казани началась по-настоящему на рубеже 1860-1870-х годов. То, что с первых номеров газета «Казанские известия» (1811) фактически стала частным предприятием Д. Зиновьева – это скорее казус истории.

Первые частные газеты в Казани появились в конце 1860-х годов, это, прежде всего, «Справочный листок г. Казани» (1867) С. Шпилевского и «Казанский биржевой листок» (1869-1892), первый редактор – А. Чугунов. Оба издания на первых порах своего выхода лояльные власти, первая из названных газет – пользовалась поддержкой городских властей, вторая – городской биржи и местных крупных предпринимателей. Напомним, Г. Н. Потанин относил обе эти газеты к «городским» изданиям, в противовес к «областным», представленным с 1872 года «Камско-Волжской газетой».

В это разделение на «областные» и «городские» кроме собственно тематики и ареала проблем, он вкладывал и некоторый политический оттенок, «областничество» тяготело к легальной оппозиционности, в отличие от изданий С.М. Шпилевского и А.К. Чугунова, не отличавшимся острым тоном критики.

С «Камско-Волжской газеты» (1872-1874) начинается новый этап в истории казанской частной прессы и вообще всей местной журналистики. «Областнический тренд» после закрытия этого издания первое время пытался частично поддерживать продолжавший выход «Казанский биржевой листок», позднее это издание трансформировалось в массовую универсальную информационную газету, не осталось там ничего специфически биржевого, тенденции, связанные с переходом на рыночные отношения и выстраивания газетно-издательского бизнеса сильнее всего повлияли на трансформацию этого издания в 1880-1890-е гг.

Попытку соединить «областническую» проблематику с городской тематикой встречаем в лучшей казанской газете 1880-х «Волжском вестнике», по уровню и остроте несколько уступавшей «Камско-Волжской газете», но если та действовала в относительно либеральных условиях 1870-х, то пик деятельности «Волжского вестника» пришёлся на период реакции.

Борьба с административным давлением и возросшая роль капитализации газетного дела и журналистики – стали главными тенденциями, в условиях которых шло развитие прессы в 1890-е и 1900-е годы. После первой русской революции 1905-1907 годов стала нарастать политизация направлений в казанской прессы.

Сложившиеся типы, в том числе связанные с городской и областнической ориентацией претерпевают трансформацию. Коммерческая модель массовой универсальной газеты лежала поначалу в основе «Казанского телеграфа» (1893 – 1917), после первой революции газета окончательно выявляет свою политическую физиономию – став газетой казанских правых и русских националистов.

Областнический тренд в условиях требований рынка несколько размывается, отступает в позднем «Волжском вестнике» (1890-1900-е гг.), когда газета издавалась Н.В. Рейнгардтом. Тем не менее, влияние его простирается на казанские либеральные газеты 1900-х годов: «Вечернее эхо», «Казанский вечер», «Волжско-Камская речь», «Камско-Волжская речь». Последняя из них (с 1908), оформилось в главную леволиберальную газету Казани, при этом считая себя продолжателем традиций «Камско-Волжской газеты».

«Областнический тренд» как один из ведущих в истории казанской журналистики второй половины XIX начала XX века будет подробно рассмотрен нами позднее в соответствующей главе диссертации.

Итак, говоря о генезисе и зарождении казанской прессы мы выявили следующие предпосылки:

1. Открытие Первой казанской гимназии, в связи с этим:

- а) формирование интеллектуально-культурной среды преподавателей, первых публицистов;
 - б) организация книжной торговли и подписки на издания прессы;
 - в) формирования практик публичных собраний и взаимодействия (литературные диспуты, спектакли, торжественные акты гимназии).
2. Открытие Казанского университета, ставшего главной движущей силой появления журналистики в Казани.
 3. Появление литературных групп, обществ, кружков единомышленников (салон Москотильникова; группа преподавателей Карташевского; «Казанское общество любителей Отечественной словесности»; немецкая профессура; студенты, издатели рукописных журналов
 4. Заведение первых типографий в городе (азиатская, губернская, университетская).
 5. Налаженные связи с Московским университетом; с деятелями русского масонства.
 6. Появление инициатора газеты, создателя её проекта, живого энтузиаста газетного дела (И.И. Запольского), а позже – сложившегося тандема руководителей проекта: Запольский – Зиновьев.

Мы выделили некоторые общие закономерности, характерные для развития казанской прессы на протяжении 100 лет.

1. Тип и характер издания во многом определялся характером его учреждения и учредительствующим субъектом. В основном для Казани можно выделить три группы учредителей газет и журналов:
 - (а) Учебные заведения. Прежде всего: Казанский университет. Но и (например) Казанская Духовная Академия.
 - (б) Губернское правление
 - (в) Частные лица, общества или компании.

Эти три типа учреждения – соответствуют трём большим этапам казанской прессы, в который укладываются периоды её истории: этап «университетский» (1811–1838); «губернский» (1840 – 1860); и «частно-общественный» (1870 – 1900-е гг.). В дальнейшем, мы предлагаем более подробную периодизацию казанской журналистики.

2. Областнический тренд – один из ведущих в казанской журналистике XIX начала XX века. Интересно, что профессионалы журналистики того времени считали «областническими» уже первые казанские газеты и журналы (например, газету «Казанские известия» и журнал «Заволжский муравей»).
3. Кроме «областнической» сформировался тип «городской» газеты.
4. Позже и тот, и другой типы подверглись эрозии и трансформации в условиях общей коммерциализации и нарастающего административного давления на прессу.
5. В 1900-е годы важной характеристикой поля журналистики кроме тенденций, названных выше, становится общая политизация прессы. Появляются партийные издания. Также появляются татарские издания.

Теперь, сформулируем и обобщим наши выводы по общей периодизации казанской журналистики с момента возникновения и до 1918 года. Мы выделили следующие периоды:

I. 1758–1811. Формирование предпосылок для зарождения казанской журналистики: появление интеллигентско-писательской среды; первых публицистов; подписные кампании и организация распространения столичных газет и журналов. Хронологические рамки: С года основания Первой Казанской гимназии до возникновения газеты «Казанские известия».

II. 1811–1838. Ранняя казанская журналистика, «университетский» период казанской прессы: появление первых казанских периодических изданий: «Казанские известия» (1811-1820), «Труды Казанского

общества любителей отечественной словесности» (1817); «Казанский вестник» (1820–1834) и «Прибавления» к нему, «Заволжский муравей» (1832–1834), «Учёные записки Императорского Казанского университета». Хронологические рамки: с 1811 – появление «Казанских известий» до 1838 – возникновения «Казанских губернских ведомостей».

III. 1838 (1843) – 1862. *Период доминирования «Казанских губернских ведомостей» в информационном поле Казанской прессы.* 1838 – возникновение газеты «Казанские губернские ведомости», как типичного органа создаваемой централизованно системы официальной провинциальной печати. 1843 год – появление «Неофициального отдела» в газете, после чего «губернские ведомости» из издания сугубо справочного, превратились в орган журналистики. 1862 год – с приходом на должность главного редактора Н.Н. Вячеслава издание снова превращается в подобие справочно-статистического сборника, начинается упадок «Казанских губернских ведомостей».

IV. *1860-1870-е гг. – зарождение и оформление сферы частно-общественной казанской прессы.* Условно, можно разделить по десятилетиям на 1860-е и 1870-е гг.

1860-е гг.: Период можно назвать переходным: от доминирования официальных к частным независимым органам печати. Первые частные издания Казани: «Справочный листок г. Казани» (1867) и «Казанский биржевой листок» (1868) носят ещё полуофициозный характер. Закат «Казанских губернских ведомостей» и «Православного собеседника». Нижняя граница периода – 1872 год, до появления «Камско-Волжской газеты».

1870-е гг. Возникновение «Камско-Волжской газеты» и группы публицистов, т.н. «поволжского областничества». Оформление областной парадигмы казанской журналистики, сначала в связи с «Камско-Волжской газетой» (1872–1874), после её закрытия – продолженной

в публицистических сборниках («Первый шаг» (1876) и др.), а также в изданиях общества Археологии, истории и этнографии Казанского университета. Нижняя граница периода – 1883: появления газеты «Волжский вестник», наследовавшей традициям «Камско-Волжской газеты»

V. 1880-1890-е гг. Функционирование казанской прессы в условиях проникновения торговых отношений и капитализации отрасли.

Период условно делится на два подпериода: 1883–1891 – ведущие издания («Волжский вестник» и «Казанский биржевой листок») пытаются продолжать вести либерально-демократический курс, заложенный «Камско-Волжской газетой» в ухудшающихся условиях реакции 1880-х; с начала 1890-х тенденции коммерциализации стали доминирующими. События в медиа-сфере: переход «Волжского вестника» от Н. Загоскина к Н. Рейнгардту (1891). Закрытие «Казанского биржевого листка» (1892), появление газеты «Казанский телеграф» (1893), появление и закрытие газеты «Камско-Волжский край» (1896–1898).

VI. 1900-1910-е гг. Функционирование казанской печати в условиях политизации журналистики и одновременного существования русской и татарской прессы. Казанская печать в период между революциями (1905–1907 гг. и февраля-октября 1917 гг.), казанская пресса в годы Первой мировой войны.

Глава III. Казанская журналистика первой половины XIX века: издания, журналисты, проблематика

Если отбросить период, обозначенный нами как «формирование предпосылок появления казанской прессы», то на первую половину XIX века приходятся «университетский» (1811–1834) и «губернский» (1838–1861) этапы в истории Казанской печати.

Всё это время характеризуется тем, что в медийном поле доминировало какое-нибудь одно издание:

1811–1820 – газета «Казанские известия»

1820–1833 – журнал «Казанский вестник» и «Прибавления» к нему.

К 1832 году журнал приходит в упадок, в 1834 выходят одни только «Прибавления».

С 1832 года редактор «Прибавлений» М.С. Рыбушкин выпускает также журнал «Заволжский муравей» (1832–1834).

С 1834 года начинают выходить «Учёные записки Императорского Казанского университета», которые, однако, постепенно превращаются в узко-научное, специализированное издание. До 1838 года оно оставалось фактически единственным периодическим изданием в Казани.

С 1838 по 1867 – «Казанские губернские ведомости» – единственная газета.

Специализированные, отраслевые издания окончательно обособились в отдельную нишу, к концу 1850-х годов сюда входили: «Учёные записки», «Записки Императорского Казанского экономического общества», «Православный собеседник» - издание Казанской Духовной Академии.

3. 1. Университетский период

3.1.1. Общая характеристика периода

«Университетский» период в истории казанской прессы хорошо согласуется с общей историей Казанского университета, основанного, как известно, в 1804 году. Можно здесь выделить три чётких подпериода:

1. Самый ранний период казанской прессы (1811–1819). Газета «Казанские известия» до ревизии М.Л. Магницкого.
2. Эпоха М.Л. Магницкого (1819–1826). Журнал «Казанский вестник».
3. Преодоление наследия М.Л. Магницкого. (1826–1838). Появление «Учёных записок» вместо «Казанского вестника».

Издания, выходявшие в первый подпериод: газета «Казанские известия» (1811–1820). Журнал «Казанского общества любителей Отечественной словесности» (вышел один номер в 1817 году). Рукописные студенческие журналы: «Аркадские пастушки» (1805); «Журнал наших занятий» (1806-1807); «Смесь» (1812). Неосуществлённые издания: «Учёные записки Казанского учебного округа» (1818, был собран первый номер)¹³⁸; литературный периодический сборник группы С.А. Москотильникова (1801, был собран первый выпуск, готовились материалы для второго, но ни одной книги не было издано); проект юридического журнала «Наблюдатель» проф. И. Г. Неймана (проект рассматривался в 1814 году).

Ранние годы – это время, когда не только первая казанская газета, но и сам университет искал ещё своё место в культурно-общественном пространстве как на карте России, так и в жизни города. Общеизвестно, например, что первое время казанское общество встретило университет равнодушно, и университету приходилось много времени посвящать популяризации себя в глазах

¹³⁸ Подробнее см.: Бик-Булатов А.Ш. Очерки.... 2020. С.18 – 21.

у горожан. При этом, говоря об общероссийском значении, необходимо отметить, что Казань стала столицей огромного учебного округа, и к университету тянулась интеллигенция всего востока России и многих соседних городов. Эти тенденции нашли своё отражение и в газете: большинство подписчиков на неё было иногородние, что отнюдь не случайно.

Другой пример мы также приводили выше: дискуссии о том, чем должен быть университет в первую очередь: административным центром надзора за распространением просвещения, в т.ч. центром цензурным, контролирующим интеллектуальную деятельность, следящим за её направлением, встроенным в общероссийскую систему просвещения, или же он должен быть выражением общества и общественных чаяний и нужд. На раннем этапе первую точку зрения представляли директор университета И.Ф. Яковкин, попечитель Учебного округа С. Я. Румовский, проф. Г. Городчанинов (первый университетский редактор газеты). Вторую точку зрения представляли в университете группа Г. Карташевского (Карташевский, Запольский, Ибрагимов), группа немецких профессоров (самый яркий представитель – проф. К.Ф. Фукс), соредактор Городчанинова Перевошиков, преемник Г. Городчанинова на посту редактора П.С. Кондырев. С приходом в руководство газетой П.С. Кондырева (1813) и до появления М.Л. Магницкого (1819) точка зрения на университет и на газету как на явление общественное – укрепились.

Интересно в связи с этим, как развивались взаимоотношения молодой газеты с губернской администрацией. Напомним, что отношения самого университета с начальником губернии были непростые.

Губернатор Б. Мансуров, возглавлявший губернию к моменту открытия университета в Казани, видел в самом факте существования университета, ему неподчинённого, ограничение собственной власти, памятуя о том, что прежняя Казанская гимназия какой-то период была, напротив, в прямом губернском подчинении.

«Недоразумения между университетом и местною губернской администрацией, в лице губернатора Мансурова, начались с самого основания первого, явившись лишь отголоском антагонизма, создавшегося между казанским учебным ведомством и губернской властью ещё до этого события и причины которого коренились в неопределённом положении гимназии, создавшемся после проведённой в 1803 году реформы всего школьного дела», - писал Н. Загоскин¹³⁹.

Первый университетский акт 9 июля 1805 года не почтили своим присутствием ни губернатор Мансуров, ни преосвященный. А в 1807 году губернатор пишет «извет» министру на университетские и гимназические непорядки. «Губернские власти... явились в конце 1806 и в начале 1807 года и центрами того, по выражению Яковкина – «камплота», который образовался в городе против профессора-диктатора и в защиту гонимых Румовским и Яковкиным профессором»¹⁴⁰.

«Гонимые профессора» – та самая группа: Карташевский, Запольский, Ибрагимов и др. была неформально поддержана городским обществом, во главе с губернатором, но скорее эта поддержка носила характер, направленный против дирекции университета (а не за преподавателей), акцентировала внимание на неполадках в университете. Собственно же к профессуре Б. Мансуров относился столь же высокомерно и малопочтительно.

Характерное воспоминание проф. К. Ф. Фукса, приведённое в дневниках Н.И. Второва: «Да! - сказал Карл Фёдорович. - Теперь вам легко трудиться; теперь уже не то время, как прежде. Я, в начале моей жизни, здесь нашёл почти дикарей и на каждом шагу встречал препятствия в моих трудах. Раз вздумалось мне списать копии с древних грамот, хранившихся, как я узнал, в Губернском правлении. Обращаюсь за содействием к губернатору. Губернатором в

¹³⁹ Цит. по: История Императорского казанского университета за первые сто лет его существования, 1804-1904/ [соч.] Н. П. Загоскина, заслуженного ординарного проф. – Казань: Типо-литограф. Имп. казанского ун-та, 1902–1904. Т. 2: Ч. 2: (1814-1819). С.412.

¹⁴⁰ Там же. С.414.

это время (1815 г.) был М., человек необразованный, хотя болтавший по-французски, беспечный, думавший больше о картах и женщинах, чем о делах. Он принял меня очень грубо и не отвечал на мою просьбу ни да, ни нет.

Вскоре после этого случился пожар. Вместе с присутственными местами сгорели и эти драгоценности, к стыду тогдашнего начальства, потому что огонь дошёл до присутственных мест только на третий день пожара. Когда пламя уже обхватило Губернское правление, я хотел было войти туда и спасти грамоты; но жар был так силён, что я принужден был отказаться от своего намерения.

Вообще наше ученое сословие было тогда в ужасном пренебрежении... все обращались с нами крайне грубо. Бывший Казанский комендант Есипов говорил мне "ты", будучи едва знакомым со мною. Губернатор, принимая меня, никогда не сажал, никогда не приглашал на обед или вечер. В первый раз я начал пользоваться некоторым уважением при губернаторе графе Толстом; ещё лучше стал обходиться Нилов, уже в 20-х годах»¹⁴¹.

«Раздражение губернатора Мансурова против местного учебного ведомства доходило до демонстративного отрицания им самого существования университета: «Господин губернатор, – жалуется Яковкин попечителю весною 1808 года, – говаривал и говорит в разных публичных собраниях, что он ничего и не знает, есть ли в Казани университет и чиновники при нём, поелику, по его словам, от г. министра не имеет он о том никакого уведомления, и не видал ни грамоты его, ни устава, а потому и основываться на чём не имеет...»¹⁴².

По поводу первого, общественного ракурса недовольства, Н. Загоскин пишет об «общем фоне той апатии, того «тупого восточного равнодушия»... с

¹⁴¹ Цит. по.: Де-Пуле М.Ф. Николай Иванович Второв// Русский архив. 1877. № 7. С.347.

¹⁴² : История Императорского казанского университета за первые сто лет его существования, 1804-1904/ [соч.] Н. П. Загоскина, заслуженного ординарного проф. – Казань: Типо-литогр. Имп. казанского ун-та, 1902–1904.Т. 2: Ч. 2: (1814-1819). С.415.

которым относилось местное общество к университету; этот университет падал казанскому обществу, – по меткому выражению Н.Н. Булича, – «как бы с неба», и все сторонились от него, в лучшем случае, с уважением, но в огромном большинстве случаев – лишь с чувством холодного недоумения... Подавляющее большинство казанского общества, не сознавая высоко-культурного значения первого на русском востоке очага университетской науки, весьма мало интересовалось и самим университетом, и внутренней жизнью его академического мирка; этот мирок приобретал в глазах даже высших слоёв казанского общества известный злободневный интерес лишь в тех случаях, когда взбаломученная теми или другими условиями, более- менее преходящего характера, его жизнь становилась предметом научной сенсации, давая пищу для городских толков, сплетен, пересудов»¹⁴³.

Университет старался преодолеть такое отношение, он постоянно устраивал дни открытых дверей, экскурсии по ботаническому саду и библиотеке, и всячески старался повернуться лицом к городу и его обывателям. В этом контексте – и дни открытых дверей, и экскурсии, и газета – выстраиваются в один общий ряд университетских публичных практик по взаимодействию с населением города и организацией пространств. Но и сам город начал же всё-таки привлекать профессоров университета для исследования своих пространств, хотя и чаще всего в связи с какими-то особенными обстоятельствами. Вот один из примеров:

«В Казани уже в начале XIX столетия имелись общественные бойни, помещавшиеся на Арском поле, бывшем в то время не только «полем» в буквальном значении этого слова, но и одною из самых запущенных городских окраин; единственным зданием на этом поле был военный госпиталь, существующий, конечно в значительно расширенном и перестроенном виде и в наши дни и перестроенный для этого назначения, ещё в исходе XVIII века, из

¹⁴³ Загоскин Н.П. Указ. соч. С. 399 – 400.

бывшего губернаторского дома. Соседство боен с этим лечебным учреждением внушило местной власти опасения»¹⁴⁴. Результатом стало отношение губернатора Б. Мансурова летом 1806 года к университету, с просьбой отправить экспертную комиссию из профессоров, чтобы проверить, не вредит ли такое соседство госпиталю. В комиссию, кроме профессора анатомии и судебной медицины Каменского, и адъюнкта химии Эвеста, вошли знакомые нам личности: доктор медицины К.Ф. Фукс и адъюнкт физики И. Запольский.

В эпоху, когда не существовало ещё, по сути, отдельной профессии журналист, главными исследователями городских пространств делались профессоры и преподаватели (не только в качестве экспертов, но и, например, в качестве картографов и описателей), в том числе и те из них, которые потом принимали активнейшее участие в журналистике. Позже уже именно журналисты, как представители отдельной выделившейся профессии, примеривали на себя эту роль.

По словам Н.П. Загоскина, только с 1809 года стали улучшаться отношения между губернатором и казанским учебным ведомством»¹⁴⁵. Как видим, выстраивание отношений с местным обществом и губернским начальством – было одним из приоритетных направлений деятельности университета в первые годы, и функционирование газеты в первые годы её издания также находилось в фарватере этих процессов. «Общественный» ракурс газеты складывался под влиянием общего позиционирования университета, как открытого казанскому обществу и выражающего его интересы, а по отношению к губернатору, при всём уважении и почтении, занимавшего вполне независимую позицию.

Примером взаимоотношений университетской газеты и губернского начальства может быть сюжет с опубликованием статьи о смерче в Казанской губернии, вызвавшей публичные возражения губернатора.

¹⁴⁴ Там же. С. 381.

¹⁴⁵ Там же. С.415.

В № 47 «Казанских известий» за 1816 год печатается корреспонденция о смерче («водяном столбе») 6 июня на реке Волге близ сёл Верхнего и Нижнего Услона¹⁴⁶. Далее – губернатор (к тому времени это уже граф Илья Николаевич Толстой, дедушка Льва Толстого, предпосылает в правление университета бумагу, которую газета также публикует на своих страницах, снабжая её таким предисловием:

«Господин Казанский гражданский губернатор, статский советник граф Илья Андреевич Толстой по случаю напечатания в № 47 сих листков статьи о водяном столбе, в дополнение сведений об оном изволил отнестись в Правление Казанского университета с бумагою, в которой содержалось официальное донесение, сделанное Его Сиятельству касательно помянутого предмета Волостным головою и писарем. Правление Университета Казанского, принимая с величайшей благодарностию сии новые дополнительные сведения, официально собранные, непременно и приятнейшим долгом себе, считает донести их к общему сведению, прося покорнейше Его Сиятельство и впредь в таковых случаях снабжать Университет подобными официальными извещениями»¹⁴⁷.

То есть мы видим: университет, как представитель общества и учредитель единственной тогда газеты – предлагает властям (губернатору) наладить на постоянной основе такую модель сообщения с местным обществом: пересылать официальные отчёты и реляции о событии – в Правление Университета! Но не просто для перепечатки, а, как мы увидим, для дальнейшей сверки с другими источниками, и, в случае несовпадения позиций – для опровержения.

Отношение от губернатора заканчивается так: «Покорнейше прошу Правление Университета доставить мне сведения, с чего в «Казанских известиях» помещена изъяснённая статья, когда Земский суд с отобранного от

¹⁴⁶ Казанские известия, 1816, № 47. С.238.

¹⁴⁷ Казанские известия. 1816. № 51. С.253.

местного начальства сведения доносит о противном? Подписано: граф Толстой, июня 18 1816 года»¹⁴⁸.

На это газета публикует второе письмо очевидца событий: «В дополнение сведений о водяном столбе... донесение коллежского советника, Императорской Академии наук корреспондента Андрея Ивановича Лохтина».

В письме сообщались подробности, не оставлявшие сомнений в случившемся стихийном явлении: «В час пополудни достигли мы Услонского перевоза, и нашли перевозчиков в страхе и удивлении от бывшего пред глазами их водяного столба, который за полчаса пред нашим приездом рассыпался. Сии люди, услонские крестьяне, не выдавши никогда такого величественного явления, бывшего от них не далее как в 200 сажнях расстояния или ещё и менее, не знали, как назвать оное. Много тогда шло по Волге судов с великим числом рабочих людей, которые, вероятно, по большей близости, должны были ощущать и больший страх; нам однако ж не можно было объясниться с ними. Впрочем, для удостоверения в истинности случившегося, довольно и Услонских жителей, бывших очевидцами. Из единогласных ответов их, деланных на мои вопросы касательно всех относящихся до сего любопытного предмета обстоятельств, составила... история, в истине которой удостоверял встревоженный и удивлённый дух показателей, и тогда ещё не успокоившихся; краткость времени до нашего приезда не допустила их забыть и самомалейших подробностей»¹⁴⁹.

Весьма интересный пример, когда мы наблюдаем не только публичную дискуссию, в которую газета вступает с губернатором, но и попытку определить статус газеты в налаживаемой коммуникации между губернатором и обществом, а также механизмы осуществления этих функций.

Вообще, казанская профессура – это первые в истории Казани публичные общественные деятели. Напомним, они устраивали экскурсии, проводили

¹⁴⁸ Казанские известия. 1816. № 51. С.253.

¹⁴⁹ Там же. С. 253 – 255.

дни открытых дверей, публичные лекции. Вот характерное объявление начала 1810-х годов в университетской газете: «Университетская библиотека открыта будет по средам и субботам от 11 до 2-го часа, под надзором суббиблиотекаря П. Кондырева. Физический кабинет желающие могут адресоваться к г. профессору Броннеру, кабинет естественной истории будет показывать ординарный профессор Фукс, Ботанический сад, возводимый, отворён будет для всех желающих. Астрономическую обсерваторию желающим покажет г. профессор Литтров»¹⁵⁰.

Кроме этого, проводили экспертизы предприятий, не только по официальной просьбе губернатора, но и по своей инициативе. Так, в первом русском научном журнале в области технологий и прикладных наук, выходившем в 1804-1815 годах – «Технологическом журнале», в 1810 году опубликована статья «Примечания проф. Вуттига, учиненныя в Уральском хребте» (т. VII. ч. 1, стр. 122—139, 1810 г.).

Вот фрагменты из заключительной части статьи профессора И.Х.Ф. Вуттига: «1.) Четыре года тому назад, как я будучи в России, объезжал главнейшие губернии, лежащие в южной и северной ее части, и делал технологические наблюдения, единственно по склонности моей к наукам и из любви ко второму моему отечеству, со всевозможными моими пожертвованиями, ибо собственное мое имущество находится в Германии. Сверх того, сравнивал я производство российских ремесел с производствами работ в Германии и в других европейских землях и нашел я, что некоторые российские фабрики и мануфактуры гораздо совершеннее, то есть в рассуждении работ и соразмерного качества изделий, нежели в других землях, как то: мыловарении, выделывании сафьяна и проч. 2) Что иные фабрики, напротив того, весьма несовершенны и по причине многих других обстоятельств не могут быть приведены в лучшее состояние, как то: кожевенные заводы для выделки подошв и суконные фабрики. 3)

¹⁵⁰ Цит. по: Бик-Булатов А.Ш. Очерки... 2020. С.29.

Что имеется много и таких фабрик, которые можно было и должно поставить на лучшую ступень совершенства, напр., красильные фабрики, водочные заводы и проч. Главнейшее обстоятельство, препятствующее хорошему состоянию многих фабрик и мануфактур, состоит в том, что фабриканты и художники вообще во всей России не имеют основательных химических и менее того механических сведений. <...> Много лет тому назад как я намеревался учинить преобразование, или лучше сказать, новое обоснование технологии в виде науки, и преодолел все встречающиеся мне затруднения при лекциях в здешем (Казанском) университете, кои преподаю я ныне на русском языке»¹⁵¹. Замечательный, на наш взгляд, пример технологической аналитической публицистики.

24 января 1811, будучи в С.-Петербурге, Вуттиг предложил Казанскому университету «о пользе иметь ученого комиссионера в Лейпциге», то есть читай: научного корреспондента-агента, ибо в обязанности одного входило бы, по мысли Вуттига «1) Сообщение кратких извлечений из журналов и других сочинений, коих университет не имеет или по причине больших издержек получать не может. 2) Сообщение известий о новейших открытиях и изобретениях, различные новые сочинения и пр. 3) Ответы на учебные вопросы, напр., из тех же сочинений взятыя и т.д. 4) Испытание университету предложенной и им обработанной рукописи (в сомнительных случаях) и т.д.». К покупным поручениям комиссионеру он относил приобретение книг, инструментов, естественных произведений; продажу университетских изданий и проч.»¹⁵². Увы, предложения эти университетским руководством приняты не были. В том же 1811 у Вуттига и снова в «Технологическом журнале» выходит ещё одна замечательная статья: «О делании бухарского и персидского кумача»¹⁵³.

¹⁵¹ Цит. по: Казанский университет: хронология становления химической лаборатории и Казанской химической школы. 1806–1872. – Казань: Казан. ун-т, 2011. – Ч. I. С.130.

¹⁵² Указ. соч. С. 131-132.

¹⁵³ См.: Технологич. журн.1811. Т. VIII, ч. I. С. 3 - 70.

Собственно, зарождение журналистики в Казани подкреплялось осознанием казанскими профессорами своего общественного, публичного статуса. Показательный пример: Рыбушкин и Полиновский (редакторы «Заволжского Муравья» (1832-1834)) в слове, открывающем первый номер журнала, подчёркивали, что поводом основать издание для них послужило «собственное наше желание употребить досуги на полезное и непосредственно к нашему званию относящееся дело». То есть: редактирование журнала – считали они делом, непосредственно относящимся к званию профессора Казанского университета, тому же его утвердившемуся публичному и общественному статусу.

В этой связи, первостепенное значение имеет организация под эгидой университета первого официального казанского общества – Казанского общества любителей отечественной словесности. На момент выхода первого номера «Казанских известий» обществу было уже шесть лет (основано в 1806 году), и скорое возвращение газеты в лоно университета катализировало деятельность общества. В период подготовки к изданию «Казанских известий» в обществе создали особый отдел для работ по будущей газете. А в 1817 году вышел первый, и, увы, единственный выпуск «Трудов»¹⁵⁴ общества, по сути, первый казанский альманах (в общих чертах он был готов уже к 1811 году, но выход книжки в свет затянулся на несколько лет), редактором-составителем которого был Н. М. Ибрагимов, а одну из главных статей, подытоживавших первые 9 лет существования Казанского общества любителей словесности –

¹⁵⁴ Вышедший сборник состоит из двух частей. Первую занимает «Торжество Казанского общества любителей отечественной словесности и утверждение Устава» (описание торжества, речи членов, история общества и его устав, списки членов). Кроме того, напечатаны «Рассуждение о влиянии словесности на нравственное образование человека» О. Срезневского и стихи в честь Александра I.

В ч. 2 собраны труды членов общества. В статье В. Перевощикова «Опыт о средствах пленять воображение» излагаются основы эстетики по сочинениям Батте, Мармонтеля, Лагарпа, Эшенбурга, Канта и др. Стихи и отрывки принадлежат С. Аксакову, А. Воейкову, И. Ибрагимову, Г. Каменеву, В. Капнисту, А. Наумову, В. Панаеву, Д. Хвостову. Кроме того, печатаются переводы из Горация, Овидия, Вергилия, Делия. Из напечатанного в свое время пользовалась известностью песня Н. Ибрагимова «Вечерком красна девица на прудок за стадом шла», написанная в подражание народным песням. Номера страниц для приводимых цитат из этого издания (см.: Труды Казанского общества любителей отечественной словесности [сб.]. Казань: университетская типография. Ч.1. Кн. 1. 1815. 108 с.) даются напрямую в тексте диссертации.

написал секретарь общества, и в 1813–1816 годах редактор «Казанских известий» Пётр Сергеевич Кондырев. Остановимся подробнее на этой программной статье «Трудов «Казанского общества любителей отечественной словесности»¹⁵⁵.

Вот как пишет П.С. Кондырев о значении общества для Казани: «Хотя общество наше и не принесло ещё особенной пользы для публики; однакож оно многих любителей словесности соединяя дружественно беседовать о своих занятиях, чрез то возбуждало в них большую любовь к изящному и непременно содействовало к распространению правильного и лучшего вкуса, равномерно поощряло некоторых молодых людей к дальнейшему себя усовершенствованию и старалось не быть бесполезным для высшего учёного места при коем находится»¹⁵⁶ (т.е. для университета – А.Б.).

Кондыреву на протяжении статьи часто приходится оправдываться за весьма скромную ещё пока деятельность общества, и за то, что за 9 лет не было ещё издано даже и трудов его, но всё же он старается в дни торжества Казанского общества подчеркнуть его значение. Он говорит о том, что общество как бы включает Казань в ряд цивилизованных, культурных стран и столиц:

«Во всех образованных государствах находятся разные ученые Общества, во всех столицах таковых держав и в знатнейших городах по учености или искусствам или торговле оные устроены. <...> люди с знаниями и дарованиями, одушевляемы патриотическим желанием к распространению сведений и лучших понятий, самопроизвольно соединялись действовать для достижения сей цели. <...> Учёное Общество при здешнем Императорском Университете, имеет с прочими Обществами общую цель и пользу»¹⁵⁷.

Довольно примечательно: П. Кондырев подчёркивает не литературную, но именно общественную сторону, уравнивая Казанское общество любителей

¹⁵⁵ Труды Казанского общества любителей отечественной словесности: [в 2 ч.]. Казань: Университетская тип., 1815 [1817]. Ч. 1. 120 с.

¹⁵⁶ Там же. С. 38.

¹⁵⁷ Там же. С. 39-41.

словесности с другими гражданскими сообществами, например, торговыми, или по искусствам. Он говорит о том, что через них в Казани должна зародиться настоящая общественная жизнь. Конечно, очень молодо ещё не только сообщество словесников, но и в целом гражданское общество в Казани, имеющее цель принести пользу городу, но Кондырев желает рассматривать Казанское общество любителей отечественной словесности именно в этом гражданском смысле!

Он говорит о пользе общества не только для всей Казани, но и отдельно для университета; а также о том, что общество сближает городскую публику с университетом. И далее подчёркивает важную мысль: «Мы живём между многими иноплеменными народами», перечисляет народности и национальности Казанской губернии, которые – «ближе к нам, нежели другим Обществам. Мы удобнее можем иметь касательно языка или и Словесности их сношения и из оного делать употребление. Как полезно собирать различные песни сих народов, сказания, записки, повести, книги, надписи и т.п. и всё сие весьма ново»¹⁵⁸.

То есть, общество для него – это инструмент межнациональной политики в крае. Конечно, это гораздо больше пожелания, чем реальность, но уже эта программа, это видение П. Кондыревым значения казанского общества любителей отечественной словесности весьма характерно говорит нам об его взглядах.

Далее идут размышления о роли словесности, вообще письма, «приобщивании» граждан к писанию текстов. Отдельно он говорит о том, что желал бы видеть в нашем краю писательниц, чтобы и женщины проявили себя в словесности. «Пол сей, будучи образован истинно, а не мнимо и только для блеску и моды, будет полезен тем для семейного счастья и общественного удовольствия»¹⁵⁹.

¹⁵⁸ Указ. Соч. С.45.

¹⁵⁹ Указ. Соч. С.49.

И опять Пётр Сергеевич апеллирует к опыту Европы: «Многие Европейские народы имеют уже своих писательниц и у нас являются таковые». ...Даже, пожалуй, слишком широки взгляды П.С. Кондырева, за что его и упрекает критик середины XIX века Нил Попов, замечая, что исполнение, например, «мысли об этнографическом изучении края, принадлежавшего к казанскому учебному округу, было ещё не по силам тому времени. Даже сама постановка вопроса требовала большей зрелости филологических наук и уже некоторого знакомства с предметом, подлежащим изучению. К тому же Общество никогда не имело мысли дать столь широкое развитие ученой стороне своей деятельности»¹⁶⁰.

Историк «Казанского общества любителей Отечественной словесности» В. Аристов подчёркивал: «Вплоть до конца 1818 года именно левое крыло и играло в Обществе ведущую роль. После смерти Н.М. Ибрагимова идейным руководителем общества становится С.А. Москотильников, избранный «вторым членом» («первым членом» продолжал формально оставаться И. Ф. Яковкин), друг «первого романтика», казанского поэта Г.П. Каменева, убеждённый вольнодумец и “вольтерянец”»¹⁶¹. Позже уже во главе Общества становится проф. Г. Городчанинов, и его характер после этого изменился, став сухим и казённым, позже деятельность будет фактически сведена на нет.

Группа С.А. Москотильникова, как уже говорилось, также готовила к выпуску своё издание периодических сочинений, но если у «Трудов» вышел хотя бы один выпуск (а предполагалось периодическое издание), то от альманаха группы С.А. Москотильникова и вовсе сохранилось лишь предисловие.

По своему характеру сборник должен был представлять произведения, изображающие великие дела, «возвышающие человечество», а также и неприглядные стороны действительности. Программа сборника издателями кратко определена так: «Под мирным кровом простоты, далеко устранившейся от

¹⁶⁰ См.: Русский вестник, 1859, Т.23, сент. С.65.

¹⁶¹ Аристов В.В. Первое литературное общество Поволжья: (К истории Казан. о-ва любителей отеч. словесности в 1806-1818 гг.). Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1992. С.41.

шума, сопровождающего блестящую пышность, в те сладкие минуты, когда нежное дружество, разделяя ощущения сердец, между собою близких, приводило в забвение превратности жизни, когда в тихой беседе душа, растроганная изображением или великих дел, возвышающих человечество, или зла, бросающего черную тень на картину нравственного бытия, предавалась попеременно и приятным восторгам, и горестным впечатлениям, полнота сих чувствований образовала собранные здесь опыты упражнений четверых жителей Казани». У издателей, вероятно, было собрано литературы в достаточном количестве, они не хотели ограничиваться изданием одного сборника. В посвящении к сборнику они обещали, что «если нахмуренное чело критики не лишит надежды в одобрении, вторая книжка будет следовать за первой»¹⁶².

Если бы книга вышла в свет, то, конечно, рассматривалась бы исследователями в русле масонских просветительских проектов рубежа XVIII-XIX века. Масонская журналистика включается отдельным разделом в современные учебники по истории журналистики.¹⁶³ Главным литературным именем группы С. А. Москотильникова стал поэт-предромантик Г.П. Каменев, фигуру которого можно рассматривать и в общем контексте казанской журналистики. Характерное высказывание В.Г. Белинского о нём: «Казанский купец Каменев, написавший балладу «Громвал», приехав в Москву по делам, пошел познакомиться с Карамзиным, а через него перезнакомился со всем московским литературным кругом. Это было назад тому сорок лет, когда купцы хаживали только в передние дворянских домов, и то по делам, с товарами или за должком, об уплате которого смиренно докучали. Первые журналы русские, которых и самые имена теперь забыты, издавались кружками молодых людей,

¹⁶² см. в: Бобров Е. А. [проф.] Литература и просвещение в России XIX в. Материалы, исследования и заметки. Т. IV. Казань, 1902, С. 213–214.

¹⁶³ См. напр.: Издательская деятельность Н.И. Новикова; «Беседующий гражданин». – в кн.: История русской журналистики XVIII-XIX веков: учебник/ под ред. Л.П.Громовой. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2013. С. 101-117. Первый из названных параграфов начинается с такого вступления: «Новым явлением в журнальной периодике 1770-80-х годов стали издания философско-религиозной направленности, в которых нашли своё отражения умственные искания, связанные с увлечением русских дворян идеями масонства. Решающая заслуга в становлении журналистики этого направления принадлежала Николаю Ивановичу Новикову...» (С. 101).

сблизившихся между собою чрез общую им всем страсть к литературе. Образованность равняет людей»¹⁶⁴. Следует ещё напомнить, что в XVIII веке поэзия (а Г. Каменев писал исключительно стихи) являлась почётным жанром журналистики.

Среди казанских неформальных кружков особое место занимает самый, пожалуй, «долгоиграющий», растянувшийся на несколько поколений, – семейный кружок: члены и друзья семьи Панаевых, принимавшие активнейшее участие в казанской литературе и журналистике. В домашне-семейный неформальный кружок входили, во-первых, братья Панаевы, из них старшие трое – первые студенты Казанского университета, однокашники С.Т. Аксакова: Николай (1785-1800), Иван (1787-1868), Александр (1788-1868). Ещё два младших брата: Владимир (1792-1859) и Петр (1796-1870) также в своё время окончили Казанский Императорский университет.

Далее – их сестра Поликсена и её муж поэт Ф. Рындовский, державшие в Казани литературный салон; друг семьи Второв-сын (Н.И. Второв – в 1843 редактор «Казанских губернских ведомостей»). Н. Второв делил комнату с А. Рындовским, сыном Поликсены Ивановны (урожд. Панаевой) и Федора Михайловича; художник А. Данненберг, друг детства Второва-сына; деревенская соседка Панаевых поэтесса Анна Наумова (1820-1830-е). С ними же был связан будущий декабрист Завалишин. Панаевы имели связи в столицах с редактором журнала «Благонамеренный» А.Е. Измайловым, через них там печаталась Наумова и Данненберг. Далее – ещё студенческие друзья Второва-сына: А. Артемьев и Е. Огородников (Евлампий Огородников – издатель студенческого рукописного журнала "Северное созвездие", там среди прочего печатал стихи Данненберг). А.И. Артемьев – сделал каталог библиотеки Второва, ко-

¹⁶⁴ Белинский В. Г. Полн. собр. соч., Т. 1. М., 1953, С. 435-436.

тору ю тот подарил городу. Артемьев также сменил Второва на посту редактора "Казанских губернских ведомостей". Наставником же Второва по газете был К. Фукс. Время существования кружка Панаевых: 1800-1830-е гг.

По сути, связи с казанцами группы Панаевых приобрел молодой Некрасов. С Данненбергом они жили вместе в Петербурге, думали над планом совместного альманаха, также сочиняли вместе либретто оперы (Данненберг писал в Казань Второву, чтобы тот просил Огородникова прислать стихи из рукописного "Северного созвездия" для их с Некрасовым будущего альманаха). Второв-сын помогал также сбором денег на издание первого сборника стихов Некрасова. Исследователь Вацура считает вклад казанцев в издание сборника Некрасова чуть ли не решающим¹⁶⁵. То есть если рассматривать неформальную группу Панаевых именно как группу, то можно говорить о том, что Некрасов оказался в 1839 году включенным в их орбиту. Напомним, что для выкупа права на издание "Современника" в 1846 году И.И.Панаев-внук продал свою деревню на территории Казанской губернии.

В контексте истории казанской журналистики до нас никем не рассматривалась роль ни неформального кружка Карташевского-Запольского-Ибрагимова, ни семейного круга Панаевых, поэтому мы и остановились на этом несколько подробнее в диссертации.

Необходимо ещё сказать несколько слов о первых студенческих рукописных журналах и вообще о студенческой журналистике, получившей в Казани отдельную долгосрочную традицию. Сочинения студентов редко попадали на страницы единственного местного органа периодической печати, между тем, студенты стремились всегда участвовать в журналистике, поэтому выпускали свои, часто неформальные (первое время – рукописные) издания, которые зачастую представляли альтернативный официальному взгляд на обще-

¹⁶⁵ Вацура В. Э. Некрасов и К. А. Данненберг // Русская литература. - 1976. - № 1. - С. 135.

ственную и политическую повестку. Первые студенческие рукописные журналы выпускались в Казани ещё за несколько лет до «Казанских известий», а именно в 1806-1807 годы. Важное значение будут иметь студенческие рукописные журналы 1830-х гг. (особенно в свете прекращения выхода «Заволжского муравья» (1834) и до появления «губернских ведомостей» (1838). Следующим этапом будут нелегальные кружки и народническая студенческая поэзия 1860-х. В 1870-1880-е годы – годы становления частно-общественной прессы в Казани мы увидим приток студентов в качестве основных сотрудников изданий. Студенты даже в большей мере, чем профессора будут определять облик многих газет в это время. Альтернативная, в какие-то годы - нелегальная, оппозиционная тенденция, будет определяющей для студенческой журналистики. Равно как и её «самодельный», часто бесцензурный характер. История казанской студенческой журналистики до 1918 года начинается с 1806 года, журнала «Аркадские пастушки» и простирается вплоть до 1917, когда был выпущен альманах «Клич». С начала XX века сюда же включаются и нелегальные издания татарских шакирдов (учащихся медресе), выпускавшиеся на гектографе. Эта пресса так же, как и в случае с русскоязычной, появилась на свет до официального выхода первой татарской газеты.

Студенческие рукописные журналы первого «университетского» периода можно разделить хронологически на два этапа: первый - издания 1800-1810-х гг. («Аркадские пастушки», «Журнал наших занятий», «Смесь»); второй - журналы 1830-х гг. («Северное сияние» и др.). О трансформации студенческого участия в прессе во второй половине XIX и в XX веке мы расскажем далее.

Говоря о первых рукописных студенческих журналах, необходимо снова вернуться к истории возникновения «Казанского общества любителей отечественной словесности». Общество вначале имело вид скорее домашних бесед (первое заседание прошло 23 апреля 1806 г. (старый стиль), первое название – «Общество вольных упражнений в российской словесности»). Всего за весь

год прошло 31 собрание. Впоследствии ему придали официозный характер. В конце года вступили в общество ещё 7 человек, в т.ч. директор И. Яковкин, который провозглашён был формальным Первым членом, вместо Ибрагимова. Составили положение из 11 пунктов, послали на одобрение министру народного просвещения, получили одобрение... уже с мая 1807 года стали собираться всего по 2 раза в месяц, а с декабря – по одному. У общества появились иногородние корреспонденты, стали присылаться рукописи, и встал вопрос об издании трудов. Были установлены членские взносы 10 рублей для будущего издания трудов. По плану Ибрагимова труды общества должны были издаваться за его счёт и продаваться в пользу учительских вдов и сирот Казанского округа. В проекте же П. Кондырева предлагалось издавать сочинения за казённый счёт, в счёт будущих продаж, а остававшаяся после возврата издержек в казну прибыль поступала бы в суммы общества.

Но если «официальный» период Общества получил развитие в виде издания «Трудов», то и период «домашний» не прошёл бесследно. Впрочем, в восприятии некоторых его членов, например, С.Т. Аксакова, общество так и осталось скорее таким домашним ученическим досуговым занятием (в отличие от его однокурсника П.С. Кондырева, смотревшего, как мы видели, на общество и его цели более чем серьёзно).

С.Т. Аксаков писал в воспоминаниях: «К числу таких развлечений я причисляю и то, что мы составили маленькое литературное общество под председательством Н. М. Ибрагимова. Основателями и первыми членами его были: Ибрагимов, студенты: В. Перевошиков, Д. Перевошиков, П. Кондырев (он же секретарь), И. Панаев, А. Панаев, я и гимназический учитель Богданов. Мы собирались каждую неделю по субботам (*по другим сведениям, в понедельник – А.Б.) и читали свои сочинения и переводы в стихах и прозе. Всякий имел право делать замечания, и статьи нередко тут же исправлялись, если сочинитель соглашался в справедливости замечаний; споров никогда не было. При-

нятое сочинение или перевод вписывался в заведенную для того книгу. Впоследствии, уже без меня, число членов умножилось, сочинили устав, и с высочайшего утверждения было открыто «Общество любителей русской словесности при Казанском университете». Оно и теперь не уничтожено, но пребывает в совершенном бездействии, как и все литературные общества. Я до сих пор имею честь считаться его почетным членом»¹⁶⁶.

Как видим, С.Т. Аксаков фактически отошёл от дел общества ещё до придания ему официального статуса. Но и в своём «домашнем» виде общество сыграло значительную роль, в том числе и в его судьбе, приучало его к литературным, но и редакторским занятиям. А позднейшее придание официального статуса общества способствовало тому, что гимназисты, потом студенты, входили через него в интеллигентские круги, оказывались, таким образом, сразу среди равных членов этого казанского общества, выросшего из школьного кружка.

Но именно «домашний» период вызвал к жизни и их первые рукописные журналы, и вообще сформировал этот студенческий кружок как полноценную группу.

«Восторженный идеализм в соединении с значительною долей сентиментальности, увлечение Карамзиным, страсть к театру, литературе, вот чем отличалось направление университетской казанской молодёжи того времени (1805–1815)», – пишет М. Де-Пуле, добавляя в примечании: «Впрочем, С.Т. Аксаков – с юности уже шишковист»¹⁶⁷. Напомним, начало XIX века в истории русской литературы было отмечено спорами о языке. Это был спор «архаистов» и «новаторов» – «шишковистов» с «карамзинистами».

Рукописный журнал под названием «Аркадские пастушки» выпускал Александр Панаев, сын известного масона И.И. Панаева. «На всех произведе-

¹⁶⁶ Аксаков С.Т. Собр. соч.: в 4 тт. Т.2. М.: ГИХЛ. 1955. С.152-153.

¹⁶⁷ См.: Русский вестник, 1875, авг., С. 614.

ниях, помещённых в панаевских «Аркадских пастушках», лежит печать увлечения Н. М. Карамзиным, которому отдали дань едва ли не все, писавшие в журнал»¹⁶⁸.

На смену «Аркадским пастушкам» вскоре пришёл «Журнал наших занятий». «Мы с Александром Панаевым, – вспоминал впоследствии С. Аксаков, – решились издавать письменный журнал в наступающем 1806 году под названием «Журнал наших занятий», но без имени издателя. Это было предприятие, уже более серьёзное, чем «Аркадские пастушки», и я изгонял из этого журнала, сколько мог, идиллическое направление моего друга и слепое подражание Карамзину». Оглавления нескольких номеров этих журналов приводит Сергей Тимофеевич в Приложении к своим воспоминаниям.

Каждый номер «Журнала наших занятий», выпускавшегося в течение 1806 и 1807 годов начинался эпитафией, сочинённой С. Аксаковым, например, вот таким: «Многие пишут для славы, мы пишем для удовольствия: приятная улыбка на устах наших товарищей и друзей есть для нас драгоценный венок награды». Из очерков, помещённых в «Аркадских пастушках» обращают на себя внимания сочинения Н. и А. Панаевых «Швейцария в Казани»; «Путешествия в Булгары». В «Журнале наших занятий» сочинение студента Михаила Фомина «Дмитрий при реке Дон» и того же Александра Панаева «О распространении и пользе русской литературы». В плане «Казанского общества любителей Отечественной словесности» на следующий предполагался выпуск «Журнала наших дел», новой инкарнации «Журнала наших занятий». В 1812 году выходил рукописный студенческий журнал «Смесь» (редакторы-составители – Рыбушкин, Перов, Княжевич).

¹⁶⁸ Куранов К.Н. Казанская пресса. Начало. Казань: Идель-пресс, 2011. С.43.

Важное значение в общем контексте казанской журналистики имеют студенческие журналы 1830-х годов, из которых наилучшим образом сохранился журнал «Северное созвездие»¹⁶⁹. Приведём мнение Е. Ильенко об этом журнале:

«Журнал «Северное созвездие», особенно последняя его книга, расширяет сложившееся представление о казанской литературной жизни 30-х годов XIX века. Литературные интересы студенчества, по крайней мере лучшей его части, не определялись официальным университетским преподаванием и были значительно шире и глубже, чем взгляды признанных местных литераторов. «Северное созвездие» показывает, что даже в годы реакции, когда правительство стремилось превратить университеты в казармы, а из студентов воспитать благонамеренных чиновников—верных слуг престола, в стенах Казанского университета с жадностью прочитывались и обсуждались лучшие произведения русской и мировой литературы, на страницах рукописных журналов высказывалось сочувствие демократическим идеям»¹⁷⁰.

Итак, можно констатировать, что журнал «Северное созвездие», издававшийся в будущем известным деятелем Евлампием Огородниковым, представлял альтернативную укоренившейся в официальной провинциальной прессе точку зрения на многие явления литературы и политики, и в определённой степени расширял рамки скромного ещё медиаполя Казани. Заметим, журнал выпускался в конце 1830-х, уже после закрытия «Заволжского муравья» и до появления «Казанских губернских ведомостей», когда из официальных изданий выходили только специализированные «Учёные записки», а официальный взгляд был представлен на заседаниях ставшего к тому времени сугубо казённым «Общества любителей словесности» под руководством Г. Городча-нинова.

¹⁶⁹ Также известны «Утренняя заря», и «Критический журнал», издававшийся Тимофеевым.

¹⁷⁰ Ильенко Е.М. «Северное созвездие»// Описание рукописей библиотеки им. Н.И. Лобачевского. Вып. XI. Неизвестные страницы литературной жизни казанского студенчества 30-40-х гг. XIX в. Казань: Изд-во КГУ, 1962. С. 13; 15; 18.

3.1.2. Основные издания «университетского» периода

Основными изданиями «университетского» периода в истории казанской журналистики были: «Казанские известия» (1811-1820); «Казанский вестник» (1820-1833); «Заволжский муравей» (1832-1834). Последний журнал может рассматриваться в общей связке с «Прибавлениями к «Казанскому вестнику»» как журнально-издательские проекты Михаила Сампсоновича Рыбушкина. Рассмотрим подробнее каждое из названных периодических изданий.

(а) «Казанские известия»

Газета «Казанские известия» начала выходить 19 апреля (по старому стилю) 1811 года. Первые 18 номеров были выпущены стараниями исключительно Д.Н. Зиновьева (арендатора/директора губернской типографии. С 19 же номера газета была возвращена университету.

В университетский период издания, газета пережила несколько важных вех в своей истории.

1811 год, первые месяцы выхода газеты под новой редакцией: работа редакционного комитета при официальных редакторах Городчанинове / Перевощикове;

1811-1813 – в соперничестве двух редакторов победу одерживает Г. Городчанинов, с его взглядом на газету как официальный орган;

1813-1816 – период редакторства П.С. Кондырева, выстраивающего издание как общественный орган печати на началах гласности;

1816-1819 – последний период издания, в целом следовавшего направлению, заданному П.С. Кондыревым.

Итак, в истории издания мы видим два неравных по срокам периода:

Первые 18 номеров – это газета Д.Н. Зиновьева. С 19 номера – университетская газета. Приведём некоторые общие сведения по газете.

Период Д.Н. Зиновьева: *Программа* первых 18 номеров включала: казенные и частные объявления, отрывочные статистические данные о Казанской и смежных губерниях, статьи под названием «Полезное» и анекдоты, «для приятного препровождения времени». *Время выхода*: каждую среду в 12 часов утра, "по одному листу в большую четвёрку". *Цена*: 5 рублей, с пересылкою 7. Первый номер 19 апреля 1811, открывался двустушием:

«Я дело самое в листах сих возвещаю
Читателей моих не ложью обольщаю».

В №№ 12-13 издатель объявил всем бедным людям, что «известия об их нуждах и продажах будет печатать даром».

В работах исследователей второй половины XIX века зиновьевские номера «Казанских известий» подверглись строгой оценке.

Так, Н. П. Загоскин выносит газете суровый вердикт: «Не блещет лежащий перед нами первый номер «Казанских известий» ни полнотою, ни разнообразием содержания»¹⁷¹, впрочем, выделяя из общей массы материалов первых доуниверситетских номеров зиновьевскую заметку «Весна», являющуюся, по словам Николая Павловича, «пожалуй, даже, чем-то вроде маленького фельетона»¹⁷².

Среди других материалов Зиновьевских «Казанских известий» – «Подвиг неустранимости», историческая статья, рассказывающая об отражении жителями г. Ядринска нападения Пугачёва; статья о прививке коровьей оспы; «Нечто о городе Свияжске»; «О разведении Красильного вещества Вайды» и др. Еще более сердито высказывается о первых шагах казанской прессы другой видный профессор, тоже занимавший одно время пост ректора Казанского университета Н. Булич, назвав её «жалким, рахитическим дитятей, мнящим

¹⁷¹ История Императорского казанского университета за первые сто лет его существования, 1804-1904/ [соч.] Н. П. Загоскина, заслуженного ординарного проф. – Казань: Типо-литогр. Имп. казанского ун-та, 1902–1904. Т. 2: Ч. 2: (1814-1819). С.294.

¹⁷² Там же.

руководить общественным мнением, как ребёнок, прыгающий на палочке, воображает, что скачет на настоящем коне». Приводящий эту цитату Н. Загоскин считает, что профессор Н. Булич высказался «в высшей степени резко, желчно, и, во всяком случае, не вполне объективно и беспристрастно»¹⁷³.

Берёт под защиту Д.Н. Зиновьева и раскрывает его как талантливого публициста современный исследователь К.Н. Куранов, посвятивший первому казанскому журналисту-редактору специальный очерк. В моей последней монографии я, в свою очередь, ещё раз обращаю внимание на неестественные, форсмажорные обстоятельства, омрачившие первые шаги «Казанских известий»:

«Судьба её и первое развитие пошли неестественным путём: попечитель учебного округа не поддержал и значительно урезал первоначальный план-концепцию газеты; а также был отстранён, а позже умер до выхода первого номера и сам автор проекта издания И. Запольский. Трудно было бы счесть, что первые номера полностью соответствовали первоначальному, даже одобренному в итоге проекту, ибо газету (её первые выпуски) составлял в меру сил фактически всего лишь один человек – Д. Зиновьев»¹⁷⁴.

Обратимся теперь к газете университетского периода.

География: «Сохранились многие заявки подписчиков. Более чем в 20 губерниях читали «Казанские известия». Здесь Камчатка и Полтава, Кавказ и Верхнедудинск, Иркутск и Астрахань, Пенза и Вятка и т.д. Конечно, большая часть тиража газеты отправлялась в учебные заведения округа, а на долю индивидуальных подписчиков приходилось совсем немного: в 1819 году всего лишь 14 экземпляров из 92».¹⁷⁵

Тираж: за десять лет вышло в свет 818 номеров «Казанских известий»: в 1811 г. — 37, в 1812 — 1814 годах по 52, в 1815, 1817 — 1820 гг. по 104, а в 1816 году вышло 105 номеров. С 1815 года газета начинает выходить 2 раза в

¹⁷³ Там же. С.283.

¹⁷⁴ Бик-Булатов А.Ш. Очерки.... Казань: 2021. С. 13-14.

¹⁷⁵ Куранов. К.Н. Казанская пресса. Начало. С.19.

неделю – в среду и субботу. Газета переходит с крупного шрифта «цицера» на более убористый «боргес».

Редакция: 6 сентября был образован особый Комитет для издания «Казанских известий» в составе профессоров Германа, Фукса, Эрдмана, Броннера и адъюнкта Никольского, включая редакторов Городчанинова и Перевощикова. Вскоре в Комитет вошел адъюнкт Кондырев. Состав неоднократно менялся.

Первые годы отмечены противостоянием Городчанинова и Перевощикова, назначенных соредакторами. Молодой Кондырев тогда был на стороне Перевощикова, но весь административный ресурс – у Городчанинова, поддерживаемого директором и попечителем учебного округа. И наконец, с 1813 по 1816 годы – редакторство П.С. Кондырева, ставшее замечательным периодом для «Казанских известий». Таким образом, две главные линии в развитии «Казанских известий» представляли Григорий Николаевич Городчанинов и Пётр Сергеевич Кондырев.

«В 1811 – 1813 годах велась непрерывная борьба двух линий – реакционера Г.Н. Городчанинова, целиком поддерживавшегося попечителем С.Я. Румовским, стремившегося превратить газету в сплошной отчёт «от официальных мест» и возражавшего против любой серьёзной, научной или литературной статьи, и передовыми преподавателями университета – П.С. Кондыревым, В.М. Перевощиковым и поддерживавшим их К.Ф. Фуксом»¹⁷⁶.

Основным средством борьбы Г. Городчанинова – были доносы С. Румовскому. Так, например, 7 ноября 1811 он пишет «о причинах, почему в «Казанских известиях» статьи не помещаются сразу в одном номере, а дробятся на несколько номеров (винит во всём В.М. Перевощикова, который «вместо того, чтобы продолжать беспрерывно начатые, полезные и для публики пьесы, помещает совсем ненужные и излишние, да и те ещё без продолжений»)»¹⁷⁷.

¹⁷⁶ Аристов В.В. Описание рукописей... Вып. XV. Материалы по истории Казанского университета первой половины XIX в. Казань: КГУ, 1968. С.79.

¹⁷⁷ См.: там же. С.34.

Уже 4 декабря приходит предписание попечителя о том, «чтобы выбор и расположение помещаемых статей» предоставить Г.Н. Городчанинову, поручив В.М. Перевошикову лишь выправку слога.

Таким образом, демократический, коллегиальный способ выпуска газеты был прекращён, а ведь именно он позволил опубликовать в своё время статью Кондырева о ярмарках, против которой возражал Городчанинов. Это дело рассматривалось 3 октября, и весь комитет газеты тогда, за исключением Городчанинова, проголосовал за публикацию.

В.М. Перевошиков пытался действовать схожим образом. В феврале 1812 года поступило его заявление о том, что некоторые статьи не доставлялись ему для правки слога. 29 марта последовало разъяснение попечителя, что всякие претензии В.М. Перевошикова неуместны, так как главный редактор - Г.Н. Городчанинов. Итак, к этому моменту Григорий Николаевич победил своих основных противников по редакционному комитету, но сама газета стала уже тяготить его, ещё феврале 1812 г. он просил временно освободить его от должности редактора по болезни. Но окончательно отставка состоялась в 1813. Новый редактор Кондырев был назначен 23 июня 1813 года.

Подытоживая обзор первой казанской газеты, современный её исследователь К.Н. Куранов замечал: «За исключением может быть лишь Кондырева, все редакторы «Казанских известий» смотрели на должность как на тяжелую повинность. За все десятилетнее существование газеты при ней так и не смогла сформироваться постоянная редакция. Понятно, как это сказывалось на всей постановке дела издания. Первый состав университетской редакции оставался до весны 1813 года; Кондырев редактировал «Казанские известия» с марта 1813 года и работал в газете по февраль 1816 года. До июня 1817 года редакцию возглавляли трое адъюнктов — Юнаков, Дунаев и Тимьянский. Один состав редакции (Дунаев, Самсонов и брат знаменитого геометра Лобачевского — А. И. Лобачевский) продержался меньше месяца... С 1817 года по июль 1819

года редакторов оставалось двое — Самсонов и Дунаев. Старшим был Дунаев. Завершали издание Срезневский, Самсонов и Дунаев»¹⁷⁸.

Программа: Кондырев подготовил большую программу для переходящей под ведение университета газеты, между прочим, «вводил в неё самостоятельный отдел «политических известий», весьма осторожно замалчивавшийся предыдущими планами и предложениями, причём подробно аргументирует на тему необходимости и легальной возможности ввести этот щекотливый, по условиям того времени, отдел в программу университетской газеты»¹⁷⁹.

Политический отдел открыть газете не дали вышестоящие органы. «С мнением г. Кондырева я согласен, — писал попечитель, — исключая статью, до политических известий касающуюся. И предложите Комитету, чтобы до оных не касался, особливо до происшествий в Европейских государствах случающихся»¹⁸⁰.

Попечитель также нашел неприличным помещению в «Казанских известиях» проповедей, романов, басен, эпиграмм, а также «о смерти торгашей» и высказал мнение, что всего приличнее и пристойнее помещать краткое описание примечательных мест и городов. После коррективы попечителя план выглядел так: первое отделение заключало в себе постановления от правительства; второе — статьи занимательного характера (сюда входили: торговля, хозяйство, технология, статистика, военные предметы, науки, словесность и учебные заведения — всего девять подразделений с разными рубриками и подробностями), в третье отделение входили объявления от казенных мест и от разных сословий. Со своей стороны, министр народного просвещения граф Ра-

¹⁷⁸ Куранов К.Н. Казанская пресса. Начало. С. 17-18.

¹⁷⁹ См. «Историю университета...» Н.П. Загоскина. Т. II. С.299.

¹⁸⁰ Куранов К.Н. Указ. соч. С.16. (со ссылкой на архив: ЦГА ТАССР, ф.977, оп. «Ректор», 1811 г., ед. хр.5. Л.95)..

зумовский из второго отделения исключил рубрики «Правоведение», «Философия», «Медицинские известия» и после этого представил план на утверждение государя.

Но и далее П.С. Кондырев вносил много рациональных предложений по улучшению газеты, превращению её из официозного, в настоящее общественное, журналистское издание. Вот лишь некоторые из его предложений, приведённые В.В. Аристовым в его упоминавшемся уже «Описании рукописей научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского», выпуске XV, посвящённом ранним годам университета.

Кондырев стал редактором газеты в июне 1813 года, но уже с 27 февраля 1812 года он – секретарь издательского комитета газеты, вступая, «объявил, что... на себя сию должность берёт с удовольствием»¹⁸¹.

7 июня 1812 года Кондырев вносил предложение о добавлении новых разделов в газете: (а) изображение историческое фабрик, мануфактур и торговли, как в Европе, так и в России (б) сведения о рождающих, умирающих и бракосочетающихся. Предлагал запросить эти сведения у духовной консистории и делать сравнительные таблицы по всем епархиям Казанской губернии и особенно городу Казани. Таблица смертности в Казани была в итоге доставлена в газету консисторией 27 сентября.

Рубрики: Составитель «Полного систематического указателя статей местно-областного содержания, напечатанных в «Казанских известиях» П. Пономарев делит весь материал «Казанских известий» на девять разделов:

- 1) космография (описание комет, метеоров, затмений, погоды);
- 2) естественная история (растительный и животный мир);
- 3) топография (города, ландшафт, орошение полей);
- 4) медико-топографические статьи (гигиена городов, здоровье жителей);
- 5) этнография (местные праздники, фольклор, обычаи);

¹⁸¹ См.: Описание рукописей... Вып. XV., С. 77.

- б) топо- и этнография (описание городов и селений с исторической точки зрения);
- 7) археология и история (первые попытки местных изыскателей древностей);
- 8) промышленность (о разных разработках и промыслах);
- 9) общественная жизнь (университет, другие учебные заведения, различные общества, учреждения и предприятия, материалы для характеристики личностей, торжества, увеселения).

Социальные проекты¹⁸²: «Интересен и такой факт. Советник губернского правления Кондратьев напечатал в «Казанских известиях», что он принимает на себя труд переслать в Петербург сбор в пользу бедных, «производимый при игре в бостон». А редактор Кондырев, помещая это заявление, заметил, что «удобнее бы сумму, собранную здесь, здесь же и оставить, употребляя в пользу бедных», особенно солдат, пострадавших во время наполеоновских войн, «кои не фишами, а руками и ногами платили за игру и столь активно при Лейпциге сорвали банк».

После страшного пожара 1815 года «Казанские известия» вышли в траурной рамке, и редактор Кондырев, подробно описывая бедствия погорельцев, горячо взывал о помощи, предлагая посредничество. Соболезнуя о гибели губернского архива с документальными памятниками казанской старины, он писал, что «всякий образованный, особенно историк, с горечью вспомнит о сей невознаградимой потере, и потомки наши, казанцы, также о том жалеть будут»¹⁸³.

В ту пору общество в лице всех сословий при открытии гимназий, училищ и т.д. с целью благотворительности организовывало сбор пожертвований. В редком номере «Казанских известий» не сообщалось об этих взносах, которые достигали значительных сумм. Так, в 1815 — 1816 гг. пожертвовано было

¹⁸² Примеры для этого блока процитированы по статье К.Н. Куранова.

¹⁸³ Цит. по: Куранов К.Н. Казанская пресса. Начало. С.23.

около 28 тыс. рублей, в 1816 — 1817 гг. свыше 66 тысяч, в 1818 — 60 тыс. рублей. Не случайно Московский университет, сильно пострадавший в 1812 году, обратился через «Казанские известия» с призывом: «Жертва ученому месту есть жертва Отечеству»¹⁸⁴.

Распространение: «Как докладывал в Комитете смотритель типографии Мейснер 22 марта 1812 года, «в некоторых городах Казанской губернии о сем издании много знают только по слуху, иного и совсем не знают». И далее смотритель по требованию Комитета сообщил, «что печатается «Казанских известий» в российской типографии 200 экземпляров, из числа которых отсылается в разные города на почту 66, в контору гимназии — 10 и пренумерантам в городе Казани — 50 экземпляров, затем для будущих пренумерантов остается 74 экземпляра». На этом же заседании Комитет постановил просить у попечителя разрешения на «обнародование в Санкт-Петербургских и Московских ведомостях об издании «Казанских известий». Румовский отклонил просьбу Комитета, но уже вновь назначенный попечитель Салтыков не возражал в последующие годы давать такие объявления и не только в столичных газетах, но и в Астрахани, Харькове и Одессе, где к тому времени уже появились газеты. Как видно из доклада смотрителя типографии, число подписчиков не изменилось со времени издания газеты Запольским и Зиновьевым. В последующие годы оно даже уменьшилось. Так, редактор Дунаев докладывал своему начальству; «В 1819 году расходуется «Казанских известий» здесь в Казани 18 экземпляров, а в конвертах надлежит послать иногородним пренумерантам 74 экземпляра»¹⁸⁵. Интересно, что из этих 92 экземпляров один получал «частное лицо Михаил Трофимович Каченовский, в Москве» (редактор «Вестника Европы»). В 1820, последнем году издания «Казанских известий», казанских подписчиков было уже 25, а иногородних — 74».

¹⁸⁴ Там же.

¹⁸⁵ Куранов К.Н. С. 18-19.

Отдельную страницу в истории «Казанских известий» составляет освещение событий Отечественной войны 1812 года. Во время Отечественной войны с Наполеоном I «Казанские известия» оставались практически единственным провинциальным повременным изданием. Появившийся в мае 1812 года «Харьковский еженедельник» продержался всего 12 номеров, и закрылся в июле (напомним, в июне месяце Наполеон только перешёл границу России по реке Неман, событие, знаменующее собой начало войны 1812 года). Лишь с 29 января 1813 начинают выходить астраханские «Восточные известия».

К.Н. Куранов об этом периоде в истории газеты: «Большую роль в истории «Казанских известий» сыграл памятный 1812 год, хотя его события получили на страницах газеты чисто внешний, строго официальный отголосок. После того как «Казанским известиям» разрешено было открыть политический отдел, стали появляться материалы из столичных газет и журналов о военных действиях. 25 мая 1812 года на заседании издательского Комитета читалось предписание министра народного просвещения, в котором доводилось до сведения, чтобы «издатели всех периодических сочинений в государстве, в коих помещаются политические статьи, почерпали из иностранных газет такие только известия, которые до России вовсе не касаются, а имеющие некоторую связь с нынешним нашим политическим положением заимствовали бы единственно из С. Петербургских Ведомостей, издаваемых под ближайшим надзором, и чтобы наблюдаемо было сие правило, впредь до разрешения, и по казанскому округу». Но и эти перепечатки намного оживили материалы издания, расширили узкие рамки сообщений по местному краю, заставили читателей задуматься о судьбах Родины»¹⁸⁶.

Исследователь XIX века Н. Попов упоминает также печатание патриотических стихотворений местных авторов, а также перепечатку в № 23 за 1813 год «Письма графа Ф. Ростопчина к издателю "Русского вестника"». Также, по

¹⁸⁶ Куранов К.Н. С. 20.

сравнению с работой Куранова, много место здесь уделено взаимодействию «Казанских известий» с Библейским обществом. Ясно, что фигуры Ф. Ростопчина и Библейское общество – были не самыми удобными для упоминания в работах советского исследователя (большинство работ К.Н. Куранова было написано и опубликовано в 1970-1980-е годы, что, конечно, наложило некоторый идеологический отпечаток на их содержание).

В XX веке, наряду с К. Курановым, исследует «Казанские известия» Вячеслав Аристов, добывший много сведений о корреспондентах, в том числе иногородних, газеты, таких как И. Кужелев, П. Словцов и др.

В XIX веке, кроме Н. Попова посвящают «Казанским известиям» свои статьи и научные работы Н. Загоскин, К. Лаврский, П. Пономарёв. Все названные – активные журналисты, публицисты и редакторы, представляют собой одно направление – либерально-демократическое, так называемого поволжского областничества, флагманами которого являлись в 1870-е – «Камско-Волжская газета» (редакторы – К. Лаврский, Н. Агафонов, член редакционного совета – П. Пономарёв); в 1880-е – «Волжский вестник» (редактор – Н. Загоскин).

Областническая направленность этих журналистов-исследователей наложила отпечаток и на их оптику при взгляде на первый казанский печатный орган, газету «Казанские известия». Они находят уже в ней прообразы будущей областнической концепции прессы.

Так, в одной из работ Николай Павлович Загоскин цитирует интересный обнаруженный им документ: печатное объявление о предстоящем издании «Казанских известий», составленное от имени казанской губернской типографии в 1810 году. Объявление это обращено «всем присутственным местам, почтенному дворянству, промышленному купечеству, ремесленным гражданам и трудолюбивым поселянам казанской и соседствующих губерний: оренбургской, вятской, астраханской, саратовской, симбирской и нижегородской».

«Уже это обращение, – продолжает Н.П. Загоскин, – указывало на местно-областной характер, который предполагалось придать будущему изданию, не ограничивая влияния его одною Казанскою губернию – идея весьма характерная для первого органа казанской повременной прессы»¹⁸⁷.

Составитель «Полного систематического указателя статей местно-областного содержания, напечатанных в «Казанских известиях»» П. Пономарёв в предисловии приводит цитату из объявления газеты за 1815 год: «Принести пользу и занять любопытство разных классов граждан всего обширного восточного края России – суть главные предметы сего издания»¹⁸⁸. Пономарёв особенно выделяет в цитате слова «всего обширного восточного края России», подчёркивая тем самым областнический характер первой газеты. Он также ссылается на профессора С.М. Шпилевского, в 1873 году в своём «Указателе исторических достопримечательностей г. Казани» кратко указавшего на местно-областной характер «Казанских известий».

Областнический характер П. Пономарёв считает достоинством и другого раннего казанского органа печати – журнала «Заволжский муравей», и также со ссылкой на С.М. Шпилевского: «Только позднейшее потомство вспомнило забытого «Муравья». Один из знатоков местной старины С.М. Шпилевский прямо указывал на этот журнал, как на областной орган, "в котором преобладали преимущественно статьи, имеющие местный интерес"»¹⁸⁹. Это выстраивание «областной» генеалогии от первых казанских органов прессы у деятелей журналистики 1870-1880-х годов – весьма характерный момент.

¹⁸⁷ История Императорского казанского университета за первые сто лет его существования, 1804-1904/ [соч.] Н. П. Загоскина, заслуженного ординарного проф. – Казань: Типо-литогр. Имп. казанского ун-та, 1902–1904. Т. 2: Ч. 2: (1814-1819). С.292.

¹⁸⁸ См.: Изв. Общ. археол., истории и этногр., т. II, Казань, 1879, Приложение 1, 1880, С. 5.

¹⁸⁹ Пономарёв П.А. Казанская периодическая пресса (библиографические заметки). «Заволжский муравей»// Казанский литературный сборник. Казань: Типогр. М.А.Гладышевой. 1878. С.221.

Критика этими публицистами «Казанских известий» велась с позиций демократических, народнических, которым, конечно, газета начала XIX века не могла удовлетворять.

Одна из статей «Казанского литературного сборника» (1878) – совместная К. Лаврского и П. Пономарева – называется «Карл Фёдорович Фукс и его время», частично посвящена разбору «Казанских известий»

Из объявлений в «Казанских известиях» 1811 года Лаврским и Пономаревым отбираются и приводятся объявления о продаже людей:

1) № 7: капитан Кумиков объявляет, что «он намерен уступить, по особенному соглашению, дворовых людей из каракалпаков, мальчика 18 лет, и девочку 14 лет, здорового сложения, обученных российскому языку. Желающие могут их видеть в Свияжске у г. Кумикова».

2) № 10. приезжий публикует объявление, что у него «отдаётся мальчик, с особенным соглашением, собою видный, годный в лакеи и «фалейторы» и способный перенимать ремёсла и художества и притом и поведения доброго.

3) № 15 за 1815 год объявление об отдаче внаймы «за излишеством» семи человек, в том числе двух девок 12 и 14-летнего возраста, видеть оных и узнать об условиях можно ежедневно по утрам у швейцара императорского почтамта.

Далее – прямой цитатой из «Казанского литературного сборника» (1878): «До какой степени в начале текущего столетия не признавались крепостные "люди" за людей, об этом весьма любопытное свидетельство представляет одна статейка, напечатанная в «Казанских известиях» за 1811 год под заголовком «Подвиг человеколюбия».

В ней описывается самоотверженный подвиг дворовых людей какого-то титулярного советника Реновского, спасших от неминуемой гибели 17 человек, затертых льдом на реке Суре во время осеннего ледохода. Паром, на котором находились несчастные с лошадьми и повозками, уносило льдом на

Волгу. Видя это, титулярный советник Реновский, - «сей движимый человеколюбием муж», как выражается автор описания, приказал своим дворовым сесть в лодку и спасти погибающих.

«Посланные, будучи поощряемы г. Реновским (в чём заключалось это поощрение неизвестно), геройски исполнили своё дело. И вот какое нравоучение выводит автор описания их подвига, городничий города Василя (нынешний Васильсурск – А.Б.).

«Таким образом, – говорит он, – чрез великодушие и скорое пособие сего человеколюбивого мужа (т.е. Реновского) спасены 17 человек от неминуемого бедствия. Восхищайтесь, благородные души, сим подвигом человеколюбия!»¹⁹⁰

И редакция университетской газеты, и автор заметки, очевидно, вполне уверены, что вся честь подвига должна принадлежать тому «човеколюбивому мужу», который спокойно поглядывал с берега, как его «посланные» рисковали жизнью для спасения погибающих. Он тоже рисковал жизнью «своих людей» и за это достоин «восхищения».

При полном господстве таких понятий в общественном сознании, – подытоживают Лаврский и Пономарёв в 1878 году свои размышления о Казани 1811 года, – трудно было просвещению и образованности пролагать себе путь, бороться с тотальным невежеством»¹⁹¹.

(б) «Казанский вестник»

Журнал «Казанский вестник» (1820 – 1833) пришёл на смену закрытой газете «Казанские известия», и знаменует собой переход в философии и целе-

¹⁹⁰ Цит. по: Казанский литературный сборник. Казань, 1878. С.297.

¹⁹¹ См.: Казанский литературный сборник. Казань, 1878. С.297-298.

полагании университетских изданий от общественных, выражающих интересы жителей всего края, до узко-корпоративных, научно-образовательных, специализированных, а в вопросах социальных (особенно в эпоху М.Л. Магницкого) – стоящих на сугубо официальной позиции. Журнал «Казанский вестник» был детищем М.Л. Магницкого, одним из его действий по коренному преобразованию университета, это наложило отпечаток на восприятие издания у позднейших критиков.

Для начала, приведём общие сведения об издании:

Тираж: 300-500 экземпляров. Выходил 1 раз в месяц.

Редакция: Издательский комитет «Казанского вестника» состоял из университетских преподавателей. Сначала это были ординарные профессора Г.Н. Городчанинов и В.М. Перевощиков, экстраординарные профессора М.А. Пальмин и В.И. Тимьянский, адъюнкты И.И. Дунаев и В.Я. Булыгин и учитель латинского языка И.Ф. Грацинский. Впоследствии состав комитета неоднократно менялся. Так, в следующем году место Грацинского занял Г.С. Суровцов, а вместо Пальмина был назначен ординарный профессор Н.И. Лобачевский. В состав комитета вошёл адъюнкт М.С. Рыбушкин. В 1826 г. членами комитета стали ординарный профессор В.Я. Баженов и адъюнкт И.Ф. Краузе.

Структура: журнал состоял из двух разделов: I. Начальственные распоряжения, к училищному устройству относящиеся; II. Сочинения и переводы. Второй раздел, как правило, был самым обширным.

Периодизация и содержание: (цит: Вишленкова/Шишкин): «Н.П. Лихачев делит историю «Казанского вестника» на два периода: 1) время попечительства М.Л. Магницкого; 2) время попечительства М.Н. Мусина-Пушкина. Во время Магницкого в журнале преобладали статьи религиозного содержания. После падения Магницкого (май 1826 г.) журнал перестал быть нравоучительно-богословским. Периодизация Лихачева, его оценка направления журнала не во всем верны. Существенные изменения в содержании «Казанского вестника» произошли еще в 1825 г., при Магницком и при его участии.

Именно в этом году резко уменьшилось количество статей богословского содержания, начался отход от религиозно-просветительской ориентации журнала. Смена политического курса в стране после воцарения Николая I закрепила изменения в содержании и направлении «Казанского вестника». Второй период существования «Казанского вестника» характеризуется появлением в нем статей таких крупных ученых как А.К. Казем-бек, О.М. Ковалевский, А.Я. Купфер, Э.А. Эверсман, Ф.И. Эрдман. Самый знаменитый автор журнала – Н.И. Лобачевский, опубликовавший на его страницах несколько работ. В 1832 г. в журнале помещена замечательная речь Лобачевского «О важнейших предметах воспитания». В эти годы в журнале увеличилась доля научных статей, печатались научно-популярные, страноведческие, краеведческие, этнографические материалы, описания путешествий, стихотворения и т.д. (подобного рода материалы имеются в журнале и в первые годы его существования, но в очень небольшом количестве)»¹⁹².

Кроме Н.И. Лобачевского значительный интерес в «Казанском вестнике» представляют статьи К.Ф. Фукса. Так, В 1823 году Карл Фёдорович побывал на Урале и на материалах своего путешествия написал несколько путевых очерков («Путешествие по башкирскому Уралу»; «Об Уральских золото-содержащих песках», «О городе Екатеринбурге», «Уральские леса»), затрагивающих среди прочего экологическую проблематику¹⁹³. Упомянутые очерки К.Ф. Фукса публиковались в «Казанском вестнике» в 1824 году.

О журнале «Казанский вестник» существует библиография не столь обширная, но в последнее время интерес к этому изданию несколько возрос. Из работ XIX века – укажем статью Н. Лихачёва¹⁹⁴; материалы о журнале содержатся в 4-томном труде Н.П.Загоскина «Истории императорского Казанского

¹⁹² Статья была изъята из публичного доступа в 2021 году, предыдущее размещение: Вишленкова Е.А., Шишкин В.И. Журнал «Казанский вестник». – Режим доступа: http://www.ksu.ru/kgu200/knigi/kaz_vestn.htm. Частично положения статьи воспроизводятся в статье о «Казанском вестнике» в «Википедии». Мы цитируем по сделанной нами ранее копии из интернет-версии данной статьи.

¹⁹³ Подробнее см. Куранов К.Н. Казанская пресса. Начало. С. 73 – 83.

¹⁹⁴ Лихачев Н.П. Казанский Вестник// Книговедение. 1894. № 2. С.17-18.

университета за первые сто лет его существования (1804-1904)»¹⁹⁵. Из современных работ укажем: выпущенный указатель¹⁹⁶; также – статью Е.Вишленковой и В. Шишкина «Казанский вестник»¹⁹⁷; работу Р. Галиуллиной, К. Ильиной «“Учёные записки” учёного сословия (первая половина XIX века)»¹⁹⁸, в которой также этому изданию посвящено несколько страниц.

Комментаторы XIX века оценивают журнал – детище М.Л. Магницкого – сугубо отрицательно. Современные исследователи частично пересматривают эти оценки, открывают некоторые хорошие, по меньшей мере, интересные стороны первого казанского журнала. Так, Р. Галиуллина и К.Ильина дают вполне нейтральную характеристику журналу:

«Увлеченный идеей просветительской колонизации, попечитель побуждал казанских преподавателей публиковать в «Казанском вестнике» материалы экспедиций, научных командировок, переводы трудов западноевропейских путешественников, сообщения о диковинных людях и нелюдях, наблюдения за нравами и обычаями народов, проживающих на территории округа. По всей видимости, Магницкий реализовывал идею бывшего министра А.К. Разумовского, который в 1815 году добивался от университетов публикации собранных с учителей «ученых записок» и созданных профессорами на их основе аналитических отчетов»¹⁹⁹.

Н.П. Загоскин же сразу подчёркивает тенденциозный характер «Казанского вестника». Для этого он использует показания самого М.Магницкого из представления, с которым тот вышел 26 марта 1820 г. к министру духовных дел и народного просвещения. В нём Магницкий доказывал неуспешность издания прежних «Казанских известий» и необходимость перейти на формат

¹⁹⁵ см.: Указ. соч. Т.4. (1819-1827). Казань, 1906.

¹⁹⁶ «Казанский вестник», 1821 – 1933 гг.: Указатель содержания / Составители: В.Г.Салова, В.И.Шишкин, Ж.В.Щельванова - Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 2003. 116 с.

¹⁹⁷ См. примечание № 163.

¹⁹⁸ Галиуллина, Р. Х., Ильина, К. А. «Ученые записки» ученого сословия (первая половина XIX века) : препринт WP6/2012/02 [Текст] / Р. Х. Галиуллина, К. А. Ильина ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. 44 с.

¹⁹⁹ Галиуллина, Р. Х., Ильина, К. А. Указ. соч. С. 10-11.

журнала – задуманного им «Казанского вестника». Среди преимуществ издания журнала вместо газеты им указывалось, например, такое: «Журнальные статьи подлежат более строгому выбору и более тщательной обработке». То есть – легче их цензурировать.

Н.П. Загоскин отмечал: «Рассматривая учёно-литературную продуктивность казанского университета за первую половину двадцатых годов, мы невольно поражаемся немногочисленностью серьёзных научных трудов, сошедших со станков университетской типографии за время попечительства Магницкого. Объясняется это, конечно, тем, что лишь немногие из членов университетской коллегии выказывали готовность ставить истинные интересы науки и свои научные воззрения на почву компромиссов с теми, уже хорошо знакомыми нам, требованиями, которые предъявлялись в этом отношении попечителем». Все материалы, даже лекции проходили «суровую цензуру Магницкого». «С этими требованиями приходилось считаться и в трактатах чисто научного характера, и в статьях, помещавшихся в университетском повременном органе того времени («Казанский вестник» с «Прибавлениями» к нему, сменивший собою прежние «Казанские известия»)²⁰⁰.

Если Р. Галиуллина и К. Ильина рассматривают журнал как просветительский с этнографическим уклоном, то Е.Вишленкова и В.Шишкин - как журнал религиозно-нравственный, соотнося его, например, с «Сионским вестником».

Галиуллина / Ильина: «В силу специфики культурного локуса Казанского университета и специализации его училищного комитета на сборе сведений о народах обширного восточного округа, в «Казанском вестнике» получила явное преобладание этнографическая тематика. Статьи по другим предметам в нём были скорее редкостью. Причем эта тенденция с годами (и даже после отставки М.Л. Магницкого в 1826 году) нарастала. Некоторые выпуски

²⁰⁰ История Императорского казанского университета за первые сто лет его существования, 1804-1904/ [соч.] Н. П. Загоскина, заслуженного ординарного проф. – Казань: Типо-литогр. Имп. казанского ун-та, 1906.Т.4.С.10.

журнала (например, книжки XI и XII за 1829 год) почти полностью посвящены народоведению. В этом отношении журнал отражал сложившуюся естественным образом научную специализацию Казанского университета»²⁰¹.

Вишленкова / Шишкин: «Значительная часть его публикаций – статьи нравоучительного, богословского, моралистического содержания. Подобные казанскому изданию – с «духовным чтением» для широких слоев общества – появились в России лишь в начале XIX в. Они были необычны для российского читателя, а многими духовными лицами они воспринимались как покушение на монопольную прерогативу церкви. «Сионский вестник» (1806, 1817-1818) – был первым столичным изданием, который начал обсуждать богословские вопросы и знакомить с ними широкую читательскую аудиторию страны. ... В столицах религиозно-нравственный журнал имел большую популярность»²⁰².

Галиуллина и Ильина ещё рассматривают «Казанский вестник» как издание специальное (для узкой аудитории): «Выпуская с 1811 по 1820 год газету «Казанские известия», университетская редакция ориентировалась на интересы широкого читателя. Об этом свидетельствует тематика подготовленных публикаций, популярный язык и ареал распространения издания. Кажется, впервые намерение сфокусировать издание на «профессиональную аудиторию», то есть чиновников министерства и ученое сословие, высказал казанский попечитель М.Л. Магницкий. В этой связи газета «Казанские известия» была закрыта и вместо нее появились журнал «Казанский вестник»»²⁰³.

В перечне недостатков «Казанских известий», указанных М. Магницким в представлении – «План газеты слишком обширен». Но главный пункт его

²⁰¹ Галиуллина, Р. Х., Ильина, К. А. Указ. соч. С.11.

²⁰² Вишленкова Е.А., Шишкин В.И. Журнал «Казанский вестник». [по копии с ранее удалённой из публичного доступа статьи в формате электронного ресурса].

²⁰³ Галиуллина, Р. Х., Ильина, К. А. Указ. соч. С.9.

мотивационной части (о том, что следует перейти от издания газеты к журналу), пункт, который Н. Загоскин цитирует с разрядкой в тексте, подчёркивая, что это и есть самое главное:

«Проектируемый журнал «в добром духе, занимательно составленный и хорошо расположенный, мог бы послужить «средством к направлению умов к той цели, какую правительство себе предположит».

Это и впрямь – главное: журнал – не свободный, затеянный для целей формирования умов в нужном правительству духе. Н. Загоскин особенно подчёркивает этот момент: «Не может представляться ни малейшего сомнения в том, что эта та последняя цель, в результате которой должно было явиться создание университетского повременного издания с тенденциозным характером личного органа попечителя и проводимых им начинаний – и была основным мотивом интересующего нас представления министру»²⁰⁴.

Суровую оценку журналу вынес Н. Лихачёв, опубликовавший в журнале «Книговедение» за 1894 г. специальную статью о нем. ««Казанский Вестник» эпохи Магницкого, – констатировал автор, – носит какой-то странный характер, это не серьёзный богословский орган, это не журнал для ученых, и в то же время нет в нем статей литературных. По содержанию своему он много ниже простодушных «Казанских Известий»: его путаница – след той мистической бури, которая несколько лет коверкала нормальное течение русской учебной жизни» – писал исследователь»²⁰⁵.

Эту цитату потом приводили во многих исследованиях. Да, действительно, отрицательный имидж Магнитского повлиял на восприятие журнала, но нельзя его мазать одной краской, и материалов там много замечательных.

²⁰⁴ История Императорского казанского университета за первые сто лет его существования, 1804-1904/ [соч.] Н. П. Загоскина, заслуженного ординарного проф. – Казань: Типо-литогр. Имп. казанского ун-та, 1906. Т.4. С.29.

²⁰⁵ Лихачев Н.П. Казанский Вестник// Книговедение. 1894. № 2. С.18.

Да и тот самый имидж Магницкого – тоже сейчас начал частично пересматриваться в некоторых современных работах. Те же Вишленкова и Шишкин в своей статье отмечают:

«Магницкий не был положительным героем в истории. Но не был и злодеем. Он стал таковым в мемуарной, а затем в историографической традиции. В течение XIX в. в российском историческом сознании выстраивалась ценностная иерархия персонажей отечественной истории. Магницкий олицетворял в ней нравственный "низ". И в таком качестве его имя негативно окрашивало всё, к чему казанский попечитель имел отношение, а тем более инициировал»²⁰⁶.

При этом проблема несвободы, нравственной зависимости этого журнала – для нас остаётся краеугольной при вынесении оценок этому изданию.

Вишленкова / Шишкин заканчивают свою статью о журнале неутешительным приговором: «Однако, что бы ни делали для повышения авторитета «Казанского вестника» Магницкий, его преемник М.Н. Мусин-Пушкин, члены издательского комитета, одним из председателей которого являлся ректор университета Н.И. Лобачевский, интерес к журналу был невелик. Число подписчиков с каждым годом уменьшалось. Да и вряд ли такой журнал мог оправдать ожидания его издателей. Содержание «Казанского вестника» было безынтересным, но чрезмерно отвлеченным, очень далеким от того, что как-то волновало людей того времени»²⁰⁷.

Мы в целом поддерживаем выводы этих исследователей по «Казанскому вестнику».

(в) журнально-издательские проекты М.С. Рыбушкина

²⁰⁶ Указ. соч. См. примечание № 173.

²⁰⁷ Там же.

Знакомство с журналистской деятельностью у Михаила Сампсоновича Рыбушкина началось ещё в студенческие годы, когда он был одним из редакторов рукописного журнала «Смесь» (1812). Через 10 лет, в 1822 году молодой адъютант Рыбушкин входит в издательский комитет «Казанского вестника». Первым подлинно рыбушкинским детищем на журналистском поприще стали «Прибавления к «Казанскому вестнику».

В совместной статье Е. Вишленковой и В. Шишкина по поводу «Казанского вестника» говорится: «<Прибавления> выходили в 1821-1823 годах и предназначались для местных обывателей. В них печатались в основном краткие сообщения о событиях в России и за рубежом, взятые из петербургских и московских газет, о награждениях казанских чиновников, о лицах, прибывших в Казань, о пожертвованиях в пользу училищ учебного округа, статьи об открытии новых училищ, о торжественных мероприятиях в учебных заведениях, объявления. В 1828 г. «Прибавления» были восстановлены и душой их стал М.С. Рыбушкин. Благодаря ему «Прибавления» наполнились статьями по истории, экономике, статистике Казани и губернии, публикациями документов, извлеченными из архивов. Фактически при Рыбушкине «Прибавления» стали другими, намного интереснее газеты прежних лет и намного интереснее самого «Казанского вестника». Впрочем, период расцвета «Прибавлений» продолжался только до 1832 г., когда Рыбушкин основал собственный журнал "За-волжский муравей" и ему пришлось делить свои усилия между двумя изданиями»²⁰⁸.

Известный в будущем издатель «Отечественных записок» А.А. Краевский писал про «Прибавления» в 1834 году в аналитической записке для «Журнала министерства народного просвещения»: «“Казанский вестник” издается с 1821 года учрежденным при Казанском университете издательным комитетом [...] включает в себе разные сочинения и переводы для распространения

²⁰⁸ Вишленкова Е.А., Шишкин В.И. Журнал «Казанский вестник». [по копии с ранее удалённой из публичного доступа статьи в формате электронного ресурса].

полезных сведений». Что касается «Прибавлений» к нему, то «для чиновников Казанского учебного округа, – уверял Краевский, – они с выгодой заменяют собою “Ведомости” столичные, потому что обходятся гораздо дешевле. Сверх вышесказанных известий, в них помещаются разные местные, и собираются многие материалы для истории просвещения в Казанском округе»²⁰⁹.

Несколько слов о журнале «Заволжский муравей», на тот момент вообще одним из четырёх литературно-художественных журналов на всю страну, первом журнале прикамского региона: за 1832-1834 годы было выпущено 74 книжки «Заволжского муравья». В структуре журнала существовало три традиционных раздела: словесность, науки, нравы («нравственные качества народов Заволжского края», а также их образ жизни, празднества, обычаи, быт и проч.). Среди корреспондентов журнала и авторов статей были жители Казани, а также Перми (П. Размахнин, И. Свиязев, Р. Волков), Нижнего Новгорода (Н. Баталии, Д. Бабанин, М. Демидов), Пензы (Н. Филатов, Я. Евтропов), Уфы (В. Николаев), Троицка (П. Жданов), Тобольска (П. Словоцов), Иркутска (В. Паршин), Красноярска (И. Петров), Елабуги (С. Годяев), Саратова (К. Лебедев) и др. Причем, по указанию В.В. Аристова, «из почти 70 известных нам авторов 45 (больше половины) были преподавателями, студентами или выпускниками Казанского университета»²¹⁰. Исследователь констатирует: «Выходит, что «Заволжский муравей», хотя он и был частным журналом, на самом деле являлся (хотя бы наполовину) университетским и притом студенческим органом»²¹¹.

Редакторы журнала – Рыбушкин и Полиновский. Большинство комментаторов называют среди соинициаторов издания Карла Фёдоровича Фукса. О Фуксе-журналисте большой очерк опубликовал К.Н. Куранов, но также и мы,

²⁰⁹ Обзорение русских газет и журналов А. Краевского // ЖМНП. 1834. Т. 1. Отд. VI. С. 458.

²¹⁰ Аристов В. В. Журнал «Заволжский муравей» и его авторы // Казанская периодическая печать XIX - начала XX века: библиогр. указатели. Казань, 1991. С. 8.

²¹¹ Аристов В. В., Ермолаева Н. В. Все началось с путеводителя: поиски литературные и исторические. Казань: изд-во Казан. ун-та, 1975. С. 48-49.

во второй монографии по истории казанской журналистики²¹². Напомним, Карл Фукс имеет прямое непосредственное отношение к первым пяти казанским периодическим изданиям, вплоть до «губернских ведомостей», у первого редактора неофициального отдела которого Николая Второва профессор Фукс был главным советчиком и наставником.

Тандем Карла и Александры Фукс (супруги профессора) получил своё наибольшее развитие именно в «Заволжском муравье», где в основном публиковались этнографические очерки Александры Фукс с примечаниями и дополнениями её мужа, а также её исторические романы.

Прочитую исследователя Вячеслава Аристов: «<Очерк> "Поездка из Казани в Чебоксары" А.А. и К.Ф. Фуксов, довольно своеобразно построенный. Он состоит из писем Александры Андреевны, написанных на основе личных наблюдений, и ответов Карла Федоровича, представляющих своеобразный комментарий к письмам жены. Этот комментарий – обобщение всех известных научных работ о чувашах и наблюдений самого К.Ф.Фукса. Очерк дышит уважением и любовью к чувашскому народу, его обычаям, нравам»²¹³.

Другие авторы, называемые Аристовым: Николай Кафтанников – археолог-любитель, историк, исследователь древних Булгар, автор большинства иллюстраций в «Заволжском муравье». Кн. Андрей Гундоров, автор «Записок скупидома», одного из самых интересных беллетристических произведений в журнале. П.А. Аноров, этнограф и литератор. Довольно регулярно он выступал в своеобразном жанре сатирического обозрения – "Известия, полученные чрез черемисский телеграф" ...». Включим ещё в этот ряд основных авторов стихотворного очеркиста Ф. Рындовского.

Но, конечно, исключительная роль в журнале принадлежит М.С. Рыбушкину. Историк журнала, известный казанский журналист второй половины XIX века П.А. Пономарёв отмечает «энергичную... деятельность Рыбушкина,

²¹² См. Бик-Булатов А.Ш. Очерки... Казань, 2021. С.89-101.

²¹³ Аристов В.В. Журнал «Заволжский муравей» и его авторы. – в кн.: Казанская периодическая печать XIX начала XX века. Библиографические указатели. Казань: изд-во Казанского ун-та, 1991. С.14.

который рылся и в архивах, и предпринимал поездки, и рассылал повсюду настоятельные просьбы о содействии, и чуть не силой усаживал знакомых за перо»²¹⁴.

Пономарёв указывает на сложные цензурные условия для журнала: (книжки издания редакторы вынуждены были отсылать для цензурирования в Москву, вспомните ещё, сколько тогда занимала дорога до Москвы!), нехватку писателей, и... нехватку читателей ("книги и журналы не входили в круг потребностей").

Пономарёв, не затушёвывая, а местами и подчёркивая многие недостатки издания, заступает за него: «удивительно не то, что он прожил так мало, а то, как он мог просуществовать так долго». Он напоминает, как обходили молчанием казанского собрата столичные издания, как его лягала «Северная пчела» Булгарина, как местная публика – «немногие знали "Муравья" при жизни, многие позабыли его при смерти. Только в 1847 году вспомнил его местный учитель гимназии Н. Бажанов и сказал запоздалое надгробное слово...»²¹⁵.

Приведя цитату из Бажанова, Пономарёв продолжает: «Это надгробное слово ясно показывает, что ближайшее потомство забыло даже время издания журнала и совсем не понимало областного значения "Муравья" ... Только позднейшее потомство вспомнило забытого "Муравья"»²¹⁶.

О случаях недовольства властей «Заволжским муравьём» говорит исследовательница А.В. Гарзавина, перечисляя наиболее резонансные публикации журнала, куда кроме называвшихся уже материалов Анорова и Гундорова, она включает балладу Мицкевича в переводе И.А. Верниковского, «высланного из Вильно в Казань, с подчинением особому надзору, за принадлежность к тайному обществу и снова арестованного в 1834 г.»; начало стихотворения «Мятежный Пугачёв» (продолжение печатать запретили). «В июле 1832 г. Из-

²¹⁴ См. в: Казанский литературный сборник, Казань, 1878, С. 210.

²¹⁵ Там же. С.220.

²¹⁶ Там же.

за одной из опубликованных статей о доходах с торговых судов, было заведено «Дело по отношению казанского военного губернатора о доставлении сведений, откуда гг. издатели «Заволжского муравья» почерпнули сведения...», после чего подобные материалы не печатались без подписи»²¹⁷.

В редакторстве М. С. Рыбушкина мы улавливаем и некоторые не симпатичные нам черты, примеры которых мы приводили в монографиях. Так, мы встречаем его достаточно высокомерное отношение к татарам, с позиций русского великодержавного шовинизма (в отличие от Карла Фукса, первого этнографа татар, автора прекрасных очерков об этом народе). Есть у нас любопытный пример. После того, как Рыбушкин получил негативный отклик на свою плохую пьесу о царице Сумбеки – он попробовал вступить в полемику, и опубликовал статью в журнале «Вестник Европы» (1814, № 19). Это интересный дополнительный документ к характеристике Рыбушкина, который, кажется, ещё не привлекался исследователями. Так, на упрёк рецензента в том, что в представленной пьесе нет ни одного характера благородного и сильного, Рыбушкин отвечает: «Я не хотел дать неприятелям нашего Отечества благородных характеров; напротив, в Российских героях, с позволения г. библиографа, нет ничего низкого»²¹⁸.

В своей монографии, я обращаюсь к личности М. Рыбушкина, говоря о его публикации писем директора Первой Казанской гимназии М. Верёвкина: «как сообщает М. Петровский, автор очерка в «Русской Беседе» с первой полной публикацией письма П.И. Шувалову о казанском празднике, Михаил Сампсонович издал текст Верёвкина «в извлечении и в исправленном, по мнению издателя, или, лучше сказать, искажённом виде»²¹⁹. Не первый раз уже нам приходится видеть, что редактор «Заволжского муравья» (нашего журнала 1832–1834-х гг.) М.С. Рыбушкин на первое место ставит не точность факта, а

²¹⁷ Гарзавина А.В. «В Казань, профессору К.Ф. Фуксу...». Казань: Татарское книжное изд-во. 1987. С. 191.

²¹⁸ См.: Вестник Европы, 1814, № 9. С.200.

²¹⁹ См. в: Русская беседа, 1860. № 1. С.20.

его благонамеренность, он печётся о реноме родного города или страны гораздо более, чем о правде»²²⁰.

В 1861 году известный историк-публицист М.И. Семёвский ставит под сомнение Рыбушкинское описание казанского общества, сделанное тем в 1849 году, противопоставляя ему изданную в пореформенное уже время статистическую брошюру о Казани Лаптева. Сначала автор путевого очерка задаёт иронический вопрос:

«Что если такой Аркадией выглядывала ты (т.е. Казань – А.Б.) в 1849 году, когда писал и печатал свою историю г. Рыбушкин, то как же «утончились» нравы твоего дворянства к 1861 году, как много сделало даже для просвещения твоё купечество, какое громадное влияние, надо думать, упрочил за собой здешний университет при такой благоприятной обстановке?» Но далее, М.И. Семевский приводит совершенно убийственную характеристику казанского интеллектуального общества от Лаптева и продолжает: «Вот тебе и утон... прочь, однако, восклицания. Остановим только наше внимание на годах, в которых писались два, столь разноречивые отзыва о казанском обществе: 1849 и 1861»²²¹.

Конечно, это не зачеркивает больших заслуг М.С. Рыбушкина, собранных им богатых сведений и материалов по истории Казани, его трудолюбия и огромного вклада в местную журналистику. В иных текстах Рыбушкина-журналиста он раскрывается как тонкий наблюдатель и человек широких благородных взглядов. Приведём в пример его поздние очерки «Замечания на пути к Свияжску», опубликованные в «Казанских губернских ведомостях» в 1846 году.

Важной частью этих очерков стало внимание М. Рыбушкина к простым труженикам. Трогательные куски в очерке посвящены гребцам лодки, которая везёт Рыбушкина в Свияжск, а потом и бурлакам.

²²⁰ Бик-Булатов А.Ш. Очерки... Казань, 2021. С.33.

²²¹ (Семевский М.И. От Твери до Астрахани. Волжские заметки// Отечественные записки, 1862, № 12, С. 503-504).

«Сколько трудностей, подумал я, переносят бедные бурлаки, сколько опасностей угрожает им! Захватит ли буря - они тонут, застанет ли холод и дождь - они зябнут и мокнут, худо одетые, а ещё хуже накормленные - они тянут бечевой судно по каменному берегу Волги, не воображая, что упавший с высоты утёса камень раздавит их в одно мгновение. А какая плата за тяжкие труды – рублей 20 за путину до Астрахани. Захворает бурлак на судне, его ссунут на берег, и он должен добираться до дома Христовым именем. Бедная жизнь!»²²².

Необычно читать такое в официальных «губернских ведомостях» времён Николая I. Также в очерке Рыбушкин сетует на то, что плохо в Услоне следят за могилой кн. Меншиковой. «Надпись более истреблена временем, а крапива и полынь ещё гуще выросли на погосте священника. Что делать, подумал я? Время съедает всё. А всё-таки нехудо бы отцу иерею очистить могилу от травы и уважить честь и славу покойницы»²²³.

Эти критические суждения Рыбушкина особенно интересны в контексте того, что, напротив, он известен сглаживанием острых углов, заботой о положительном имидже Казани и университета. Ещё критики XIX века пеняли ему на эту склонность к приукрашиванию. Здесь же взгляд Рыбушкина – внимательный, радеющий, подмечающий и недостатки. Впрочем, Казань, как раз, в противовес окраинам, и тут заслужит похвалу автора, как мы увидим далее.

В Макарьевском монастыре, расположенном напротив Свияжска, Рыбушкин замечает, что место для постройки нового храма было выбрано неудачно: «Как жаль, что строители нового храма и новых зданий не распорядились перенести обитель на самую крутизну горы, где место ровное, обширное и удобное; нынешнее же, при всей дикой красоте своей, для постройки прочных зданий вовсе не выгодно. При входе в зимнюю церковь, помещённую

²²² Рыбушкин М.С. Замечания на руты к Свияжску// Казанские губернские ведомости, 1846, № 27, 1 июль. Ч. Неофициальная. Стб.274.

²²³ Там же. Стб. 273 - 274.

внизу, вы сейчас заметите сырость на стенах - это признак, что фундамент поднимается водой»²²⁴.

Далее он пишет об истории и коротко о современном ему состоянии Свияжска. «Вместо 5000 корпуса отважных сподвижников при осаде Казани населяют теперь Свияжск 900 жителей, промышляющих только сплавом в Казань и обратно. Обширный рынок с бесчисленным множеством различных товаров превратился в скудный базар, на котором и купить-то почти нечего". ... Грязь, весною нестерпимая, пристани нет, а прелестное местоположение, издали пленяющее взоры, наводит тоску и томление»²²⁵.

Рыбушкин возвращается в Казань, которой – по контрасту со Свияжском – любит. Казань отстраивается после пожара 1842 года, намёк на это был ещё в начале первой части очерка (упоминалось множество строительных материалов, свозимых по притоке Булак). «... теперь ты возникла подобно Фениксу из пепла и любишь себя, может быть также, как любовалась своими прелестями красавица Сююнбека»²²⁶.

Мы видим по этим отрывкам, что М.С. Рыбушкин очень меткий, наблюдательный журналист, с хорошим слогом и своим взглядом на многие проблемы.

Вернёмся теперь к «Заволжскому муравью». Библиография научных статей о нём гораздо скромнее, чем у «Казанских известий», и по настоящее время главным исследованием о журнале остаётся труд П.А. Пономарёва. Некоторые дополнения к нему в конце XX века внёс В. Аристов. Но в последнее время появилась ещё одна важная работа по поводу «Заволжского муравья». Статья Созиной Е.К. «“Меж чуваш, татар, мордвы..”: Восточная Россия в казанском журнале “Заволжский муравей”»²²⁷.

²²⁴ Рыбушкин М.С. Замечания на рути к Свияжску// Казанские губернские ведомости, 1846, № 28, 8 июль. Ч. Неофициальная. Стб.283.

²²⁵ Рыбушкин М.С. Замечания на рути к Свияжску// Казанские губернские ведомости, 1846, № 29, 15 июль. Ч. Неофициальная. Стб.307.

²²⁶ Там же.

²²⁷ Созина Е.К. "Меж чуваш, татар, мордвы...": Восточная Россия в казанском журнале «Заволжский муравей» // Имагология и компаративистика. 2017. № 7. С. 108-125. Более ранняя версия статьи опубликована в сб.:

Некоторые тезисы представляются важными. Приведём их:

1. Стоит выделить три фактора, определявшие понимание «своей» территории издателями и авторами «Заволжского Муравья». Это, во-первых, положение Заволжского края между Европой и Азией, Европой и Востоком; во-вторых, его разноплеменное население («меж чуваш, татар, мордвы», как писал казанский поэт Ф. Рындовский); в-третьих, его древняя и малоизученная история, в частности история Булгарского царства.
2. «Для многих авторов журнала евроазиатскость Казани и, соответственно, всего Заволжского края позволяла снять «периферийность» города и региона, уйти от тривиальной уже в ту пору оппозиции «столица - провинция». Тем более что большинство из них, обращаясь к сопоставлению своей малой или большой родины со столицей, неизменно принимали сторону родного, пусть не такого великого и знатного».

Приводятся следующие цитаты, например, из Рыбушкина: а) «... Университет Казанский в рассуждении местного положения своего находится как бы в средоточии между Европою и Азией и составляющие округ его губернии населены народами Востока...» [1833, № 17 С. 962]; б) «Казань почитается как бы Сибирским уже городом» [1832. № 1. С. 35].

3. Пожалуй, именно этнографическая и историко-географическая составляющие «Муравья» проявляют его истинное своеобразие и значение в истории не только отечественной журналистики, но и в становлении отечественного народознания, стремившегося охватить многочисленные народы империи, а также в процессе формирования и развития русской прозы нового направления, сложившегося уже в 1840-е гг.

4. Обстоятельство, выводящее «ЗМ» за пределы чисто провинциального органа <:> «ЗМ» создавался в столице края – Казани, которая осознавала и позиционировала себя как в определенной мере оппозиционную Москве (Санкт-

Литературный процесс в региональной периодической печати 1830–1930-х гг.: от «Заволжского муравья» к «Уральскому рабочему»: коллективная монография. Институт истории и археологии УрО РАН/ред.: Е.К. Созина, Т.А. Снегирева. Екатеринбург: Кабинетный учёный, 2016. С.242-278.

Петербург в материалах журнала фигурирует мало) и противопоставляла себя ей как центр Восточной России, составлявшей большую половину империи. Иначе говоря, журнал высказывал своего рода претензию на гегемонию внутри провинции и выражал акт самосознания всей этой огромной территории, который Казань через интеллектуальные кадры университетской интеллигенции пыталась организовать и направить. Поэтому имперско-колониальный дискурс журнала, с одной стороны, обнаруживает сходство со столичным, московско-петербургским, а с другой - отличается от них степенью «густоты» имперскости и своеобразной гибридность столичных и провинциальных черт, которые могут рассматриваться как некая особенность журнала, причем особенность позитивная, связанная с положением Казани.

Эти размышления Е. Созиной вполне пересекаются с мнениями комментаторов XIX века, также пытавшихся выяснить географическое и общественное положение «Заволжского муравья», выделявших в нём местно-областное значение.

3.1.3. Университетские издания и проекты на излёте и по окончании первого периода в истории казанской журналистики

Последние годы «университетского» периода (1834 – 1838, а фактически до 1843 года, когда был открыт именно «Неофициальный отдел «Казанских губернских ведомостей»», придавший этому, прежде, служебному органу характер полноценной газеты) характеризуются тем, что главное университетское издание – «Учёные записки» окончательно превращается в научный, специализированный журнал, то есть теряет общее журналистское значение. При этом, однако, несмотря на свой узко специальный характер, оно остаётся единственным периодическим журналом Казани в это время, как это было и с предыдущими газетами и журналами, выходившими при университете.

С появлением и окончательным полновесным утверждением «Казанских губернских ведомостей», университетские печатные издания окончательно выделятся в нишу отраслевых изданий, куда позже войдут и журналы Казанской Духовной Академии. Эту нишу, кроме «Учёных записок», будут потом составлять журналы различных научных обществ: Вольного экономического, общества врачей, общества естествоиспытателей, в дальнейшем – общества Археологии, истории и этнографии и некоторых других.

Среди всех – издания именно названных обществ будут иметь некоторое значение в общем потоке казанской журналистики. «Записки Императорского Казанского экономического общества» в 1850-е гг. при М. Я. Киттары станут одним из лучших российских технологических журналов, и лучшим журналом такого рода в провинции. Из него выйдет целая плеяда журналистов-технологов. Сам профессор М. Киттары переберётся в столицы, где продолжит развивать технологическую, промышленную журналистику, став редактором ряда изданий. Его ближайший ученик – А.К. Чугунов, заместивший М.Я. Киттары на посту редактора «Записок», вскоре возглавит коммерческую, промышленную газету «Казанский биржевой листок», которую писатель Н.С. Лесков в 1869 году назовёт лучшей русской провинциальной газетой. Целая плеяда публицистов-технологов, отраслевиков сформируется в Казани (назовём имена Ф.И. Целлинского, А.М. Бутлерова, Е.С. Фалькова), а первым в этом ряду, ещё на заре существования университета, был профессор Вуттиг, которого мы уже называли. Газета «Казанский биржевой листок» из технологической и промышленной потом трансформируется в универсальную газету обычного типа, и станет одной из наиболее влиятельных казанских газет, лидером рекламного рынка.

Казанское общество врачей лишь позже перейдёт под крыло университета, а прежде, несмотря на то, что значительную часть в нём составляли университетские профессора, носило независимый характер. Начавший выходить

при нём в 1870-е «Дневник Казанского общества врачей» первое время не попадал под цензурные ограничения, установленные для иных изданий по закону 1865 года, будучи именно изданием общества. Критик «Отечественных записок» Н. Демерт выделял именно это издание, видел в нём начало некоторых новых тенденций, которые позже в местной журналистике выразила «Камско-Волжская газета». «Дневник Казанского общества врачей» первых лет выпуска может считаться предтечей знаменитой газеты.

Напротив, общество археологии, истории и этнографии Казанского университета – стало новым центром, вокруг которого группировались публицисты бывшей «Камско-Волжской газеты», когда это издание было уже закрыто, на этой стадии в круг писателей «поволжских областников» вошёл Н.П. Загоскин, секретарь общества и редактор его Известий, позже основавший газету «Волжский вестник» (с 1883).

Издания других обществ, в основном связанных с университетом, не выходили за рамки отраслевых, специализированных, хотя и тесно взаимодействовали с основной прессой.

Вернёмся к «Учёным запискам», последнему изданию, попадающему в границы университетского периода в истории казанской прессы, начавшему выходить в 1834 году, придя на смену «Казанскому вестнику». На закрытии прежнего издания настаивали попечитель учебного округа Мусин-Пушкин и ректор Лобачевский, профессора же – члены совета, стояли за журнал. Выработка решений потребовала трёх заседаний.

«После долгих препирательств профессора решили пойти на компромисс с начальством и «продолжать издание “Казанского вестника” в трех частях, как и в последнее время его, а именно: одну часть “Казанский вестник”, которая будет составляться в том же виде, в каком печатались “Прибавления к “Казанскому вестнику”», другую часть Начальственные распоряжения и третью часть под названием “Ученых записок Казанского университета”». Таким

образом, одна часть «Вестника» изменила название и стала «Учеными записками»²²⁸.

Далее в той же книге, которую мы процитировали, её авторы замечают: «Обстоятельства создания и выпуска «Ученых записок, издаваемых императорским Казанским университетом» (это официальное название журнала с 1834 до 1861 года; в данной статье используется сокращенное название – «Ученые записки Казанского университета») – научного журнала, имеющего более длительную историю, чем «Ученые записки Московского университета» – до сих пор не были предметом специального научного анализа. О нем в разной связи писали историки Казанского университета (М.К. Корбут, С.М. Михайлова, Ф.Ф. Нуреева), исследователи книжного дела (Н.Б. Парамонова), биографы казанских ученых, чиновников и преподавателей (А.В. Васильев, В.Ф. Каган, Р.Х. Галиуллина). Локальная перспектива способствовала тому, что ответ на вопрос о побудительных мотивах издания основывался исключительно на свидетельствах местного архива. Уязвимость полученного ответа состоит в том, что он не учитывает общей политики министерства С.С. Уварова. Плохо представляя его, казанские исследователи увязывали появление «Ученых записок Казанского университета» либо с просветительской миссией местного университета на востоке России (на востоковедные публикации «Ученых записок» указывали М.К. Корбут, Н.А. Мазитова, С.М. Михайлова, Н.Б. Парамонова); либо как инициативу выдающегося ученого, ректора университета Н.И. Лобачевского (А.В. Васильев, В.Ф. Каган). Большинство исследователей утверждали, что «Ученые записки, издаваемые императорским Казанским университетом» стали продолжением «Казанского вестника», а Ф.Ф. Нуреева видела его прототип в «Записках Вольного экономического общества»²²⁹.

²²⁸ Галиуллина, Р. Х., Ильина, К. А. «Ученые записки» ученого сословия (первая половина XIX века) : препринт WP6/2012/02 [Текст] / Р. Х. Галиуллина, К. А. Ильина ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012.С.34.

²²⁹ Там же. С.34-35.

Далее в этой работе авторами представлен собственный интересный разбор этого научного казанского журнала, выходившего раз в три месяца по цене 15 рублей, 5 рублей стоила пересылка в другие города. «Ученые записки Казанского университета» выходили регулярно с 1834 по 1917 годы. Первым их редактором был ректор Н.И. Лобачевский. После него этот пост занимал ректор О.М. Ковалевский (при Лобачевском он был секретарем издательного комитета).

Другой современный исследователь журнала П. Георгиев отмечает: «Должность редактора была определяющей для издания У<чёных> З<аписок>, это был тяжёлый изматывающий труд. Сколько физических, моральных и духовных сил требовала эта должность, можно видеть, например, из прошений об увольнении с должности редактора А.П. Чебышева-Дмитриева, Н.Н. Булича и А.М. Осипова. Сложность редакторского труда определялась не только корректурой материала. На плечи редактора ложилась вся тяжесть по преодолению трудностей в издании УЗ. Так, в записке Н.О. Ковалевского, подготовленной для Совета университета в декабре 1871 г., о создании комиссии для улучшения деятельности по изданию УЗ говорилось, что УЗ выходят неаккуратно и что при таком ходе дел «издание теряет возможность служить выражением научной деятельности университета», а это затрудняет рассылку УЗ в обмен на заграничные, «весьма ценные» для Казанского университета издания. В 1874 г. новоизбранный редактор УЗ А.М. Осипов отмечал, что «на издание не отпускается никаких сумм» и что «такая необеспеченность ставит редакцию в неловкое положение»²³⁰.

Основные вехи развития издания «Учёные записки» прослежены также в диссертации «Казанское книжное дело в контексте историко-культурного развития края: вторая половина XVIII в. - 1917 г.» Габделганеевой Г.Г.²³¹

230 Георгиев П.В. «Учёные записки Казанского университета» в поле научных коммуникаций России (1834-1917)//Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. 2014. Т.156. Вып.3. С.11.

231 См.: Габдельганеева Г.Г. Казанское книжное дело в контексте историко-культурного развития края: 2-я половина XVIII в. - 1917 г.: дис. ... докт. филол. наук. Казань, 2006. 740 с.

1. В 1834-м вышла первая книжка с предисловием Н.И. Лобачевского. Лобачевский был создателем и первым редактором журнала в течение 10 лет (1834-1844).
2. В 1861 г. с целью повышения качества издания, оно по инициативе ректора университета А.М. Бутлерова было разделено на две серии. Первая из них включала публикации по социально-гуманитарным наукам и выходила под названием «Ученые записки по отделению историко-филологических и политико-юридических наук», вторая - по естественным, точным и прикладным наукам, под названием «Ученые записки по отделению физико-математических и медицинских наук».
3. С 1 января 1865 г., введением нового университетского устава, издание вновь было переименовано. Первая его часть («Известия Императорского Казанского университета») включала официальные материалы, вторая («Ученые записки...») – научные, научно-просветительские и прочие публикации. С 1865 г., после разделения издания на две части, в «Известиях» стали публиковаться протоколы заседаний Совета университета, его распоряжения и другие официальные и ведомственные материалы.
4. В 1873 г. по предложению редактора издания профессора Н.А. Осокина в «Известия» был введен отдел «Заметки», а в «Учёных Заметках» – «Критика и библиография», и, таким образом, преобразованы отделы «Ученых трудов» и «Ученых известий и смеси».
5. В 1884 г. «Известия» и «Учёные записки» были объединены с целью создания отраслевых выпусков и стали издаваться по факультетам (историко-филологическому, юридическому физико-математическому и медицинскому), по одному сборнику ежегодно, в 1890 г. издание было вновь объединено.
6. Постепенно увеличивался объем журнала: с 40 п.л. (до 1865 г.) до 120 (до 1894 г.) и до 160 - в дальнейшем. В «Учёных Записках» были опубликованы важнейшие исследования ученых Казанского университета, в частности, боль-

шая часть сочинений Н.И. Лобачевского, труды А.М. Бутлерова, В.В. Марковникова, М.А. Ковальского, Э.А. Эверсмана, Н.П. Вагнера, И.Н. Березина и многих других²³².

В первой книге наших очерков по истории казанской журналистики мы подробнее останавливались на № 1 за 1848 год²³³. В 1847 году в Казани очередной раз свирепствовала *холера*. Свежа ещё была память о холере 1830 года (см. об этом «Замечания о холере» К.Фукса, опубликованные в «Казанском вестнике» в 1831 году²³⁴, как писали позднейшие комментаторы, «Знаменитый профессор не только разработал эффективный метод лечения, но и оставил документальное описание того, что происходило в Казани во время холерной эпидемии»²³⁵).

В 1847 году был создан штаб по борьбе с эпидемией («постоянные совещания профессоров медицинского факультета Казанского университета у Его превосходительства г. попечителя казанского учебного округа Владимира Порфирьевича Молоствовова»). Частью запланированных мер - была информационная кампания для местного населения. Так, «профессору Блосфельду было поручено читать публичные лекции о холере студентам 4 и 5 курсов, что и было окончено ещё до появления холеры в городе Казани, и на этих лекциях присутствовали также некоторые врачи города»²³⁶. «Г. Попечитель ... предписал г. профессорам и медикам, состоящим при университете, чтобы они в кратких чертах изложили свои наблюдения и мнения о холере к 23 октябрю, для доставления возможности воспользоваться полезными сведениями тем местам, куда болезнь ещё не проникла»²³⁷.

²³² См.: Габдельганеева Г.Г. Казанское книжное дело в контексте историко-культурного развития края: 2-я половина XVIII в. - 1917 г.: дис. ... докт. филол. наук. Казань, 2006. С. 321-323.

²³³ Бик-Булатов А.Ш. Очерки... 2020. Чебоксары. С.51-56.

²³⁴ Фукс К.Ф. Замечания о холере, свирепствовавшей в городе Казани в течение сентября и октября месяцев 1830 г., сделанные доктором и профессором Фуксом // Казанский Вестник. 1831. Кн. III, Апрель. С. 218-255.

²³⁵ Бурлакова Ж. <Жанна Бурлакова> Холера в Казани// Казанские ведомости. 2001. № от 8 авг.

²³⁶ Ученые записки издаваемые Императорским Казанским университетом: 1848. Кн. I. С. 2-3.

²³⁷ Там же. С.3.

«Составленные, таким образом, как бы на поле битвы, замечания... медицинский же совет, со своей стороны, почел полезным привести... в общий свод, и обнародовать в ученых записках, издаваемых при Казанском университете»²³⁸.

Итак, мы видим, составляется своеобразный «кит» (в современной терминологии: медиа-кит – это комплект нескольких текстовых, аудио и визуальных документов, в которых содержится подробная информация о проекте, организации или событии. Только «медиа-кит» предназначается обычно рекламодателем для СМИ, в нашем же случае – адресатом выступают врачи и интеллигенция Казанской губернии. А медианосителем – «Учёные записки»).

Редактором спецвыпуска журнала становится всё тот же профессор Блосфельд, которому поручили «собрать в одно целое статьи господ профессоров Протопопова, Эверсмана, Лентовского, Берви, Скандовского, Линдгрена, Вагнера, Китера, Блосфельда, ординатора Дмитриевского, прозектора Барминского – и пополнить то, что по причине смутности тогдашнего времени и существования ещё болезни в городе Казани, не могло войти в состав их сочинений в надлежащем размере, именно: метеорологические наблюдения, статистические сведения о ходе и распространении в Казани холеры и проч.»²³⁹.

«Учёные записки» – это уже финальная часть информационно-разъяснительных мероприятий: сначала собирались в быстром режиме медицинские замечания для помощи врачам при текущей эпидемии, а после её спада – решили в спокойной обстановке обобщить материалы и издать журнала на будущее, чтобы уже был полный свод рекомендаций и обобщение опыта.

В номере «Учёных записок» даются сведения по географии Казани и её слобод, о качестве воды в Казани, о температурном режиме, данные о численности населения (данные 1843 года, в Казани в это время 48 641 человек про-

²³⁸ Там же.

²³⁹ Там же. С. 3-4.

живает, из них – 29132 мужчин и 19509 женщин), в том числе – по национальности, по вероисповеданиям, по сословиям и т.д. «Неравенство же мужского пола с женским, состоящее в пропорции как 3:2, зависит от малого числа женатых крестьян, дворовых людей и низших воинских чинов»²⁴⁰. Типы казанских лиц – белокурые, темнорусые и т.д., с подробным описанием, и другие сведения.

В общем, мы имеем замечательный многоохватный, полезный научный сборник, настоящее обобщённое коллективное исследование. Этот номер мы выделили потому, что он представляет в истории «Учёных записок» редкий пример адресации не сугубо научному сообществу, а работы с актуальными, насущными для казанцев проблемами, и имеющий более широкую, общественную направленность.

Также мы подробнее останавливались на номерах «Учёных записок» 1830-х годов, памятуя о том, что в эти годы не существовало других изданий в Казани. Редко, однако, в специализированном журнале можно было встретить отражение казанской текущей повестки.

Вот один из немногих обнаруженных нами примеров: в дополнении к своей лекции об альбинизме, опубликованной в одном из номеров «Записок» в 1838 году, ординарный профессор Пётр Дубовицкий сообщает, что читана она была «по приказанию Его превосходительства Господина Попечителя здешнего учебного округа, которому угодно было воспользоваться приездом в Казань альбиноса Вильяма Кравля (William Crawley), и пригласить его также на лекцию, дабы студенты здешнего медицинского факультета могли получить правильное понятие об этом состоянии довольно редком»²⁴¹

Профессор пересказывает биографию господина альбиноса, активно путешествовавшего по всей Европе и, между прочим, разоблачает его: «Вильям Кравлей родился, как он говорит, в Лондоне 1804 года. Он рассказывает, будто

²⁴⁰ Там же. С.10.

²⁴¹ Дубовицкий П. А. Лекции об альбинизме// Учёные записки Императорского Казанского университета, 1838. Кн. II. С.175.

бы мать его англичанка, а отец его африканец, родившийся в Африке между Нубиею и Абиссиниею, и увезённый оттуда в Лондон в 1793 году географом Смитом (Smith) вместе с братом, двумя сыновьями и одною дочерью. Но черты лица Кравлея противоречат сему рассказу, который должен быть вымышлен, дабы возбуждать более любопытства, и тем умножать число его зрителей. Черты лица его доказывают, что он происхождения чисто европейского»²⁴².

Профессор Пётр Александрович Дубовицкий – знаменитый учёный, период его казанского профессорства: 1837–1841. В дальнейшем он будет избран президентом петербургской медико-хирургической академии. По инициативе Дубовицкого в Санкт-Петербурге стали издаваться с 1842 года «Записки по части врачебных и естественных наук», которые он в течение семи лет редактировал. В Казани свой медицинский журнал возникнет лишь на рубеже 1860–1870-х годов.

В этом же параграфе упомянем ещё один сборник, на этот раз бывших студентов, выпускников Казанского университета, вышедший в столице, в 1859 году под названием «Братчина» (автор названия – С.Т. Аксаков)²⁴³.

Сборник как бы подытоживает первый этап студенческой журналистики Казани, представленной вначале рукописными журналами 1800-х годов («Аркадские пастушки», «Журнал наших занятий»), 1810-х («Смесь»), 1830-х («Северное созвездие»). Хотя авторы «Братчины» – уже взрослые, состоявшиеся деятели, в своих текстах они апеллируют именно к своему казанскому студенческому опыту. А некоторые из участников и вовсе были участниками ещё тех первых, рукописных журналов.

С 1860-х годов студенчество Казани будет уже совсем другим, политизированным, создающим свои полулегальные и нелегальные организации и собрания, издающим в том числе прокламации и подпольную литературу,

²⁴² Указ. соч. С. 175 – 176.

²⁴³ Бик-Булатов А.Ш. Сборник произведений выпускников казанского университета «Братчина» (1859 г.) и отзыв на него Н. А. Добролюбова//Вестник ВГУ. Серия: филология журналистика. 2021.С.96-99.

устраивающим сходки, соответственно, изменится и студенческая литература и публицистика.

Так в целом заканчивается университетский этап в истории казанской журналистики, границы которого в общих чертах мы определили как 1811-1838 (1843), но некоторые издания и более позднейшего времени, примеры которых мы только что привели, тяготели также к этому первому периоду в истории местной прессы.

3. 2. «Губернский» период в истории казанской журналистики

Период, когда главной движущей силой в учреждении и функционировании местной прессы было губернское правление, мы для краткости будем называть в настоящем параграфе «губернским».

В Казани его границы: 1838 – 1862. Выделим некоторые важные точки в течение этого этапа. 1838 – газета «Казанские губернские ведомости» начинает выход, первые годы она выходит только с официальным отделом. 1843 – появление «неофициального отдела». Газета из издания преимущественно специально-справочного и официального, превращается в полноценный журналистский орган прессы. 1843–1853 – наиболее блестящий период в жизни «Казанских губернских ведомостей». Тесная связь с университетом (редакторы Н.И. Второв, А.И. Артемьев, И.Н. Березин). 1853–1856 – при редакторе Немирове центр редакции окончательно перемещается в губернское правление. 1856–1861 – редакторство А.Ф. Михайлова, учителя словесности. Последний успешный, либеральный период в истории газеты. С 1862 года, с редакторства Н.Н. Вячеслава, губернского статистика, значение газеты «Казанские губернские ведомости» начинает падать, это замечают критики как в самой Казани, так и за её пределами.

Всё же, до 1867 года «Казанские губернские ведомости» – единственная газета Казани. В 1867 появляется частное издание при поддержке городских

властей «Справочный листок г. Казани», в 1868 – «Казанский биржевой листок», поддержанный крупным бизнесом и казанской биржей. Новый период казанской журналистики – период частной независимой журналистики начнётся с 1872 года – с появления «Камско-Волжской газеты». Период 1860-х годов в целом мы считаем переходным, он ознаменован утратой «Казанскими губернскими ведомостями» прежнего влияния и лидирующего положения, а также разгромом прежней редакции «Православного собеседника», имевшим на раннем этапе либеральный характер. При этом технологических возможностей для зарождения независимой частной прессы в Казани ещё недостаточно, первые частные газеты Казани лишь относительно могут считаться независимыми, тем не менее, это был важный шаг в демократизации казанского медийного поля. В 1860-е формируется новая плеяда казанских публицистов и журналистов (А.П. Щапов, П.В. Васильев, Н.Я. Агафонов, К.В. Лаврский, С.М. Шпилевский, С. Черепанов). Несмотря на то, что фактически до 1867 года «Казанские губернские ведомости» остаются единственным изданием в Казани, мы посчитали возможным выделить отдельный период шестидесятых годов в истории Казанской журналистики в границах 1862 – 1872 гг., ибо несмотря на сохраняющийся выход и единственность, «Казанские губернские ведомости» не имели в это время уже прежнее значение, и не удовлетворяли в журналистском качестве местную интеллигенцию (см. напр. в статьях П.В. Васильева, в «Книжном вестнике»)²⁴⁴.

В позднейшее время не раз предпринимались попытки оживить «Казанские губернские ведомости» (например, в 1868 при редакторе С.М. Шпилевском, или в 1891 при редакторе Н.Ф. Юшкове, но ощутимых результатов они не принесли. Те же упомянутые журналисты-редакторы гораздо более известны по работе в других позднейших изданиях Казани: С.М. Шпилевский в

²⁴⁴ См.: -льев <Васильев П.П.> О литературной деятельности в Казани// Книжный вестник. № 9 от 15.05.1864. С.179; *Он же* Казанская городская публичная библиотека// Книжный вестник. № 5 от 15.03.1865 и др.

1881-1882 редактировал «Волжско-Камское слово», Н.Ф. Юшков был литературным и театральным критиком «Волжского вестника». «Казанские губернские ведомости» всё более начинали носить административный, официозный характер, что резко отличало газету от того духа, который она несла в 1840-е и даже в середине 1850-х годов, периоды её наибольшей известности и востребованности.

Напомним, что система «губернских ведомостей» возникла централизованно в николаевской России. Решено было разноречивой в организации провинциальной прессы прекратить и создать общую и единую для всех модель местной печати в виде системы «Губернских ведомостей».

Периодическая газетная печать в губерниях России должна была возникнуть после обнародования «высочайше утвержденного Положения об издании Губернских Ведомостей» от 27 октября 1830 года, когда шести российским губерниям (Астраханской, Казанской, Нижегородской, Слободско-украинской и Ярославской) было «высочайше разрешено выпускать местную газету».

Инициатором появления «губернских ведомостей» можно считать министра финансов николаевского времени Е.Ф. Канкрин, который в декабре 1828 обратился с запиской в Комитет министров, предлагая издавать в губерниях местные газеты. 5 января 1829 года Комитет министров, рассмотрев записку Е.Ф. Канкрин, утвердил основные её положения и передал своё решение на утверждение царю. 19 января 1829 император Николай I утвердил положение кабинета министров, согласно которому был образован междудементственный комитет для разработки законопроекта о местных официальных газетах. 27 октября 1830 последовало «высочайшее» утверждение Положения об издании губернских ведомостей.

Основным автором проекта губернских ведомостей называют графа Дм. Блудова, вошедшего в министерство внутренних дел во время следствия над декабристами, а в 1832 году возглавившего его. По его же почину в городах Империи начали появляться публичные библиотеки. В первые годы после

опубликования «Положения», по материалам исследователей истории журналистики, осуществился лишь выход «Ярославских губернских ведомостей» (в 1831 г.).

Только после принятия «Высочайше утвержденного Положения о порядке производства дел в губернских правлениях» от 3 июня 1837 г., специальные параграфы которого указывали на необходимость издания губернских ведомостей – «удобнейшего средства получать в надлежащее время сведения о распоряжениях губернского начальства», кроме Ярославля ещё в 42 губернских городах началось в 1838 году издание «Губернских ведомостей», которые контролировались Министерством внутренних дел. «Губернские ведомости выходили с 1838 – 1865 еженедельно, с 1865 г. – 2 раза в неделю, с 1895 года ежедневно (5 раз в неделю).

Нередко можно было слышать от исследователей довольно суровую оценку «Губернских ведомостей». Характерно мнение Б.И. Есина, высказанное им ещё в 1960-е годы: «Это были очень убогие издания. И даже участие в некоторых газетах демократических журналистов вроде А.И. Герцена было бессильно их изменить, оживить <...> до конца дней своих эти издания так и остались сухими казенными листками. Отчеты о деятельности различных обществ, городских дум и управ, объявления о розысках и торгах, происшествия, сведения о приехавших и уехавших, 2-3 статейки, касающихся местных вопросов, этнография – вот те рамки, из которых эти издания так и не вышли»²⁴⁵. Мы, конечно, не согласны с такой оценкой, если и могущей быть признанной справедливой, то только в дальнем приближении к этому типу изданий. Изучение «Казанских губернских ведомостей» за разные периоды убеждает нас, что и в этой газете, особенно в 1840-1850-е годы были очень интересные материалы, написанные по-журналистски профессионально.

²⁴⁵ Есин Б.И. Краткий очерк развития газетного дела в России XVIII-XIX веков. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1967. С. 30.

Действительно, до появления в газетах этого типа «неофициальных отделов» (процесс этот начался не одновременно в разных провинциях с начала 1840-х годов и очень зависел как раз от воли местного начальства, в Казани отдел появился по почину губернатора в 1843 году) газеты эти часто носили довольно скучный, официальный характер, мало в них было журналистики как таковой, а больше она выполняла функции служебные.

Указ от 2 января 1845 г. «Учреждение губернских правлений» более четко определял структуру ведомостей. Она включала два отдела: общий, который содержал информацию для всеобщего ознакомления (указы Сената, действия правительства), и местный (распоряжения губернского начальства), который, в свою очередь, делился на части официальную и неофициальную. Губернские ведомости должны были выходить как минимум каждую неделю, цена на подписку устанавливалась около 3 руб. за год. За экземпляр, отпечатанный на лучшей бумаге, можно было устанавливать более высокую цену.

На официальную и неофициальную части подписка принималась отдельно. Чаще всего у этих частей были разные редактора, различалось и оформление отделов. Все это позволяет выдвинуть предположение, что, когда мы говорим о губернских ведомостях, мы имеем в виду не одно издание, а два, самостоятельных и в определенной степени независимых друг от друга. Ю.Л. Мандрика предлагает рассматривать губернские ведомости как систему изданий. Ведомости формируются из «бюллетеней» (общий отдел и официальная часть местного отдела) и «литературного издания» (часть неофициальная), имеющего сходство с альманахом или журналом-газетой»²⁴⁶

Обычно официальный отдел газет – это бюллетень, и редактором его выступает губернский чиновник, чьи обязанности тоже были прописаны в указе об учреждении губернских правлений 1845 года.

²⁴⁶ (цит. по: Гуторова Н.А.: Печать Рязанской губернии (1838-1917 гг.): Становление и типология: дис. ...канд. филолог. наук. СПб., 2009. Эл. режим доступа: URL.: <https://62info.ru/history/node/7289#2>).

Профессор Л.Е. Кройчик определял тип «Губернских ведомостей» (на протяжении всей истории существования этой газеты) как информативно-управленческий листок. Основания: жесткие цензурные рамки на местах и отсутствие журналистов-профессионалов, маленький тираж (на газету обязаны были подписываться лишь чиновники, так что тираж по губерниям не превышал 800 экземпляров), поэтому данная газета не играла в губернии «хоть какую-то роль»²⁴⁷.

Специфика издания в том или ином регионе могла определяться личностью главного редактора и других причастных к газете деятелей, которым иногда удавалось в период своего редакторства придать газете определённые черты.

Первым редактором казанской газеты в должности секретаря губернского правления был известный, много раз упоминавшийся масон С.А. Москотильников. Газета состояла из официального отдела, и, конечно, особенной возможностей как-то индивидуально проявить себя в ней у Москотильникова не было.

Но обращает внимание опубликованное «Прибавление к 1-му номеру "Казанских губернских ведомостей"», названное: «О часах благоговения» Это была реклама издания этой книги на русском языке, занявшая целую полосу. Вступительный текст начинается так: «Общество литераторов, трудящихся над переводом и изданием сего творения, прославившегося в Европе, и заслужившего в одной Германии уже до двадцати изданий, поставляет своим долгом принести чувствительнейшую благодарность особам, благоволившим подписаться на получение его еженедельными листами или книгами...». И название, и тема книги, полагаю, должны быть очень близки мировоззрению С. Москотильникова. Помещение же им такого объявления в первом номере газеты представляется принципиальным.

²⁴⁷ Кройчик Л.Е. «Губернские ведомости» как официальная газета русской провинции: формирование концепции // Проблемы массовой коммуникации. Мат. Всерос. научн. конф. Ч.2. Воронеж, 2012. С.99.

Автор книги Генрих Цшокке — немецкий и швейцарский писатель-просветитель, переводчик, евангелический теолог, педагог, историк, журналист, правительственный чиновник. Выходивший по воскресеньям в 1808 – 1815 годах морально-религиозный еженедельник “Часы благоговения для споспешествования истинному христианству и домашнему богопочтению”, в 1816 был издан как единое произведение в 8 т., при жизни автора — 27 изданий, до 1902 г. 37 изд.), стал одной из самых распространенных немецкоязычных книг XIX века. Как говорят современные исследователи, «это самая известная и наиболее исповедальная книга писателя. В своих публикациях на страницах еженедельника Цшокке защищал религию любви, далекую от ортодоксальности, догматизма и узкой конфессиональности»²⁴⁸.

Уже в этом описании мы замечаем много близкого философии масонства и этики Просвещения. Думается, появление большой рекламы этой книги в первых нескольких номерах казанской газеты определялось столичными масонскими связями С.А. Москотильникова.

Но, конечно, гораздо сильнее смогли проявить себя на редакторском поприще руководители неофициального отдела, открывшегося в 1843 году.

«В предстоящем 1843 году, – пишется в объявлении об издании губернской газеты на 1843 год, – по распоряжению г. казанского военного губернатора генерал-адъютанта Сергея Павловича Шипова Казанские Губернские Ведомости принимают новый вид относительно своего объема и содержания». При этом излагается и программа будущей неофициальной части, в которую включались следующие отделы: 1) Местные известия, куда «войдут сведения о чрезвычайных происшествиях в городе и губернии, о торжествах, местных праздниках, общественных увеселениях и подвигах для общего блага и пользы ближних, о рыночных справочных ценах, о состоянии урожая и таковые же

²⁴⁸ См.: Нечипорук Е.И. Глава 5. Генрих Даниэль Цшокке// История швейцарской литературы. Т.2. Эл. ресурс: URL: <https://md-eksperiment.org/post/20181011-zschokke>. Режим доступа – свободный: 19.02.2021. (печатная версия книги: История швейцарской литературы. М.: ИМЛИ РАН, 2002 .Т. 2. 2002. 366 с.).

известия и из других краев России, любопытные для жителей Казанской губернии»; 2) Статистика и топография; 3) Физические и реальные сведения «о явлениях по всем трем царствам природы, о способах улучшения сельского хозяйства, домоводства и вообще технической части, описание местных болезней» и т.п.; 4) Истории, куда «войдут как материалы для сей отрасли» знания местные предания, описания замечательных обычаев, остатков древности, исторические рассказы о местных событиях, некрологах и воспоминания о замечательных лицах» и проч.; 5) Смесь и 6) Частные известия (объявления)»²⁴⁹.

Почти ничего неизвестно об Иване Алексеевиче Соколове, первом редакторе «неофициального отдела», кроме скурых биографических данных: родился в 1810 году, из духовенства, православного вероисповедания, окончил С.-Петербургский главный педагогический институт, в 1843 — коллежский ассессор, старший учитель начального класса Первой Казанской мужской гимназии, был женат на дочери поручика Евгении Семеновне Дмитровой, брак заключен 10.11.1833, за ним числился в г. Казани деревянный одноэтажный дом.

В номерах под редакторством И. Соколова довольно мало ещё актуального, общественного содержания, зато зачастую велеречиво и долго подчёркивается забота монарха и губернатора о жителях Казанского края. Так в № 22 1843 года в передовице («Местные новости. 26 мая») ²⁵⁰ рассказывается о том, что «кирпичные сараи, значительно умноженные вокруг города, при усиленном производстве и благоприятной погоде выделывают большое количество кирпича»; «число рабочих из других губерний увеличивается в городе». Важная новость, в свете того, что город продолжает отстраиваться после страш-

²⁴⁹ Цит. по: Загоскин Н.П. Очерки города Казани и казанской жизни в 40-х годах. Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 2003. С. 96-97. Статья Н. Загоскина из этого цикла, с приведённым отрывком объявления об издании «Казанских губернских ведомостей» впервые была опубликована им в «Волжском вестнике», см.: Волжский Вестник. 1892. 14 (26) марта (№ 66).

²⁵⁰ Здесь и далее до конца параграфа ссылка на материалы (номер газеты, нумерация страницы либо столбца) из «Казанских губернских ведомостей» приводится непосредственно в тексте диссертации.

ного пожара 1842 года. Сопровождается таким комментарием: «Таким образом при благоприятствующих обстоятельствах, при средствах, данных мудро и милосердною волей Монарха и человеколюбием соотечественников, при деятельных мерах Начальства, Казань ещё в нынешнем году, можно надеяться, восстанет из своих развалин в прекрасном обновлённом виде». (С. 119). Подобные же долгие, напыщенные формулировки повторяются и в № 26 в статье «О мерах и средствах к восстановлению Казани» (С. 140).

Информация о прошедших событиях часто подаётся лишь в форме довольно сжатого отчёта: Вот отзыв о празднике Вознесения Господня (20 мая), после слов о торжественной литургии сообщается: «При тёплой погоде день проходил шумно и весело в городе. Берега Булака кипели народом, особенно из рабочего класса. Катанье на лодках по разливу, Булаку и Кабану с удалыми песнями продолжались до глубокого вечера. Лучшая публика между тем проводила приятно вечер этого дня в загородном гульбище, называемом здесь Русская Швейцария. Военная музыка гремела довольно долго». (Прибавление к «КГВ», ч. неофиц., № 21. С. 113). Такой же объём выдерживается и в сообщении о маскараде (№ 6, за 1843): «Вечером в этот день в доме Градского общества был дан маскарад. Собрание было вообще не многолюдно; масок было мало, а оригинальных костюмов мы вовсе не заметили. Молодые люди были однако ж веселы; танцы продолжались по обыкновению непрерывно и очень долго». (С. 34). Здесь, несмотря на малый объём, мы видим даже некоторую критику.

Много в газете перепечаток, либо статей научного содержания, рецензий на специальную литературу. Из больших статей можно выделить материал о бизнес-империи Крупенниковых.

Редкий пример театрального репортажа (а не просто отчёта) о спектакле встречаем в № 5. Речь идёт о спектакле, данном в помощь беднейшим жителям Казани учащимися второй Казанской гимназии. «Многие полагали, что спектакль будет детский, что пьеса избрана не по силам, и по снисхождению к

юным артистам-благотворителям решились посетить их представление. Но как все были удивлены, во-первых, устройством сцены, выполнением оркестра и, наконец, самою игрою. Многие не хотели верить, чтобы лучшие из действующих лиц были ученики. Сколько раз Сусанин извлекал слёзы, а Хорунжий смешил своею неподдельною игрою!» и т.д. Но в конце – всё тот же реверанс: «Заключая известие о прекрасном подвиге учеников 2-й гимназии, мы долго считаем присовокупить, что к исполнению его весьма усердно содействовало само начальство Гимназии». (С. 32).

Николай Иванович Второв возглавил газету, начиная с № 39. Вскоре уже стали заметны изменения, газета теперь стала общественно ориентированной и показывать казанское общество самостоятельным и инициативным. Уже в 40-м номере появляется в газете новая рубрика «Казанская хроника» с таким предувещанием от редактора:

«Под этою рубрикой намерены мы, от времени до времени, сообщать публике о том, что делается у нас в городе. Жизнь наша не так пуста и однообразна, чтобы и мы, подобно столицам, не могли иметь своей хроники. Правда, прошлогоднее бедствие, постигшее нас, заглушило было в нас почти всю деятельность. Мы не только не имели времени думать об общественных удовольствиях, но и лишены были почти всех средств к ним: место где сосредотачивалось наше общество, дом дворянского собрания, сгорел; театр, другой важнейший предмет для развлечения публики, также сгорел; недостаток квартир заставил многих разъехаться, или в другие города, или в свои деревни, город опустел значительно; долго, как тени, бродили мы среди дымящихся развалин, с грустью припоминая себе минувшую красоту города... Но есть ли хоть одно горе, которое бы вечно терзало сердце человека и спустя несколько времени не было бы им забыто? Пожарное пламя утухло. Мало-помалу на месте развалин стали воздвигаться новые здания, постепенно закипела вновь деятельность человеческая, и вот прошедшего горя как не бывало». (С. 231).

Передовица живая по слогу и интересная, по сравнению со статьями И. Соколова. Главный действующее лицо, которое представляет и к которому апеллирует теперь газета в своих статьях, отнюдь не начальство, а самостоятельное «мы» – общество.

Заявляется достоинство общества провинциальной Казани («жизнь наша не так пуста»), его субъектное равенство столичному. Перечисляются прежние общественные пространства города и задаются контуры общественной жизни, и наконец провозглашается – «закипела вновь деятельность человеческая» – главный пафос Второвского выступления. Общество – деятельное, кипучее выходит на арену со страниц официозной губернской газеты. ...

Можно увидеть здесь продолжение традиций, заложенных «Казанскими известиями» времён редакторства П.С. Кондырева. Со Второва начинается новый период в истории «Казанских губернских ведомостей», позже названный исследователями наиболее блестящим.

Этот период (1843-1853), когда газета выходила под редакторством последовательно Н.И. Второва, А.И. Артемьева, И. Н. Березина, характеризуется теснейшими связями редактора газеты с университетской профессорской средой, при этом либеральной и прогрессивной. Можно назвать «Казанские губернские ведомости» этого периода преемниками лучших традиций, выработанных «Казанскими известиями» в наиболее полнокровный период этого издания (с 1813 г. и далее).

Александр Иванович Артемьев и Илья Николаевич Березин – сотрудники университета, Артемьев – библиотекарь, Березин – профессор востоковедения. В это время сама газета, хотя и относилась к губернскому ведомству, делалась в университете. Второв же хоть и не был сотрудником, но его ближайший наставник профессор Карл Фёдорович Фукс («Из старых профессоров, К.Ф.Фукс, этот великий знаток Казанской старины, природы и этнографии всего Поволжья, явился первым советником и руководителем молодого

редактора»²⁵¹), а со стороны губернского начальства его работу курировали губернатор С.П. Шипов, о чьём значительном влиянии на газету мы писали выше, и вице-губернатор Д. Завилейский («отлично-умный Завилейский», - как его характеризовал в своих письмах к М.Ф. Де-Пуле один из первых историков Казанского университет, занимавший короткое время пост ректора Н.Н.Булич²⁵²).

Программные же установки Н. Второва и его общественно-политические взгляды на то, какой должна быть газета, выявляются из пространной «Программы издания Казанских губернских ведомостей в 1844 году», опубликованной в № 48 газеты за 1843 год отдельным приложением после окончания «неофициального отдела». Это не просто объявление, а статья-манифест редактора Н. Второва, растянувшаяся на 4 страницы. В этой программе мы видим, что он смотрит на газету не просто как на служебное издание, а как на орган прессы, журналистику. И даже правительственные намерения старается объяснить читателям в этом ключе:

«Одну из важнейших эпох в истории просвещения составляет появление периодических изданий: способствуя быстрому и всеобщему распространению разного рода сведений, они служат могущественным двигателем образования. Правительство наше <...> не упустило и этой меры в своих действиях <...> учредив повсеместно издание Губернских ведомостей, имеющих целью облегчение сношений губернского правления с другими присутственными местами и обнародованием местных начальственных распоряжений. Вместе с тем оно имело <...> ещё другую, важнейшую, главную, можно сказать цель: оно желало иметь в них отражение местностей, жизни и деятельности там происходящих, чтобы таким образом составить полную картину Государства.

²⁵¹ Де-Пуле М.Ф. Николай Иванович Второв//Русский архив. 1877, Т.33. С.344.

²⁵² Цит.по: Сидорова М.М. «Вы невольно втягиваете меня в беседу о старине Казанской»/переписка Н.Н. Булича и М.Ф. Де-Пуле // Наше наследие = Our heritage. М., 2011. № 97. С. 74–94. Эл.версия: http://www.nasledie-rus.ru/red_port/00206.php. Письмо № 6.

Соображая с этими видами правительства издание Губернских ведомостей, очевидно, что объём их должен ограничиваться преимущественно только сведениями местными <...> Несмотря, однако, на это видимое ограничение, содержание Губернских ведомостей может быть тем не менее занимательным. Нет ни одного края, как бы, по-видимому, ничтожен он не был, который не представлял бы обильного числа предметов, достойных изучения. <...> страна, где человек, венец творения, жизнью и деятельностью запечатлел бытие свое, без всякого сомненья, должна быть любопытна для всякого любознательного ума. <...> Без частной истории государств, не могло бы образоваться всеобщей истории, без истории отдельных мест и краёв, не может быть истории государства»²⁵³.

Итак, задача газеты, по Второву, не просто в служебной переписке и общении аппарата руководителя края с другими официальными учреждениями и людьми. Задача: отражение жизни данной местности, и именно: жизни и деятельности, которыми человек запечатлевает бытие свое. То есть, в центре внимания всё-таки: человек и общество, «частная история государства» и «частная история края». Выполнением этой задачи газета как бы включает аудиторию в цивилизованный мир, обозначает место и присутствие в России и в мире. Вспомним, как он открывал рубрику «Казанская хроника», говоря, что жизнь наша не так пуста и однообразна, и мы, подобно столицам, имеем право на хронику. Этот статус общественной жизни в Казани Второв отстаивает в своём издании наравне со столицами и всем миром

«Если где в особенности нужны частная разработка материалов, отдельное изучение стран, так это всего более у нас, в России; представляя собою необозримое поле для наблюдения, почти особенный мир, бесконечно разнообразный, она необходимо требует слишком внимательного, слишком глубо-

²⁵³ Второв Н.И. Указ. соч. (о формате публикации см. в основном тексте диссертации, перед началом отрывка).

кого изучения частей её составляющих, чтобы составить верное понятие о целом теле её. До сих пор так мало ещё существует пособий для ознакомления с этим миром, что мы, Русские, сами знаем её только в половину и о многом имеем весьма ошибочное понятие; может ли казаться удивительным после того, что Россия остаётся, даже и в настоящее время, какою-то баснословной страной для иностранцев»²⁵⁴.

Далее перечисляются и раскрываются основные рубрики газеты: история; география и статистика; этнография; администрация и судопроизводство; промышленность, сельское хозяйство и пр.; смесь, в эту последнюю рубрику входит: «местная хроника, описание праздников, народных собраний, спектаклей, концертов и пр.; описание замечательных естественных явлений, метеорологические наблюдения. Обозрения сочинений, написанных о местном крае, оценка их и показание их достоинств и недостатков, обозрение всех книг, выходящих в Казани. Разные другие сведения, не могшие войти в другие отделы». Далее приписка: «Редактор надеется, <что все> благомыслящие люди не откажутся содействовать ему в этом деле, общем для всякого, кого только трогают интересы отечества». Увы, вскоре, уже в 1844 году, Н. Второв вынужден был оставить Казань по личным обстоятельствам.

Н.И. Второва на посту редактора сменил молодой учёный и библиотекарь Казанского университета, в будущем выдающийся статистик, а также историк местного края Александр Иванович Артемьев.

Большой обзор работы Артемьева в «Казанских губернских ведомостях» приводится П. Петровым, в некрологе на А.И. Артемьева, опубликованном в ежемесячном сборнике «Древняя и новая Россия»²⁵⁵. Петров также атрибутирует некоторые неподписанные статьи Артемьева в казанской газете. Согласно исследованию Петрова, «статьи Артемьева в прибавлениях к «Казанским губернским ведомостям» (т.е. в «неофициальном отделе» имевшем

²⁵⁴ Там же.

²⁵⁵ См.: Древняя и Новая Россия. 1875. Т.1. С. 86 – 94.

название «прибавлений» - А.Б.) особенно обильны в 1844 и 1845 годах. С 1846 г. и далее труды его начинают появляться гораздо реже»²⁵⁶. Артемьев раскрывается в них как историк, исследователь исторических памятников (статьи: «Древняя церковь в селе Савинове» (1844, № 38); «Древняя кольчуга, недавно найденная в Казанской губернии» (1846, № 46); «Описание Синодика Иоанна Грозного, принадлежащего Свяжскому Богородицкому монастырю» (1847, №№ 2-8, кроме 5 номера).

Он выступает как исследователь-биограф казанских деятелей (статьи о первом директоре казанской гимназии М.И. Веревкине (1844, № 48 и 49); статья «Вениамин (Пуцек-Григорович), митрополит Казанский» (1844, № 36) и др.), как исследователь народных и религиозных празднеств и традиций, различных обрядов («Холки, сельский праздник в Казанской губернии» (1845, № 48), «Определение времени путешествия волжских болгар в Мекку» (Петров не указывает номер, в котором вышла эта статья); «Некоторые обряды и обыкновения Чебоксарского уезда» (1846, № 2), «Джиин или Зиин, народный татарский праздник (1848, № 26).

Он известен также как автор этнографических и статистических очерков о городах и древних городищах Казанской губернии («Свяжск» (1846, №№ 5-10); «Казань в 1845 году (статистика и описание» (1846, №№ 31 – 34), «Жукотин» (1847, № 20); «О первоначальном месте г. Спасска» (1847, № 44), «Арск» (1847, №№ 9, 10), «Мамадыш и уезд его» (1847, №№ 28, 45). К разговору о городе Арск Артемьеву пришлось вернуться в 1849 году, очерк с тем же названием «Арск» вышел в № 58 по случаю бедствия, постигшего этот город – большого пожара, произошедшего 23 июня 1849 года. Очерк сопровождался поучением священника Тихомирова, по случаю раздачи пособия погоревшим «от щедрот монарших».

²⁵⁶ Там же. С.90.

А вот рубрику «Казанская хроника», которую Н. Второв начинал как общественную, А. Артемьев заявляет как более лёгкую, в фельетонном стиле: «Полагаем, что все, кто только удостоивает заглянуть хоть изредка на страницы нашей летописи <...> заметили, на какие предметы в особенности она обращает своё внимание. Увеселения, приезд новых артистов, появление какой-нибудь диковинки, вчерашний дождь, жары прошедшей недели, случай промелькнувший незамеченным, всё это и тому подобное составляет пищу летописи, делается её достоянием... И обо всём она бесстрастно сообщает в услышание, откровенно рассказывает о том, что видела, как ей показалось, ни мало не заботясь, что не каждый соглашается с её мнением <...> О, она поёт как птичка, которой самоё пение служит наградой за пение» («КГВ», 1846, № 42. Неофициальный отдел. С.1). Конечно, пафос тут гораздо снижен, по сравнению со Второвским вступлением. Но на самом деле, содержание фельетона данного номера (а эта «Казанская хроника» вышла классическим XIX века фельетоном-подвалом) вполне имеет общественное звучание.

Большой заслугой А.И. Артемьева является привлечение в газету писательских кадров из местных инородцев. Благодаря ему, в газете состоялся литературный дебют первого писателя чуваш Спиридона Михайлова. Именно «Казанские губернские ведомости» на протяжении ряда лет оставались единственным изданием, где выступал со своими репортажами и этнографическими заметками этот талантливый самоучка²⁵⁷. Также на страницах «Казанских губернских ведомостей» у Артемьева дебютирует бурятский национальный деятель Доржи Банзаров, о котором краевед В. А. Харитонов писал: «Он

²⁵⁷ Подробнее см.: Бик-Булатов А.Ш. Очерки... Казань, 2021. С.200-212.

был не только первым бурятским ученым, но и первым бурятским журналистом»²⁵⁸. Если С. Михайлов откликнулся на редакционный призыв А.И. Артемьева присылать в газету статьи жителям разных малых и уездных городов, то Доржи Банзаров – был его однокашником по университету.

Кроме исполнения редакторских функций в казанской газете А.И. Артемьев был фактически «собственным корреспондентом» по Казани погодинского журнала «Москвитянин». «Всё, относящееся к Казани, я стараюсь следить строго и аккуратно», – писал он в одном из своих обзоров²⁵⁹. Насколько нам известно, это первый пример такого регулярного корреспондирования из Казани в столичные газеты. В 1857 – 1858 годах казанским корреспондентом «Московских ведомостей» был Нил Александрович Попов (цикл «Казанские письма»), в начале 1860-х и далее казанским корреспондентом «Русских ведомостей» и ещё ряда изданий был Степан Черепанов.

Эпоха Второва–Артемьева–Березина (1843-1853), как уже говорилось, самая блестящая в истории «Казанских губернских ведомостей». Газета называлась лучшей из российских провинциальных газет того времени и заслужила самые высокие оценки экспертов и критиков. Так, биограф Николая Ивановича Второва, критик второй половины XIX века М. Ф. Де-Пуле отмечал: «Издание неофициальной части губерн. ведомостей под редакторством Второва, при живом содействии таких умных и образованных людей, как Шипов и Завилейский (вице-губернатор – А.Б.), составило в некотором роде эпоху»; «... «Казанские ведомости», для того времени, были лучшею провинциальной газетой в России», – считает Де-Пуле²⁶⁰. В биографической статье об Илье Николаевиче Березине Н.П. Загоскин писал: «Эпоха редактирования им этого издания, вместе с годами предшествовавшего редактирования его А. И. Артемьевым, явились цветущею порою этого официального органа печати, в 40-х и в

²⁵⁸ Харитонов В. А. Неизвестный Доржи Банзаров: записки краеведа из Бурятии// Московский комсомолец: Улан-Удэ, 2020. № 12 от 18.03. Интернет версия: URL: <https://ulan.mk.ru/social/2020/03/18/neizvestnyy-dorzhi-banzarov-zapiski-kraevedy-iz-buryatii.html>

²⁵⁹ См.: Москвитянин, 1850, № 13, отд.V., С.17.

²⁶⁰ См.: Де-Пуле М.Ф. Николай Иванович Второв// Русский архив.1877. Т.33. С.343.

начале 50-х годов носившего все черты живого и интересного повременного издания общественного и научно-литературного характера»²⁶¹.

Ещё более подробно высказался тот же Николай Павлович Загоскин о «Казанских губернских ведомостях» в другой своей статье, посвящённой уже А.И. Артемьеву (из всей троицы – Второв, Артемьев, Березин, захватившей этот период, именно Александр Иванович Артемьев дольше всего, около 8 лет находился на посту редактора). Загоскин подкрепляет своё мнение о газете высказываниями из иностранных журналов: «В эпоху редакторства А.И. Артемьева Казанские Губернские Ведомости, – в неофициальной своей части, конечно, – обращали на себя внимание столичной прессы, и многие статьи их нередко перепечатывались в органах ее, иногда даже «без показания источника» - пеняет по этому поводу редакция. Мало того, отдельным статьям казанской губернской газеты посчастливилось даже быть переведенными в иностранных журналах, а лейпцигский журнал «Jahrbucher fur Slawiche Kunde» («Ежегодник славяноведения») высказал однажды мнение, что Казанские Губернские Ведомости - одно из лучших изданий этого рода»²⁶².

Газета в это время впервые обращается к теме статистики и необходимости сбора данных по Казани и губернии. Хроникер «Казанских Губернских Ведомостей» 1844 года называет статистику «ангелом-хранителем, который указывает на заблуждения, добродетели, отыскивает бедность, порок, измеряет жизнь человека, все вычисляет, взвешивает, сличает, всему старается помочь, все улучшить...»²⁶³.

На время редакторства А.И. Артемьева падает также период так называемого «мрачного семилетия», отразившийся на характере газеты. «Для надзора за губернскими ведомостями комитетом были выделены три специ-

²⁶¹ Биографический словарь профессоров и преподавателей императорского Казанского университета (1804 – 1904). /Под ред. Н. П. Загоскина. Ч. 1. Казань, 1904. С. 219.

²⁶² Загоскин Н.П. Очерки города Казани и казанской жизни в 40-х годах. Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 2003. С. 100.

²⁶³ Там же. С. 53.

альных чиновника, обязанные регулярно подавать сведения о наиболее «криминальных», с их точки зрения, материалах, опубликованных газетами. Первой жертвой всесильного комитета пали «Казанские губернские ведомости», опубликовавшие в №41 за 1848 г. наряду с описанием некоторых обрядов крестьян Казанской губернии несколько народных песен. Особое внимание цензуры привлекла песня о волжских разбойниках. Чиновник комитета заметил, что подобные материалы, «изображающие древний быт и характер народа», могли бы быть терпимы лишь в специальных научных сборниках, но никоим образом не могут помещаться в губернских ведомостях, «...обращающихся во всех, а в том числе и самом низшем сословии, доступном, при степени своего образования, всяким влияниям». На первый раз цензору «Казанских ведомостей» было приказано сделать «соответствующее вразумление»²⁶⁴.

Одна из важных тенденций «Казанских губернских ведомостей», как уже говорилось, тесная связь с университетом и университетской жизнью. Н.П. Загоскин об этом: «Просматривая местные Губернские ведомости, которые, кстати сказать, носили в то время по широте своей программы совершенно журнальный характер (в неофициальной части, конечно, которая издавалась отдельно от официальной) и во главе редакции которых не раз стояли люди науки, вы невольно поражаетесь массой материала, так сказать, «академического» характера. Здесь печатаются извлечения из годовых университетских отчетов, известия об университетской жизни, сообщения о новых приобретениях университетских кабинетов, некрологи профессоров, отчеты о диспутах и публичных лекциях, известия о заграничных научных поездках профессоров ... Жизнь университета бьет живым ключом с серых тетрадок губернской газеты того времени, и в этом отношении общей местной прессе наших дней (Н.П. Загоскин пишет свои очерки на рубеже 1880-1890-х гг. – А.Б.) далеко до своей официальной предшественницы 40-х годов»²⁶⁵.

²⁶⁴ Блюм А. В. Фольклорно-этнографические материалы «Губернских «ведомостей» в оценке царской цензуры (по документам «Комитета 2-го апреля 1848 г.») // Сов. этнография, 1971. №1, С. 112.

²⁶⁵ Загоскин Н.П. Очерки города Казани и казанской жизни в 40-х годах. С. 67.

Однако уже в 1850-е интерес к университету у газеты и её читателей падает. Об этом также имеется пассаж в очерках Николая Павловича:

«Как это ни странно, но с конца 50-х годов казанское общество стало заметно охладевать к интересам местной науки. Служила ли причиной тому масса новых веяний и глубоко жизненных интересов, вторгнувшихся в русскую жизнь с началом 60-х годов и направивших интересы общества в другие стороны, виновата ли в том сама наука, упустившая из-под ног местную почву, решать не берусь, но это явление констатируется в местной прессе уже в конце 50-х годов: «Справедливо, - говорит казанский публицист 1859 г., - что общество в последнее время совершенно охладело к актам учебных заведений, между тем как прежде на акты университета собиралось по 300 и по 500 человек». Это было сказано по поводу малого количества публики на гимназическом акте этого года, вызвавшего удивление какого-то уроженца западных губерний, заметившего, что у них на собраниях подобного рода бывает громадное стечение посетителей. ~ И у нас на акты собиралось много в старые годы, когда было в обычае подавать при этом угощение, а теперь угощения «нет, так незачем и ездить!» - зло вставил по этому поводу один из присутствовавших. Было бы, конечно, странно допустить эту причину, - замечай на это публицист казанской губернской газеты» (Казан. Губ. Вед. 1859. № 27. С. 252). Я совершенно соглашаюсь с ним в этом отношении...»²⁶⁶.

Приведённая цитата относится ко времени редакторства в «Казанских губернских ведомостях» учителя словесности А.Ф. Михайлова. Сама же газета начала эмансипироваться от университета ещё раньше, при преемнике И.Н. Березина Сергее Сергеевиче Немирове, совмещавшем чин редактора с должностью управляющего делами Казанского губернского статистического комитета и не связанном вовсе с университетской корпорацией. А.Ф. Михайлов, пришедший на смену С. Немирову (несколько номеров по смерти последнего

²⁶⁶ Загоскин Н.П. Указ. соч. С. 75-76.

подписано Титовым, и далее уже в должность заступил Михайлов) также не был университетским человеком, но был однако преподавателем (прежде Вятской, а потом и Второй Казанской гимназии, далее – Родионовского института), и значение университета и образовательской среды, её воспитательное влияние на общество понимал хорошо.

Но эмансипация газеты от университета проявилась в этот период, например, в том, что стали иногда здесь появляться материалы и критические по отношению к нему, так комментируя один из отчётов университета о годичной деятельности, редактор А.Ф. Михайлов замечает:

«Мы глубоко уважаем наш университет; мы сознательно убеждены в его благотворном влиянии на общественное образование: но отчёт его нас не удовлетворил <...> и из уважения к нему, мы не могли пройти их (т.е. взглядов автора отчёта, высказанных от имени университета – А.Б.) молчанием»²⁶⁷.

Этот фрагмент процитирован в столичном журнале «Русское слово», который в своём обзоре за 1859 год снова называет «Казанские губернские ведомости» лучшей или одной из лучших провинциальных газет. Но общий уровень провинциальной прессы называет весьма низким, не соответствующим духу предреформенного времени.

«Петербург, издавая толстые журналы, поступает, разумеется, хорошо, но зато провинция, издавая тощие губернские ведомости, которых почти никто не читает, поступает дурно. Нужен ли такой распорядок непременно для блага России, и отчего он происходит, это вопрос, которого мы тоже не касаемся, но всё-таки нельзя не пожалеть, что наши губернские ведомости вообще очень плохи и посвящаются почти исключительно объявлениям о торгах, о пропавших собаках и распоряжениям начальства, давно уже известным или из предписаний или из Сенатских ведомостей. А между тем губернским-то ведомостям и знакомить бы Россию с внутренней жизнью каждой губернии или

²⁶⁷ См.: Русское слово. 1860. № 3. Отд. Смесь. Рубрика: Общественные и литературные заметки. II. С. 78.

провинции. Материалов для этого нашлось бы не мало, а вопросы, поднятые и разъяснённые на местах, во многом пригодились бы петербургским мыслителям, знакомым с Россией только по петербургским водовозам и извозчикам. Впрочем, Казанские губернские ведомости делают хоть и не блистательное, а всё же исключение из общего правила. В них даже заметно некоторое стремление к благонамеренной гласности»²⁶⁸.

Казанский историк и публицист Н.П. Загоскин также хорошо оценивает период редакторства А.Ф. Михайлова, но уже не в таких высоких тонах, как его предшественников 1840-х начала 1850-х годов. В загоскинской «Истории Императорского Казанского университета за первые сто лет его существования» о «Казанских губернских ведомостях» под редакцией А.Ф. Михайлова (упоминается конкретно 1859 год) также сказано как об «в ту пору претендовавших на характер газеты не только официальной, но и общественной»²⁶⁹.

Подробнее о роли этой газеты и его редактора А.Ф. Михайлова в тогдашней общественной жизни Казани говорит в своей диссертации Утин. «<редактор – > тяготевший по своим воззрениям к либеральным взглядам ..., смог сделать вверенное ему издание интересным, отражающим общественные настроения. На страницах «Казанских губернских ведомостей» А.Ф. Михайлов выступал как сторонник гласности и свободы слова. Он считал, что «Ведомости» должны служить не столько занимательности, сколько быть «отражением и органом общественной жизни во всех ее проявлениях и потребностях». Важно ещё отметить, что этот «либеральный» оттенок приобрела официальная газета в то время, когда частных изданий и другой журналистики в Казани ещё практически не было. Был лишь ещё «Православный собеседник»,

²⁶⁸ См.: Русское слово. 1860. № 3. Отд. Смесь. Рубрика: Общественные и литературные заметки. II. С. 78.

²⁶⁹ История Императорского казанского университета за первые сто лет его существования, 1804-1904/ [соч.] Н. П. Загоскина, заслуженного ординарного проф. – Казань: Типо-литогр. Имп. казанского ун-та, 1902–1904. Т.2. С. 403 – 404.

издание Духовной академии, в котором на рубеже 1850 – 1860-х также ощущались либеральные тенденции, хотя издание это тоже было по природе своей официальным, а не частным.

Общее падение уровня «Казанских губернских ведомостей» начинается при редакторе Н.Н. Вячеславе, губернском статистике, возглавившем издание в 1862 году. Это фиксируют и коллеги из других областей России. Например, в издававшейся в 1866 – 1867 годах под редакцией Н.П. Бочаровым «Московской газете», где регулярно появлялись корреспонденции из Казани, одна из заметок в этой рубрике, в № 9 вышла под заголовком: «Бедность местного органа “Губернских ведомостей”». В астраханской газете «Восток», в № 21 1866 года вышла статья «Нечто о г. Вячеславе, редакторе «Казанских губернских ведомостей». Характерна оценка «Казанских губернских ведомостей» известным казанским журналистом и библиофилом Петром Васильевым, высказанная им в 1865 году в «Книжном вестнике» в статье «Казанская городская публичная библиотека» Там, перечисляя издания, выписываемые библиотекой, и доходя до «Казанских губернских ведомостей – в скобках бросает комментарий: «Последние хоть бы и не выписывать»²⁷⁰.

Общее снижение уровня «Казанских губернских ведомостей» определялось больше не какими-то экстраординарными факторами давления сверху (как это было, например, в случае с «Православным собеседником»), а во многом личностью главного редактора – Н.Н. Вячеслава. Николай Николаевич Вячеслав – неудачный редактор для «Казанских губернских ведомостей», но великолепный статистик, хотя и другого рода, чем, скажем, А.И. Артемьев. Статистическая, исследовательская сторона в его деятельности не соединялась с талантом публициста. Он сосредотачивался на самих цифрах и данных, не стараясь использовать их для каких-то общественных и политических обобщений.

²⁷⁰ -льев <Васильев П.П.> Казанская городская публичная библиотека// Книжный Вестник, № 5 от 15.03.1865. С.90.

ний. Для него, конечным результатом – были сами эти данные, и поэтому газета при нём превратилась фактически в справочно-статистическое издание. Тон газеты стал сух и официален.

Конечно, «губернские ведомости» были органами губстаткомитетов среди прочего. Но при редакторе «Казанских губернских ведомостей» Н.Н. Вячеславе это направление деятельности в казанской газете стало доминирующим. Например, в статье Ю.Н. Валеевой «Библиотека Казанского губернского статистического комитета: особенности организации фонда»²⁷¹ Николаю Николаевичу Вячеславу отведено весьма почётное место.

Вообще, каждый редактор привносил в газету некоторые качества, приходящие ему как личности, а также свои увлечения. Мы видим увеличение статистических материалов при редакторе Н. Вячеславе, общественный пафос в ранних номерах газеты, выпускавшихся Н.И. Второвым, обилие краеведческих материалов в эпоху А.И. Артемьева, рассуждения о роли словесности и историю казанской литературы в номерах, выпущенных А.Ф. Михайловым. Илья Николаевич Березин использовал «Казанские губернские ведомости» как возможность для публикаций древних рукописей и материалов по историческому источниковедению.

Наиболее значимый период в истории «Казанских губернских ведомостей» заканчивается после 1861 года. Подытоживает историю газеты многократно цитировавшийся нами в этом параграфе Н.П. Загоскин, определяя её место в общем процессе развития казанской прессы: «Я приступил к пересмотру «Казанских Губернских Ведомостей» (с 1838 г.), которые, начиная с 1843 г., принимают в своей неофициальной части характер общей газеты, отзывающейся на все доступные ей по условиям того времени запросы местной жизни; характер, который они и сохраняют до начала 60-х годов, после чего обращаются в шаблонную губернскую официальную газету, но в это время

²⁷¹ Валеева Ю.Н. Библиотека Казанского губернского статистического комитета: особенности организации фонда// Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. 2014. № 1. С.138-140.

уже начинается возрождение в Казани частной периодической прессы, быстро двинувшейся после некоторых перипетий по пути своего прогрессивного развития»²⁷².

В последующем попытки реформировать издание предпринимались на рубеже 1860-1870-х годов редактором С.М. Шпилевским, в позднейшие десятилетия – редактором Н.Ф. Юшковым.

С.М. Шпилевский возглавил «Казанские губернские ведомости» в 1868 году после закрытия своего издания – первой местной частной газеты «Справочный листок города Казани» (1867). Отмечая, что с 1868 г. он получил «поручение редактировать неофициальную часть «Казанских Губернских Ведомостей», С.М. Шпилевский сожалел, что «Справочный листок города Казани» прекратил свой выход: «Что же делать, если такое издание в Казани невозможно!»²⁷³.

В первый год своего редакторства он предпринимает попытку реформировать «Ведомости». Сохранился отзыв об этом в одном из столичных изданий: «...в первый (1868) год редакторства г. Шпилевского, серенькие ведомости улучшились по наружности и по внутреннему своему содержанию – почти в каждом № стали появляться этнографические и другие статейки, относящиеся до казанского края, печатался даже фельетон общественной жизни. Но на следующий год г. Шпилевский изменил программу ведомостей: стал печатать заграничные известия и телеграммы, внутренние российские известия (большей частью скандального характера), местному же отделу отвел небольшое место, стал помещать одни только объявления о приехавших и выехавших из Казани, да дневник происшествий... по выбору, с опущением важных событий, совершающихся в нашем граде»²⁷⁴.

²⁷² Загоскин Н.П. Очерки города Казани и казанской жизни в 40-х годах. С.9.

²⁷³ <Шпилевский С.М.> От редакции// Справочный листок г.Казани, 1867, № 146 от 31.12.

²⁷⁴ Казанец. Из Казани. Корреспонденция «Всемирной иллюстрации» // Всемирная иллюстрация. СПб., 1870 г. №65 (28 марта).

Сам характер газеты и требования к нему уже вполне выработались к этому времени, и редактору газеты этого периода не удалось её серьёзно реформировать. Сам С.М. Шпилевский тяготел к сотрудничеству с властью и провозглашал его: союз власти и общества для улучшения жизни края считал необходимым условием процветания. Открывая ещё «Справочный листок» он подчёркивал важную роль для этой газеты, которую играет губернаторская поддержка: «Особенною благодарностью мы обязаны г. начальнику губернии, который постоянно сознавал пользу местной газеты, желал ей успеха и всегда был готов доставлять нам желаемые нами официальные сведения»²⁷⁵, - писал Шпилевский.

В 1881-1882 годах он возглавил очередную газету – «Волжско-Камское слово», которая и вовсе была проектом губернатора А.К. Гейнса. Если бы она просуществовала подольше, она могла бы знаменовать собой новую трансформацию губернаторского участия в печати Казани, когда центральным органом влияния делается уже не официальная газета, а формально частное, общественное издание. При этом «Волжско-Камское слово» возникало именно как издание, патронирующееся губернатором.

Министр внутренних дел граф Игнатьев пояснял официальному куратору российской прессы обер-прокурору Св. Синода К. Победоносцеву: «Казанская газета давно была разрешена – вследствие настойчивого и неоднократного ходатайства Гейнса, на полную ответственность которого и возложена мною каждая строка этого листка. Потому объявлено о печатании этой газеты лишь теперь, что редактор был в отсутствии. Князь Вяземский мог бы Вам доставить список до пятидесяти газет мною не разрешённых. Дальше идти нельзя»²⁷⁶.

²⁷⁵ <Шпилевский С.М.> От редакции// Справочный листок г.Казани, 1867, № 146 от 31.12.

²⁷⁶ К.П. Победоносцев и его корреспонденты. Письма и записки. М.-Пг.: Гос. изд-во, 1923. Т.1. С.94.

Мы видим, что Н.П. Игнатъев оправдывается перед К. П. Победоносцевым за разрешение казанской газеты, и это было в то время таким явным исключением из правил, случившимся только благодаря энергии А.К. Гейнса. Напомним, что начало выхода «Волжско-Камского слова» (с декабря 1881 года) пришлось на сложнейшую для российской журналистики эпоху, когда в марте 1881 года террористом был убит Александр II, и вскоре для общества снова наступает время свёртывания либеральных реформ и «закручивания гаек», а для журналистики - период, который М.Е. Салтыков проиллюстрирует в аллегорической сценке с говорящим названием: «свинья, чавкающая правду». За период 1881 – 1884 гг. будут закрыты многие либеральные и демократические газеты и журналы («Порядок» М. Стасюлевича, «Земство» В. Скалона, «Страна» Л. Полонского, и самые крупные и известные в этом ряду – газета «Голос» А. Краевского и журнал «Отечественные записки» и др.). Газета С.М. Шпилевского «Волжско-Камское слово» также была закрыта в 1882 году практически одновременно с отставкой А.К. Гейнса с должности Казанского губернатора.

В 1870-е до начала 1890-х «Казанские губернские ведомости» возглавлял известный публицист Н.Ф. Юшков, имевший, однако, среди прочего статус «неблагонадёжного» и даже на время отстранявшийся от редактирования газеты. Известно, например, что в помещении редакции собирались представители оппозиционного студенческого движения для обсуждения своих действий.

По поводу газеты известно письмо Николая Фирсовича Юшкова Ф.М. Достоевскому. Письмо от Н.Ф. Юшкова датировано от 20 января 1876 г. Ответ Ф.М. Достоевского – 5 февраля. Главное содержание (кроме служебного повода, суть которого - обмен изданиями) – это состояние провинциальной, в частности казанской журналистики.

Последние попытки трансформации «Казанских губернских ведомостей» делались в начале 1890-х годов и потерпели неудачу.

В 1904 году в «Казанских губернских ведомостях» был закрыт «неофициальный отдел». Газета продолжила свой выход без него. Библиографические справочники по «Казанским губернским ведомостям» дают нам фамилии редакторов газеты вплоть до 1916 года: «Ред. неофиц. ч. <с 1891 г.> А. Гесс; с № 49 <1901 г.> А. Н. Розенштейн; с № 78 1905 (уже без «неофициального отдела» – А.Б.). А. П. Молоствов; с № 86 А. М. Никитин; с № 107 А. П. Молоствов; с № 126 А. М. Никитин; с № 121 1907 И. К. Мосцицкий; с № 55 1908 А. Петров; с № 58 И. К. Мосцицкий; с № 35 1913 Ф. Иванов; с № 37 И. К. Мосцицкий. Офиц. ч. подписывали должностные лица»²⁷⁷. Мало что известно об этих редакторах и газете этого периода, издание нуждается в дополнительном изучении. Из расшифрованных фамилий – Александр Павлович Гесс, статский советник, советник Казанского губернского правления и правитель дел Казанского губернского попечительства детских приютов, сын известного архитектора Павла Гесса. Статьями о Ф. Достоевском, вошедшими в библиографии о творчестве писателя, отметился редактор А. Розенштейн.

²⁷⁷ Беляева Л.Н., Зиновьева М.К., Никифоров М.М. Библиография периодических изданий России 1901 – 1916. Т.2. И-П. Л.: ГПБ им. М.Е. Салтыкова-Щедрина, 1959. С.128.

Глава IV. Казанская журналистика второй половины XIX века: тенденции, ведущие газеты, типология прессы

4.1. Тенденции развития казанской прессы второй половины XIX века

На вторую половину XIX века приходятся два периода в истории казанской журналистики. Условные их границы: 1860-1870-е годы (до 1883) и 1880-1890-е годы. Но в целом вся эта половина столетия знаменуется появлением и утверждением в Казани частной прессы, которая придёт на смену университетской или губернской, и займёт первенствующее положение в системе местной печати.

Окончательно сформируется система казанской печати с двумя ведущими изданиями лишь к началу 1870-х годов. Система будет терять устойчивость с появлением третьей крупной газеты, и тяготеть к классической модели.

До 1872 года (появления «Камской-Волжской газеты») система ещё не будет сформирована в полной мере. Однако в конце 1860-х гг. на фоне упадка «Казанских губернских ведомостей» и «Православного собеседника» в городе выходят первые частные газеты,.

В 1872-1874 годах пару «главных» казанских газет будут составлять «Камско-Волжская газета» и «Казанский биржевой листок». В 1874 году первая из названных будет закрыта. Группа публицистов «Камско-Волжской газеты» выпустит ряд литературных сборников – «Первый шаг» (1876), «Литературные блины» (1877), «Казанский литературный сборник» (1878) и др. Далее главным центром для этой группы деятелей станет казанское общество археологии, истории и этнографии при императорском университете. На короткое время единственной газетой останется «Казанский биржевой листок», в этот период трансформирующийся из промышленной в общественно-демократическое издание (частично заполняя нишу, прежде занимаемую «Камско-Волжской газетой»).

С 1883 года появляется журнал, в 1884 году переформатированный в газету – «Волжский вестник». До 1891 года главной парой газет становятся «Волжский вестник» и «Казанский биржевой листок». Роль общественно-демократического органа берёт на себя «Волжский вестник». «Казанский биржевой листок» постепенно выдвигается в нишу массовых универсальных, ориентированных на широкую аудиторию изданий и становится лидером казанского рекламного рынка. Слово «биржевой» в названии издания набирают теперь более мелким шрифтом, газету в обиходе называют просто «Казанский листок».

1890-й год: возникает конфликт издателей-редакторов «Казанского биржевого листка» С.А. Гисси и Н.А. Ильяшенко. Появились две конкурирующие газеты в одной нише: «Казанский биржевой листок» (С.А. Гисси) и «Казанские вести» (Н.А. Ильяшенко). В 1891 году происходит переход «Волжского вестника» от Н.П. Загоскина к Н.В. Рейнгардту, тенденции массовизации и коммерциализации рынка прессы настигают и это издание, общий уровень главного издания демократической интеллигенции падает. В 1893 году вместо закрытых газет «Казанский биржевой листок» и «Казанские вести» в той же нише массовых, универсальных, коммерчески ориентированных газет возникает газета Н.А. Ильяшенко «Казанский телеграф». Пару ему по-прежнему составляет «Волжский вестник». 1896 г. – появление третьей газеты: демократического «Камско-Волжского края» (первый редактор – Н.А. Фирсов, далее – Н.П. Загоскин), в 1898 году это издание прекратит своё существование.

Итак, в 1860-1870-е годы происходит становление системы частной прессы в Казани. В 1880-1890-е гг. – формирование рынка прессы, тенденций коммерциализации и массовизации, их доминирующее влияние на общее состояние газетного дела в Казани.

4.2. Казанская журналистика 1860-х гг.: от официальных учреждений прессы к частному учредительству

1860-е годы для Казани с одной стороны – период упадка местной прессы, с другой – в этот период зарождаются некоторые важные тенденции, которые найдут своё полное выражение в последующие десятилетия.

Напомним, прежние учредители изданий в Казани – это учебные заведения (прежде всего, Казанский университет и его структуры, а в 1850-е годы свои издания появятся и у Казанской Духовной Академии), а также – губернское правление. В целом, разделение выглядело следующим образом: газета выходила под патронажем губернской администрации («Казанские губернские ведомости»), а вот журналы печатались под эгидой учебных заведений.

Журналы 1850-х годов – это «Учёные записки Императорского Казанского университета», «Записки Императорского Казанского экономического общества» (общество также функционировало при университете), «Православный собеседник».

«Учёные записки» в это время превратились в специализированный орган, а вот два другие, несмотря на конкретную область, которой они были посвящены, выходили за узкие рамки своей специализации, поднимая и общественные вопросы.

Расцвет этих изданий пришёлся на 1850-е годы, а вот в 1860-е они оба претерпели реорганизацию и потеряли влияние. Лишь в 1871 году возникнет новое специализированное издание, которое обратит на себя внимание общества и будет отличаться даже известной остротой – это «Дневник Казанского общества врачей». Этот орган будет знаменовать собой начало нового демократического периода и расцвета частно-общественной прессы, главным событием которого станет учреждение «Камско-Волжской газеты» в 1872 году.

1860-е годы – переходный период между губернским и университетским учредительством прессы и частно-общественным, который закрепится и станет доминирующим типом в казанской системе печати, начиная с рубежа 1860-1870-х годов и вплоть до 1918 года. То есть 1860-е годы (до появления частной прессы) – это последнее время, когда отраслевые издания мы можем рассматривать не только в их нишевом контексте, как некие «маргиналии» в общей системе печати, но, напротив, как часть централизованного общего процесса, особенно на фоне того, что общее количество наименований изданий в Казани в то время было незначительным.

Тенденция начала 1860-х годов – понижение уровня отраслевых и специализированных журналов (по сравнению со взлётом во второй половине 1850-х), равно как и уровня «Казанских губернских ведомостей». Эта тенденция может рассматриваться в качестве одной из предпосылок зарождения и возникновения частной прессы в Казани.

Назовём ещё несколько факторов 1860-х годов, определивших развитие местной прессы. Первый среди них – это великие реформы Александра II: отмена крепостного права, судебная, военная, земская реформы, наложившие свой отпечаток на весь характер общественной жизни в регионах, в том числе на состояние журналистики.

Далее – зарождение областнического тренда в исторической науке. Для Казани ключевое значение здесь имела фигура А.П. Щапова, не только интересного учёного, но и блестящего лектора и публициста, самого популярного казанского публициста-учёного 1860-х годов. Одним из слушателей лекций А.П. Щапова был К.В. Лаврский, редактор «Камско-Волжской газеты» (1872-1874), областнического издания, на концепцию которой влияли идеи не только А.П. Щапова, но и сибирских «областников» (Г.Н. Потанина и Н.М. Ядринцева). И хотя формирование концепции «Камско-Волжской газеты» будет происходить уже в 1870-е годы, присутствие в казанском публичном поле 1860-х

годов такой фигуры как А.П. Щапов, сделавшее Казань одним из центров концептуализации теории областничества – является важной предпосылкой, предопределившей характер развития казанской журналистики.

Ещё одна тенденция, повлиявшая на развитие прессы – политизация студенческого движения в Казани. Возникновение в Москве нелегальной организации «Библиотека Казанских студентов», одной из предтеч «Земли и Воли», появление сборников нелегальных песен казанских студентов, организация литературно-общественных вечеров, позже – студенческих сходов и акций неповиновения университетскому начальству. Многие будущие лидеры казанской журналистики в это время – участники студенческих движений, имеющие контакты с российскими лидерами протестного движения. К.В. Лаврский, будущий редактор «Камско-Волжской газеты» будет выслан из Казани по делу о «польском заговоре», его брат был близким другом Н.А. Добролюбова, письма последнего к брату будут переданы Константином Викторовичем Н.Г. Чернышевскому. С Чернышевским встречался в это время и соредактор Лаврского по «Камско-Волжской газете» Н.Я. Агафонов²⁷⁸. Видится с ним на похоронах Н.А. Добролюбова другой будущий казанский редактор Николай Викторович Рейнгардт. Участником казанских сходок был среди прочих студент Христофоров, будущий редактор известного эмигрантского левого журнала «Общее дело», в ссылке он сойдётся с Н.М. Ядринцевым, будет планировать вернуться в Казань и включится в местную прессу.

В отсутствии полноценной частной прессы в 1860-е годы особое значение приобретают личности отдельных журналистов Казани, сотрудничающих не только в местной, но и столичной прессе. Из плеяды авторов, выдвинув-

²⁷⁸ Но характерно, например, что видевшийся также с Н.Г. Чернышевским, бывший некоторое время его соседом по квартире прежний редактор «Казанских губернских ведомостей» А.И. Артемьев, представитель более раннего поколения казанской журналистики говорит о неприятном впечатлении, которое на него произвёл Николай Гаврилович: «Встреча эта будто уничтожила то обаяние, которое производил этот человек своими статьями <...>» (см.: Захарова И.Е. Рукопись И.А. Артемьева «Отцы и дети»// История и историческая память. Саратов: СНИГУ им. Н.Г. Чернышевского, 2016. Т.13-14, С. 337. *Статья вышла с опечаткой в заглавии – перепутаны инициалы А.И. Артемьева).

шихся в 1860-е годы, можно назвать журналистов либерального и демократического лагеря: П. Васильева, К. Лаврского, Н. Агафонова, демократа-народника Н. Демерта (обозревателя «Отечественных записок»), газетного хроникёра С. Черепанова (корреспондента «Справочного листка города Казани»; специального корреспондента по Казани «Русских ведомостей» и многих других газет).

Наконец, последнее по времени, относящееся к эпохе 1860-х годов событие – появление первых газет частного учредительства: «Справочный листок города Казани» (1867) и «Казанский биржевой листок» (1869).

Рассмотрим подробнее основные из названных тенденций.

Как уже было сказано, к началу 1860-х годов периодическая пресса Казани была представлена газетой «Казанские губернские ведомости» и несколькими специализированными журналами, из которых наибольшее значение имели «Православный собеседник» и «Записки Императорского Казанского экономического общества».

Последняя по времени работа по «Православному собеседнику» – статья Александра Владимировича Журавского опубликована на сайте Казанской духовной семинарии²⁷⁹. Исследователь сообщает: «Журнал Казанской духовной академии — «Православный Собеседник» — был основан в 1855 году и стал четвертым из академических и вообще духовных журналов России. Прежде него были основаны только «Христианское Чтение» (1821) — при Санкт-Петербургской духовной академии, «Воскресное Чтение» (1837) — при Киевской и «Творения Святых Отцов» — при Московской духовной академии. Однако, когда издание «Воскресных Чтений» с 1912 года было прекращено, «Православный Собеседник» стал вторым по старшинству из журналов духовного содержания<...> Таким образом, история «Православного Собеседника»

²⁷⁹ Журавский А.В. К истории «Православного собеседника»// Эл. ресурс: URL: <https://kazpds.ru/к-истории-православного-собеседника>. Режим доступа: свободный. – 27.02.2022.

представляется в высшей степени интересной как история одного из старейших и еще малоизученных церковно-научных изданий. Известно лишь одно исследование, непосредственно посвященное истории этого академического журнала, — очерк Н.Ф. Красносельцева «К истории «Православного Собеседника»: по поводу 30-летия журнала». Отдельные аспекты истории этого академического издания рассматриваются в сочинениях П. В. Знаменского «История Казанской духовной академии за 1-й (дореформенный) период ее существования (1842 – 1870 гг.)» и С. А. Терновского «Историческая записка о состоянии Казанской духовной академии после ее преобразования, 1870-1892», изданных к 50-летию юбилею академии в 1892 году»²⁸⁰.

Мы бы добавили в этот ряд исследовательские замечания Нила Попова из его «Казанских писем», публиковавшихся в «Московских ведомостях» в 1859 году. Ю.Н. Валеева, исследовавшая этот источник, сообщает: «Внимание молодого ученого было приковано к содержательному наполнению разделов журнала. Во многом его научный интерес вызван фактом перевоза ценнейших рукописей библиотеки Соловецкого монастыря в Казанскую Духовную академию, и важностью их включения в научный оборот. Волновали Н.А. Попова вопросы их сохранности и составления развернутых описей содержания рукописей. «“Православному собеседнику” остается теперь предложить такую статью, в которой бы сообщены были история образования библиотеки, имена составителей рукописных сборников, некоторые палеографические сведения» <...> Вопросы выпуска «Православного собеседника», работы редакционной коллегии журнала, проблематика статей затрагивались Н.А. Поповым и в последующих корреспонденциях. Столичный журнал «Атеней» и «Московские ведомости» в 1859 г. перепечатали из «Православного собеседника» статью «Слово о духовном просвещении России». По мнению автора, остро назрела

²⁸⁰ Указ. соч.

проблема обсуждения общественного положения духовенства, их потребностей, ибо оно, духовенство, принадлежало как церкви, так и российскому обществу»²⁸¹.

Сама идея создания «Православного собеседника» возникла в 1853 году в связи с открытием при академии миссионерского противораскольнического отделения и принадлежала архиепископу Григорию (Постникову), он же стал и первым редактором журнала. Период расцвета издания связан с деятельностью архимандрита о. Иоанна Соколова, ректора Духовной Академии, возглавившего журнал с 1858 года.

«Число номеров «Православного Собеседника» увеличилось с 4 до 12 в год при годовой цене 5 рублей (с пересылкой — 6 рублей 50 копеек). Тираж академического журнала возрос до 3000 экземпляров. Новый ректор добился от Св.Синода в 1858 году разрешения на перевод и публикацию Деяний Вселенских и Поместных Соборов (первые публикации появились с начала 1859 г.), что сразу придало казанскому изданию солидность и научную значимость. Вместе с тем, ряд научных проектов архимандрита Иоанна остались не реализованными по цензурным соображениям <...>.

В это время «Православный Собеседник» переживал один из наиболее значительных периодов в своей истории. Он достиг вершины популярности у читателя, заслужил репутацию действительно научного издания и в то же время удачно совмещал научные публикации с материалами, посвященными вопросам современности (возможное освобождение крестьян, отношения между католиками и православными, проблемы духовного образования и пр.). Однако естественное желание архимандрита Иоанна поставить журнал «в непосредственные отношения к запросам современной жизни» через публика-

²⁸¹ Валеева Ю.Н. «Казанские письма» историка Н.А. Попова как источник общественной и культурной жизни Казани дореформенного периода// Вестник архивиста, 2013. № 2. С. 15-29; эл. версия: URL: <http://www.vestarchive.ru/2013-2/2619-lkazanskie-pismar-istorika-na-popova-kak-istochnik-obshestvennoi-i-kyltyrnoi-jizni-kazani-dorefo.html>

цию (помимо памятников древнерусской литературы, богословских и исторических статей) церковно-публицистических материалов бакалавра А.П. Щапова (известного народнической направленностью своих взглядов), А.И. Лилова и собственных, посвященных сложным вопросам современности, — межконфессиональным, социальным и общественно-политическим (что в значительной мере и обеспечивало необыкновенную в те годы популярность для духовного журнала) вызвало негативную реакцию Св. Синода»²⁸².

Св. Синод распоряжением от 5 марта 1859 года перевел всю цензуру оригинальных статей в московский цензурный комитет под надзор митрополита Филарета (Дроздова), выразив при этом архимандриту Иоанну нареkanie за «несвойственное духовному изданию направление». Возобновление общественной повестки в «Православном собеседнике» случится лишь к 1870-му году, когда и в целом в казанской журналистике наступит оживление. К тому времени в системе церковной журналистики казанского края существовало и ещё одно издание: выпускавшиеся с 1867 года «Известия по Казанской епархии», каковые духовенство могло (и даже было обязано) выписывать только с академическим журналом.

Второй из названных выше нишевых специализированных журналов — «Записки Императорского Казанского экономического общества». Известен отзыв на журнал и его редактора от «Русского вестника»: «Редактором журнала — ординарный профессор по кафедре технологии при Казанском университете, секретарь общества М.Я. Киттары. Его неутомимой деятельности и пламенной любви к науке журнал обязан такою полнотою содержания, что может занять одно из первых мест в ряду наших специальных журналов»²⁸³.

Казанский журнал вписывался в общероссийскую тенденцию наблюдавшегося в это время подъёма отраслевой и специализированной журналистики.

²⁸² Журавский А.В. Указ. соч.

²⁸³ См.: Русский вестник, 1856, № 5-6. Отд.: Современная летопись. С.13.

Г. Рысаева в статье «Просветительство и пропаганда передового сельскохозяйственного опыта учёными Казани в XIX веке» отмечает:

«В последнее десятилетие перед отменой крепостного права, когда наблюдалось оживление агрономической прессы, поиски путей подъёма экономики страны, КЭО начинает издавать свой периодический орган «Записки Казанского Экономического общества». Это было время, когда даже на «хозяйственной и промышленной литературе ... отразилось это общее оживление: нет почти ни одного журнала, который бы не был затронут благодатным духом времени»²⁸⁴.

Название будущего журнала было прописано уже в уставе общества в 1840-м году. Но ходатайства об его издании были удовлетворены лишь в 1852-1853 годах, после того, как в рядах Казанского экономического общества появился Модест Яковлевич Киттары, который и взялся за продвижение проекта издания по инстанциям, а после и возглавил журнал.

Подробнее история «Записок казанского экономического общества» прослежена в статье Г. Вульфсона и Ф. Нуреевой²⁸⁵. Исследователи замечают: «Стремясь внести изменения в развитие России и, в частности, Волжско-Камского края, Киттары привлекал в журнал людей с новым мышлением, пропагандировал на его страницах передовые технологии производственных процессов, сообщал о достижениях научной мысли. Тем самым Киттары создавал журнал, отвечающий духу времени, когда в обществе достаточно открыто заговорили о необходимости серьёзных изменений в стране»²⁸⁶.

«Редакция «Записок», желая сделать этот журнал разнообразным и доступным не для одних только специально занимающихся сельским хозяйством

²⁸⁴ Рысаева Г.Р. Просветительство и пропаганда передового сельскохозяйственного опыта учёными Казани в XIX веке // Ученые записки Казанской государственной академии ветеринарной медицины им. Н.Э. Баумана, 2012. Т.4. С. 478.

²⁸⁵ Вульфсон Г.Н., Нуреева Ф.Ф. Модест Яковлевич Киттары – редактор «Записок Казанского экономического общества» // Ученые Записки Казанского Государственного университета. Т.134. Проблемы отечественной и зарубежной истории и историографии. Казань: Унипресс, 1998. С. 138-147.

²⁸⁶ Указ. соч. С.143.

или заводско-фабричным делом, предполагает помещать в нём разбор и исследование современных экономических вопросов, касающихся различных сторон народнохозяйственной деятельности», – писалось в конце 1856 г. в объявлении об издании «Записок»...»²⁸⁷.

А.А. Уткин упоминает о цензурных трудностях, с которыми столкнулся журнал «Записки Казанского экономического общества»: «В частности, сохранились документы о статье П. Перца «Современное значение ремесленности», которая вызвала отрицательную реакцию со стороны Министерства просвещения и консервативных кругов общества»²⁸⁸.

Вокруг журнала «Записки Императорского Казанского Экономического общества» сложился целый круг замечательных авторов, мы уже упомянули имя выдающегося технолога А.К. Чугунова, ученика М.Я. Киттары, позже сменившего его в роли редактора журнала, а ещё через некоторое время возглавившего вторую частную газету Казани, издание промышленное и коммерческое – «Казанский биржевой листок». Также в круге авторов «Записок»: Ф.И. Целлинский, директор Казанской учебной фермы, А.М. Бутлеров, Е.С. Фальков, последний редактор издания, и многие другие.

Ведущая роль в издании принадлежала Модесту Яковлевичу Киттары. С 1854 по 1858 год в «Записках» было напечатано свыше ста пятидесяти статей Киттары по различным видам производств: свечному, мыловаренному, кожевенному, пчеловодству, садовому, поташному... Заинтересовавшись стеариновым производством, Киттары разработал проект стеаринового завода с новой технологией. Проект попал к фабрикантам Крестовниковым, которые в 1855 г. по нему начали строить завод, ставший одним из крупных предприятий Поволжья.

²⁸⁷ Цит. по: Рысаева Г.Р. Просветительство и пропаганда передового сельскохозяйственного опыта учёными Казани в XIX веке // Ученые записки Казанской государственной академии ветеринарной медицины им. Н.Э. Баумана, 2012. Т.4. С. 479.

²⁸⁸ Уткин А.А. Либеральная интеллигенция Казани на рубеже 50 - 60-х годов XIX в.: автореф. дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Казань, 2002. С.14.

В «Записках» кроме привычных статей заводились порой весьма интересные рубрики: так в 1854 году М. Киттары затеял составление «фабрично-заводского словаря», разъясняющего слова и термины, используемые рабочими на разных производствах. Этот материал потом попал в обзор «Журнала министерства народного просвещения»²⁸⁹.

«В особенности «Записки Казанского экономического общества» были хороши за 1858 и 1859 гг., когда Киттары уже не было в Казани, но статьи для журнала этих годов были заготовлены ещё им», – свидетельствовал проф. Д.А. Корсаков. «В «Записках» этих годов возбуждались вопросы экономические, затрагивалось крепостное право – центральный нерв тогдашней публицистики, а потому этот журнал обратил на себя серьёзное внимание столичной прессы. Все толки и крики, больше крики, которые раздаются в наши дни о важности экономических факторов в народной жизни, о поднятии кустарных промыслов и об улучшении земледельческой культуры – всё это неудержимое стремление к профессиональному, технически-ремесленному образованию – могут по меньшей мере вызывать удивление и улыбку у тех, кто знал такого рода серьёзного ученого и почтенного практического деятеля, как Мод. Як. Киттары. Свои рациональные воззрения по этим вопросам научно и скромно проводил он в казанскую жизнь сорок с лишком лет тому назад. Вот чем он опередил своё время, вот чем заслужил благодарность потомства»²⁹⁰.

Самый отъезд профессора М. Киттары в Москву стал не только большой потерей для казанского Вольного экономического общества, но и поводом для глубокой рефлексии о характере своей деятельности. На специальном заседании, созванном 26 октября 1857 года, с критической речью выступил член общества профессор Н. Вагнер: «Рассматривая в них (т.е. в годичных отчётах общества – А.Б.) различные действия его, видим, что большая часть начинаний и вопросов родилась не из среды общества, а пришла в него извне, как бы в

²⁸⁹ См.: ЖМНП, 1854, № 83. С. 105-106.

²⁹⁰ Корсаков Д.А. Былое из казанской жизни 1856 – 1860 годов. Воспоминания о прошлом// Литературный сборник к 100-летию Казанского университета. Казань, 1904. С. 188.

какое-нибудь присутственное место на суд; как будто общество создано для того, чтобы дожидаться действий со стороны и откликаться только на внешние вопросы <...> Почему, скажите, вне общества, в общественной жизни города, обращается столько живых интересов, касающихся промышленности и сельского хозяйства нашего края, а в наши заседания эти интересы не входят?<...> Мы стоим в настоящее время на ступени не нормальной. Но и то благо, что мы уже поднялись, благодаря энергической деятельности Киттары на эту ступень. Не сойдём же вниз, а постараемся подняться выше, вступить в новый период существования, – существования вполне сознательного²⁹¹.

М. Киттары переехал в Москву в 1857, а уже с января 1858 года под его руководством стала выходить газета «Промышленный листок». Объявление с подробной программой «Промышленного листка» появилось в № 142 «Московских ведомостей» от 26 ноября 1857 г. В нем отмечалось, что «русская промышленность пробудилась», что за последнее время увеличился рост обществ и компаний для различных промышленных предприятий, что полным ходом идет строительство мануфактурных заведений. И вследствие этого возникли заботы об усовершенствованиях промышленности, о поземельной собственности и о капитале. Указывалось, что поступали жалобы со стороны промышленников и торговцев на недостаток различных знаний, своевременных и верных известий. И этот недостаток, «то обретающий застой, то входящий в ошибки», и намерена ликвидировать новая газета, выходящая под редакцией профессора Московского университета М.Я. Киттары. «Время древо проходит; мы чувствуем, что начинаем новую промышленную жизнь, и мы хотим жизни полной, могучей, для пользы общей и личной каждого», – приводил он строки одного из писем фабрикантов и заводчиков, адресованных ему²⁹².

²⁹¹ ЖМНП, 1858. Ч.98. №5. Отд.6. С. 170 – 171.

²⁹² Цит. по: Сурнина И.А. Газета «Промышленный листок» (1858–1859) М.Я. Киттары// Медиаскоп. 2017. Вып. 3. С. 2.

Интересно сравнить это объявление, с объявлением об издании казанских «Записок Императорского Казанского Экономического общества»: «Редакция «Записок», желая сделать этот журнал разнообразным и доступным не для одних только специально занимающихся сельским хозяйством или заводско-фабричным делом, предполагает помещать в нём разбор и исследование современных экономических вопросов, касающихся различных сторон народнохозяйственной деятельности». Мы видим, что московская газета уже гораздо смелее и чётче ориентируется именно на промышленников, когда как казанский журнал предполагал более широкий круг читателей. Приходя к изданию «Промышленной газеты» он уже не стеснялся объявить, что финансовыми спонсорами издания выступают сами фабриканты: «Я принял предложенный мне... некоторыми благомыслящими хозяевами, фабрикантами и заводчиками, необходимый первоначальный капитал и далек от мысли соединить дело общее с личным»²⁹³.

10 лет спустя по тому же пути пойдёт ученик и последователь М.Я. Киттары А.К. Чугунов, который после отъезда Модеста Яковлевича остался редактором «Записок», а в 1868 возглавит «Казанский биржевой листок», спонсором которого выступят братья Крестовниковы и Казанская биржа.

С 1860 года журнал «Записки Императорского Казанского экономического общества» перестал быть ежемесячником, издавался уже от случая к случаю и прекратился в 1861 году.

Можно констатировать: дух времени, либеральное настроение эпохи нашли своё отражение в казанской прессе второй половины 1850-х годов – и в «Казанских губернских ведомостях» А.Ф. Михайлова, и в специализированных журналах «Православном собеседнике» о. Иоанна Соколова, «Записках Императорского Казанского экономического общества» М.Я. Киттары. Но во всех этих случаях либеральные настроения и тенденции обеспечивались лишь

²⁹³ Сурнина, там же. С. 2 – 3.

личными взглядами названных деятелей, сами условия и административная организация функционирования изданий в провинции отнюдь не способствовали либерализации газетно-журнального дела. К 1861 году прекратился выпуск «Записок», со смертью А.Ф. Михайлова потеряли общественную направленность «Казанские губернские ведомости», из-за церковно-административного вмешательства закончилось общественное направление в «Православном собеседнике».

По-настоящему последствия александровских реформ ощутило на себе казанское общество и казанская пресса в 1870-е, после принятия некоторых концептуальных управленческих и политических решений в масштабах страны, изменивших расстановку сил в провинции. Вот как об этом в несколько фельетонной манере писал известный публицист, сам выходец из Чистопольского уезда, Н.А. Демерт:

«Казань в настоящее время изображает собою центр: а) для военных нескольких губерний округа (b) центр для громадного количества учащихся, учёных и неучёных чиновников учебного ведомства (с) центр для умалишённых всех тех губерний, которые составляют казанский учебный округ и (d) центр для большого тоже количества лиц, занимающихся правосудием в трёх приволжских губерниях. <...>

В добрые старые времена в Казани только и были три главные представителя власти: губернатор, попечитель учебного округа, да архиерей – и ведомство каждого из них так резко отделялось от другого, что спора о первенстве и, так называемых пререканий между властями не могло быть, да и не было: архиерей во время отправления литургии стоял на самом почётном месте – на амвоне, а губернатор с попечителем, оба в генеральских мундирах, впереди. На университетских актах хозяином считался попечитель, а губернатор гостем; на казённых балах в табельные дни – наоборот. Пререканий, как видите, не могло и быть.

Совсем в другом виде представилось это дело со времени открытия в Казани военного и судебных округов с их чрезвычайно важными начальниками. В прежние времена губернатор считался бесспорно первым лицом в губернии, а нынче это ещё вопрос: губернатор по большей части состоит в чине генерал-майора, или даже действительного статского советника, начальник же военного округа - полный генерал, а начальник судебного округа – сенатор. Как тут быть? И где кому стоять?»²⁹⁴.

То есть можно констатировать: в иерархии казанской власти произошло некоторое разделение, вместо прежнего представления о единоначалии. Появились новые общественные пространства и институты, например, частные общества или ещё публичный суд нового образца, с присяжными заседателями, присланным из Петербурга прокурором (небезызвестный А.Ф. Кони с 16 июля 1870 года – прокурор Казанского окружного суда), всё это вносило оживление в жизнь Казанского общества и явилось одной из предпосылок взлёта прессы.

«К счастью, каждая новая важная реформа (как бы не казалась она странною в применении ея к жизни) имеет то неоценимое достоинство, что вслед за ними всегда появляются некоторые частные, общественные учреждения, служащие поддержкой и подспорьем учреждениям казённым... Вслед за появлением земских учреждений, в Казани образовалось частное «общество врачей»... оно приносит уже осязательную пользу земству, городскому управлению, а в последнее время начинает оказывать заметное влияние и на судебные учреждения»²⁹⁵.

Все новые проявления гражданской активности казанцев были косвенным результатом проведённых Александром II реформ государственного управления. Для Казани особое значение имели военная и судебная реформы, сделавшие её столицей округов:

²⁹⁴ Демерт Н.А. Признаки пробуждения наших сонных провинций// Отечественные записки, 1871, № 8. Современное обозрение. С.265 – 266.

²⁹⁵ Там же. С. 284.

В августе 1864 года было утверждено «Положение о военных округах», на основании которого командирующему войсками округа подчинялись все расположенные в округе воинские части и военные учреждения, таким образом, он становился единоличным начальником, а не инспектором, как это планировалось раньше. В том же году был создан Казанский военный округ.

Судебная реформа была объявлена в 1864 году. Первые новые суды были открыты в 1866 году. В 1870—1871 годах новые суды в полном объеме были введены в Казанской, Симбирской, Самарской, Саратовской, Пензенской, Тамбовской, Смоленской и Костромской губерниях.

Конечно же, большое значение имела и Земская реформа 1864 года.

Итак, Казань на рубеже 1860 – 1870-х оказалась в другой общественной и политической ситуации. Во-первых, изменился её статус, она стала столицей военного и судебного округов, а с начала века уже была столицей учебного округа (напомним, тогда эта ситуация привела к конфликту между губернатором Мансуровым и первым директором университета Яковкиным, что косвенно отразилось и на судьбе первой казанской газеты). Теперь не только губернатор является самым активным субъектом общественной и политической жизни. И даже, несмотря на то, что губернатором в это времени (рубежа 1860 – 1870-х гг.) был такой невыдержанный и своенравный человек как Н.Я. Скарятин, мы видим ситуацию в Казани уже качественно другой, чем при С.П. Шипове в начале сороковых. Если тогда проявления гражданского общества были ещё в самом зачатке, то теперь обществом врачей, например, проводятся экспертизы больниц (это, конечно, особая ситуация, но только Казанская. Казань снова выступила здесь застрельщиком для целого региона. Здесь создается также своё периодическое издание («Дневник казанского общества врачей»)).

Писавший о казанском обществе врачей Н. Любимов²⁹⁶ первую предположку появления общества видит в новых университетских уставах 1863 года, «когда словом Великого Монарха университеты были призваны принять на себя более активную роль в деле просвещения в нашем Отечестве»²⁹⁷. То есть, и этот автор видит взаимосвязь казанского общества врачей с реформами Александра II.

Инициатором появления и первым редактором-составителем «Дневника казанского общества врачей» стал известный врач, профессор Н.И. Студенский. В 1871 году на заседании общества им были прочитаны доклады: «О санитарном состоянии Казанской Земской Больницы», «О больничной прислуге» и др. Предложение об издании «Дневника...» он озвучил в 1872 году. В этом журнале с 1872 по 1882 год сам Студенский поместил 29 статей. Из дальнейшей биографии Н.И. Студенского отметим, что в 1876 году во время Сербско-Турецкой войны он пробыл 6 месяцев в Сербии, и результатом его поездки явился отчет «Организация Казанского санитарного отряда, бывшего в Сербии, и его деятельность в г. Крагоевце». В 1877–78 гг. во время Русско-Турецкой войны Николай Иванович работал в военно-временных госпиталях в Румынии. По окончании войны он напечатал брошюру «Болезненность в Дунайской Армии» и довольно объемистую книгу «Огнестрельные повреждения костей и суставов конечностей».

Вернёмся к «Дневнику». Важное обстоятельство: по закону о печати 1865 года учёным обществам разрешалось издавать свои записки без предварительной цензуры. Однажды даже астраханский губернатор обратился к казанскому обществу врачей с запросом, кто, мол, дал им такое право выпускать свои протоколы без предварительной цензуры, и получил ответ со ссылкой на новое положение о печати²⁹⁸.

²⁹⁶ см.: Любимов Н.М. Александр Васильевич Петров как председатель Казанского общества врачей. Казань: типогр. Казан. Ун-та, 1885. 40 с.

²⁹⁷ Указ. соч. С.4.

²⁹⁸ См. об этом: Отечественные записки, 1871, июль, С. 174.

Вообще, редакции того времени могли становиться настоящими общественными центрами, но у Общества врачей не было полноценной редакции, она появилась только у «Камско-Волжской газеты», возникшей в 1872 г. Известен случай обращения с открытым письмом на страницах этой газеты профессора А. В. Петрова (председателя казанского общества врачей). Дело касалось напечатанной в «Дневнике общества врачей» заметки (№ 12, С.87) о встречающейся неаккуратности при отпуске лекарств из некоторых аптек города Казани. На следующий день Петров нашёл у себя пакет с надписью «в редакцию «Дневника общества врачей»». Это было коллективное обращение аптекарей с просьбой указать им 1) кем из аптекарей опускаемы были эти лекарства; (2) каким врачом они были выписаны; (3) и когда. На что Петров, отвечая через «Камско-Волжскую газету» заявил, что никакой «редакции «Дневника»» у них нет, а главный ответственный за издание – лично он, А. Петров. А во-вторых, «Общество врачей Казани, разбирая действия, вредные для общественного здоровья, постоянно старалась избегать прямых личных указаний, чтобы таким образом не принять на себя роли, свойственной полиции или прокурорскому надзору»²⁹⁹.

То есть проф. А. Петров в письме чётко обозначал границу: Учёное общество не является журналистикой, а аптекари требуют именно журналистского расследования этого случая, бросающего тень на их отрасль. Можно спорить, насколько удовлетворителен ответ А. Петрова, но Казанское общество врачей заявило о себе как об очень достойной общественной организации Казани, о которой хорошо бы сохранить память.

«<В «Дневнике общества врачей Казани»> содержались сведения об инфекционных заболеваниях по данным больниц и частнопрактикующих врачей. Кроме того, там печатались краткие отчеты о хирургических операциях, пато-

²⁹⁹ См.: Камско-Волжская газета № 91, С.3.

логоанатомических и судебно-медицинских вскрытиях, рефераты по различным отраслям медицины, обзоры деятельности русских медицинских обществ, заметки практических врачей, в том числе земских, сведения об эпизодах. Собранные сведения о заболеваемости систематизировались по нозологическим формам, полу, возрасту, роду занятий и месту жительства. В течение шести месяцев были собраны данные о 10 тыс. случаев заболеваний. За период 1872/1873 гг. вышло 20 номеров «Дневника», а за 1873/1874 гг. – 30 номеров. Собранные данные позволили в течение короткого периода выявить не только наиболее распространенные заболевания, но и определенную зависимость их от социальных и бытовых условий: места проживания, рода занятий, возраста и т.д. Но большинство собранных в «Дневнике» публикаций, связанных с нарушениями санитарных норм, остались без административной поддержки. Выявленные факты нарушений не были устранены. В то же время появления журнала было достаточно примечательным для своего времени, по сути «это была одна из первых в отечественной медицине попыток повседневной статистической регистрации заболеваемости» в публичном виде»³⁰⁰.

Общество врачей, созданное в 1868 г. по инициативе группы медицинских специалистов Казани, просуществовало самостоятельно лишь до 1875 г. Судьба его после 1872 года сложилась драматично. Весь 1873 год участники объединения боролись за открытие нового издания – «Журнала общественной медицины», а «Дневник врачей» по их плану сохранялся бы в виде двухнедельной газеты. Но вскоре последовал запрет от Министерства внутренних дел. Далее – начинают «сыпаться» и другие проекты: создание Городской санитарной комиссии под председательством того же А.В. Петрова было одобрено Городской Думой, но тут случаются обстоятельства личного характера в жизни А.В. Петрова, заставившие его прекратить свою деятельность на этом

³⁰⁰ Морозова Е.В. Организация земского здравоохранения в Казанской губернии во второй половине XIX – начале XX века: дис. ... к. мед.н. Казань, 2014. С. 97; цитата в конце отрывка, см.: Вахитов М.Х., Альбицкий В.Ю. Глашатай идей профилактической медицины // Казанский медицинский журнал. 1973. № 5. С. 88.

посту. Следом приходит запрет от Главного управления по делам печати (через уведомление, посланное губернатору) и на уже выпускавшиеся прежде издания общества – «Протоколы», «Записки» и «Дневник». Все издания общества были приостановлены. 23 марта 1875 года Казанское общество врачей было закрыто.

Восстановится оно лишь в конце 1877 года, но уже под ведомственным крылом университета, став «Обществом врачей при Казанском Императорском университете». А.В. Петров на пост председателя вернётся после 1879, и ему снова удастся наладить его работу, которая до его возвращения велась столь шатко, что раздавались голоса о необходимости окончательного его расформирования.

Мы считаем «Дневник Казанского общества врачей» раннего периода – предтечей появления «Камско-Волжской газеты», даже в большей степени, чем первые частные газеты Казани, ибо здесь сильнее был выражен пафос демократический, общественно ориентированный, зиждущийся на частной инициативе профессионалов-патриотов. Также видна попытка глубокого изучения всего местного края в медицинском отношении, что будет особенно характерно для областнического взгляда на цели и задачи прессы.

Утверждение и популяризация концепции областничества в казанской публичной сфере 1860-х годов связаны прежде всего с фигурой Афанасия Прокопьевича Щапова. Этот выдающийся историк-демократ оказал значительное влияние на публицистов-областников, в том числе на будущих руководителей «Камско-Волжской газеты», как казанских, так и сибирских (К.В. Лаврского, Г.Н. Потанина, Н.М. Ядринского). Кроме того, он и сам был не просто учёный, а учёный-публицист, публиковавшийся в столичных изданиях.

Можно с уверенностью говорить, что Афанасий Щапов в это время – самый читаемый в России казанский публицист. 16 апреля 1861 г. революционным кружком казанских студентов в Куртинской кладбищенской церкви г. Казани была устроена панихида по крестьянам села Бездна Спасского уезда

Казанской губернии (ныне – Антоновка), убитым во время крестьянских волнений (так называемая «Куртинская панихида»). На этой панихиде А.П. Щапов произнес свою знаменитую речь со словами: «Други, за народ убитые! Земля, которую вы возделывали, плодами которой питали нас, которую теперь желали приобрести в собственность и которая приняла вас мучениками в свои недра, — эта земля воззовет народ к восстанию и свободе... Да здравствует демократическая конституция!»³⁰¹.

Вскоре за эту речь он был арестован. В известном путевом очерке М.И. Семевского о Казани, опубликованном в 1862 году в «Отечественных записках», а само путешествие состоялось на излёте 1861, встречаем характерный эпизод: «На скамейке два студента с жаром толкуют о чём-то; прислушиваюсь – один рассказывает другому (видимо, вновь поступающему) о лекциях г. Щапова, любимого и талантливейшего бывшего профессора»³⁰².

Действительно, велика была популярность А.П. Щапова, и когда через 10 лет начиналась «Камско-Волжская газета», высылаемый, неблагонадёжный редактор К. В. Лаврский в письме своему товарищу, остающемуся официальным редактором Н.Я. Агафонову, объясняя направление газеты, которого следует держаться, ссылаясь прежде всего на Афанасия Щапова:

«...Я очень боюсь, что вы что-нибудь не так поймёте, недостаточно будете сочувствовать тому направлению, которое я вам берусь рекомендовать, и таким образом... не воспользуетесь счастливым стечением обстоятельств, открывающим возможность сделать «Камско-Волжскую газету» действительно органом, служащим определённой идее, провозвестником нового благотворного начала, которому в скором времени суждено сделаться господствующим в науке, литературе и общественной деятельности передовой интеллигенции. Эта идея – *областности, децентрализации*. Щапов ещё в 1861 году говорил в своей первой лекции: «Не с идеей государственности и централизации, но с

³⁰¹ Речь А.П.Щапова цитируется по изданию: Конец крепостничества в России (документы, письма, мемуары, статьи). М.: Изд-во МГУ, 1994. С. 328.

³⁰² Семевский М.И. От Твери до Астрахани. Волжские заметки// Отеч.зап. 1862, Т.145, № 11 – 12. С. 504.

идеей народности и областности вступаю я на кафедру русской истории». Но и 12 лет прошло, а этой идее не пришлось почти отразиться в жизни. Самое земство не восчувствовало её благотворного значения: заговорили о местных интересах, забывая об областных; взывают против централизации, но вовсе не разрабатывают вопросов децентрализации, заводят разные местные общества (например, общество естествоиспытателей), но у них местного только и есть, что названия; основывают местные издания, «органы интересов своего края», но не могут ни определить границы этого края, ни содержания его интересов»³⁰³.

Обратившись к щаповскому «областному началу», К. Лаврский критикует господствующие в то время в провинциальной литературе подходы, сужающие представления об области: «Край – оказывается чем-то воображаемым, вместо интересов края – являются на сцену интересы чистопольские, симбирские, саратовские, нижегородские – и какие притом интересы: не интеллигентские, а чуть-чуть не канцелярские: управские, думские, театральные. И что главное – все эти quasi-интересы, интересы второго, третьего и даже девятого сорта оказываются совершенно не связанными друг с другом: чистопольские сами по себе, симбирские сами по себе, казанские опять-таки сами по себе, и никакая общая мысль их не соединяет»³⁰⁴.

Конечно, в этих отрывках-размышлениях К. Лаврского о том, какой должна быть газета, чувствуется влияние идей А.П. Щапова, но раскрывается и самостоятельная мысль Константина Викторовича, работающая именно в приложении к идее газеты, его представления о роли и значении местной прессы. Есть, однако же, и пункты, по которым К. Лаврский расходится с А. Щаповым, но чтобы понять их, нужно хотя бы кратко перечислить основные концепты, выдвигаемые Афанасием Прокопьевичем.

³⁰³ См.: отдел рукописей и редких книг научной библиотеки им. Н. Лобачевского Казанского университета, фонд Агафонова, дело 213. Т.2. Л. 128-129.

³⁰⁴ Там же. Л. 129.

Щапов говорит о необходимости локализации истории в противовес апологии централизма (например, такой централистский взгляд мы встречаем у Б.Н. Чичерина, под влиянием работ которого находился и сам А.П. Щапов в 1856 – 1858 гг.). Целостная концепция местной истории у Афанасия Прокопьевича стала возможна лишь осенью 1858, после того как Щапов приступил к преподаванию в Духовной Академии курса русской гражданской истории. В ходе чтения этого курса и сложилась его оригинальная земская теория.

Итак, изучать нужно историю областей. Область или регион – территория, отличающаяся характерным направлением развития экономико-географических, социально-демографических, культурных и политических структур. Она может совпадать или не совпадать с государственным административным делением. Россия состоит из нескольких таких «областей», внутри каждой из которых наблюдаются свои, но общие для всей территории области закономерности.

«Категория «областности», по мнению Щапова, составляет основу периодизации истории. Являясь «коренным непреходящим началом жизни народа», она обусловила системообразующую специфику русской жизни «изнутри», через своё происхождение на историко-географической основе. Дифференцированность природных условий регионов России стала одним из источников территориального многообразия её истории»³⁰⁵.

Предметами анализа, по мнению А.П. Щапова, должны стать региональные особенности сознания, материальной и духовной культуры, политического и социального саморазвития. Он говорит также о влиянии экономических особенностей на развитие каждого региона. «Экономический быт, – указывал историк, – создавался естественным путём промысловой деятельности, сообразно с местными условиями: плотники – новгородцы, рыболовы и звероловы – поморы»³⁰⁶.

³⁰⁵ Цит. по: Смищенко Р.С. Демократический регионализм А.П. Щапова// Изв-я Алтайск. гос. ун-та, 1999. № 4. С. 32

³⁰⁶ Там же.

Первые публикации А. Щапова состоялись в «Православном собеседнике», но задолго до того, как этот журнал возглавит один из его любимых учеников П. Знаменский. Всё же отметим здесь: влияние А.П. Щапова распространилось не только на народническо-демократические издания («Камско-Волжская газета» и продолжатели этой линии: «Волжский вестник»; «Камско-Волжский край», «Волжско-Камская...», а затем – «Камско-Волжская речь»), но и (в особенности через П. Знаменского) - на казанскую церковную печать. Собственно же щаповские статьи рубежа 1850–1860-х годов выходили в «Православном собеседнике» при упоминавшемся выше о. Иоанне (Соколове).

В последний для Афанасия Прокопьевича преподавательский учебный год в Духовной Академии (1859/1860), по словам исследователя В. Боярченкова – «разноплановость и отсутствие систематичности характеризуют щаповский академический курс... Но наряду с этой кажущейся разбросанностью и бессистемностью обращает на себя внимание количество лекций, посвященных молодым бакалавром местным темам. Без преувеличения можно сказать, что местная история, особенно история областей, занимает стержневое положение в лекционном курсе Щапова... <лекции А.П. Щапова> – это были оригинальные тексты, которые ждали подготовки к печати и публикации. Но поскольку предмет этих текстов имел совсем мало общего с историей русской церкви, услуги почти домашнего «Православного собеседника» были теперь некстати. В 1860 г. Щапов отправил восемь своих очерков в Петербург в журнал «Русское слово»...»³⁰⁷.

Далее, как известно, начался самый короткий, но один из самых бурных этапов в творческой биографии А.П. Щапова – этап университетский. 17 сентября 1860 года Щапов избирается профессором кафедры русской истории в Казанском университете. 12 ноября 1860 г. его первая лекция студентам Ка-

³⁰⁷ Боярченков В.В. Историки-федералисты. Концепции местной истории в русской мысли 20 – 70-х годов XIX в. СПб.: Дмитрий Буланин, 2005. С.120.

занского университета началась словами: «Скажу наперёд: не с мыслью о государственности, не с идеей централизации, а с идеей народности и областности я вступаю на кафедру русской истории»³⁰⁸. Лекции, ставшие очень популярными, продолжались только полгода, затем – знаменитое выступление на «Куртинской панихиде», арест, отстранение от кафедры, переезд в Петербург. И именно в это время двери столичных журналов открываются Щапову.

В 1861 году в «Отечественных записках» появляется статья «Великорусские области и смутное время», впервые прозвучавшая как лекция в духовной академии, и исследование «Земство и раскол». В 1862 г. там же – «Земский собор 1648–1649 г. и собрание депутатов 1767 г.», также восходящие к академическим лекциям. В журнале «Век» в 1862 году статьи: «Земство», «Земские соборы XVII столетия. Собор 1642 г.»; «Городские мирские сходы»; «Сельский мир и мирские сходы»; «Русские самородки». В журнале «Время» – «Земство и раскол. Бегуны». В 1863 году вышли его «Исторические очерки народного миросозерцания и суеверия (Православного и старообрядческого)», «Заметки о самоуправлении», «Новая эра. На рубеже двух тысячелетий». Кроме того, Щаповым было написано публицистическое «Путешествие от Казани до Петербурга», до сих пор не отысканное исследователями, и ряд статей, не прошедших цензуру. Некоторые из них были опубликованы потом в ведомственном журнале Министерства народного просвещения, не предназначавшемся для широкой рассылки.

Три страницы своего фундаментального исследования посвящает В. Боярченков разбору такого свойства работ А. П. Щапова как публицистичность³⁰⁹ (С.132 – 134). «Разделение работ учёного на научные и публицистические может быть только более или менее условным», – считает учёный (С.134), постулируя «необходимость учитывать при анализе земской теории

³⁰⁸ Щапов А.П. Неизданные сочинения// Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Т. 33, выл. 2-3. Казань, 1926. С. 12.

³⁰⁹ Здесь и далее – цит. по изданию: Боярченков В.В. Историки-федералисты. Концепции местной истории в русской мысли 20 – 70-х годов XIX в. СПб.: Дмитрий Буланин, 2005. 256 с.

публицистическую природу щаповских текстов, посвящённых её разработке» (С. 132).

Были среди них тексты, которые и вовсе нельзя было считать научными. Это и дума «Гражданская грусть», и статья «С новым годом», и «Заметка о самоуправлении», и др. Но чаще всего наблюдается переплетение научного и публицистического начала. «О том, как близко соседствуют эти сферы в работах Щапова, дают представление такие типичные для них места: «Если я ошибаюсь в понимании современного значения исторического народного права, то прилипни язык мой к гортани моей». Или: «Клянусь, без солидного, основательного, жизненного понимания истории нашего народа, без исторического, историко-этнографического самосознания, – мы вдруг не создадим конституции полной, такой, которая бы обошлась без бунтов, унаровила бы всему народу, или, вернее, всем народам». Невозможно провести отчётливую грань, где в этих фразах заканчивается наука и где начинается публицистика» (Боярченков В. – С. 133).

А.П. Щапов таким образом актуализировал свои изыскания историка, рассматривал их в соотнесённости с сегодняшним днём, считая одним из результатов освободительного реформирования государственной системы в России, предпринятого Александром II, проявившуюся острую необходимость «пробудить провинциальную жизнь и местную самодеятельность»³¹⁰. Но и сама провинция демонстрировала уже эту готовность к пробуждению: «По крайней мере, отрадное явление представляют мало-помалу возникающие в нашей литературе сборники, которые могут служить пробуждению в провинциальных массах идеи политического самосознания и саморазвития в составе государственного союза»³¹¹.

³¹⁰ Щапов А.П. Великорусские области в Смутное время// Собр. соч. Т.1. СПб. 1906. С. 653.

³¹¹ Там же. С. 704.

Для А. П. Щапова характерно стремление рассматривать исторический процесс как органический. Главный субъект – весь народ области, все сословия, действующие как единый организм. «Народ – это многочисленный общественный организм, это – природа, живущая и развивающаяся по своим естественным законам»³¹². Народ в понимании Щапова тождествен земству, поэтому правильно называть его теорию земской. Он говорит о «земско-областной» или «особо-областной» форме народной жизни, как второй тенденции наряду с государственным централизмом, противопоставленной и сочетающейся с ним. В этом смысле появляющиеся университеты, новая интеллигенция – это такая искусственная надстройка, формируемая от имени государства на естественную народную жизнь.

И вот здесь – есть явный пункт расхождения между А. Щаповым и К. Лаврским и новым поколением областников, сплотившихся вокруг «Камско-Волжской газеты». Они говорят о важной, созидательной, творческой деятельности местной интеллигенции в познании и формировании областных интересов, нежели просто об органическом естественном историческом процессе всего народа области. Здесь интеллигенты – наиболее активные деятели, в задачу которых и входит обоснование и поддержание областной повестки.

В. Боярченков подчёркивает: «Ближайшие сотрудники «Камско-Волжской газеты», сибирские областники, считавшие себя продолжателями дела Щапова, не дольше его самого оставались приверженцами широких синтетических подходов к изучению исторической жизни. Согласно мнению Г.Н. Потанина, которое он высказал в 1876 г., «где нет местной умственной жизни, местной литературы, местного искусства, там нет и остатков замечательной старины и памятников народной жизни. У нас вся умственная жизнь сосредоточена в двух центрах, и иностранный путешественник, желающий видеть

³¹² См. статью Щапова «Областные земские собрания и советы», цит. по: Боярченков В.В. Указ. соч. С. 135-136.

произведения русского ума, может не ездить далее Петербурга, в глубь России, в провинции он может наблюдать только народную жизнь». Такое заключение «наоборот», когда из неприглядности современной провинциальной жизни выводится её бессодержательность в прошлом, и такая непреодолимая раздвоенность между умственной и народной жизнью более характерны для поздних, «послеземских» работ Щапова»³¹³. Также и по Н. Ядринцеву (второму сибирскому областнику в казанской газете). Если для Щапова и Костомарова (одного из пионеров регионалистики) категория «органичности» - одна из важнейших, то для Ядринцева 20 лет спустя (в 1882) – всего лишь метафора.

Характерно, что главным спором, возникшим при обсуждении «Камско-Волжской газеты» и последствий её закрытия, ядром знаменитой дискуссии о провинциальной печати, открывшейся после приснопамятной статьи Д. Мордовцева, стал именно спор о местной интеллигенции и журналистских кадрах провинции.

Противоречивые данные существуют относительно сотрудничества А. Щапова в «Камско-Волжской газете». С одной стороны, газета «Сибирь» утверждала, что он поместил там несколько статей под псевдонимом «дилетант», с другой – помещавший эти статьи в газету Н. Агафонов уверен, что автором их был Г.Н. Потанин. В первоначальных планах сборника «Первый шаг», вышедшего в 1876 году, запланировано было также участие А.П. Щапова, но в итоге среди авторов его не оказалось. Экземпляр, предназначавшийся для него и высланный в Иркутск, уже не застал Афанасия Прокопьевича в живых.

Многие представители нового поколения казанской журналистики, активно проявившего себя в 1870-е годы, имели связи с представителями российского революционно-демократического течения, левыми демократами и формировались в годы так называемой первой революционной ситуации в

³¹³ Боярченков В.В, Указ. соч. С. 242.

России (1861–1863). Выше мы уже упоминали о контактах с Н.Г. Чернышевским и Н.А. Добролюбовым у К.В. Лаврского, Н.В. Рейнгардта, Н.Я. Агафонов. В дальнейшем, поколения, сформированные в эти годы, составили лицо российской провинциальной журналистики не только в Казани, но и в других городах.

В.Г. Короленко в одном из мемуарных очерков писал об этом явлении: «Внимательный историк того глухого времени вообще и в частности историк областной печати должен будет отметить выдающееся значение для развития провинциальной печати российского "неблагонадежного" скитальца. Уже в недавнее время покойный кн. Н. В. Шаховской, объехавший много провинциальных городов для ознакомления с провинциальными органами печати, отмечал в своем докладе (оглашенном отчасти в газетах) то обстоятельство, что по составу сотрудников областная печать состоит больше чем наполовину из поднадзорных и вообще так называемых "неблагонадежных элементов".

И это повелось давно. Когда стремления "в народ" и мечты семидесятников о переустройстве общества наткнулись на некультурность и инертность масс с одной стороны и на ничем не сдержанный произвол с другой, то явилось стремление, во-первых, изучить народ, что повлекло за собой необыкновенный расцвет земской статистики, а во-вторых, воздействовать все-таки на жизнь в доступной степени и доступной форме.

А это повлекло за собой расцвет провинциальной прессы. Несмотря на все репрессии и на систематические преследования, провинциальная печать даже в эти годы тяжелого давления, навалившегося на все проявления общественной жизни, - росла, ширилась, привлекая живые силы и таланты, не находившие другого исхода. Сквозь все преграды, сквозь цензуру и административные стеснения всякого рода она прокладывала себе дорогу неудержимо и неуклонно, как не замерзшая вода под тяжелой ледяной корой.

"Неблагонадежный" опальный скиталец вносил в нее весь яд своего озлобления и всю идеологию своих задавленных мечтаний. Загнанная и бессильная земская оппозиция находила в ней естественного, хотя порой строптивного союзника, и сама крепла, а широкая городская демократия получала наглядные уроки партизанской борьбы за право с всевозможными угнетателями. И торжествующие "господа положения" нередко ощущали на себе жестокие удары этой задавленной и слабой печати»³¹⁴.

«Нигилистический» период в жизни российской молодёжи и студенчества нашел своё яркое выражение и в Казани, прежде всего, в университете. Исследователи говорят о рубеже 1850-1860-х годов как о новом периоде в истории казанского студенчества:

«Пятидесятые годы — начало новой эры в жизни Казанского студенчества. Дворянско-чиновничье студенчество теперь пополняется элементом разночинческим: поповичи, учителя низших школ, мещане, а с 60-х гг. и единицы из крестьян, постепенно проникают в Университет и к началу 60-х гг. делают его в значительной степени разночинческим, демократическим по преимуществу. Демократизация состава студенчества как нельзя более способствовала развитию в его среде демократической идеологии и демократизации бытовой обстановки. Студенчество организует кружки, библиотеки, кассу взаимопомощи, жадно читает передовые журналы и газеты, получает произведения печати революционной эмиграции; оно стоит в курсе общественно-политической жизни. Оно сразу выросло, возмужало; перестало быть только поднадзорным учеником недорослем, за которым начальство привыкло следить и в костюме, и в поведении, и в учении»³¹⁵.

³¹⁴ Короленко В.Г. Ангел Иванович Богданович. Черты из личных воспоминаний. — в кн.: Богданович Ангел Иванович (1860-1907). Годы перелома 1895-1906: Сб. крит. ст. со вступ. ст. Короленко, Куприна и Неведомского. СПб.: Мир божий, 1908. XXXVI, 458 с. С. XIV-XV.

³¹⁵ Васильева М.А. Песни казанского студенчества (1850-60-х гг.)//Из прошлого Казанского университета// Учёные записки Казанского гос. университета им. В.И. Ульянова-Ленина. Т. LXXXX. Кн.5. Казань, 1930. С.4-5.

Идеологический подтекст и одобрение действий студентов в оценке советского историка в приведённой цитате очевиден, а вот как о том же говорил современник событий, либеральный профессор Н.А. Фирсов: «Демонстрация студентов против попечителя учебного округа и инспектора студентов³¹⁶, имевшая такой исход, т.е. не только оставленная без всякого взыскания с виновных в ней, но и послужившая причиной увольнения потерпевших начальников, повлекла за собой важные последствия. В Казани и других городах Поволжья укореняется мнение, что студенты составляют силу, с которою надо считаться; среди студентов начало преобладать убеждение, что они составляют не только самостоятельный элемент в университете, т.е. что не только имеют право самостоятельно заведывать своими студенческими делами посредством сходок и депутатских собраний, которые с этого времени начинают беспрепятственно практиковаться, устраивать свои дела в стенах университета, заводить для себя кассы, читальни и прочее, но и элемент могущий влиять на ход вообще университетской жизни, вести особую свою университетскую политику»³¹⁷.

В 1880-е году на короткое время став исполняющим обязанности ректора, профессор Н. А. Фирсов (кстати, отметим, будущий первый редактор казанской газеты «Камско-Волжский край») сам столкнётся с крайностями студенческого самоуправления, те события доведут до слёз уважаемого профессора и заставят его подать в отставку. Позже они будут описаны в мемуарах бывшего попечителя казанского учебного округа, общественного деятеля либеральных взглядов Шестакова, который будет прямо ставить вопрос об ответственности казанской прессы в неправильной постановке студенческого самоуправления в университете.

³¹⁶ Имеется в виду демонстрация 1857 года в ответ на угрозы попечителя отправить студента Умнова в солдаты.

³¹⁷ Фирсов, Студенческие истории в Казанском университете в 1855—1863 годах, «Русск. Стар.», 1889, III, стр. 564.

П.Д. Шестаков вначале также обращается к теме первой сходки и её последствий: «Первая сходка достигла своей цели: виновные полицейские получили законное возмездие. Эта победа правды, добытая незаконным путём массового движения студенческих сходов, дорого стоила университетам. Сходка, давшая такие прекрасные результаты, получила в глазах студентов значение наилучшего лекарства от всяких университетских зол. Устроенная в первый раз для отражения насилия полиции над студентами, сходка скоро сделалась орудием насилия студентов над другими, и прежде всего, конечно, над теми лицами, кто ближе к ним – над профессорами, инспектором и его помощниками. Такое быстрое превращение студенческой сходки из оружия защиты от насилия в орудие насилия, и притом над теми, кто прежде пользовались уважением студентов, также наводит на подозрение, что чужая рука, устроившая первую сходку, продолжала радеть о росте студенческой силы, и под сильным злотворным влиянием этой руки, сила студентов всё росла и росла, как сказочная сила, враждебная русским богатырям, "всё росла и росла" на профессоров и науку, "всё с боем шла". Уступая натиску массы, с грустью видя, как изгоняются студентами из университета их товарищи, профессора становились к студентам всё снисходительнее и снисходительнее.

Дошло до того, что студенты стали звать на свой суд профессоров, требовать, чтобы они ставили хорошие отметки не только не отвечающим на экзамене, но даже иногда и не являющимся на испытание. Дошло до того, что сходки снисходительно терпелись ближайшим университетским начальством, от высшего же начальства эти домашние беспорядки тщательно скрывались»³¹⁸.

Об ответственности прессы в этом вопросе он говорит в следующем абзаце: «Университеты требуют самого внимательного ухода и правительства, и общества, и прессы. К сожалению, ни общество, ни пресса не относятся к ним

³¹⁸ Шестаков П.Д. О студенческих волнениях в Казани 1882 года // Русская старина. 1889. Кн. I С. 124-125.

достаточно бережно: или захваливают, или через меру порицают. А между тем - представительница цивилизации - пресса, вся без исключения, должна бы, для пользы университета и студентов, действовать успокоительно, отрезвляющим образом на учащуюся молодёжь, не позволяя себе нападать на существующие университетские порядки, напротив, внушая студентам уважение к их *alma mater* и постоянно напоминать им, что университеты существуют для распространения научных знаний, что студенты поступают в университеты для того, чтобы учиться, а не для критики профессоров и университетских порядков, что всякая политическая агитация должна быть чужда слушателям курсов высшего учебного заведения. Общий воспитывающий голос всей прессы не пройдёт без доброго влияния на учащуюся молодёжь. В последнее время существования устава 1863 года, обрушиваясь враждебно огулом на всех профессоров, некоторые органы прессы восхваляли студентов как зрелое *spes patriae*, видя в них даже большую зрелость, чем в старших руководителях. преждевременно объявляя университеты гарантированными от беспорядков. Факты показали, какова была ещё зрелость нашей университетской молодёжи в 1882 году»³¹⁹.

Здесь, однако, ещё не нужно забывать, что начиная с 1860-х годов наблюдается активный приток студентов (прежде всего – демократов) в журналистику, в том числе и в Казани выделяются лидеры из студенческой среды: «Борьба с правительством выдвинула из среды студенчества своих вождей и героев, выдвинула и своих борцов, своих певцов, которые то «вдохновляли бойцов для битвы», то клеймили позором презрения малодушных и изменников. Таковыми в указываемое нами время были Н. А. Демерт, А. С. Гациский, Карлин, И. Н. Умнов, «Мирный прогрессист» (псевдоним, который не можем

³¹⁹ Там же. С. 125.

раскрыть); ряд авторов остается неизвестным»³²⁰. Две фамилии из приведённых – знаковые: Н.А. Демерт, вскоре ставший обозревателем «Отечественных записок», и Александр Серафимович Гацкий, тогда студент Казанского университета, в будущем знаменитый нижегородский публицист и статистик, не порывавший связей с Казанью, активный участник казанской «Камско-Волжской газеты».

О нравственной атмосфере в среде казанского студенчества вспоминал Иван Александрович Худяков, бывший талантливым фольклористом, любимым учеником Буслаева, позже исключённый из университета за связи с революционным движением: «Атеистические и республиканские идеи начали очень сильно распространяться между студентами; брошюры Герцена и запрещенные статьи переписывались неумолимо, ходили по рукам и зачитывались до дыр... и я очень скоро сделался атеистом и приверженцем конституции». «Дух товарищества в Казани был развит сильнее, чем в Москве; студенты имели свою кассу, свою библиотеку и читальню, "которая была самым счастливым шагом для общего развития", отвлекая от трактиров и публичных домов и приучая к общественной мысли". "В читальне происходили сходки, сюда апеллировали исключённые по доносам и здесь встречали такую дружную поддержку, перед которой сдавалось начальство"»³²¹.

Студенческая нигилистическая среда формировала не только плеяду будущих журналистов, но и явила свою литературу, прежде всего выразившуюся в своеобразном студенческом фольклоре, проникнутых оппозиционным духом стихах и песнях.

Рассматривать подпольные стихи и песни демократов-народников 1860-1870-х годов, в том числе студенческие, в контексте процессов истории журналистики – достаточно новая тенденция в нашей науке, тем не менее, такие

³²⁰ Васильева М.А. Песни казанского студенчества (1850-60-х гг.)//Из прошлого Казанского университета// Учёные записки Казанского. Гос. Университета им. В.И. Ульянова-Ленина. Т. LXXXX. Кн.5. Казань, 1930. С. 5.

³²¹ Цит. по: А-въ. <Адрианов А. В.> Славный сибиряк Иван Александрович Худяков. СПб.: типогр. Альшутера, 1911. С.15-16.

работы уже появляются. Из последних по времени отметим статью А.А. Холикова и В.Г Хрусловой «Поэзия революционного народничества. От эдиционной практики к изучению форм взаимодействия литературы и журналистики»³²².

В аннотации к работе поясняется: «Исследование посвящено рассмотрению поэзии революционного народничества в контексте изучения форм взаимодействия литературы и журналистики в переходные эпохи. В этой связи и с учетом смежных вопросов (дилетантизма и профессионализма в искусстве, социально-политических практик русских писателей и т.д.) анализируется исторический опыт «Библиотеки поэта» по изданию стихотворений революционеров-народников: от первых коллективных сборников до антологии «Поэзия революционного народничества» (2019), подготовленной в конце 1980-х годов, но тогда не вышедшей. Обсуждается актуальность поэтического творчества революционеров-народников как в советских, так и в нынешних социально-политических условиях; его эстетическая ценность; диффузность хронологических границ и многогранность взаимоотношений с эпохой Серебряного века. Обзор разных подходов к решению композиционных и текстологических задач составителями подобных книг позволил актуализировать проблему росписей журнально-газетной периодики и обозначить перспективу расширения источниковедческой базы современных исследований»³²³.

Именно поэтические жанры вышли на авансцену подпольной литературы 1860-х годов, в том числе и в Казани. Подпольную печать и литературу 1850-1860-х гг. нужно рассматривать как особое явление в истории русской литературы и журналистики. Ещё с переезда Герцена в Лондон и открытия вольной русской типографии там (1853), делаются им сотоварищи (прежде всего, с Огарёвым) попытки обосновать, оформить наличие особой «подпольной русской литературы» как некоего литературно-общественного феномена.

³²² Холиков А.А., Хрулова В.Г. Поэзия революционного народничества. От эдиционной практики к изучению форм взаимодействия литературы и журналистики. Вопросы литературы. 2021;(3):178-209.

³²³ Указ. соч. С.178.

Герцен и его единомышленники не просто стали публиковать произведения, которые не могли по цензурным соображениям увидеть свет в России, но они именно стали конструировать, оформлять наличие «подпольной русской литературы» как явления. Их задачей было убедить своих читателей, что есть не просто отдельные авторы, а уже целое независимое течение, поток – русская подпольная литература.

И вот в этом провозглашении, конструировании лондонскими изгнанниками наличия «подпольной литературы» - большую роль сыграла именно поэзия. В 1861 группа Герцена издаёт книгу с громким названием: «Русская потаённая литература XIX столетия», первый том которой полностью состоит из стихов. Вот весьма показательные объяснения Н.П. Огарёва, автора предисловия к сборнику, друга и ближайшего соратника Герцена. Мы подробно раскроем лишь два, важных в контексте нашей работы тезиса.

1. Провозглашение наличия «потаённой литературы» как самостоятельного явления и определение её значения: «Наступило время пополнить литературу цензурированную литературой потаённой, представить современникам и сохранить для потомства ту общественную мысль, которая прокладывала себе дорогу, как гамлетовский подземный крот, и являлась нежданно то тут, то там, постоянно напоминая о своем присутствии и призывая к делу. В подземной литературе отыщется та живая струя, которая давала направление и всей белодневной, правительством терпимой литературе, так что только в их совокупности ясным следом начертится историческое движение русской мысли и русских стремлений»³²⁴.

2. Почему начали со стихов: «Конечно, в задачу должен бы входить не только стихотворный отдел, но и проза. Но прозу собрать гораздо труднее, чем кажется. Она разбросана в мемуарах и частных письмах, известных только не-

³²⁴ Русская потаённая литература XIX столетия. Отд. I. Стихотворения. Ч. 1. С предисловием Н. Огарёва. Лондон: Trübner & Co; Paternoster Row, E.C., 1861. С. IV.

многим и тщательней скрываемых, чем стихи, из боязни слишком определенно подвернуться под долгую лапу жандарма. Проза научная, не доступная пониманию цензора, вероятно, представляет немного пропусков, и потому рукописи редко сохранялись; отдел повестей, не пропущенных, цензурой, также не может быть обширен, но записки и письма... дело великое»³²⁵.

Итак – стихи: доступный источник, легче проскальзывающий сквозь "долгую лапу жандармов" – стали первым источником, позволившим лондонским политическим эмигрантам оформить, придать реальные очертание, закрепить в публичном поле наличие т.н. "потаённой литературы".

В этом смысле, подпольные стихи казанского студенчества стали частью общероссийского тренда оформляющейся в том числе силами политической эмиграции русской «потаённой литературы». Главнейшие работы по теме казанской революционной поэзии: сборник А.П. Аристова «Песни Казанских студентов» (СПб. 1912), и статья М.А. Васильевой «Песни казанского студенчества (1850-1860 гг.)» (в сборнике «Из Прошлого Казанского университета». Казань. 1930).

Студенческое движение Казани 1850-1860-х годов нашло также отражение в ряде художественных текстов того времени: например, в романах П.Д. Боборыкина «В путь дорогу» и «Дельцы», и в повести Фелонова «Перед зарёй» (См.: «Отечественные записки», 1873, № 7,8). Боборыкин изображает Казанское дворянское студенчество начала 50-х гг., а Фелонов — Казанское разночинное студенчество конца 50-х и начала 60-х гг.

П.И. Фелонов (псевдоним: Еф—е—ель—о—эн—о—ве—ь) – один из активных авторов «Камско-Волжской газеты» (1872-1874), его драмой «Без вины виноватые» открывался сборник «Первый шаг» (1876), выпущенный тем же кругом публицистов по закрытию газеты. До публикации эту драму уже поставил Казанский театр. Театр выступил как бы с поддержкой публицистике

³²⁵ Там же. С. IV-V.

в этом случае. Что дало повод Г. Потанину на такие размышления в его письме к А. Гацискому:

«Мы получили письмо из Казани с известием об успехе драмы Фелонова и с известиями о сборнике. <...> Если бы мне удалось еще уговорить П. А. Пономарева написать заметку о театре по поводу драмы Фелонова, тогда бы провинциальный вопрос о казанском сборнике был бы представлен необыкновенно полно. Театр, как и университет, должен стать областным учреждением, а не колонией столицы в провинции, как это теперь. Он должен быть наполнен актерами, уроженцами края, он должен давать в изобилии пьесы, рисующие местную жизнь, написанные местными авторами. Антрепренер должен быть местным патриотом»³²⁶.

«Театр и журналистика становятся достоянием антрепренеров, большей частью движимых интересом наживы. Так, антрепренер по большей части не имеет ничего общего с областью; он не согласится в ущерб себе ставить пьесы, которые имели бы, однако, значение для развития местного театра, создания местного репертуара и, главное — пробуждения области в общественном отношении. Поэтому хвала казанскому театру, что он не погнушался поставить Фелоновскую драму. Но тут он хорошо сам предвидел хороший сбор. Надо бы было, чтобы антрепренеры имели в виду не одни сборы, но и поднятие драматической литературы в провинции. А для этого нужно, чтобы антрепренер был местным патриотом. В этом смысле, мне кажется, нужно иметь и статьи о театре. Только тогда, когда весь драматический персонал от автора до статиста будет чувствовать свое родство с местной публикой и сознавать, что его связывает с краем не денежное отношение, а отношения более интимные, тогда театр будет составлять гордость своей области»³²⁷.

Здесь мы видим ещё один весьма характерный пример утверждения областнических начал, средствами для которого по мысли его идеологов могут

³²⁶ Потанин Г.Н. Избранные произведения в 3-х тт. Т.3. Иркутск, 1989.С.21.

³²⁷ Там же.

быть и периодическая печать, и университетские кафедры, и театр. Областная группировка – самая влиятельная в новой плеяде казанских публицистов 1870-х годов (основные фамилии – К.В. Лаврский, Н.Я. Агафонов, П.А. Пономарёв, частично – Н.П. Загоскин, их единомышленники из других регионов, соратники по «Камско-Волжской газете»: Г.Н. Потанин, Н.М. Ядринцев («сибирская фракция»), нижегородский публицист А.С. Гациский и другие).

Но вообще, на рубеже десятилетий формируется новое поколение казанских журналистов, и, пожалуй, первое, осознающее себя таковым, до этого разве только главные редактора газет, да и то не всегда, ощущали себя журналистами, при этом журналистика и для них зачастую не была основным прищом их деятельности.

Из представителей других (не областных) течений, выдвинувшихся на рубеже 1860-1870-х годов, важно назвать умеренного либерала С.М. Шпилевского, редактора первой частной газеты города «Справочный листок города Казани» (просуществовавший один год, 1867) и либерал-демократа, литературного обозревателя «Казанского биржевого листка» (второй частной газеты) П.П. Васильева.

О П.П. Васильеве так высказывался его современник и товарищ по ряду изданий Н.Я. Агафонов: «<...>маленький муравейник казанских писателей. Между ними главным коноводом, и, так сказать, литературным старостой, как Погодин в Москве, был незабвенный Пётр Петрович Васильев. Мелкие и многочисленные статьи его и заметки в печати подписывались им в большинстве случаев псевдонимами: П. Библиографъ или просто П.-львь. Они были самого разнообразнейшего характера и содержания, и ежели все их собрать в один том, то получится довольно объёмистая «энциклопедия». Чего-чего в них не было: писал покойный рецензии на вновь выходившие в Казани книги и брошюры, разбирал и компилировал популярные книги по ботанике, технологии и даже медицине; писал статьи по местной этнографии и истории, приурочивая их к какому-нибудь летописному событию, имевшему место в здешнем

крае. Посылал из Казани массу корреспонденций, большую часть обличительных в столичные газеты, печатал даже критические статьи о своих собственных литературных произведениях, как это стало известным из оставшихся после его смерти бумаг. Одним словом, Васильев был у нас в Казани неутомимым и неустанным зоилом своего времени»³²⁸.

Именно П. Васильев в 1865 году в «Книжном вестнике» пишет статьи, критикующие положение дел в казанской журналистике и печати. А в 1867 году, через три года после выхода первой критической статьи, П. Васильев пробует уже сам придать новый импульс идее оживления казанской книжно-журнальной деятельности и основывает своё профессиональное периодическое издание под названием «Казанское книжное дело». Но, увы, уже второй его выпуск оказался запрещён цензурой, успел выйти только первый выпуск. «Казанское книжное дело» – должен был стать профессиональным изданием о состоянии книгоиздательского дела и журналистики (периодических изданий) в Казани. Этот журнал, по сути, стал местом журналистского дебюта упомянутого Н.Я. Агафонова, будущего редактора «Камско-Волжской газеты», а также, короткое время, «Казанского биржевого листка», где до этого он был секретарём редакции (самая первая статья Н. Агафонова «Некролог казанского книгопродавца А.Г. Мясникова» была опубликована в «Казанских губернских ведомостях» 21 июня 1863 года). Николай Яковлевич написал в первый выпуск «Казанского книжного дела» статью под названием «Очерк книгопродавческой деятельности в Казани», именно с этого времени участие Н. Агафонова в журналистике стало постоянным (с 1867 он сотрудник «Справочного листка Казани», с 1868 по начало 1870-х – «Казанского биржевого листка», далее – «Камско-Волжской газеты»).

³²⁸ Агафонов Н.Я. Из Казанской истории. Казань: лито-типогр.И.Н.Харитонова, 1906. С. 19-20.

По общему уровню статьи другого казанского журналиста, местного корреспондента ряда столичных изданий С. Черепанова уступали Васильевским, местами ударялся он в мелкотемье, городские сенсации и анекдоты, тем не менее, по общей своей активности был он не менее продуктивен. При этом писательство его формировалось в Сибири, под влиянием встреч со ссыльными декабристами (псевдоним Черепанова – «Сибирский казак»), и иногда он пытался разрабатывать и весьма острые темы, при этом немало претерпевая от цензуры.

Заканчивая своё «Обозрение корреспонденции из Казани в русских газетах и журналах за 1866 год», всё тот же Н. Я. Агафонов пишет: «Из номера 59 «Русских ведомостей» видно, что все корреспонденции этой газеты из Казани принадлежат перу С.И. Черепанова»³²⁹.

Агафонов особое значение придаёт именно корреспонденциям из «Русских ведомостей». В Казани в 1866 году по-прежнему ещё нет своей частной газеты, кроме официальных «губернских ведомостей», которые, как мы помним, в середине 1860-х годов под руководством Н. Вячеслава превратились в блеклый, почти что сугубо справочный орган. На этом фоне роль казанских статей Черепанова в «Русских ведомостях» особенно велика: «Большая часть этих корреспонденций, особенно из «Русских ведомостей», перепечатана во всех столичных газетах, что доказывает несомненный их интерес»³³⁰.

В биографическом справочнике всех журналистов «Русских ведомостей», изданный в 1913 году, к 50-летию газеты находим о Черепанове: «Он был родом казак из Сибири, (поэтому многие его статьи подписаны псевдонимом «Сибирский казак»), служил сперва на военной службе, потом перешёл на гражданскую. Некоторое время он был бухгалтером казанского губернского по крестьянским делам присутствия и посылал из Казани корреспонден-

³²⁹ Агафонов Н.Я. Обозрение корреспонденции из Казани в русских газетах и журналах за 1866 год. Казань: типогр. Каз. ун-та, 1867. С.30.

³³⁰ Там же.

пии в «Русские ведомости». Он был первым казанским корреспондентом «Русских ведомостей» и сотрудником газеты с первого года её существования. Продолжалось его сотрудничество несколько лет»³³¹.

В дневниковой записи Черепанова от 17 января 1866 года встречаем такое замечание: «В течение последних четырех лет я корреспондировал из Казани в четыре газеты и мог бы смело сказать, что письма мои составляют полную казанскую летопись, если бы редакции не делали в них значительных пропусков...»³³².

Исследовавший записные книжки С.И. Черепанова³³³ известный казанский учёный-библиофил советского времени В.В. Аристов особенно выделяет «написанный 31 мая 1861 года репортаж о поездке в село Бездну, где незадолго до этого были зверски подавлены крестьянские волнения <...> Черепанов не только посещает Бездну. В уездном городке Спаске ему удалось разыскать в больнице 20 раненых при усмирении бунта крестьян и побеседовать с ними, участниками недавних событий... Конечно, правдивый, безыскусный рассказ о событиях в Бездне не появился на страницах российских газет: цензура не дремала. И хорошо, что мы можем прочесть его сегодня: ведь Черепанов — один из первых журналистов, побывавших непосредственно на месте трагического события...»³³⁴.

На излёте 1860-х годов в Казани, наконец, появляются первые частные газеты. Первая из них – «Справочный листок города Казани» (1867) – просуществовала всего лишь год. Вторая «Казанский биржевой листок» – выходила почти 25 лет (с 1868 по 1892), но за это время не раз претерпевала трансформацию.

³³¹ Сотрудники "Русских ведомостей", 1863-1913. [Москва : Б. и., 1913]. С.192.

³³² Цит. по: Аристов В.В. Сибирский казак Семён Черепанов. – в кн.: Аристов В.В. Подарок декабриста: (По страницам неизвестных рукописей и забытых книг). Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1970. С.90.

³³³ Записные книжки С.И. Черепанова имели названия: «Выборки из корреспонденций 1860 — 1868 годов» и «Черепки. Выписки, заметки, ссылки и анекдоты».

³³⁴ Аристов В.В. Сибирский казак Семён Черепанов. С. 90; 91.

«Справочный листок» начинался не совсем как частный проект. Вот как вспоминал об этом редактор С.М. Шпилевский: «В конце 1865 г. один из представителей местной администрации задумал издание «Справочного Листка» и обратился к некоторым членам ученой университетской корпорации, но виновник начала этого дела вскоре после получения нами права издавать газету оставил Казань. Начало издания «Листка» приостановилось, но в конце 1866 г. другое лицо предложило нам денежную поддержку нашего издания, и мы начали свое дело с 1 января 1867 г.»³³⁵.

Газета позиционировала себя как городская, тесно взаимодействовала с властями на всех уровнях, освещала хозяйственные вопросы, публиковались здесь и этнографические статьи (один из постоянных авторов – этнограф, исследователь быта чуваш В.К. Магницкий), вообще – тема инородцев и устройства их жизни – одна из ключевых в газете, которую выбрали в качестве своей трибуны миссионеры-реформаторы (группа Н. Ильминского – В. Золотницкого).

Газета также преобрела известность своими полемиками, бои оппонентов по самым разным вопросам растягивались на несколько номеров. Очень часто в «Справочном листке» публиковались ответные открытые письма, на уже напечатанные материалы, и потом – ответы на эти ответы. Видно, что самому редактору С. Шпилевскому нравились такие газетные схватки, и он их всячески поощрял на страницах издания.

«Казанский биржевой листок» – вторая частная газета – начинался как газета промышленных кругов. В дальнейшем, в конце 1870-х начал становиться демократической газетой, приближаясь по направлению к закрытой к тому времени «Камско-Волжской газете», затем – издание захватили тенденции коммерциализации, она стала ориентироваться на городских обывателей,

³³⁵ <Шпилевский С.М.> От редакции// Справочный листок г.Казани. 1867. № 146 от 31 дек.

сделалась массовым универсальным изданием, лидером казанского рекламного рынка. Но в 1860-е годы – это промышленная, торговая и коммерческая газета, ведущаяся довольно строго и взвешенно.

Издание начинал вести А.К. Чугунов, ученик М.Я. Киттары, его преемник на посту редактора «Записок Императорского Казанского Экономического общества». Совершенно справедливы слова Н.П. Загоскина: «Казанская деятельность профессора Киттары имела весьма крупное влияние на постановку фабрично-заводской промышленности в местном крае и создала в университете целую школу молодых технологов – учеников его»³³⁶. Тут уже вычерчиваются контуры той среды, того сообщества, которое породило «Казанский Биржевой листок». Основным в России производителем стеарина – стал завод братьев Крестовниковых, именно братья Крестовниковы стали инициаторами появления газеты, а её редактором стал упомянутый Андрей Кириллович Чугунов, один из молодых технологов школы Киттары. Позже Чугунов войдёт в техническую комиссию стеаринового завода бр. Крестовниковых.

«Каждое производство будет закончено расчётом барыша, как основной причины производства»³³⁷, – писал профессор Киттары в программе преподавания. Расчёт получаемой прибыли Модест Яковлевич учил делать студентов в течение всего двухгодичного курса технологии.

Наукоёмкое производство плюс бизнес – вот основа идеологии не только ученика М.Я. Киттары Андрея Кирилловича Чугунова и заводчиков, братьев Крестовниковых, но и созданной ими газеты. «Мы, братья, имели большое влияние на общественную жизнь города, – пишет Николай Крестовников в своих воспоминаниях, – мы были инициаторами учреждений: купеческого клуба, казанской биржи, общества взаимной помощи приказчиков, первой частной газеты под названием «Казанский биржевой листок» под редакцией

³³⁶ Биографический словарь профессоров и преподавателей императорского Казанского университета. Под ред. Н.П.Загоскина. Ч.1. Казань, 1904. С.351.

³³⁷ НА РТ, ф.977, оп.юр.ф., д.311, л.57. См. также: Рысаева Г.Р. М. Я. Киттары. У истоков инженерно-технологического образования на Востоке Российской империи//Ученые записки Казанской государственной академии ветеринарной медицины им. Н.Э. Баумана. Казань, 2016. Т. 226. № 2. С. 130.

профессора А.К. Чугунова. В этом листке я проводил свои мысли о нуждах промышленности, о жизни города»³³⁸.

О взглядах А.К.Чугунова пишет также А.А.Уткин в статье «Вопросы экономического развития России середины XIX века в творчестве профессора А. К. Чугунова»³³⁹.

Воспользуемся его тезисами:

1. А.К. Чугунов выступал сторонником «солидарности и полноправности в общественной жизни и экономических отношениях» всех слоев населения.
2. А.К. Чугунов являлся сторонником свободного труда простых земледельцев, выступая за наделение крестьян правом владеть землей. Он считал необходимым удаление «юридических препятствий касательно лица и имущества в земледельческом сословии»
3. Существенной помехой развитию отечественной индустрии А.К. Чугунов считал ограниченность кругозора российских промышленников, стремление работать по старинке, «неохота и неумение взяться за что-либо новое, хотя и не Бог-весть сколь мудреное»
4. Призывая отечественных промышленников по возможности пользоваться отечественным сырьем, А.К. Чугунов выступал за рациональное использование имеющихся природных богатств. Говоря об условиях вывоза леса, он с горечью замечал: «Мы не умеем еще пользоваться, как следует, нашими естественными богатствами, которые могли бы озолотить любую более промышленную нацию. Мы не знаем еще настоящей цены лесу и поэтому не продаем его, как добрые коммерсанты, а так сказать ликвидируем наше лесное имущество на пользу и разживу заграничных лесопромышленников»³⁴⁰.

³³⁸ Цит. по: Наследие братьев Крестовниковых: полуторавековые традиции качества// Казанские истории. 26.02.2017 [Эл. ресурс]. URL.: <https://history-kazan.ru/kazan-vchera-segodnya-zavtra/istoriya-v-litsakh/zhzl-kazanskaya-seriya/16867-nasledie-bratev-krestovnikovyx-polutoravekovye-traditsii-kachestva>. Режим доступа – свободный. 02.04.2022.

³³⁹ Уткин А.А. Вопросы экономического развития России середины XIX века в творчестве профессора А. К. Чугунова//Социально-гуманитарные науки: Humanities and Social Sciences: N. 5 (53). Красноярск, 2014. С. 32-37.

³⁴⁰ Там же. С. 33-34.

Можно по этим пунктам вполне представить себе программу буржуазно-либерального (иногда с демократическим уклоном) издания Казани второй половины XIX века «Казанский биржевой листок».

Известен отзыв о «Казанском биржевом листке» А.К. Чугунова писателя и журналиста Н.С. Лескова из возобновлённой³⁴¹ «Северной пчелы». В статье от 7 января 1869 года он пишет: «Вообще наши провинциальные органы, как казенные, так и частные, за немногими исключениями отличаются совершенным непониманием своего положения. Если они не ограничиваются только печатанием казенных объявлений (а таких большинство), то ударяются в другую крайность, именно в иностранную политику и перепечатку известий из столичных газет. Какой смысл имеет то и другое в провинциальной газете?..

Всякая местная газета должна не только преимущественно, но исключительно разрабатывать свои местные интересы, если она не желает быть лишним наростом, ни на что не пригодным. Гоняясь за вопросами общегосударственными или всемирными, как это делают многие провинциальные издания, и совершенно упуская из виду свое прямое назначение, такая газета становится не только лишнею, но даже вредною. Какому калужанину, или москвичу, или саратовцу интересно знать, что думает о восточном вопросе редактор или сотрудник каких-нибудь «Подольских» или «Ковенских ведомостей»? Между тем те же калужане, москвичи и саратовцы с большим бы интересом прочли, что делается в Подольской или Ковенской губернии.

Единственное отрадное исключение представляет в этом отношении «Казанский биржевой листок», начавший появляться в конце прошлого года, под редакциею г. А. Чугунова. Этот листок издается чрезвычайно опрятно, даже изящно, и в первых выпусках своих выказал полное понимание своей почтенной задачи. В нем помещаются торговые и биржевые депеши из Петер-

³⁴¹ Оригинальное издание Н. Греча и Ф. Булгарина прекратило существование в 1864 году, с января 1869 газета была возобновлена А.В. Старчевским, но просуществовала всего несколько месяцев. Н.С. Лесков один из авторов, публиковавшихся и в I и во II «Северной пчеле».

бурга, цены местных продуктов, цены товаров разных местностей России, сведения о местных событиях, статьи по разным отраслям промышленности и другие известия. Все это просто, без аффектации, без излишних прибавлений»³⁴².

Итак, подытожим, фактически, к концу 1860-х годов прошло полное переформатирование казанской системы печати, сама эпоха шестидесятых годов может считаться переходной между губернской и частной журналистикой в Казани.

Были выявлены следующие предпосылки, приведшие к трансформации местной прессы:

1. Административное реформирование губернии, Казань становится столицей военного и судебного округов, оставаясь также столицей учебного округа. Изменяется статус губернатора, появляются новые общественные площадки, например, публичные суды присяжных. Среди реформ, влияющих на развитие и общее состояние казанского общества назовём также новый университетский устав 1863 года, Земскую реформу 1864 году, Временные правила о печати 1865 года. Все эти процессы переформатировали местное общество, создав предпосылки к появлению новой печати.
2. Кризис и упадок губернской прессы в Казани после 1862 года
3. В это же время: кризис и упадок (после взлёта начала 1850-х) местной отраслевой и специализированной журналистики, наследовавшей традициям журналистики университетского периода.
4. Политизация студенческого движения на рубеже 1850-1860-х годов. Из среды которого позже выйдет целая плеяда будущих казанских журналистов, вообще: приход в журналистику политически мотивированной молодёжи, зарождение феномена «потаённой литературы».

³⁴² <Лесков Н.С.> С.-Петербург. 7 января// Северная пчела, 1869, № 2.

5. Формирование в начале 1860-х годов областнической концепции истории (в Казани – под влиянием А.П. Щапова), в будущем лёгшей в основу журналистской концепции «Камско-Волжской газеты» (1872-1874) и её последователей.
6. Постепенное формирование нового поколения казанских журналистов: умеренные либералы, либерал-демократы: С.М. Шпилевский, П.П. Васильев, С.И. Черепанов. Демократы, народники, областники: К.В. Лавровский, Н.Я. Агафонов, П.А. Пономарёв, Н.А. Демерт и др.
7. Появление первых частных газет, афелированных либо с местной администрацией («Справочный листок города Казани»), либо с промышленными кругами «Казанский биржевой листок». В нише отраслевых изданий на рубеже 1860-1870-х годов появляются «Дневник Казанского общества врачей» и «Казанский книжный вестник» (вышел один номер).

4. 3. Казанская журналистика 1870-х гг.: формирование областнического проекта

Главным событием истории казанской журналистики 1870-х годов стало явление «Камско-Волжской газеты» (1872-1874). И в общероссийской истории провинциальной прессы это издание, которое некоторые исследователи называли «поволжским феноменом» сыграло важную роль. Именно её закрытие катализировало споры о том, какой характер имеет и должна иметь в России журналистика провинций и областей, самым знаменитым эпизодом которых стала пресловутая статья Д.С. Мордовцева, заявившего, что журналистика в провинции слаба и не нужна, а необходимо самые талантливые кадры журналистов регионов перевести в столицы. Дискуссии о судьбе «Камско-Волжской газеты» вызвали глубокие теоретические рассуждения о провинциальной журналистике активных участников и идеологов этой газеты, сибирских областников Г.Н. Потанина и Н.М. Ядринцева.

В Казани с газетой, просуществовавшей в реальности всего два года, связано оформление группы публицистов, сторонников так называемого «волжского областничества»³⁴³. Областнический модус и традиции, заложенные «Камско-Волжской газетой» оказывали важнейшее влияние на дальнейший процесс развития журналистики в крае. Можно говорить о том, что именно с «Камско-Волжской газетой» окончательно оформились и нашли своё выражение те новые веяния, которые трансформировали всю систему казанской периодической печати.

Конечно, лицо газеты складывалось не сразу, лишь ближе к концу своей недолгой истории оно оформилось вполне, и тот же упомянутый Н.М. Ядринцев в письмах к Г.Н. Потанину подвергал издание (особенно ранние его номера) резкой критике. Можно, пожалуй, говорить о том, что ещё большую роль, чем сама газета сыграли последствия, вызванные окончанием её дискуссии и дальнейшие попытки её развития. Но всё-таки само существование газеты в последний период стало знаковым моментом не только для казанской, но и вообще для всей российской провинциальной журналистики.

В общих справочниках об издании можно прочитать следующее: «"Камско-Волжская Газета" с политическим и литературным отделом — орган Поволжья и Востока, выходила в г. Казани с 4 января 1872 г. по 25 янв. 1874 г.

³⁴³ В очерке М. Худякова о Петре Алексеевиче Пономарёве, одном из активных участников «Камско-Волжской газеты», написанном в 1920-е годы (см.: Худяков М.Г. Петр Алексеевич Пономарев // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. 1920. Т. 30, вып. 3. С. 245–260) читаем: «Пётр Алексеевич тесно входил в кружок казанских народников, во главе которых стояли К. В. Лаврский, Н. П. Загоскин, Н. Я. Агафонов и Г. И. Потанин. Этот кружок пользовался в 1870-х годах репутацией сторонников волжского областничества». (С.254). «Группе этих народников Казань обязана большим культурным делом — возникновением частной периодической прессы, а также изданием первых литературных сборников, составленных из произведений местных авторов. В 1872 году кружком было начато издание в Казани „Камско-Волжской Газеты“. ... Влияние этой газеты далеко выступало за пределы Казанской губернии: отличаясь прогрессивным направлением и сумев сплотить вокруг себя все лучшие силы Поволжья. „Камско-Волжская Газета" являлась, несомненно, лучшим, в то время провинциальным органом. К сожалению, она была вскоре закрыта (1874 г.). Тогда усилия местных народников переносятся на издание литературных сборников. В 1876 г. издается „Первый шаг“, в 1877 г. — „Литературные блины“; в обоих имеются статьи Петра Алексеевича. Позднее он принимает главное участие в издании „Сборника для голодающих" и „Голодным на хлеб"» (С. 255). Далее перечисляются и другие издания, в которых продолжал печататься П.А. Пономарёв. В целом, важно здесь: постулируется наличие группы, даётся их обозначение: «казанские народники» или «сторонники волжского областничества», перечисляются основные издания, которые, как мы видим, не ограничиваются только «Камско-волжской газетой», выпускавшейся менее двух лет, а охватывают всё протяжении семидесятих годов.

(№№ 1-11), два раза, а затем три раза в неделю, под редакцией Н. Я. Агафонов. На первых же порах газета заняла выдающееся положение среди провинциальной периодической прессы, выступив с протестом против "раболепства" перед "столицей", заговорив о децентрализации, о самостоятельном развитии областной жизни на основе бытовых, естественно-исторических и исторических особенностей. Главным деятелем газеты был К. В. Лаврский; участвовали в ней А. С. Гациский, Г. Н. Потанин, Н. М. Ядринцев, профессора Казанского университета Н. Н. Булич, С. М. Шпилевский, Д. А. Корсаков, Н. В. Сорокин, И. П. Скворцов и др. Несмотря на хороший подбор литературных и научных сил и на большой нравственный успех, газета только на третий год своего издания могла рассчитывать на безубыточное существование. В конце января 1874 г. цензурирование газеты перенесено было в Москву, что было равносильно совершенному ее прекращению. Ходатайства редактора о дозволении перенести редакцию в Москву остались безуспешны, и газета должна была прекратить свое существование»³⁴⁴. Тираж «Камско-Волжской газеты» немногим превышал 800 экземпляров.

Практически все авторы газеты выступали под псевдонимами. Из сотрудников «Камско-Волжской газеты» назовём К.В. Лаврского, Н.Я. Агафонов, Г.Н. Потанина, Н.М. Ядринцева, А.С. Гациского, П.А. Пономарева (псевдоним – «всё тот же»), М.А. Рылова («туземец»), В.И. Малинина («паломник»), М.М. Владимирова («американец», он автор нашемуевшей в своё время книги «Русский среди американцев: мои личные впечатления как токаря, чернорабочего, плотника и путешественника: 1872-1876»), П.И. Фелонова (Еф—е—ель—о—эн—о—ве—ъ), П.Я. Оптовцова, Д. Халтурина, В. Португалова, В. Журавского, Аделаиду Баркову (она составляла телеграммы для газеты), Андрея Нестерова, Георгия Катанаева (псевдоним: «Жорж Бай», в 1918 г. – после

³⁴⁴ Энциклопедический словарь. Издатели: Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. Т. XIV. Калака – Кардамь. СПб.: типогр. И.А. Ефрона, 1895. С.222.

свержения Советской власти в Сибири – Катанаев становится редактором ежедневной войсковой газеты «Иртыш», членом Военного совета при Верховном правителе России Колчаке) и др.

Из сотрудников, руководителей редакции наиболее заметны условно называемая «казанская фракция»: редакторы газеты Н.Я. Агафонов и К.В. Лаврский (к этой же группе отнесём и ближайших сотрудников издания, нижегородца, волжанина, выпускника Казанского университета А.С. Гациского, симбирского сотрудника В.И. Малинина и театрального критика П.А. Пономарёва), а также часто выступавшие в роли их идейных руководителей представители т.н. «сибирской фракции» Г.Н. Потанин и Н. М. Ядринцев. Г.Н. Потанин был женат на родной сестре К.В. Лаврского и имел на него влияние. Отношения с Лаврским у Ядринцева не сложились, но он вёл интенсивную переписку с Г.Н. Потаниным, в том числе о том, какой должна быть газета.

В диссертации Н. Серебренникова читаем: «Камско-Волжская газета», основанная Н.Я. Агафоновым и К.В. Лаврским, стала выходить в Казани в 1872 г. Здесь сказалась популярнейшая в ту пору теория малых дел, адептом которой всю жизнь оставался Лаврский. С этой установкой газета просуществовала первый год³⁴⁵, покуда Лаврского не выслали в Никольск Вологодской губернии, где отбывал ссылку Потанин. Встреча двух неблагонадёжных стала событием в истории регионального самосознания: с марта 1873 г. «Камско-Волжская газета» обрела прочную идеологическую платформу. Появился ряд статей, заявивших о последовательном курсе. Переписка Потанина с Ядрин-

³⁴⁵ Противоположного мнения придерживался известный учёный позднесоветского времени Х. Булацев. Он пишет: «Та краткая характеристика, которая дается «Камско-Волжской газете» в справочнике «Русская периодическая печать», далека от того, чтобы признать ее верной. Нельзя в частности согласиться с утверждением, содержащимся в этом справочнике, что страницы «Камско-Волжской газеты» посвящены только «малым делам», равно как и с утверждением, что возникшее в 1872 г. «Политическое обозрение» к середине года исчезло со страниц газеты». (Булацев Х. С. Избранное. Статьи, рецензии, рассказы, письма. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2018. С. 14-15).

Это уточнение советского литературоведа следует признать верным, тем более, что далее он приводит примеры из газеты именно 1872 года, то есть до встречи К. Лаврского и Н. Потанина – отнюдь не согласные с теорией «малых дел». То есть теория эта, хотя и имела влияние на газету, но программа издания отнюдь не исчерпывалась и не определялась «малыми делами» даже в первый период.

цевым превратилась в настоящую редакционную «кухню» (отметим, что заимствования Ядринцевым набросков Потанина многократны и иногда представляют собой отредактированный текст из писем, а их некоторые совместные работы остаются известными за подписью одного Ядринцева). Потанин принципиально ратовал за логические переключки в работах сотрудников, подчеркивая, например, что в «Отечественных записках» Михайловский и иные впадают во взаимопротиворечия. Областники готовы были предстать за всю провинцию и создать прецедент газеты, не нуждающейся в менторстве столичной прессы»³⁴⁶.

Об особенной роли переписки Потанина и Ядринцева ещё в 1919 году писал Н. Козьмин: «За годы одиночества накопилась огромная потребность высказаться, проверить правильность теоретических построений и практических выводов. Не было у этого экспансивного деятеля и возможности излагать свои мысли в периодической прессе, за отсутствием под рукой газет. Журнальные статьи появлялись с большим запозданием, да и требовали чересчур длительной, основательной подготовки. И вот, переписка двух друзей заменила на некоторое время ежедневный или еженедельный печатный орган. Письма Ядринцева – это целые передовицы, фельетоны, статьи по специальным вопросам»³⁴⁷.

Всё же, несмотря на влияние на газету Г.Н. Потанина и опосредовано Н.М. Ядринцева, решающую роль в составлении номеров играли её редакторы, казанцы К.В. Лаврский и Н.Я. Агафонов. Мы уже цитировали наставления, которые отдавал Константин Викторович Лаврский перед своей высылкой своему соредктору Николаю Агафонову, остающемуся у руля газеты. Из них видно, что сама идея «областности» вырабатывается у К. Лаврского ещё

³⁴⁶ Серебренников Н.В. Опыт формирования областнической литературы. Автореф. дис... д.филолог.н. Великий Новгород, 2005. С. 16.

³⁴⁷ Козьмин Н. Н. Вводная статья – в кн.: Сборник избранных статей, стихотворений и фельетонов Николая Михайловича Ядринцева из газет "Камско-Волжское слово", "Сибирь" и "Восточное обозрение" за 1873-1884 г. / Изд. журн. "Сибирские записки" в память 25 л. со дня кончины Н. М. Ядринцева 7 июня 1894 г. Красноярск: [б. и.], 1919. С.IV. В названии книги «Камско-Волжская газета» ошибочно поименована «Камско-Волжским словом».

до сближения с Г.Н. Потаниным, не без влияния лекций А. П. Шапова, которые он слушал в 1861 году.

Но для выкристаллизовывания областнического проекта не только как теоретического обоснования направления газеты, но и практических действий по преобразованию края у К.В. Лаврского – его встреча с Г.Н. Потаниным имела решающее значение. В 1874 году, когда газета была уже закрыта, в переписке Потанина с Ядринцевым встречаем указание на изменение позиции казанского редактора:

«<...> Я получил письма от К. В. [Лаврского]. Он пишет, что теперь мысль об развитии области им усвоена. «Она моя уже, а не Ваша»,— говорит он. А только месяца два назад тому отрекался от деятельности личной, предоставлял этот отдел в КВГ нам двоим, «а я только,— писал он,— буду теоретически сочувствовать Вам». «Теперь,— говорит он,— я вижу, что задача поднятия жизни в области стала моей задачей, и я знаю, что мне делать. Нужно расширить местную издательскую деятельность, нужно Казань сделать центром разных обществ, не с узким губернским районом деятельности, а с более обобщенным, широким. Нужно тут образовать центр интеллигенции, изданий учебников, альманахов, календарей, брошюр, сборников, сделать центром развития художественного, музыкального, театрального и проч.»³⁴⁸.

Константин Викторович Лаврский – с 1860-го года студент Казанского университета. Первое известное сочинение – воспоминание о Н.А. Добролюбова (1863), долго остававшееся в рукописи. В 1864 году был осуждён за участие в «Казанском заговоре» по т.н. «Польскому делу», в 1867 помилован. Начал печататься в «Казанском биржевом листке» (пока что самая ранняя из найденных и атрибутированных публикаций датирована 1869 годом: Лаврский К.В. <К. Л–ский> Несколько слов об обществе потребителей// Казанский биржевой листок, 1869, № 65).

³⁴⁸ Потанин Г. Н. Письма. Т. 2 / сост. А. Г. Грумм-Гржимайло, С. Ф. Коваль, Я. Р. Кошелев, Н. Н. Яновский. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1988.С.76.

Через несколько месяцев после выхода «Камско-Волжской газеты», в конце 1872 г. на Лаврского поступил донос как на противника русификации края; он был арестован, сослан в город Никольск Вологодской губернии, где и состоялось его знакомство с Г.Н. Потаниным, о которой, напомним, Н. Серебряников высказался так в своей диссертации: «Встреча двух неблагонадёжных стала событием в истории регионального самосознания». Вскоре они и породнились, Григорий Николаевич женился на сестре К.В. Лаврского Александре Викторовне. Г. Потанин не только активно включается в работу в казанской газете, но и делается фактически одним из её идейных руководителей.

Под влиянием сибиряков несколько исправляется и стиль публициста К. Лаврского, склонного первоначально к излишним «красивостям», за что его критиковали сибирские товарищи-публицисты. В 1870-е гг. основным псевдонимом К. Лаврского был «литератор-обыватель», позже – «деревенский житель». Проблемы деревни стали краеугольным направлением и юридической, и публицистической, и благотворительной деятельности К. Лаврского (в годы голода – он основывал бесплатные столовые, позже – приют для девочек в деревне Родионовка, в годы Первой мировой войны участвовал в помощи раненым). К. Лаврский – известный юрист, присяжный поверенный, кроме того, он – депутат I созыва Государственной Думы. До конца жизни (ум. в 1917 году), Константин Викторович активнейший участник журналистики. После закрытия «Камско-Волжской газеты» принимал участие в различных сборниках этой группы, редактировал, совместно с Н. Агафоновым «Первый шаг», стал постоянным автором столичной газеты «Неделя», сотрудничал в «Волжском вестнике» у Н. Загоскина, в 1900-1910-е годы в «Камско-Волжской речи» (под своим уже именем).

Об атмосфере в редакции и об Н.Я. Агафонове, как руководителе конторы газеты в Казани, читаем также в письмах у Г.Н. Потанина: «Агафонов, по прекращении газеты, очутился в безвыходном положении; он с трудом мог кормить свое семейство и если бы не нашел, наконец, места на 500 р. в год, то

не знаю, как бы он справился. Он и теперь еще в неоплатных долгах по редакции и расплачивается из своего скудного жалованья. <...> все, кто знал Агафонова во время редакторства, скажут Вам, что он жил точно так же, как и теперь — в той же тесной квартире, имел тот же обыкновенный стол и пр., разве только не носил стоптанных и дырявых сапог.

Вы, может быть, скажете— куда же девались деньги? На расширение и улучшение газеты. Не проходило месяца, чтобы редакцией не было сделано какого-нибудь нового расхода на ее улучшение. Сравните «Камско-Волжскую газету» с «Казанским биржевым листком» и Вы увидите, что конкурировать с ним в одном городе, ввиду субсидии, какую получал Листок от Казанской биржи и ввиду наполнения последнего одними перепечатками, можно было только при тех пожертвованиях, которые одинаково несли как сотрудники, так и сами редакторы.

Вопрос о вознаграждении поднимался часто и всегда в среде самой редакции, но я, сколько помню, всегда уклонялся от переговоров на счет введения правильного гонорара, предчувствуя, что редакция не в силах будет оплачивать весь труд сотрудников. На первых порах необходимо было довольствоваться ничтожным гонораром: по той дешевой цене, какую платила «Камско-Волжская газета», невозможно было оплачивать ту массу оригинальных статей, какие печатались в ней, а поднять цену — не было возможности. Газета «Сибирь» стоит 9 рублей в год, да и то мы с Ник[олаем] Михайловичем Ядринцевым] в течение целого года не получили ни одного рубля, а от Агафонова я все-таки не раз получал деньги»³⁴⁹.

Н.Я. Агафонов – многогранная личность, краевед, библиофил, и журналист-редактор. Согласно справочникам, начал свою литературную деятельность в 1863 году, сотрудничал в «Справочном листке г. Казани» С. Шпилев-

³⁴⁹ Потанин Г. Н. Письма. Т. 3 / сост. А. Г. Грумм-Гржимайло, С. Ф. Коваль, Я. Р. Кошелев, Н. Н. Яновский. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1989. С.49.

ского, далее мы упоминали его о его участии в единственном номере «Казанского книжного дела» П. Васильева. Первый опыт редакторской работы Н. Агафонова – несколько месяцев замещал А.К. Чугунова в «Казанском биржевом листке» в 1870. Далее – «Камско-Волжская газета». После высылки К.В. Лаврского – всё официальное делопроизводство по газете было на Николае Яковлевиче.

После закрытия «Камско-Волжской газеты» поступил на службу в банк. Его соредактор Константин Лаврский написал тогда коротенький стишок-эпиграмму своему товарищу:

Газеты нет!
 Она погибла
 Во цвете лет:
 Нужда пришибла...
 Редактор тужит
 И в банке служит...³⁵⁰

В 1876 – эта же команда издаёт сборник «Первый шаг», в котором два самых резонансных материала – литературный манифест провинциальных писателей, написанный К.В. Лаврским (псевдоним «литератор-обыватель») и расследование о казанских суконщиках Н.Я. Агафонова (псевдоним Я. Посадский).

Вернёмся теперь к газете. Собственно работ о «Камско-Волжской газете», несмотря на признаваемое многими «выдающееся положение» этого органа среди провинциальной прессы, немного³⁵¹.

Среди современников газеты, её первый разбор принадлежит Н. Шелгуну, позже в полемику включились другие публицисты журнала «Дела», из

³⁵⁰ К. Л-ский <Лаврский К.В.> Редактору «Камско-Волжской газеты»// Заволжская вивлиофика Николая Агафоновв. I. Казань: типогр. губ. правл-я, 1887. С.20.

³⁵¹ Последнее по времени, помимо работ автора настоящей диссертации, серьёзное научное обращение к исследованию данной газеты находим в цитированной монографии В.Блохина. См: Блохин В.Ф. Провинция газетная: Государственное управление периодической печатью и становление газетного дела в российской провинции (1830-е – 1870-е гг.). Брянск, 2009. С. 279-290.

этих статей и родилась дискуссия 1870-х годов о целях и назначении провинциальной прессы вообще. «Камско-Волжская газета» рассматривалась публицистами «Дела» именно в этом контексте: выяснении нынешнего характера казанской газеты и её соответствия тем задачам, которые должен выполнять полноценный либо идеальный провинциальный орган.

В позднейших научных исследованиях издания, как уже упоминалось, ставился вопрос о соотношении направления газеты с «теорией малых дел». В позднесоветские годы восставал против этого мнения ленинградский профессор Хазби Булацев, трактовавший «Камско-Волжскую газету» как боевой демократический орган печати.

Лишь в 2000-е годы появились работы, изучающие «Камско-Волжскую газету» в областническом контексте. Сама тема областничества была неудобна для исследования с идеологических позиций советского времени, течение называлось ошибочным, идеологически чуждым марксизму, «подозревалось» в сепаратизме, это затрудняло и изучение «Камско-Волжской газеты», главной областнической газеты 1870-х годов (что признаётся многими, в частности современными исследователями).

Конечно, не нужно сводить всю газету сугубо к областническому проекту, в этой связи, наличие многих подходов, рассматривающих издание с различных позиций, помогает объёмно представить издание.

Два основных вектора дискуссий, частично пересекающихся, возникли в связи с «Камско-Волжской газетой». Первый – о характере провинциальной газеты и провинциальной журналистики, её целях и назначении (начиная со статей Н. Шелгунова, далее – Д. Мордовцев, А. Гациский и др.). Второй – об областническом проекте как целостном проекте общественного вовлечения в жизнь края и преобразовании области общественными силами, роли местной прессы в этом. Первый подход ставит в центр своего внимания непосредственно журналистику как профессиональную деятельность. Вторым –

проект преобразования жизни областей, где газета – всего лишь одно, хотя и важное направление деятельности.

О росте провинциального сознания, ощущением со второй половины 1860-х годов пишет в одном из своих внутренних обозрений журнала «Дело» известный публицист Н.В. Шелгунов.

«Ещё не пришла пора судить о росте России по деревне; но если сто лет назад судили о росте России по Петербургу, то теперь наступила пора судить о нём по провинциальному городу. Губернский город есть нынешний Петербург провинции. И каждая губерния имеет уже свой Петербург. Ещё недавно журналистика жила только в Петербурге, теперь она явилась и в провинции. Это рост несомненный, очевидное пробуждение сознания, потребность знать о своих нуждах, думать о них»³⁵².

И это «явилась» про провинциальную журналистику России автор проносит в большей степени в связи именно с казанской «Камско-Волжской газетой». «Издание это ведётся людьми умными и развитыми, при составе умных и знающих сотрудников. Общественною честностью веет от каждой статьи газеты и читатель чувствует себя легко и хорошо, точно в живом обществе хороших и доброжелательных людей»³⁵³. Но далее – начинается уже и критика.

Николай Шелгунов сосредоточил своё внимание на заметках, коротких информациях, содержащих факты из жизни провинции³⁵⁴, описывающих нравы, и из этого переходя к размышлению о том, что же такое сейчас «местный интерес» и как его соблюдать в газете. То есть провинциальная газета рассматривается как участник жизни провинциального общества.

³⁵² Шелгунов Н.В. Внутреннее обозрение// Дело, 1873, № 9. Отд. XIX. С. 76.

³⁵³ Там же. С.93.

³⁵⁴ Разные исследователи по-разному изучали материалы газеты, исходя из своих научных задач. Так, для советского учёного Хазби Булацева более востребованы оказались редакционные статьи газеты, те из них, которые касались, например, поддержки Парижской коммуны, положения рабочих, через эти материалы учёный показывал, что «Камско-Волжская» по своему идейному уровню вполне достигала лучших столичных демократических изданий. То есть на первом месте у этого исследователя был принцип партийности. А жизнь Казани и роль газеты в освещении этой жизни и формировании местной повестки и местного патриотизма - в статье ленинградского ученого практически не рассматривалась.

Работа с информационными заметками, телеграммами, «новостишками» многое может сказать о направлении издания. Не обывательский смех, а горечь вызывают у столичного публициста новости из «Камско-Волжской». Приведём всего пару примеров, отобранных Шелгуновым:

«28 апреля утром из озера Кабана была вынута, без всяких признаков жизни, девочка, приблизительно лет 14-ти, которая и была потом приведена в чувство. На вопрос, отчего она утонула, девочка отвечала, что, находясь в услужении, разбила миску, за что ей пригрозили полицией и хорошей поркой»³⁵⁵.

«Несколько нижегородских шутников, желая поразвлечься и от души поохотать, заманили в кабак 11-летнего мальчика, велели подать водки и напоили его. Шутники, вполне насладившись спектаклем, стоившим им не более 15 копеек, разошлись по домам, а пьяный мальчик был выброшен в дверь кабака»³⁵⁶.

Приводя ещё целый ряд подобных фактов, опубликованных в газете, Шелгунов делает суровый вывод: "Разве в Европе возможны такие безобразия? Разве возможна там хоть десятая часть этого? Я не знаю, что выиграет вежливый Китай, если пойдёт его цивилизовать наше Поволжье. Подобным фактам «Камско-Волжская газета» (у Шелгунова ошибочно «Волжско-Камская» - А.Б.) даёт мало места. Они помещаются так, кое-где, в «местном отделе», и печатают их нередко мелким шрифтом. А между тем, в них цвет и корень Поволжья. Свершающиеся безобразия, как видно, никого не возмущают, они терпят, к ним привыкли, в них усматривают зачастую комическое и смешное. Неужели так смешно и остроумно въехать верхом в полицейское управление или отравить водкой ребёнка, или довести девушку до детоубийства, или идти в клуб, чтобы подраться?

³⁵⁵ См.: Дело, 1873, № 9, С. 78, другие цитаты из этого издания см. в основном тексте параграфа (указываются только страница).

³⁵⁶ Шелгунов Н.В. Внутреннее обозрение// Дело, 1873, № 9. Отд. XIX. С.79.

Вот вам и факты! И что же вы делаете с фактами? Не факт нужен нам, а смысл факта; нужно научить нас находить живую связь факта с нашим личным и общественным существованием, нужно, чтобы всякий зловерный факт ца-рапал нас за живое, а не печатать его в виде затычки или курьёза»³⁵⁷.

В целом границы дискурса, посвящённого обсуждению задач провинциальной журналистики на новом этапе, можно обозначить годами 1872-1878. 1872 год – статьи К. Лаврского и других в «Камско-Волжской газете»; 1873 и далее: внутренние обозрения и статьи в журнале «Дело» (ведущие авторы журнала этих лет – Н. Шелгунов, С. Шашков, Д. Мордовцев, позже – Д. Мордовцев начнёт сотрудничество с суворинским «Новым временем» и будет уже подвергаться жёсткой критике в «Деле» от того же С. Шашкова), «Неделе» и «Отечественных записках» на тему провинциальной печати. Вообще, нужно отметить выдающуюся роль журнала «Дело» в оформлении «провинциального вопроса» в российской журналистике второй половины 1870-х годов. В письме к А. Гацискому от начала декабря 1875 года, Г. Потанин отмечал: «Ведь что поделаешь, когда только одно «Дело» принимает пока об этом статьи»³⁵⁸. 1875 год – статья Д. Мордовцева "Печать в провинции" в журнале "Дело", кн. IX и X, 1875 г.; Тот же год – брошюра А.С. Гациского (ещё одного видного автора «Камско-Волжской газеты», нижегородского писателя и выпускника Казанского университета) "Смерть провинции или нет?" Другие отклики в разных провинциальных газетах, журналах и сборниках. 1876 год – вышедший в Казани резонансный сборник «Первый шаг», собравший множество откликов от почвенника Ф. Достоевского до недавнего «современниковца» М. Антоновича, и многих газет: Питерских, Тифлисской, Одесской, Киевской и др. Позже – в Казани выпускались ещё сборники (до 1878), как бы

³⁵⁷ Там же. С.80.

³⁵⁸ Потанин Г. Н. Письма. Т. 3. С.22.

продолжавшие традиции «Первого шага». Общая сторона полемики многократно была описана во множестве диссертаций. Мы подробнее останавливались на этой теме в наших монографиях.

Советский исследователь «областничества» Сесюнина отмечает: «В 70-х годах несколько меняется отношение к вопросу об отделении Сибири от России. Если первоначально идея сепаратизма была главным стержнем сибирского областничества и осуществление всех пунктов программы связывалось непременно с получением независимости, то можно считать близкими к действительности слова Потанина, что после ссылки «политический сепаратизм был оставлен в стороне» <...> областники увидели невозможность осуществления восстания для отделения Сибири»³⁵⁹. Именно этот, т.н. второй период «областничества» стал временем активизации провинциальной журналистики по всей России, в которую областники вносили свой ощутимый вклад. И идея «областничества» стала пониматься шире, и перестала быть привязана к одному конкретному региону (Сибири), но концептуализировалась и оформлялась в любой из местных «фракций» (выражение Д.Л. Мордовцева по поводу провинциальной журналистики в России, сформированной, как он считал, в виде нескольких фракций, охватывающих, как правило, территории нескольких соседних губерний; подхвативший выражение Г. Потанин считал, что существует и т.н. «поволжская» или волжско-камская фракция, пропущенная Д.Мордовцев при перечислении всех фракций).

Н. Серебренников особенно подчёркивает роль Казани и казанской газеты в формировании областничества: «Казань как один из университетских центров сумела выступить за сплочение интеллектуальных сил провинции, но это лидерство смотрелось ситуативным: даже при схожести этнокультурных проблем Потанин большее внимание обращал на своеобразие крупных и малых локусов. В огромной стране, при областном различьи интересов, ему

³⁵⁹ Сесюнина М. Г., Потанин Г. Н. и Ядринцев Н.М. - идеологи сибирского областничества второй половины XIX века (к вопросу о классовой сущности областничества второй половины XIX века). Томск, 1974. С.93.

представлялось естественным создание новых умственных очагов и их идеологической платформы, и его публицистика была прочно связана с проблемой местного гражданского воспитания. Областникам виделся некий собор культурно и экономически самобытных регионов, не прозябающих в подголосках центра, а реально ратующих за свои нужды. «Камско-Волжская газета» не ограничилась заданными в названии рамками, став активным бродильным началом регионалистских настроений и выстроив программу становления самосознания всякой конкретной местности. Надежды оправдались, и газета получила духовную поддержку других провинциальных изданий»³⁶⁰.

Новгородский исследователь называет газету «поволжским феноменом», однако подчёркивает, что она не получила полноценного продолжения в дальнейшей провинциальной прессе России: «Поволжский феномен дал знать об очень значительных потенциях областничества, но прецедент «Камско-Волжской газеты» не повторился: её традиции в последующей областнической периодике несомненны, однако прочие издания слишком тяготели к своему региону»³⁶¹. При этом опыт казанской газеты заставил уточнить позиции часть столичных журналов: «Публицистика «Камско-Волжской газеты» убедила идеологов «Отечественных записок» в обоснованности воззрений регионалистов и в необходимости сотрудничества с ними, а по естественно почвенническим интенциям областникам оказалась наиболее близкой позиция Достоевского»³⁶².

Отметим со своей стороны: особенно сильно традиции «Камско-Волжской газеты» проявились в казанской прессе последующего периода. В 1874 году, после закрытия газеты Г.Н. Потанин много размышлял о её судьбе в контексте предпринимаемых попыток будущего возрождения газеты.

³⁶⁰ Серебренников Н.В. Опыт формирования областнической литературы. Автореф. дис... д.филолог.н. Великий Новгород, 2005. С. 17.

³⁶¹ Там же. С.19.

³⁶² Там же. С.7.

Много его мыслей об этом содержится в письмах Г.Н. Потанина к Константину Викторовичу Лаврскому. Так, в частности, он возражал против проекта переноса редакции в столицу: «Петербург уже имеет газеты всякие, специальные и общедоступные, консервативные и радикальные. Провинция пуста. Большой город, как Казань, не имеет органа печати, чтобы высказывать и обсуждать свои крошечные нужды о водопроводе и проч. Вы решили заполнить этот пробел и дали больше, чем требовало большинство читателей. Около газеты начала пробуждаться местная жизнь, газета заявила претензию образовывать из Казани новый умственный центр, она объявила войну централизму петербургской журналистики, она объявила своим врагом эту летучую интеллигенцию, которая настаивает на централизации в Петербурге, во всех статьях своих она проводила мысль об областном расчленении науки, журналистики, литературы, искусства и вообще всей умственной жизни, и вдруг сама редакция переселяется в Петербург, чтобы силою обстоятельств, наконец, превратиться в орган летучей интеллигенции. Связь газеты с областью будет постепенно утрачиваться, новые петербургские сотрудники будут вытеснять постепенно областных сотрудников, потому что они имеют более блестящие способности и знания. Какое же тут пробуждение провинции? Чтобы пробуждение совершилось, нужна не речь с кафедры, не газета в Петербурге. Чтобы началось пробуждение — нужно, чтобы в одном из уголков провинции был подан пример, чтобы была основана хоть и скромная, но честная местная газета, которая сплотила бы вокруг себя местных патриотов и образовала первый узел местного возрождения. Такой и была К<амско->В<олжская>Г<азета>»³⁶³.

Григорий Николаевич увещевал К.В. Лаврского: «Задача КВГ и Ваша задача как ее редактора пробудить новую жизнь, проложить для европейского прогресса новый путь. Ваша роль — завидная роль. Вам решено было судьбой

³⁶³ Потанин Г. Н. Письма. Т. 2 / сост. А. Г. Грумм-Гржимайло, С. Ф. Коваль, Я. Р. Кошелев, Н. Н. Яновский. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1988. С.83.

стать во главе пробуждения целой области. Если Вы останетесь на своем посту, если Вы не смешаетесь в рядах летучей интеллигенции — Вас будут называть отцом поволжской журналистики, с Вас будут начинать историю края. Потому что в самом деле Поволжье только тогда начнет историческую жизнь, когда Казань сделается умственным центром, когда в крае пробудится самостоятельная, сознательная жизнь, к началу которой и звала КВГ»³⁶⁴.

Программа Г.Н. Потанина, сформулированная в это время, далеко выходила за рамки издания только лишь газеты, которая по мысли теоретика провинциальной прессы, «должна представлять периодическое обозрение местной областной жизни, должна знакомить с местным умственным движением, с экономической жизнью области, с развитием школьного дела в ней. Сведения эти должны быть не отрывисты, а обобщены, классифицированы, приведены в систему, снабжены выводами. Старый дух газеты должен сказываться в постоянном стремлении находить, кроме общих, свои местные причины плохого развития чего-либо или, наоборот, хорошего.

<...>Наконец, для всех сотрудников КВГ, как пишущих, так и не пишущих, следовало бы создать центр, около которого они бы группировались помимо редакции. В видах всего этого, я предложил Константину Викторовичу на оценку, а теперь предлагаю Вам учреждение общества, которое охватило бы все Поволжье. Цель его (вроде астраханского Петровского) изучение края во всех отношениях. Оно может быть названо екатерининским в память Екатерины, назвавшей Казань столицей Востока. Изучение же края имеет задачей создать местную географическую педагогическую литературу. Изучение края должно быть всестороннее, сообразно с педагогической целью. Оно должно охватить и органическую жизнь, и действие физических сил, и течение экономической и вообще общественной жизни. Статистика народонаселения и промышленная этнография, история, естественные науки, история колонизации,

³⁶⁴ Потанин Г. Н. Письма. Т. 2 / сост. А. Г. Грумм-Гржимайло, С. Ф. Коваль, Я. Р. Кошелев, Н. Н. Яновский. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1988. С.84.

история промышленности — все составляет предмет изучения этого общества»³⁶⁵.

Как уже говорилось, после закрытия газеты группа сплотившихся вокруг неё писателей не распалась, им удалось выпустить ещё несколько сборников, самый знаменитый из которых «Первый шаг» (1876), а позже найти новую форму для институционализации своей группы, создав «Общество археологии, истории и этнографии» при Казанском университете (с 1877). Секретарём общества и редактором его «Известий» стал Н.П. Загоскин, влившийся с этого времени в группу единомышленников. С 1883 года он станет издавать свой «Волжский вестник».

Всё это время от закрытия «Камско-Волжского вестника» (1874) и до появления «Волжского вестника» (1883) казанские литераторы, журналисты подавали в главное управление по делам печати прошения об открытии новых газет. Вот известный нам список подобных прошений:

1. Бывший редактор «Камско-Волжской газеты» Н.Агафонов подавал прошение о её продолжении. (1874);
2. Он же: ходатайствовал о разрешении издавать «Провинциальную газету» (1875);
3. В.В. Мартинсон (казанский купец) просил издавать «Казанский листок» (1876);
4. Н.Ф. Юшков (тогда – чиновник особых поручений, позже – редактор неофициальной части «Казанских губернских ведомостей») просил об издании «Казанского вестника» (1876);
5. снова Н.Я. Агафонов – ходатайство об издании газеты «Поволжье» (1877);
6. проф. Н.В. Сорокин – об издании «Заволжского муравья». (1877);
7. управляющий типографией Гладышевой г. Родионов - об издании «Листка» объявлений с литературным отделом. (1877);
8. М.А. Гарский – газета «Казань» (1878);
9. М.И. Лопатин, бывший учитель прогимназии – об издании га-

³⁶⁵ Потанин Г. Н. Письма. Т. 2 / сост. А. Г. Грумм-Гржимайло, С. Ф. Коваль, Я. Р. Кошелев, Н. Н. Яновский. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1988. С. 95-96.

зеты «Волжский листок» (1879); 10. свияжский купец и книготорговец в Казани И.А. Ярыгин - об издании газеты «Казань»; 11. М.А. Рылов – об издании газеты «Починок»³⁶⁶.

В связи с только что приведёнными данными несправедливым и тенденциозным кажется нам заявление С. Гусева, в 1875 году бывшего казанским корреспондентом столичного сатирического журнала «Развлечение» под псевдонимом «Асмодей». В одном из фельетонов своей рубрики «Казанские заметки» С. Гусев возложил вину за отсутствие газет на само казанское общество и его деятелей: «Если Казань чем и замечательна, - это отсутствием общественной жизни, разрозненностью, неимением существенных интересов... Всё казанское общество разбито на отдельные кружки, которые общения между собой никакого не имеют; всякий кружок строго следит за своею неприкосновенностью, и пугливо озирается, заметя вблизи себя новое лицо; человеческая речь, не похожая на обыденный язык этих маленьких монастырей, считается чуть ли не святотатством, покушением на их целомудрие... А что же говорят в стенах этих монастырей? О! Разговоры здесь не имеют ничего предосудительного. Они не выходят из ограниченной области провинциального мирозерцания. Поэтому нет у нас и печатного органа, и быть его не может. Казанской газете, чтобы существовать, необходимо превратиться либо в скандальную хронику, или в пустой бюллетень общественных удовольствий. Более серьёзный орган останется без читателей»³⁶⁷. Напомним, именно в 1875 году казанские литераторы интенсивно собирали материалы для будущего знаменитого сборника «Первый шаг» (1876), серьёзного публицистического органа печати.

³⁶⁶ Данные приводит «Новое время». См.: Новое время. 1880. 9. сент. С.4.

³⁶⁷ Сеньор Асмодей <Гусев С.С.> Казанские заметки// Развлечение. 1875. № 28. С.43. От Гусева в этой рубрике досталось на орехи всем самым знаменитым казанским журналистам и редакторам того времени: так на редактора «Казанского биржевого листка» А.Чугунова он написал две эпиграмы; гнусно и некрасиво высмеял П.П. Васильева – редактора отдела беллетристики этой же газеты, прошёлся Гусев и по Н.Ф. Юшкову, главному редактору «Казанских губернских ведомостей». «Саратовский листок» обвинил его, в том, что в своей критике казани и казанцев Асмодей «пересаливает», это обвинение сам же Гусев привёл в одном из номеров (№ 26. С.10).

После закрытия «Камско-Волжской газеты» и до появления «Волжского вестника» единственной частной газетой Казани оставался «Казанский Биржевой листок». В это время он старается демократизироваться и частично подхватывает то направление, которое закладывалось его недавно закрывшимся конкурентом.

Вот как пишет об этом современный исследователь Уфимской печати В. Роднов, анализирувавший и казанскую газету в период рубежа 1870 – 1880-х гг.: «К 1878 году это была отличная коммерческая газета (редактор-издатель А. Чугунов, с № 20 – А. Миропольский), где помещалась разнообразная информация о торговле в крае, заготовках и вывозе хлеба <...>, речном судоходстве и т. Д. В 1878–1879 годах «Казанский биржевой листок» оставался чисто коммерческим изданием, другие сведения (местные новости, общественно-политические события и пр.) здесь практически не встречались. <...>. В следующем 1880 году редактор А. Миропольский продолжал прежнюю стратегию на издание чисто коммерческой газеты, но, видимо, спрос на такую (пусть даже ценную для предпринимателей) прессу был невелик и чтобы окупить затраты редакция постепенно начинает трансформировать «биржевой листок» в обычную общедоступную газету, рассчитанную на массового подписчика, которому нужна «обычная» информация <...> С конца 1880 года, наряду с коммерческой информацией, всё чаще стали появляться заметки о жизни региона...»³⁶⁸.

Эту трансформацию «Казанского Биржевого Листка» заметили и современные ему столичные публицисты. С. Приклонский связывал эти изменения газеты с либерализацией казанского губернского и столичного цензурного начальства: «Когда, наконец, Скарятин был уволен от должности губернатора (1880 г. – А.Б.), а начальником главного управления по делам печати назначен г. Абаза (период управления Николая Савича Абазы: 4.04.1880 – 7.04.1881 –

³⁶⁸ Роднов М. И. Свет из Петербурга. Уфа, 2010. С. 85, 86 и 87.

А.Б.) <...>, существовавшая здесь небольшая газетка, «Казанский Биржевой листок», начала заметно улучшаться, свободно заговорила о событиях местной жизни и стала независимо обсуждать местные вопросы. Так шло дело до тех пор, пока начальником главного управления по делам печати оставался г. Абаза. С выходом его в отставку для «Казанского Биржевого листка» опять наступили тяжёлые времена, как бывало при губернаторе Скарятине»³⁶⁹.

Впрочем, можно было встретить в это время в прессе и другие оценки «Казанского биржевого листка». Так, исследователь В.Ф. Блохин приводит мнение казанского корреспондента «Недели»³⁷⁰ по поводу указанного издания:

«Эта газета поистине представляет какой-то феномен, какое-то непостижимое исключение из общих законов развития: в течение семнадцати лет своего существования она ни на йоту не улучшилась, не расширилась, не оживилась. Она сама ничем не интересуется и никого не интересуется собою. Девиз её существования – чисто китайская неподвижность; можно подумать, что её издают не живые люди, а автоматы, или что они принимают в ней столько же, ничуть не больше, душевного участия, сколько сторож редакции, относящий газету на почту, и почтальон, разносящий её по домам»³⁷¹.

На основании этого единственного мнения, современный исследователь делает вывод о «несостоятельности этого органа прессы», которая по словам В. Блохина стала причиной того, что «даже протоколы заседаний Казанской городской думы постоянно печатались в Саратове в газете «Волга»³⁷². Но, как видим, существовали и другие оценки «Казанского биржевого листка» этого периода, в том числе и у публицистов-современников данного издания.

³⁶⁹ С. Пр. <Приклонский С.А.> Внутреннее обозрение. Положение печати//Русская мысль, 1881, № 8. С. 62.

³⁷⁰ См.: Неделя, 1880. № 25.

³⁷¹ Цит. по: Блохин В.Ф. Провинция газетная: Государственное управление периодической печатью и становление газетного дела в российской провинции (1830-е – 1870-е гг.). Брянск, 2009. С. 258. Мы не знаем автора цитированной заметки, напомним, однако, что одним из казанских корреспондентов «Недели» в это самое время был К.В. Лаврский, бывший редактор «Камско-Волжской газеты», являвшейся в начале 1870-х главным конкурентом «Казанского Биржевого листка».

³⁷² Там же.

В целом, можно констатировать: либерально-демократический, народнический тренд был ведущим политическим направлением казанской прессы 1870-х годов.

4. 4. Казанская журналистика в 1880-е гг.: пресса в условиях капитализации и формирования рынка прессы

Если 1870-е годы стали периодом доминирования областной журналистики в Казани, то в 1880-е на первый план вышли издания городские, и прежде всего, «Волжский вестник» (с 1883 года). Противопоставление городских и областных газет выстраивали ещё теоретики-областники – Г. Потанин и Н. Ядринцев, считавшие задачи городских изданий более узкими и сами такие газеты более мелкотравчатыми. Но и у К. Лаврского встречались подобные пассажи: «Край – оказывается чем-то воображаемым, вместо интересов края – являются на сцену интересы чистопольские, симбирские, саратовские, нижегородские – и какие притом интересы: не интеллигентские, а чуть-чуть не канцелярские: управские, думские, театральные. И что главное – все эти quasi-интересы, интересы второго, третьего и даже девятого сорта оказываются совершенно не связанными друг с другом: чистопольские сами по себе, симбирские сами по себе, казанские опять-таки сами по себе, и никакая общая мысль их не соединяет»³⁷³.

Однако тот же К.В. Лаврский уже как редактор и ведущий автор «Камско-Волжской газеты» подвергался резкой критике Николая Ядринцева именно в связи с отходом, по мнению последнего, от областнической платформы в сторону городской:

³⁷³ ОРРК НБ КУ. Ф. Агафонова. Д. 213. Т. 2. Л.129.

«Она (т.е. «Камско-Волжская газета») старается выставить местный интерес, и весь интерес состоит в городских сплетнях и самых пошлых известиях, рассказываемых с бойкостью прапорщика. А вы слышали, доктор Н. ... а вы слышали, немцы без масленицы остались, а вы слышали, жена убежала?.. Эта прихожая с лакейскими новостями помещается впереди газеты, тогда как ей место назад. В Америке городская газета имеет смысл, потому что там в каждом городе широкая общественная жизнь, митинги, лекции, выборы. А у нас в Казани отражается жизнь и будничные сплетни казанских татар. В Америке обличение имеет простор, а тут приходится выбирать, кого обличать, кого нет, и приходится, что можно обличать только извозчика или горничную. Поэтому у нас провинциальная газета может существовать только охватывая интерес области, чтобы быть живою и касаться общественных вопросов»³⁷⁴.

Действительно, в том номере «Камско-Волжской газеты», о котором говорит Н. Ядринцев в фельетоне, речь шла о горничных. Но уже в этом же 1873 году под влиянием сибиряков совсем другие лица будут выбираться для обличений газетой. Так, одной из ярких кампаний стала развернувшаяся в «Камско-Волжской газете» серия публикаций против влиятельного казанского фабриканта Алафузова, содержащего своих рабочих в тяжёлых, иногда бесчеловечных условиях (в т.ч. 8 – 9 летних детей). За крупного бизнесмена вступилась тогда влиятельная столичная газета «Голос», «Камско-Волжская газета» смело отвечала столичному маститому изданию.

Итак, понятно по каким принципам выстраивалось областниками противопоставление газет городских и областных. Но вот в 1880-е годы появилась в Казани своя городская газета. «Городской отдел» был ведущим в начальные годы существования «Волжского вестника». Но это была именно общественная городская газета, ближе к тому типу, который в цитированном письме Ядринцева назывался «американским».

³⁷⁴ См.: Письма Николая Михайловича Ядринцева к Г.Н. Потанину. Вып. 1. (с 20 февраля 1872 г. по 8 апреля 1873 года). Издание редакции журнала «Северные записки». Красноярск: Типогр. Енис. губ. союз. кооперативов, 1918. С. 195.

В № 14 за 1883 год «Волжский вестник» заявлял: «Городское дело – дело общественное, в котором заинтересованы не одни только гласные, но всё вообще население Казани, и чем большей гласностью будет обставлена деятельность городского самоуправления, чем более всесторонним образом будет обсуждаться эта деятельность, тем более явится и шансов в пользу целесообразности и плодотворности её»³⁷⁵.

В этом было с одной стороны следование демократической традиции, а с другой - преодоление авторитарной концепции сибирских областников о делении провинциальной прессы на городские и областные газеты. Не только Н. Ядринцев, но и Г. Потанин высказывался за подобное деление: «Городской листок обыкновенно издается для нужд городского купечества; у него бывает городских подписчиков более, чем иногородних; только в случае, когда город имеет торговое значение, простирающееся на большое пространство, такая газета имеет большое распространение вне города... Городской листок издается в видах спекуляции; издателем его бывает человек, с литературой общего ничего не имеющий, нередко — круглый невежда; газета организуется так: нанимается редактор, который или сам пишет передовые, или нанимает литератора. Областная газета издается обыкновенно каким-нибудь местным патриотом, в большей части — в убыток себе, редактируется самим издателем; дело ведется не для спекуляции, а в видах развития умственной жизни в крае...»³⁷⁶.

И вот, если для казанской прессы рубежа 1860–1870-х было характерно такое деление: «городские» – «Справочный листок Казани» (1867), «Казанский биржевой листок» (с 1868), «областная» – «Камско-Волжская газета» (1872–1874), то в 1880-е «Волжский вестник» стремился соединить в себе оба типа. Не отказался «Волжский вестник» и от фельетона. Но Загоскин (псевдоним «Миролюбов») стремился соединить лёгкий слог и темы с важными общественными обобщениями.

³⁷⁵ <Б.п.> По поводу одного думского постановления// Волжский вестник, 1883. № 14.

³⁷⁶ Цит. по: Есин Б. И. Русская дореволюционная газета. С. 42.

1880-е годы – тяжёлый период для российской журналистики, время реакции, наступившее после убийства императора Александра II, принятие новых временных правил о печати 1882 года, учреждение совета четырёх министров, наделение особыми полномочиями по надзору за печатью обер-прокурора Святейшего Синода К.Н. Победоносцева, параллельно с этим: рост коммерциализации медийно-издательской сферы, фактор рынка, всё более заявляющий о себе. Всё это усложняли работу журналистики.

Первой казанской газетой 1880-х годов стало «Волжско-Камское слово» (1881-1882). За период 1881 – 1884 гг. будут закрыты многие либеральные и демократические газеты и журналы («Порядок» М. Стасюлевича, «Земство» В. Скалона, «Страна» Л. Полонского, и самые крупные и известные в этом ряду – газета «Голос» А. Краевского и журнал «Отечественные записки»; ряд, конечно, можно было продолжать). «Волжско-Камское слово» с одной стороны вписывается в этот ряд (закрылась в 1882), а с другой стороны – все вышеназванные открывались в «либеральный» период (то есть до 1 марта 1881 года, а «Волжско-Камское слово» – в декабре 1881, то есть тогда, когда уже надзор за печатью резко усилился, сильно возросла роль К. Победоносцева, обер-прокурора Святейшего Синода, вскоре ставшего главным надсмотрщиком за прессой в Империи.

Министр внутренних дел граф Игнатьев пояснял К. Победоносцеву: «Казанская газета давно была разрешена – вследствие настойчивого и неоднократного ходатайства Гейнса, на полную ответственность которого и возложена мною каждая строка этого листка. Потому объявлено о печатании этой газеты лишь теперь, что редактор был в отсутствии. Князь Вяземский мог бы Вам доставить список до пятидесяти газет мною не разрешённых. Дальше идти нельзя»³⁷⁷.

³⁷⁷ См.: К.П. Победоносцев и его корреспонденты. Письма и записки. М.-Пг.: Гос. изд-во, 1923. Т.1. С.94.

Мы видим, что Н.П. Игнатьев оправдывается перед К. П. Победоносцевым за разрешение казанской газеты, и это было в то время явным исключением из правил, случившееся только благодаря энергии А.К. Гейнса.

Радостно комментировали новость о появлении новой городской газеты «Казанские губернские ведомости» в специальной передовице: «Нам нет надобности распространяться о первостепенной важности этого известия для нашего города. Потребность в частном, большом, честно и правдиво ведущемся органе прессы несомненна. Существующие теперь органы далеко не удовлетворяли и не могли удовлетворять этой потребности. Мы уже не говорим о нашей газете – она орган официальный. У ней свои особые цели – многие отрасли умственного труда в ней не могли и печататься – например, чисто беллетристические статьи, статьи обличительные, статьи полемические. Да и узаконенный для них срок выхода – два раза в неделю – также являлся и является препятствием для вмещения в газете многого.

«Казанский биржевой листок» – с обширной программой – по этой программе мог бы сделаться полезным органом местных нужд, потребностей и интересов, но есть не мало причин, обуславливающих бедность содержания «Листка», да, по-видимому, и сама редакция сузила свою программу <...>

С разрешением выпуска в свет новой газеты в Казани, разрешится, наконец, конечно, и вопрос о восстановлении здесь должности «Отдельного цензора», отсутствие которого несомненно стесняло появление многих местных изданий – отдельных книг, брошюр, сборников, ибо им приходилось отправляться в Москву на цензуру. Итак, от души приветствуем мы новое провинциальное издание! Желаем ему честно потрудиться на пользу местного края»³⁷⁸.

Передовица эта не только рисует картину поля казанской журналистики 1881 года, но и выдаёт демократическую ориентацию нового редактора официальной газеты Николая Фирсовича Юшкова. Примечательно его указание

³⁷⁸ Казань, 29 сентября// Казанские губернские ведомости, 1881, № 75 от 30.09.1881. С.1.

на отсутствие некоторых возможностей для официальной газеты, и те озвученные ожидания для новой частной газеты – «статьи обличительные, статьи полемические».

Можно соотнести текст этой передовицы с известным письмом Н.Ф. Юшкова к Ф.М. Достоевскому, на которое казанский редактор получил и ответ от великого писателя. Николай Фирсович писал: «Я горячо люблю мое скромное издание и был бы бесконечно счастлив, если бы Вы обратили на него Ваше внимание. Тяжело вести такое издание, как "Губернские ведомости", или правильнее — тяжело редактировать неофициальную часть каких бы то ни было "Губернских ведомостей", — потому что слишком сильна опека над этим изданием. Но в настоящее время, когда в провинциях крайне трудно добиться права издавать частную газету – и это издание, при сознании редактора своей обязанности, может быть не бесполезным органом. Но в литературе, к несчастью, установился такой взгляд на "Губ[ернские] вед[омости]", что они почти бесполезны, почти не имеют права существовать — и вот редко-редко кто обратит внимание на нашу скромную деятельность, и потому, конечно, без доброго слова, без поддержки, мало-помалу ослабевают энергия, начинается спячка, и издание делается все безжизненней и безжизненней...»³⁷⁹.

Позже, оставаясь редактором официозной газеты, как журналист и критик (театральный и литературный) активнее всего Николай Фирсович проявлял себя в «Волжском вестнике». Вернёмся теперь к «Волжско-Камскому слову», первой ежедневной газете Казани.

Первые номера «Волжско-Камского слова» начинались с передовиц, освещающих события конкретного дня, но вскоре (с 4 номера) ежедневные отчёты сменились аналитическими материалами по конкретным вопросам («По

³⁷⁹ Цит. по: Красовский Ю. А. Казанский корреспондент Ф. М. Достоевского (Неопубликованное письмо к Н. Ф. Юшкову) // Встречи с прошлым. Вып. 1. М.: Сов. Россия, 1971. С.48. Ответное письмо Достоевского было написано 5 февраля 1876 года (ф. 2430, оп. 1, ед. хр. 1118): «Я вполне сочувствую всему, что Вы написали о Вашей деятельности как редактора "Каз[анских] губерн[ских] ведомостей", и всегда смотрел на развитие сил нашей окраинской прессы, как на указатель общего развития сил нашей родины. Дело это еще в будущем, но людей твердых и с ясными взглядами на дело желательно бы иметь заранее».

вопросу о ремесленном обучении в Казани» (№ 5); «К вопросу о местном самоуправлении (№ 6) и др.). «Гласные представляют общество, которое их избрало – это правда; но где же средства для общественного контроля над этим правительством? Нет контроля, если нет органа для печатного слова»³⁸⁰, – писала газета, обозначая таким образом своё место в общественно-хозяйственном устройстве края.

Исследовательница газеты Е.В. Курбакова указывает: «За январь-март 1882 г. на страницах «Волжско-Камского слова» были подняты и освещены важнейшие вопросы жизни губернии : продовольственный (№№ 19, 21, 30), переселенческий (№№ 21, 24, 27, 38, 48), национальный (№ 25), вопрос проведения железной дороги (№ 39), доходов и расходов города (№№ 26, 27), народного образования (№№ 21, 25, 26, 29, 37, 63), эпизоотии (№№ 25, 55, 64), Лесного хозяйства и крестьянских порубщиков (№№ 29, 30), санитарной деятельности земства (№ 39), выдачи пособий полиции и их распределение (№№ 48, 62) и др.»³⁸¹.

Взвешенный тон «Волжско-Камского слова» и её связь с губернатором вызвали нападки слева (ср.: Н.К. Михайловский в «Отечественных записках» высказался на этот счёт)³⁸². Газета С.М. Шпилевского – Гейнса просуществовала недолго и была закрыта в 1882 году, а с 1883 года начинается история казанского «Волжского вестника».

Первый «Волжский вестник» возник в Симбирске, сначала в виде журнала в 1861 году (вышел один номер), потом в виде газеты в 1879, в генеалогии симбирского «Волжского вестника» есть ещё «Вестник симбирского земства» (с 1875), в издании которого большую роль сыграл Василий Черников, и он же был издателем и редактором обоих «Волжских вестников» 1861 и 1879 года.

³⁸⁰ Казань, 2 декабря// Волжско-Камское слово, 1881, № 2. С.1.

³⁸¹ Курбакова Е.В. История казанской и нижегородской прессы 1811-1917 гг.: власть и общественные настроения российской провинции. Н.Новгород: Нижегородский гос. лингв. ун-т им. Н.А. Добролюбова, 2008. С. 169.

³⁸² См.: Отечественные записки». 1881. Т. 259. С.209.

Позже пожар в типографии вынудил его прекратить издание, лицензия на выпуск газеты была перепродана казанскому профессору Н.П. Загоскину.

Нам удалось обнаружить объявление о первом «Волжском вестнике» 1861 года, опубликованное в третьем номере столичного «Книжного вестника» за этот год. По нему видно, что В. Черников задумывал его как сельскохозяйственный журнал для всего среднего Поволжья: «Симбирское общество сельского хозяйства будет издавать в 1861 году «Волжский вестник», который будет служить ему постоянным органом и средством сношений с земледельцами, и вместе с тем доставлять земледельцам все необходимые сведения, как по внутренней политической администрации, до них касающейся, так и относительно земледельческих и промышленных изменений местных и в других государствах. Одна из важнейших местностей в России в земледельческом отношении это: среднее Поволжье, или губернии Симбирская, Казанская, Самарская и Саратовская. Экономические условия быта этого края, хорошие или дурные в нём урожаи, успешная или несвоевременная и дорогая уборка, ценность рабочих, всё имеет сильное влияние на благосостояние значительной части нашего отечества <...> Местная польза и местные потребности среднего Поволжья – вот цель объявляемого издания»³⁸³.

Итак, как видим, уже первый, симбирский «Волжский вестник» 1861 года включал Казань в свою орбиту! «Особое внимание Редакция обратит на доставление сведений и на содействие успеху малых усадебных (фермерских) хозяйств <...> Наступило время громадного преобразования, когда крепостной класс народа должен образовать свободное сельское сословие. Предстоящая реформа приносит и влечёт за собой совершенное изменение быта земледельца. Понятно, что «Волжский вестник», как орган того общества, которое имеет целью благосостояние земледельцев, бдительно должен следить за ходом предстоящих изменений»³⁸⁴.

³⁸³ Указ. соч. С. 43-44.

³⁸⁴ Там же. С. 44.

То есть задумывался не узкоспециальный, а прогрессивный общественный орган. В 1879 году издание возобновилось уже в виде газеты. И здесь также: Казань – в орбите издания. Характерно, что передовицы «Волжского вестника» 1879 года озаглавливались: «Казань-Симбирск-Самара». Подписка на издание принималась в Симбирске, Саратове, Самаре, а также и в Казани, в магазине «Восточная лира». Но 19 июля 1879 года вместо очередного номера «Вестника» вышло объявление: «От редактора-издателя «Волжского вестника». С 17 на 18 июля сгорела моя типография, вследствие чего я вынужден временно прекратить издание «Волжского вестника». Редактор-издатель В.Черников».

Это событие получило отклик в казанской журналистике. «Волжский вестник» – и главный конкурент, и собрат казанских газет на узком тогда ещё поле поволжской журналистики. Например, А. Миропольский, недавно сменивший А.Чугунова на должности главного редактора «Казанского биржевого листка» сообщал в своей газете, что подписчики «Волжского вестника» могут получать вместо него «Казанский биржевой листок» (см. номер газеты от 17 янв. 1880).

Издание «Волжского вестника» в Симбирске не возобновилось. Право издавать газету под тем же названием, как уже говорилось, выкупил у Черникова профессор Казанского университета Н.П. Загоскин. Еженедельник уже имел солидную репутацию, поэтому в Казани он сразу приобрел много подписчиков, а вскоре стал одной из лучших провинциальных газет России.

Итак, казанский «Волжский вестник» появился в 1883 году. Первый год – издавался в виде журнала, с 1884 – стал газетой. К газете прилагались в разное время «Литературный Сборник» и «Сборник научно-беллетристического содержания».

Первый, «журнальный» год жизни «Волжского вестника» хорошо проанализирован Е.В. Курбаковой³⁸⁵. Приведём основные разделы журнала за 1883 год (в том порядке, как они располагались в «Оглавлении» – так называлась роспись материалов журнала за год, опубликованная редакцией):

Городское дело, земское дело, крестьянские и рабочие вопросы, сельское хозяйство и сельскохозяйственное образование, образование и профессиональные школы, церковь, пресса, общественная медицина и, наконец, полемика (материалы, вызвавшие дискуссию собраны в отдельный раздел).

Рубрика «городское дело» не случайно поставлена в журнале на первом месте. Уже в 15-м номере «Волжского вестника» была опубликована «Роспись доходов и расходов г. Казани на 1883 год», далее продолжившаяся статьёй «С чего начать?» (по поводу устранения дефицита бюджета г.Казани). «Среди множества «городских дел» были выделены «банковский вопрос», «казанский водопровод» и др.

Другой исследователь газеты, Б. Колмаков отмечал: «Создание в 1883 году в Казани "Волжского вестника" объясняется тем, что в это время в городе не существовало издания, представлявшего точку зрения, отличавшуюся от официальной. "Казанский биржевой листок" ориентировался прежде всего на буржуазные круги общества, "Губернские ведомости" являлись официальным печатным органом, "Казанские вести" стали выходить лишь в 1890 году, а "Камско-Волжская газета", получившая всероссийскую известность, была закрыта в 1874 году. После ее закрытия местная демократическая интеллигенция испытывала потребность в издании, которое отражало бы ее интересы. Такой газетой стал "Волжский вестник"»³⁸⁶.

³⁸⁵ Курбакова Е.В. Казанская периодическая печать 1883-1884 годов о деятельности органов общественного управления// Ученые записки Казанского университета, 2009, Т.151, кн.2, Ч.2. С.43-51.

³⁸⁶ См.: Колмаков Б.И. Литературная критика газеты "Волжский вестник": автореферат дис. ... канд. филолог. наук: 10.01.01 / Гос. ун-т им. В. И. Ульянова-Ленина. Казань, 1996. С.7. Со своей стороны, отметим, что после закрытия «Камско-Волжской газеты» (1874) и до 1883 года каждый год казанские интеллигенты подавали прошения об открытии новых изданий и всякий раз получали отказ. И лишь перекупкой симбирской лицензии на «Волжский вестник» профессором Н. Загоскиным и переносом издания в Казань удалось им заполучить новую газету.

Став газетой, «Волжский вестник» выходил на 4 полосах. Цена подписки 7 рублей, для иногородних – 9. На первой полосе – реклама и телеграммы «Северного телеграфного агентства». Далее – заметки и корреспонденции по темам. Популярны темы: положения крестьян, кустарное производство, деятельность земств, городское самоуправление, хозяйство, криминальная и судебная хроника, женский вопрос и пр.

Редакторы газеты: Н.П.Загоскин с основания издания до 1891 года. Н.В. Рейнгардт – с 1891 по 1904. Далее полтора года газета не выходила. Началась чехарда собственников и редакторов. Курбакова сообщает: «с ноября 1905 г. вместе с приложением к ней («Казанской сельскохозяйственной газетой») была приобретена с торгов А.Н. Каменцевым. Согласно свидетельству от 31 декабря 1905 г. право собственности на «Волжский Вестник» перешло к К.Х. Орлову при ответственном редакторе В.И. Кудрявцеве. С 27 января 1906 г. ответственным редактором стал А.С. Петров, с 13 марта он был сменин В.М. Боголюбовым. С 9 июня 1906 г. права собственности на газету перешли к А.А. Знаменской и в свидетельстве от 17 июля ответственным редактором значится А.А. Себякина.

При Загоскине ближайшие помощники редактора П. Пономарёв, И. Шаmurин, П. Голубев (с 1885, в 1887 – выслан), В. Поляк и А. Подосёнова (позже – супруги, высланы оба в 1889 году), А. Дробыш-Дробышевский. При Н. Рейнгардте в «Волжском вестнике» – А. Панов, А. Иванчин-Писарев, Вас. Соловьёв. Обращает внимание большое количество так называемых «неблагонадежных», публицистов народнического направления среди руководителей газеты.

Следует согласиться с Б. Колмаковым в том, что «Волжский вестник» стал главной газетой казанской демократической интеллигенции, в некотором роде, продолжателем традиций «Камско-Волжской газеты». Так же эту газету воспринимали и современники. Н. Шелгунов относил «Волжский вестник» в

1885 – 1886 годах к числу лучших российских газет, в чём-то даже дающих фору изданиям столичным:

«Не так давно провинциальную печать составляли только «Губернские ведомости»; теперь для большей части России «Губернские ведомости» стали анахронизмом. Рядом с «Губернскими ведомостями» возникла обширная общая печать – политическая, экономическая, юридическая, литературная. <...> В провинциальной молодой печати, и, вероятно потому, что она ещё молодая, можно усмотреть одну приятную особенность, от которой столичная газетная печать уже давно освободилась. Эта приятная особенность, составляет принадлежность, конечно, не всей провинциальной печати, а только некоторых её органов, в особенности органов её окраин, например: всех сибирских газет и в особенности «Восточного обозрения», кавказских газет, «Волжского вестника», «Земского обзора». В этих газетах чувствуется живая, страстная преданность своему делу и любовь к своему местному очагу, придающая этим органам не только известную силу убеждённости, но и убедительности. В программу этих газет не входит «занимательное» чтение или, точнее, редакции их считают занимательным только то, что приносит пользу их местности. <...> не издательская спекуляция создала эти органы, их создала потребность защиты местных интересов <...> Но рядом с идейным отношением к делу в едва народившейся провинциальной печати замечается уже и червоточина, и то, что было сказано о столичных газетах, приходится повторить и о провинциальных; вообще они не в лучших руках»³⁸⁷.

Подобная «червоточина» коснётся и «Волжского вестника», про редактора 1890-х газет Н.В. Рейнгардта, сменившего Н.П. Загоскина, как раз и будут говорить, что он «не лучшие руки», не удержал направления газеты. Вообще вектор от наибольшей общественно-политической заострённости к массовости, коммерческой рентабельности газет намечается уже с 1880-х газет. Как

³⁸⁷ Шелгунов Н.В. Очерки русской жизни. СПб.: издание О.Н. Поповой, 1895. Стб.23-24.

«Волжский вестник» в общественном отношении – это уже некоторое снижение по сравнению с «Камско-Волжской газетой», так и последующие издания уже не поднимутся на идейную высоту «Волжского вестника» 1880-х, это будет касаться и самого «Волжского вестника», издание которого продолжится около 20 лет после этого.

Одним из популярных средств, с помощью которых разоблачавшиеся со страниц газет чиновники боролись с ненавистной им свободной прессой, становились дела о диффамации³⁸⁸.

Так 14 декабря 1885 года слушалась три дела против «Волжского вестника» за диффамацию мензелинской городской думы, мензелинского городского головы и лесничего Гаврилова. В результате по первым двум делам газета была оправдана, а по делу лесничего присуждена к штрафу 50 рублей. Комментируя, Н. Шелгунов поясняет: «Для г. Попова (мензелинского головы – А.Б.) было важно, чтобы об его действиях не смогли говорить. Потому-то он и начал дело о диффамации, а не о клевете. «Волжский вестник» в статье по поводу оправдательного приговора делает такое замечание: «Мы не будем говорить, насколько неприлично, чтобы не сказать более, для выборного учреждения возбуждать против редактора газеты обвинение в диффамации, лишая обвиняемую сторону возможности пользоваться в подтверждение своих доводов свидетельскими показаниями, то есть тем средством доказательства, которое предоставляется и самым тяжёлым преступникам»³⁸⁹. Дела о диффамации были общим местом в тогдашней практике провинциальной прессы.

Одна из побочных тенденций этого времени (связанная с ростом числа провинциальных газет), которую замечали многие комментаторы – снижение

³⁸⁸ Диффамация (из лат. *diffamatio* «разглашение, распространение») — распространение порочащих сведений, которые могут не носить клеветнического характера; действие, известное уголовному законодательству как преступление, близкое к клевете, но отличающееся от неё двумя признаками: диффамация есть оглашение каких-либо позорящих фактов в печати, тогда как клевета может быть совершена как в печати, так и на словах (публично) или в письме; в диффамации преступный момент заключается в самом оглашении в печати позорящих сведений, независимо от их правильности, клевета же всегда рассматривается как сообщение заведомо ложных сведений).

³⁸⁹ Шелгунов Н.В. Очерки русской жизни. СПб.: издание О.Н. Поповой, 1895. Стб.30.

качества освещения жизни провинции столичными изданиями. Об этом писала, в частности, Л.Я. Гуревич (псевдоним – «Л. Прозоров») в «Северном вестнике»: «С тех пор, как их редакции стали получать известия из всех значительных городов – в местных изданиях, они уменьшили и состав своих корреспондентов, и отдел, который им отводился. Вместо подробного и не связанного подписью рассказа, факты провинциальной жизни ныне в столичных газетах приводятся в сжатой и узкой форме, с указанием на местные газеты. Московские газеты, особенно «Русские ведомости», ещё дают несколько больше места корреспонденциям из провинции, чем петербургские. Но вообще этот отдел в столичных газетах значительно сократился»³⁹⁰.

Ещё раньше о том же писал Н.В. Шелгунов: «...не для провинциального, а для столичного читателя нужен провинциальный отдел в столичных газетах. А именно такого-то отдела в столичных изданиях и нет. В этом смысле «Северный вестник» поступил удачно, открыв у себя «областной отдел». Нужно только, чтобы статьи этого отдела давали обобщения и полные картины быта»³⁹¹. Но на самом деле, и для провинциального вдумчивого читателя наличие провинциального отдела в столичных газетах был важен. Ибо в столицах гораздо больше было возможностей провести что-то о местной жизни через горнило цензуры, чем в самом провинциальном городе. О бесчинствах казанской цензуры этой поры есть у нас довольно много свидетельств³⁹².

Важным приобретением для местной прессы этого времени стал телеграф и возможность пользоваться агентской информацией. При дешевизне провинциальной газеты относительно столичной, это привлекало к ней широкие круги местных читателей, желающих узнавать мировые новости, попадавшие на страницы газеты с телеграфных лент.

³⁹⁰ Прозоров Л. <Гуревич Л.Я.> Из провинциальной печати// Северный вестник. 1893. № 2. Областной отд. С.33.

³⁹¹ Шелгунов Н.В. Очерки русской жизни. СПб.: издание О.Н. Поповой, 1895. Стб. 23.

³⁹² Ср. напр. у М.Р. Бейлина, известного в будущем сибирского журналиста: «Мои свежие воспоминания о Казанской цензуре, это – воспоминания о мучительных волнениях, которые мы все, сотрудники казанских газет, испытывали каждый вечер после отсылки номера газеты в цензуру. Мать, - отправляющая своего сына на войну, – испытывает вероятно то же самое...» и т.д. (см.: Сибирская жизнь, 1901, № 149, С. 3).

1880-е годы – годы формирования рекламного рынка в Казани. Появляется розничная продажа газет. Эти тенденции хорошо освещены в работах С. Галанина. «Даже в конце 1870-х гг. розничная продажа телеграмм и газет являлась для Казани «новым промыслом». Первый известный нам факт газетной розницы в Казани относится к 1872 г. Характерно, что она велась на Устье на пароходных пристанях, то есть месте скопления социально мобильного населения, в том числе предпринимателей. Не случайно основателем первой артели разносчиков в Казани в 1877 г. был А.П. Косых, управляющий конторой Американского пароходного общества. Русско-турецкая война 1877-1878 гг. увеличила спрос на оперативную газетную информацию. Право на разносную торговлю газетами получили ещё три казанских купчихи... Крупнейшей в Казани была артель А.И. Миронова, состоявшая из шестнадцати разносчиков»³⁹³.

«С годами зависимость частных газет от рекламы росла. Это позволило корреспонденту «Волжского вестника» ещё в 1884 г. Говорить об активно идущем процессе превращения «политико-экономико-литературных газет в бакалейно-москательно-галантерейные газеты». К началу XX в. доходы от подписки и розницы отодвигаются на второй план. Главными рекламодателями становятся крупные акционерные торговые и промышленные компании, банки, страховые общества пароходства и железнодорожные предприятия. Газета начинает выходить главным образом за счёт средств рекламодателей, а не читателей. Доход от цены номера лишь частично окупал издательские расходы. Основные деньги давала реклама. Ведущим казанским газетам того времени, тиражи которых были на порядок меньше столичных, реклама давала не менее 10 тыс. руб. в год»³⁹⁴.

С конца 1880-х усилилась конкуренция между «Волжским вестником» и «Казанским Биржевым листком», который с этого времени из общественной взял курс на превращение в коммерческую массовую обывательскую газету,

³⁹³ Галанин С.Ф. Рекламное дело в Казанской губернии в пореформенный период: пути формирования, особенности функционирования. С.23.

³⁹⁴ Там же. С.27.

став лидером рекламного рынка Казани. Конфликты между соиздателями в 1890-е уже годы привели к отпочковыванию от «Листка» газеты «Казанские вести» Н. Ильяшенко (а до этого был ещё проект второй газеты как бы приложения к «Листку» – «Казанские новости» В. Ключникова). После ряда сложных юридических процессов возникла новая газета бывшего редактора (одного из) «Казанского Биржевого листка» Н. Ильяшенко – «Казанский телеграф» (1893), начинавшаяся как право-либеральная (что позволило на первом этапе участвовать в ней представителям того самого народническо-демократического направления, сформировавшегося ещё в период «Камско-Волжской газеты» (Н. Загоскину, П. Пономарёву и др). позже газета ещё заметно правее, становится право-националистической и реакционно-монархистской.

Газета «Волжский вестник» с начала 1890-х переходит в руки Н. Рейнгардту и тоже начинает сдвигаться в сторону коммерциализации и массовизации, но процесс этот происходит медленнее, чем в «Казанском биржевом листке», редакторы (ещё со времён Н. Загоскина сложилась практика – при главном редакторе всегда работает ещё выпускающий, отвечающий за содержание) всё же дорожили «народническим» реноме «Волжского вестника» в глазах публики и стремились сохранить его в новых условиях, хотя писатели традиционно-народнической ориентации как раз и упрекали Н. Рейнгардта в потере его газетой направления. Из положительных явлений отметим, что в газете Рейнгардта пробуют в это время свои силы молодые писатели новой волны – М. Горький, Е. Чириков, П. Перцов и другие.

Итак, к 1880-м годам относится появление рекламного рынка, розничной продажи газет, медиа-рынка и рыночной конкуренции изданий, массовизацию аудитории прессы, количественное увеличение числа газет и изданий. В своих монографиях мы подробно рассматривали тематическое разнообразие казанских газет 1880-1890-х годов, на примере «Волжского вестника» и «Казанского биржевого листка» были представлены разработка казанской прессой

санитарно-гигиенических вопросов³⁹⁵, женского вопроса³⁹⁶, инородческого вопроса³⁹⁷, проблем городского самоуправления³⁹⁸, тема голода в Поволжье начала 1890-х годов³⁹⁹, взаимодействие с органами земств⁴⁰⁰ и другие.

С точки зрения продвижения на рынке наиболее успешную стратегию в 1880-е годы демонстрировал «Казанский биржевой листок». «В 1881 г. “Казанский биржевой листок” собирал столько заказов на публикацию рекламы, что это позволило с 6 сентября начать издание особого еженедельного “Дополнительного листка объявлений” к газете (№№ 71, 73, 75, 83 за 1881 г.). Он печатался большим тиражом, чем сам “Казанский биржевой листок”, и бесплатно рассылался не только подписчикам, но и в “наиболее посещаемые магазины, гостиницы и другие публичные места”. Помимо объявлений там помещались “разные корреспонденции и анекдоты”. Таким образом газета попыталась потеснить своего конкурента на рынке рекламных услуг в лице “Листка объявлений”. Но Главное управление по делам печати усмотрело в этом “Дополнительном листке” не приложение, а попытку ещё одного самостоятельного издания (на основании таких признаков как наличие заглавия, отдельное распространение) и наложило запрет на него. В значительной мере удар по доходам “Казанского биржевого листка” был продиктован недовольством властей его общим направлением»⁴⁰¹, - считает исследователь С.Ф. Галанин.

Важной вехой в истории газеты стало открытие филиалов «Казанского биржевого листка» в Нижнем Новгороде и Симбирске. Самый крупный и значимый – филиал «Казанского Биржевого листка» в Нижнем Новгороде. Открытие нижегородского отделения «Казанского биржевого листка» произошло в 1887 году.

³⁹⁵ Бик-Булатов А.Ш. Очерки истории казанской журналистики. Вып.2. С. 381-394.

³⁹⁶ Там же. С. 485-494. Так же см.: Бик-Булатов А.Ш. Очерки... Вып.1. С.153-155.

³⁹⁷ Бик-Булатов А.Ш. Очерки истории казанской журналистики. Вып.2. С.374-381.

³⁹⁸ Там же. С. 394-403.

³⁹⁹ Там же. С. 403-415.

⁴⁰⁰ Там же. С. 17.

⁴⁰¹ Галанин С.Ф. Роль Казанской биржевой газеты в развитии городской периодической печати во второй половине XIX века. Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. 2019. №. 1 С.

Вот как оценивает роль этой газеты один из её участников-нижегородцев А. Звездин: «Небывалому подъёму и оживлению общества, помимо непосредственного влияния тесного кружка свежих интеллектуальных сил во главе с Анненским и Короленко, способствовало... появление в Нижнем Новгороде в 1887 г. нижегородского отделения «Казанского листка» под заведыванием А.И. Богдановича и П.Г. Ширяева. Целью «Отделения» было «освещение местной жизни и её нужд» <...> Возникла ли эта мысль под влиянием В.Г. Короленко или исходила от Казанской редакции мы не знаем.

Заметим только, что в ту глухую пору в Нижнем выходила единственная газета «Нижегородский биржевой листок», газетка велась слабо и совсем не отражала общественных настроений; имела она, конечно, тягу к интересам крупных промышленников и цензовиков – и сотрудничества с ней местные литераторы избегали: А. С. Гациский, Савельев, Сибирцев, Васильев, Альбицкий, пишущий эти строки и др. предпочитали печататься в неофициальной части «Нижегородских губернских ведомостей», выходивших под редакцией М.В. Овчинникова; но «Губ. ведомости» выходили 1 раз в неделю, имели ограниченный круг читателей и очень скромную программу.

С открытием отделения «Казанского листка» в Нижнем явился новый печатный орган, который оказался довольно опасным и ядовитым «жупелом» в глазах правящих классов. Нижегородская жизнь стала выявляться с двух сторон: в «Волжском вестнике» в статьях В.Г. Короленко и в «Казанском листке» – в ядовитых статьях и фельетонах А.И. Богдановича и корреспонденциях П.Г. Ширяева; в результате появлялись яркие живые и правдивые картины и разоблачения нижегородских деяний – дворянских, земских и городских – с наименованием и обрисовкой главных персонажей. Казанские газеты читались нарасхват»⁴⁰².

⁴⁰² Звездин А.И. Из встреч с В.Г. Короленко// Нижегородский сборник памяти Вл. Гал. Корленко). Н.Новгород: Изд-е нижегородского губсоюза, 1923. С. 113.

На шапке газеты с 1887 года писалось крупным шрифтом «Казанский листок», а на второй строке в центре гораздо более мелким начертанием следовало добавление: «биржевой», а ещё ниже тем же шрифтом – «Г. Казань», фактически, сохраняя юридически прежнее официальное название, газета провела ребрендинг вместе со своей трансформацией из газеты промышленно-коммерческой в общеуниверсальную, и часто в это время читатели её называли уже просто «Казанский листок».

«К концу 1880-х гг. в “Казанском биржевом листке”, несмотря на название, не было ничего специфически “биржевого”. Газета приобрела вид частного ежедневного издания универсального характера. Редакция сознательно шла к этой цели, чтобы увеличить число читателей и, соответственно, объявлений. “Напрасно думают некоторые, – читаем в её заявлении в конце 1886 г., – что “Казанский биржевой листок” – газета исключительно торговая; такое заявление делают просто на основании названия..., совершенно забывая, что в течение 18-летнего существования своего “Листок” шаг за шагом расширял программу издания и в настоящее время представляет собой одну из наиболее обширных и разнообразных по программе провинциальных газет”»⁴⁰³.

Открытие филиалов стало в некотором роде трендом для казанских газет. В 1891 году своё отделение в Нижнем Новгороде открыл и «Волжский вестник», его возглавил А.И. Иванчин-Писарев, прежде один из секретарей головной газеты в Казани.

⁴⁰³ Цит. по: Галанин С.Ф. Роль казанской биржевой газеты в развитии городской периодической печати во второй половине XIX века / С.Ф. Галанин // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств («Вестник КазГУКИ»). 2019. № 1. С. 16.

4.5. Казанская журналистика в 1890-е гг.: массовизация прессы

К 1890 годам общий уровень казанской прессы падает, что подчёркивают и некоторые заезжие столичные журналисты, оказывавшиеся в этот период в Казани и обзоревавшие, среди прочего, состояние местной журналистики. Вот весьма характерное мнение журналиста «Нового времени» Е.Л. Кочетова:

"Против самого университета, поражающего величием своего здания, целый прекрасный дом, занимаемый конторою "Казанского листка", да и "Волжскому вестнику" живётся, очевидно, не хуже, а между тем, присмотритесь к здешним газетам, и вы поразитесь небрежностью писания и печатания некоторых из них, доходящей до безграмотства, а о содержании и говорить нечего: общие мелочи, не захватывающие сути интересов края, а всё остальное – перепечатки из столичных газет с указанием и без указания источников, и в то же время брань на эти же столичные газеты, столь свойственная столичным газетам, подчас беспредметная, так себе, здорово живёшь, дескать, "знай, де, наших... сами, де, мы с усами, нас ведь ничем не удивишь - подражать не желаем и авторитетов не признаём". Нам могут сказать, что всему виною цензура, попадающая в провинции подчас в руки чиновников, не понимающих своего назначения, глядящих узко, лично, и при том всего боящихся. ... но в данном случае это не так. Здесь цензором почтенный профессор, по словам самих обывателей, очень разумно и дельно относящийся к печати»⁴⁰⁴.

Перечислим некоторые события из истории казанской журналистики 1890-х годов, которые мы подробно освещали в наших монографиях:

1. Переход «Волжского вестника» от Н.П. Загоскина к Н.В. Рейнгардту в 1891 году, с этим переходом ряд критиков связывал отход

⁴⁰⁴ Русский странник [Кочетов Е.Л.] Тысячу вёрст по поволжским общественным работам: от Свияжска до Казани// Новое время, № 5790 от 13 (25) апреля 1892. С.1.

газеты от прежнего демократического направления к большей массовизации, частично: бульваризации.

2. Фельетон Е.Н. Чирикова 1892 г. с разоблачением профессора Осокина, вызвавший демарш казанских профессоров и их выход из редакционного совета «Волжского вестника», а в дальнейшем – и выход из него основателя газеты профессора Н.П. Загоскина.
3. Раскол редакции «Казанского биржевого листка», появление в той же нише газеты «Казанские вести» (1890), редактор Н. Ильяшенко. Газету «Казанский биржевой листок» остался возглавлять С.А. Гисси.
4. Прекращение в 1892 году газет «Казанский биржевой листок» и «Казанские вести».
5. Появление в 1893 году преемника «Казанских вестей» газеты «Казанский телеграф» (редактор Н. Ильяшенко), в дальнейшем, одной из ведущих казанских газет начала XX века.
6. 1896 год – появление демократической газеты «Камско-Волжский край», продолжателя традиций первого «Волжского вестника» (первый редактор Н.А. Фирсов, далее – Н.П. Загоскин). Третьей универсальной общественной газеты Казани.
7. 1896 год – картельный сговор трёх казанских газет («Казанский телеграф», «Волжский вестник», «Камско-Волжский край»): отказ от понедельничного номера для оптимизации ценовой политики и нагрузки типографий, кампания в прессе ей предшествующая, осуждение в столичной печати казанского сговора.
8. 1896-1897 – участие казанской прессы в «Мултанском деле». На стороне обвинения – «Волжский вестник», на стороне защиты – «Казанский телеграф», «Камско-Волжский край».

9. Кампания по открытию в Казани «общества защиты несчастных женщин» (в 1897-1898 вела газета «Камско-Волжский край», в начале 1900-х – «Казанский телеграф»).

Упомянутая третья по значению казанская газета второй половины 1890-х годов – «Камско-Волжский край» – просуществовала около двух лет (1896–1898), и не перешла рубеж XX века. Начавшись как полуофициоз (относясь к ведомству министерства путей сообщения), она постепенно заняла нишу типичного для Казани народническо-демократического органа. Особенно это стало заметно, когда «Камско-Волжский край» возглавил основатель и первый редактор «Волжского вестника» Н.П. Загоскин. Несмотря на короткую жизнь, этой газете удалось оставить свой след и в истории казанской журналистики и в целом казанского общества.

Николай Алексеевич Фирсов, первый редактор «Камско-Волжского края» – яркий представитель демократического направления в русской историографии. В Казани он появился в 1859, а в Казанском университете стал временным преподавателем сначала в 1861 году, сменив опального Афанасия Щапова, но окончательно стал университетским преподавателем в 1867, профессором - в 1869 г..

Фирсов – пермский человек. И именно здесь он дебютировал как редактор (ещё в конце 1850-х годов). Напомним, что газету в Казани он основал в 1895 г. (выходит с 1896 г.). Вот ранние вехи его биографии: В 1846 – 1851 гг. учился в Рязанской духовной семинарии, в 1851 – 1855 гг. – в Главном педагогическом институте в Санкт-Петербурге (одновременно с Н. А. Добролюбовым). В сентябре 1855 г. начал преподавать в Пермской мужской гимназии. Принимал активное участие в общественной жизни города, вошел в кружок интеллигенции, сплотившийся вокруг Д. Д. Смышляева.

В 1858 г. опубликовал в журнале «Русский педагогический вестник» «Очерк воспитания девиц в Пермской губернии», вызвавший дискуссию в сто-

личный журналах и активное неприятие в состоятельных кругах Перми. Публиковался в «Пермских губернских ведомостях». В 1859 г. вместе с Д. Д. Смышляевым готовил к изданию «Пермский сборник», разрабатывал его программу, переписывался с авторами, редактировал материал. В первой книге «Пермского сборника» была напечатана его статья «Открытие народных училищ в Пермской губернии», которую Н. А. Добролюбов в своей рецензии назвал одной из лучших в сборнике⁴⁰⁵.

С 1896 года после смерти Николая Алексеевича Фирсова газету «Камско-Волжский край» возглавил другой профессор, знаменитый казанский журналист и редактор Николай Павлович Загоскин. На самом деле, приход его в газету был оформлен ещё при жизни Николая Алексеевича, в рекламном объявлении о подписке на газету, подписанном редактором-издателем Н.А. Фирсовым указывается: «Ближайшее участие в редакционном деле принял на себя профессор Казанского Университета Н. П. Загоскин»⁴⁰⁶. Участие Николая Павловича в газете служило дополнительной рекламой для издания.

Рекламное объявление, подписанное: «За редактора Н.П. Загоскин» появилось уже в декабре того же 1896 года⁴⁰⁷. Текст остался почти тем же, что и раньше, за исключением пассажа о Нижегородской выставке, на которую газета в апреле обещала командировать корреспондента, ибо событие к декабрю уже прошло. Также Загоскиным было исключено сообщение о том, что газета озаботилась «привлечением сотрудников из среды профессоров местных высших учебных заведений», оставив только «лиц, хорошо знакомых с делом областной прессы».

Н.А. Фирсов делал большой акцент на роли иллюстраций в газете: «Вообще периодическое помещение иллюстраций в пояснение статей или событий общественной жизни входит в программу издания». Н.П. Загоскин писал

⁴⁰⁵ См.: <Добролюбов Н.А.> Новые книги: Пермский сборник. Повременное издание. Книжка I// Современник, 1859. Т. 77. Окт.: Русская литература. С. 366.

⁴⁰⁶ См. напр.: Северный вестник. 1896. № 4. Объявления.

⁴⁰⁷ См.: Русское богатство, 1896, 12. Объявление.

о том же уже с гораздо меньшим пафосом: «В пояснение некоторых статей и событий общественной жизни будут помещаться время от времени иллюстрации в тексте газеты». Зато важным показалось Николаю Павловичу внести в текст такое добавление: «Имеются собственные корреспонденты во всех главнейших пунктах края».

Основная же канва объявления не изменилась. Там писалось следующее: «Самая подробная разработка текущих вопросов общественной жизни местного края и возможно полное отражение его действительных нужд и интересов ставятся основной задачей издания. Для достижения намеченной цели «Камско-Волжский край» будет неуклонно стремиться к изучению жизни Поволжья и Востока России в историческом, культурном, экономическом, бытовом, промышленном и торговом отношениях, озаботившись привлечением для этого сотрудников из среды лиц, хорошо знакомых с делом областной прессы»⁴⁰⁸.

Для сравнения, в объявлении об издании «Волжского вестника» на тот же 1897 год особый акцент делался на сельскохозяйственный и торговый отделы, а другой конкурент – «Казанский телеграф» – вставил в своё объявление рекламную акцию. Из всех объявлений о подписке казанских газет на 1897 год «Камско-волжский край» с его акцентом на освещении «действительных нужд местного края» выглядит наиболее общественно-ориентированным.

Вот формулировки из объявлений других упомянутых изданий:

«Волжский вестник» (1897): в шапке объявления также значится: «Основная задача газеты – возможно полное изучение местного Камско-Волжского края и всестороннее представительство его нужд и интересов», но если в предыдущей газете на этом сделан акцент, указаны действия, которые будут предприниматься для этого, сказано, что будут защищаться «действительные

⁴⁰⁸ Указ.соч.

интересы», а не какие-нибудь, то для «Волжского вестника» короткого вступительного предложения достаточно, и далее составители объявления сразу переходят к рубрикам, первая из которых: «действия и распоряжения правительства».

В свою очередь, «Волжский вестник» делает акцент на рубриках, посвящённых бизнесу: «... Сельское хозяйство. Торговый отдел: корреспонденции и телеграммы из главных пристаней и торговых центров, а также обзоры внутренней и внешней торговли. На развитие этих двух последних отделов обращено особое внимание»⁴⁰⁹.

В отличие от прочих казанских газет «Волжский вестник» в объявлениях всегда публиковал довольно полный список авторов, участников газеты. В объявлении газеты на 1897 год среди авторов значатся А.М. Пешков (Максим Горький), Н.Г. Гарин-Михайловский, П.В. Засодимский. Из известных профессоров – Д. Корсаков, Э. Янишевский и некоторые другие, оставшиеся после демарша коллег по университету 1892 года. Из казанских «поволжских народников» – К. Лаврский, П. Пономарев. Находим в списке и А.И. Матова, которого чуть ниже, в этом же параграфе представим, но в качестве автора «Камско-Волжского края». Понятно, конечно, что круг авторов, особенно корреспондентов из провинций у двух газет, тяготеющих к народническо-демократической, областнической ориентации частично совпадает. Впрочем, конечно, по объявлению трудно ещё судить о реальном участии всех названных лиц в газете.

В коротеньком объявлении «Казанского телеграфа» первая фраза звучит так: «Основная задача газеты – служить верным беспристрастным отражением нужд и потребностей Волжско-Камского края и Казани»⁴¹⁰. Мы видим, что фраза про «нужды края» в программах всех трёх газет вполне уже превращается в некий штамп, и всё же в «Казанском телеграфе» она дана с наибольшей

⁴⁰⁹ См.: Русская мысль. 1897. 1. Объявления. С.37.

⁴¹⁰ См.: Северный вестник. 1896., № 4. Объявления.

по сравнению с другими газетами индифферентностью к общественному делу. Если «Камско-Волжский край» делает это основой своей программы, желая выделить среди всех – действительные интересы края, а «Волжский вестник» хочет быть «всесторонним представительством его нужд и интересов», то «Казанский телеграф» - лишь беспристрастным отражением. То есть не представляющим интересы, а равноудалённым, скорее информационным органом. Зато главный акцент в своём объявлении издателя газеты делают на выгоде от подписки: «Все новые годовые подписчики <...> получают газету бесплатно со дня подписки до 1 января 1896 года. Этой весьма существенной льготой пользуются не только городские, но и иногородние подписчики, подписавшиеся хотя бы с рассрочкой платежа». Объявление «Казанского телеграфа» – носит наименее общественный, и более коммерческий характер среди всех основных казанских газет.

За небольшую жизнь (2 года) у «Камско-Волжского края» было несколько резонансных публикаций (кроме упомянутого уже освещения Мултанского дела вятскими корреспондентами «Камско-Волжского края» А. Барановым и В. Жирновым и инициированной тем же Барановым кампании по открытию первого в стране общества защиты несчастных женщин, центром которой стала газета), например, статьи историко-литературного характера. Так, давно вошли в научный оборот статьи и публикации А.И. Матова о Тарасе Шевченко: «Тарас Григорьевич Шевченко в ссылке. Из воспоминаний современников-старожилов». («Камско-Волжский край», 1897, №№ 307, 313, 318). Они неоднократно перепечатывались.

Александр Иванович Матов – провинциальный журналист, сотрудник «Самарской газеты», «Волжского вестника» и других газет Поволжья, в частности, «Камско-Волжского края». Позже, в Оренбурге был редактором газеты «Степь», переписывался с А.М. Горьким. Литературный псевдоним – А. Бурлак. Живя в 1895 – 1896 гг. в Орске, бывая тогда же в Оренбурге, поднадзор-

ный (за его взгляды и деятельность) Матов разыскивал документальные материалы и устные свидетельства о пребывании здесь Тараса Шевченко. Им записаны воспоминания А.О. Лаврентьевой и ее сестры (Ф.О. Тепляковой), Старикова, Канфера, М.И. Бажанова, Циолковского и других. Эти воспоминания вышли преимущественно в «Камско-Волжском крае». Однако публикация их вызвала полемические отклики тогдашней прессы. В частности, П. Юдин в статье «К биографии Т. Г. Шевченко» (Русский архив. 1898. Кн. 1. № 3. С. 461 — 476) указывал А. Матову на ряд неточностей, незнание источников, некритическое отношение к сведениям, почерпнутым из вторых рук.

Для толстоведов интерес представляет вышедшая в «Камско-Волжском крае» заметка князя Д. Оболенского о его пребывании в гостях у Л.Н. Толстого⁴¹¹, где, в частности, автор передаёт отношение великого писателя к известному делу Дрейфуса и Эмилю Золя.

Фельетоны в газете по-прежнему писал Н. Загоскин под псевдонимом Мироллюбов. Говоря о досуге и увеселениях казанцев, газета, как прежде «Волжский вестник», старалась подчеркнуть их социальную сторону (один из примеров: «...Для увеселения простого народа на Мочальной площади открыт, между прочим, балаган Иванова. В этом балагане, в числе прочих видов увеселений, показывается мальчик, гнущийся змеей, подбрасываемый ногами атлета и пр. Следовало бы обратить внимание на разные эксперименты содержателей балагана, они слишком бесчеловечны и способны пробудить в зрителях только грубые чувства»⁴¹²).

Театральную хронику вёл критик В.И. Орлов, скрывавшийся под псевдонимом W. Отметим сотрудничество в «Камско-Волжском крае» в будущем знаменитого журналиста русского зарубежья, редактора одной из самых популярных русских эмигрантских газет – рижской газеты «Сегодня» Максима Ипполитовича Ганфмана.

⁴¹¹ кн. Д. О. В Москве у гр. Л. Н. Толстого// Камско-Волжский край. 1898. № 639. 20 янв..

⁴¹² См.: Камско-Волжский край, № от 31.12. 1897.

Перечень основных сотрудников «Камско-Волжского края» находим в мемуарах В.Н. Трапезникова, известного своим участием в первой частной ежедневной газете Перми «Пермский край», выходившей с 1900 года. Юрист, краевед Владимир Николаевич Трапезников также был одним из организаторов пермской социал-демократической группы «Освобождение рабочего класса». Группа занимались пропагандой марксизма, организовала рабочие кружки, руководила стачками. Но до столь активного пермского периода в жизни Трапезникова был и казанский. Он – выпускник юридического факультета Казанского университета 1897 года, в период студенчества сотрудничал в казанской прессе, в «Волжском вестнике» и особенно интенсивно в «Камско-Волжском крае».

О том времени он вспоминает: «Н.П. Загоскин в это время уже покинул «Волжский вестник» и организовал новую газету «Камско-Волжский край», куда и перетянул меня. Здесь я принял самое близкое участие в редакционной работе вместе с адвокатом М.Л. Мандельштамом, профессором Н.И. Смирновым, земским статистиком В. А. Кулинченко (у Трапезникова ошибочно «Куличенко» – А.Б.) и моим товарищем по факультету М.Р. Бейлиным. Мы с Бейлиным поместили в газете ряд марксистских статей, главным образом, по экономическим вопросам..., а во время Всероссийской выставки в Нижнем Новгороде (1896 г.), я был корреспондентом газеты с выставки (той самой, прославившейся репортажами М. Горького – А.Б.). Когда я окончательно уезжал из Казани в Пермь, Н.П. Загоскин и В.А. Кулинченко, состоявший секретарём редакции, взяли с меня слово, что я буду писать корреспонденции из Перми»⁴¹³. Упомянутый Михаил Рафаилович Бейлин – в будущем (в 1906 году) редактор известной газеты «Сибирская мысль».

На этом завершается раздел, посвященный периоду 1870 – 1890-х годов. Напомним теперь, некоторые его вехи:

⁴¹³ Трапезников В. Л. (Н. – в журнале указан неверный инициал Отчества – А. Б.) Первая частная газета в Перми// Каторга и ссылка. 1931. Вып. 8-9 (81-82). С. 111–112.

- 1867 – выход газеты «Справочный листок Казани» С. Шпилевского;
- 1868 – появление торгово-промышленной газеты «Казанский Биржевой листок»;
- 1870 – в апреле Казанское общество врачей возглавил А.В. Петров, с этого времени началось его преобразование в общественный научный центр, при котором в дальнейшем выходило периодическое издание «Дневник общества врачей»;
- 1870 – трансформации «Православного собеседника», появление общественной рубрики «Летопись»;
- 1872-1874 – выход «Камско-Волжской газеты»;
- 1876-1878 – казанские сборники публицистики: «Первые шаг», «Литературные блины», «Казанский сборник»;
- 1877 – IV Археологический съезд в Казани, положивший начало Обществу археологии, истории и этнографии при Казанском университете (с 1878 года), новому центру, вокруг которого группировались авторы закрытой «Камско-Волжской газеты»;
- Конец 1870-х – начало трансформации «Казанского Биржевого листка» из торгово-промышленной в общественно-политической и универсальное издание (при редакторе Миролубове);
- 1881-1882 – газета С. Шпилевского «Волжско-Камское слово»;
- 1883 – журнал «Волжский вестник»;
- 1884 – газета «Волжский вестник» народническо-демократической ориентации;
- 1885 – 1891 – дальнейшая трансформация «Казанского Биржевого листка» в сторону большей коммерциализации, из общественной с направлением в более общественно-массовую газету, активная работа с соседними регионами (Уфа, Нижний Новгород, Симбирск), открытие корпунктов. Контракты с рекламными агентствами.

Середина 1880-х: появления в Казани ряда справочных изданий, газет объявлений и т.п.

1890 – газета «Казанские вести»;

1891 – переход газеты «Волжский вестник» к Н. Рейнгардту;

1892 – казанские газеты и голод в Поволжье;

1892 – Закрытие «Казанского Биржевого листка» и «Казанских вестей»;

1892 – Скандал в «Волжском вестнике», закрытие рубрики «Дневник обывателя» Е. Чирикова, демарш профессоров;

1893 – появление газеты «Казанский телеграф»;

1896 – появление «Камско-Волжского края»;

1896 – казанские газеты и «Мултанское дело»;

1897 – казанская пресса и кампания по открытию «Общества помощи несчастным женщинам»;

1898 – прекращение газеты «Камско-Волжский край».

Таковы основные события в казанской журналистике за 1870 – 1890-е годы. Мы почти не упоминали в это время «Казанские губернские ведомости», роль которых в местной журналистике этого времени сильно падает по сравнению с 1840 – 1850 годами. Впрочем, газета продолжает быть источником для различных статистических данных по Казани. Так, например, с 1897 по 1899 год в городе функционировало медико-санитарное бюро, состоявшее из одного врача и фельдшера, оно занималась сбором сведений об острых эпидемических заболеваниях, о смертности населения и ее причинах. Собранные данные публиковались в «Казанских губернских ведомостях». В начале XX века по инициативе поэта и публициста, редактора «Правительственного вестника» К.К. Случевского была сделана попытка пересмотра законодательства о губернских ведомостях с целью усилить их влияние на общество, после его докладной записки от 16 декабря 1900 года была даже создана «Особая комиссия по пересмотру правил издания Губернских и областных ведомостей». Но проработала она меньше месяца, не достигнув заметных результатов.

Стоит ещё сказать о поколениях казанских журналистов и авторов, работавших в разное время. Многих из них мы уже называли по ходу нашего исследования. Попытаемся теперь дать раскладку по годам. Списки, конечно, далеко не полные и будут включать лишь основных авторов, о которых уже шла речь в наших монографиях и диссертации.

1800-е годы: Запольский, Зиновьев, Москотильников, Каменев;

1810-е годы: Кондырев, Фукс, Перевошиков, Городчанинов, Кужелев;

1820 – 1830-е: К.Ф. и А.А. Фукс, Лобачевский, Рыбушкин, Огородников;

1840-е: Соколов, Второв, Артемьев, казанская профессура;

1850-е: Березин, Нил Попов, Сп. Михайлов, Ал. Михайлов, Камков, Киттары, С. Аксаков;

1860-е: Щапов, Демерт, Черепанов, Васильев, Шпилевский, Чугунов, о.Иоанн (Соколов);

1870-е: народники и областники: Агафонов, Лаврский, Потанин, Ядринцев, Гациский, Корсаков, Загоскин, Пономарёв, Рылов и др. Многие продолжают сотрудничество в газетах до 1917 года. Литературные критики и журналисты: Н.Ф. Юшков, П.П. Васильев;

1880-е: «неблагонадёжные» из «Волжского вестника»: Поляк, Подосёнова, Голубев, Чириков, Дробыш-Дробышевский; «Казанский биржевой листок» в либерально-демократический период: Миропольский, Соколовский, Страханов;

1890-е: «Волжский вестник»: Рейнгардт, Иванчин-Писарев, Перцов, Засодимский, Чириков, Щепетильникова; «Казанский биржевой листок» («коммерческий период»): Гисси, Ключников, Ильяшенко; «Камско-Волжский Край»: Кулинченко, Баранов, Жирнов, Мандельштам.

Глава V. Казанская журналистика в начале XX века: пресса между двух революций

5.1. Татарская казанская печать начала XX века в общем контексте казанской прессы

Две главные новые тенденции в Казанской журналистике начала XX века – это политизация прессы, появление после 1905 года партийной печати, а также – формирование медиаполя татарской казанской журналистики после 1905 года. Казань становится регионом двуязычной прессы.

Татарская журналистика не совпадает в границах с казанской. Казанские татарские издания в большей степени входят в медиасистему татарской журналистики, литературы и богословия и в меньшей – в систему казанской, до этого времени сугубо русскоязычной печати.

В наших монографиях по казанской журналистике до 1917 года мы подробно занимались в том числе и историей татарской прессы (понять её казанскую составляющую невозможно без подробного изучения всей вообще татарской сферы журналистики и литературы, главными центрами которой помимо Казани были также Оренбург, Уфа, Астрахань, Уральск, частично Стамбул).

Основные этапы развития татарской журналистики были выделены нами во второй монографии, не лишне будет привести их здесь.

1. 1788 – 1820-е гг.

Учреждено Оренбургское магометанское духовное собрание— первая официальная организация мусульман России, созданная по указу Екатерины II в 1788 году. Была учреждена также должность главы российских мусульман — муфтия, кандидатура которого после избрания мусульманским обществом должна была утверждаться императором. Появление ОмДС стало первой предпосыл-

кой будущему появлению мусульманской прессы, именно Оренбургский муфтий стал инициатором появления Азиатской типографии (1800 г., раньше русской), этим был заложен фундамент под тот особый статус «книжной столицы», который приобрела Казань в будущем в российском мусульманском мире. 1808–1810 – проект первой татарской газеты И. Запольского; всплеск татарской духовной книгоиздательской деятельности рубежа 1810-1820-х гг.

2. 1820 – 1860-е гг.

Изучение быта и этнографии татар русскими учеными и публицистами (отдельно упомянем сочинения Карла Фукса). Татарская тема в русской печати. Попытки основания татарских газет⁴¹⁴. Конец 1860-х – экспансия татарского (казанского, поволжского) просветительства в Центральную Азию. Казахстан (Уральск) в будущем превратится в один из центров нарождающейся татарской журналистики, главной звездой которого сделается Г. Тукай.

3. 1870 – начало 1880-х гг.

Татарские календари Каюма Насыри как первое полноценное татарское периодическое издание (с 1870 г.). Ш. Марджани как основатель казанской богословской Исламской школы, ставшей одной из важных предпосылок зарождению журналистики татар (постулирует необходимость внимательного отношения Ислама к проблемам общества и светскому миру). Учебные издания К. Насыри как предпосылка журналистики (укоренение традиции светского учительства в мусульманской городской среде). Сближение Ш. Марджани, К.

⁴¹⁴ О проекте М. Никольского см. в монографии Рзаева: "В 1834 г. студент Казанского университета, кандидат восточного разряда М. Никольский подал попечителю Казанского учебного округа подробный проект издания газеты под названием «Море новостей». Этот проект был направлен на заключение М. Казем-Беку, который, поддержав предложение М. Никольского, внес ряд дополнительных предложений и выразил уверенность, что найдутся образованные люди, желающие трудиться в редакции газеты. М. Казем-Бек подробно остановился на языке будущей газеты, поставил задачу заботиться о его чистоте. «Можно надеяться, все наречия посредством этого сольются в один язык и обработанный... Издание газеты на татарском языке... без сомнения, принесет большую пользу татарам относительно их просвещения и более всего в отношении торговли и промышленности. Оно даже необходимо... в таком городе, как Казань, где мы имеем все средства к множению его» (92, ф. 92, оп. 3, ед. хр. 566, л. 8)». Источник: Рзаев А. К. Мухаммед Али Мирза Казем-Бек. - М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1989. С. 20. Итак, уже в 1834 году проф. Казем-бек даёт чёткое понимание: газета поможет выработать единый литературный татарский язык. Так и вышло, именно с появлением татарской прессы вопрос о татарском языке сделался первым на повестке и одним из самых обсуждаемых (уже в 4 номере первой татарской газеты "Нур" (1905) вышла статья редактора Баязитова "На каком языке будем писать?").

Насыри с русскими общественными структурами, мосты между татарским миром и русским (к которому относятся и газеты).

4. 1883 – 1905 гг.

Эпоха монополии крымскотатарской газеты «Терджиман»/«Переводчик» Исмаила Гаспринского. Идеи Гаспринского по объединению тюркских народов в единую внутрироссийскую национальную общность с единым языком. Реакция на эту идею у других тюркских народов. Газета «Терджиман» как первая школа журналистики для будущих татарских казанских журналистов первой волны (Х. Максуди, Ю. Акчура и др.). «Языковой вопрос» как краеугольный вопрос в литературе и журналистике тюрко-татарского мира. Зарождение обновленческого просветительского мусульманского течения «Джадидизм». Poleмика с «кадимистами» (традиционалистами). Казанская повестка в «Терджиман».

5. 1905 – 1907 (1908) гг.

Первые легальные татарские (в т.ч. казанские) газеты. Монополия «Терджимана» прервана. Начало национальной журналистики тюркских народов. Политизация татарской прессы. Либералы, организация: «Иттифак аль-муслимин» (союз мусульман), попытка объединения «иттифаковцев» с партией кадетов. Газеты либералов: «Казан мухбире» («Казанский вестник»), ред. Ю. Акчура, газета «Юлдуз» («Звезда»), ред. Х. Максуди). Издания левых: группы «тангистов» (усл. татарские «эсеры»): «Танг йолдызы» («Полярная звезда»), «Тавыш» (Голос) и др. Лидер – Гаяз Исхаки. Социальная повестка в татарской национальной прессе: школьный вопрос, женский вопрос и др. Роль сферы «Сенного базара» в формировании казанской татарской печати. По этой части разделение казанских изданий может выглядеть так: газета «Казан мухбире» – газета «улицы», буржуазных кругов «Сенного базара»; «Юлдуз» – газета «чистого» джадидизма, улемов-богословов; «Танг йолдызы» и «Эль-Ислах» (татарские левые газеты) – газеты «прошакирдские».

6. 1907 (1908) – 1911 гг.

Кризис после Столыпинских реформ, направленных против национальностей. Многие лидеры татарской печати оказались за границей (Ю. Акчура. Г-Р. Ибрагимов). Фактически развал партий «Иттифак-аль-муслимин» и «тангистов». Если бы группу Гаяза Исхаки не развалили, Тукай, приехавший в Казань в 1907, по всей видимости, влился бы в её ряды. Так – оказался в социал-демократической газете «Эль-Ислах» (Реформа), ред. Ф. Амирхан, позже Г. Тукай выпускал сатирические иллюстрированные журналы. Взаимодействие и дискуссии татарских и турецких интеллектуалов. Коллаборация «тангистов» с консервативной (кадимитской) газетой «Бэянешлак» (Глашатай правды) и реакция на это сближение в татарской прессе. Основные газеты в Казани: «Бэянешлак» (правая), «Юлдуз», «Казан мухбире» (либеральные), позже – добавится «Кояш» (Солнце), левая.

7. 1912-1916 гг.

Поворот к национализму в татарской прессе. 1912 – Балканская война и её отражение в татарской печати; 1913 – смерть Г. Тукая; освобождение Г. Исхаки по амнистии к 300-летию династии Романовых. Издание им в Москве, после – в Санкт-Петербурге газеты «Иль» (Родина) (далее: «Суз» (Слово), «Безнен Иль» (Наша Родина)). 1914 – 1916: Первая мировая война. Дискуссии: о чём эта война для татар? 1915 – вопрос о муфти. 1915 – сборник к юбилею Марджани. Журналы «Анг» (Сознание), «Сююмбике». Деятельность Галимджана Ибрагимова. 1916 – 10-летний юбилей газеты «Юлдуз». Деятельность политэмигрантов Ю. Акчуры и Габдель-Рашида Ибрагимова.

8. 1917–1918 гг: Движение к политической и культурной автономии татар. Взлёт татарских газет.

Казанские татарские газеты были, прежде всего, частью общетатарской сферы прессы, и в Казани составляли своё, как бы сейчас сказали, медийное поле, мало пересекаясь с русской казанской прессой. Здесь сложились свои характерные особенности и правила, и в целом, это, конечно, новый объект

исследования по сравнению с тем, которому в целом посвящена настоящая диссертация.

В контексте настоящей работы важно для нас проследить взаимосвязи русской и татарской казанской печати, которые сложились в начале XX века, и по необходимости дать некоторую характеристику казанским представителям татарской прессы. Более подробное изучение всей татарской печати от зарождения до 1918 года, как уже говорилось, мы предприняли в нашей монографии, V раздел которой может быть выделен в отдельное обзорное исследование по истории татарской журналистики.

Относительно 1-3 этапов в истории казанской журналистики, вернее, пра-журналистики, можно сказать, что все проекты татарских газет в XIX веке предпринимались людьми, находившимися в тесной связи с русскими образовательными кругами, либо и вовсе русскими, в т.ч. известными российскими журналистами. В частности в 1860-е годы с проектом газеты на татарском языке «Файда» (Польза) выступили сначала известный публицист-ориенталист П.И. Пашино, а затем один из известных издателей и журналистов братьев Курочкиных – Владимир⁴¹⁵. Первый проект татарской газеты, напомним, предложил ещё И. Запольский, разрешение было получено, но из-за отсутствия у губернии собственной татарской типографии, закупать которую вопреки обещанию не стал губернатор Б. Мансуров, издание не состоялось. В 1835 году возник проект студента М.Г. Никольского, о нём уже было сказано выше.

После открытия в Казани Азиатской типографии (1800) постепенно Казань приобретает статус одной из книжных столиц всего тюркского мира. К. Фукс писал о том, что интенсивность книжного дела у татар возросла вместе

⁴¹⁵ Подробнее см.: Каримуллин А.Г. О проекте татарской газеты "Файда" Владимира Курочкина// Учёные записки Казанского гос. пед. инст-та, 1972. Вып. 101. С. 84-89.

с открытием Библейских обществ (рубеж 1810-1820-х гг.), татары также стремились издавать свои духовные книги, как и русские, расширившие эту деятельность в это время в связи с работой отделений Библейского общества.

Вообще, именно духовенство и богословы в отсутствие газет и журналистики долгое время были акторами татарской публичной сферы. В Казани вокруг фигуры Шигабутдина Марджани сложилась своя, казанская школа Богословия, отличавшаяся большим вниманием к светским вопросам, затрагивающая в своих трудах общественные вопросы и современное устройство человеческого общежития. Отнюдь не только в религиозном смысле. Ш. Марджани также был первым местным имамом, разрешившим сфотографировать себя для Лондонского периодического издания (как известно, в мусульманских канонах действуют жёсткие ограничения на изображение человека, и нужен был авторитет духовного лидера, чтобы местные общины приняли фотографию).

Ш. Марджани хотя и не писал по-русски, и для чтения русских книг пользовался переводчиками, однако налаживал связи и с русским миром, принимал участие в заседаниях Казанского общества археологии, истории и этнографии, выступал там с докладами. И вообще был довольно нетипичным казанским имамом, на него сыпались доносы от коллег по цеху, приверженцев старых порядков.

У татарской части общества не было привычки и к газетам: считалось, что субъектами публичной дискуссии и писательства могут быть только имамы, выпускники религиозных заведений. Постепенно происходило расширение рамок медиаполя у татар, всё больше издаётся светских книг, в татарской педагогике зарождается реформаторское, обновленческое течение «джадидизм», вскоре вышедшее за границы сугубо педагогического явления, став одновременно религиозно-философским и общественно-политическим направлением мысли.

Первое периодическое издание татар, выдержавшее долгосрочное существование – календари Каюма Насыри, выпускавшиеся с начала 1870-х годов. Касаемо фигуры К. Насыри, очень важным фактом для его восприятия ученым сообществом являлось обстоятельство его сотрудничества и вообще близости с русскими учреждениями, русской интеллигенцией. Вот как пишет об этом биограф великого татарского просветителя Радик Салихов: «Вероятно, в поисках живого общения и литературы Каюм познакомился с представителями русской интеллигенции и православными миссионерами, которые вскоре сами предложили одаренному мусульманину занять должность преподавателя татарского языка в Казанском духовном училище. В 1855 году Каюм Насыри начал давать уроки будущим христианским священнослужителям, и через несколько лет, набравшись педагогического опыта, перешел на аналогичную работу в Казанскую духовную семинарию. Для мусульманина это был по-настоящему смелый, даже отчаянный шаг. Общественное мнение казанских татар в то время категорически не одобряло сотрудничество правоверных мусульман с православным государством в образовательной сфере <...>».

Новый и, пожалуй, самый важный этап в жизни педагога начинается в семидесятых годах XIX века, когда правительство, озаботившись автономией мусульманского конфессионального образования, приняло ряд мер по его интеграции в систему государственного российского просвещения. Важнейшей задачей тогда считалось введение обязательного обучения шакирдов мектебов и медресе русскому языку, повсеместное создание светских русско-татарских школ. Реализация этих решений шла крайне тяжело, встречая сопротивление духовенства и мусульманского населения. Без того непростое положение усугублялось отсутствием кадров национального учительства, имеющего профессиональный опыт и владеющего государственным языком.

Наверное, единственным мусульманином в Казани, способным на ведение плодотворной педагогической работы в новых татарских учебных заведениях, был Каюм Насыри. Он с воодушевлением взялся за организацию такой

школы <...>. Но, как это обычно бывает с первопроходцами, неутомимый просветитель вместо признания получил лишь проблемы и неприятности. Для большинства татар он так и остался «Урыс Каюм» – «Русским Каюмом», а для чиновников Министерства народного просвещения – излишне самостоятельным учителем, не желавшим заниматься откровенной миссионерской деятельностью»⁴¹⁶.

Деятельность Каюма Насыри заинтересовала сибирского областника Г.Н. Потанина и была затронута им в очерке, опубликованном в знаменитом провинциальном сборнике «Первый шаг» в 1876 году.

Первая газета тюркского мира, распространявшая своё влияние и на Казань – «Терджиман/Переводчик» (1883-1918) крымского татарина Исмагила Гаспринского, в прежние времена бывшего литературным секретарём у Ив. Тургенева, городского головы Бахчисарая. Сторонник создания общетюркской цивилизации и общего языка, он при этом оставался патриотом России, и не мыслил создание тюркского конгломерата в отрыве от России, в его идее – культурное объединение тюрков, российских мусульман. Неслучайно вполне положительную оценку деятельности И. Гаспринского получила в устах известного миссионера по работе с инородцами поволжского региона Н. Ильминского⁴¹⁷. В газете Гаспринского проходили первую школу многие будущие известный, в т.ч. казанские татарские журналисты.

⁴¹⁶ Салихов Р.Р. Участь первопроходца// Время и деньги: сайт Юрия Алаева. Публикация от 13.10.2003. Эл. ресурс: URL.: <https://www.e-vid.ru/index-m-192-p-63-article-4551.htm>. Дата обращения – 03.08.2022. Режим доступа – свободный.

⁴¹⁷ При этом исследователи подчёркивают: «Проект Н. Ильминского прямо противостоял джадидскому проекту И. Гаспринского. Если движение И. Гаспринского носило центростремительный характер в рамках мусульманского мира России, то движение, возглавляемое Н. Ильминским, ориентировалось на центробежные тенденции. Благодаря противостоянию казахской племенной элиты татарским улемам и поддержке русифицированных казахских интеллигентов типа Ибрагима Алтынсарина Н. Ильминский создал светскую систему образования на казахском языке на основе кириллицы. Она заменила мусульманскую татароязычную систему образования. В Неплюевском кадетском корпусе в Оренбурге Н. Ильминскому удалось добиться перевода системы образования с татарского на казахский язык и превращения Татарской учительской школы в Оренбурге в киргизскую (казахскую)». (См.: Хабутдинов А.Ю. Казанская тень Победоносцева: Николай Ильминский// Мадина аль-Ислам, 2011, № 112. Эл. версия – см.: <http://www.idmedina.ru/medina/?2184>). И всё же джадидистское и татарское влияние пустило на этих землях весьма сильные корни, и преодолеть его окончательно миссионерам типа Н. Ильминского не удалось.

Специфику ранней татарской печати составляло и то, что в то время не существовало ещё единого литературного татарского языка, фактически молодая национальная пресса стала главной живой лабораторией по выработке правил и норм языка.

«Во многом литературный стиль задавал «Терджиман», – пишет Д. Галиуллина. – Влияние его было настолько сильным, что все вышедшие до 1905 года книги печатались на наречии, близком к османскому. Газету часто критиковали за сложный и малопонятный язык <...> критиковал язык «Терджимана» и Г. Тукай. Он был сторонником самостоятельности татарского национального языка. Это нашло отражение и в его поэзии. Но он и сам не избежал влияния «Терджимана». В настоящее время Ш. Марджани, К. Насыри, Г. Тукая мы вынуждены переводить на современный татарский язык. По мнению М. А. Уманова, газета оказала сильное влияние на языковой стиль татарской национальной прессы начала XX века»⁴¹⁸. По словам Дж. Валиди, «влияние этой небольшой газеты <для интеллектуальной элиты тюрков-мусульман> было в тысячу раз значительнее, чем то, что было у «Нового времени» или даже у знаменитой английской «Таймс»»⁴¹⁹. Но появление газет на отдельных тюркских языках (собственно, татарском или азербайджанском, хотя у азербайджанцев и до «Терджимана» существовали издания, но в начале XX века число их множилось), ставшее возможным после первой русской революции 1905 – 1907 года – означало конец монополии «Терджимана», в том числе и в вопросе языковой политики. Уже создатель первой легальной татарской газеты «Нур» Г. Баязитов даже на стадии прошения об открытии своего издания критиковал язык «Терджиман», называл его неудобным для татар, и по выходе «Нура» тут же поставил вопрос о языке.

⁴¹⁸ Галиуллина Д.М. Влияние идей И. Гаспринского на развитие просветительства среди казанских татар в конце XIX – начале XX века// Образование и просвещение в губернской Казани: сб. статей. Вып.2. Казань: Ин-т истории АН РТ, 2009. С. 62; 64.

⁴¹⁹ См. там же. С.60.

В четвёртом номере «Нура» его редактор Г. Баязитов «обратился ко всему татарскому народу: «Нэ делдэ язармыз?» – «На каком языке будем писать?»» (Нур. 1905. № 4). На страницах газеты по этой проблеме начинается «Тел бэхэсе» – дискуссия, спор о языке. В споре участвовали ученые, историки, богословы, мударисы-педагоги»; «нужно было определиться с языком газеты»⁴²⁰.

Развитие татарского литературного языка в конечном счёте пошло по другому вектору, нежели предлагал И. Гаспринский. Более влиятельной оказалась традиция, созданная казанским учёным Каюмом Насыровым, далее – на основе арабской графики был создан татарский национальный алфавит известным казанским журналистом, редактором и общественным деятелем, учёным Хади Максуди.

«К. Насыри писал на языке, как выразился Г. Губайдуллин, «...который близок к разговорному языку казанских мещан». Иначе говоря, К. Насыри в основу взял язык казанских татар. Он считал, что язык казанских татар относится к общетюркской языковой группе, но вместе с тем имеет свои особенности и правила. К. Насыри внёс весомый вклад в развитие татарского языка и литературы. Среди его многочисленных трудов были татарско-русский и русско-татарские словари, азбука и грамматика татарского языка и др. По мнению Г. Ибрагимова, первым словосочетание «татарский язык» употребил К. Насыри. Он одним из первых доказал и обосновал необходимость татарского языка и боролся за его освобождение от влияния турецкого языка. Именно ему мы обязаны первыми исследованиями в области татарской лингвистики»⁴²¹.

Говоря о борьбе с османским влиянием в языке, современник К. Насыри, русский профессор Смирнов, напротив, приписывал Каюму-ага некоторое следование турецкой моде: «Но что ещё существеннее – сами местные казан-

⁴²⁰ Хуснетдинов Р.М. Вопросы татарского языка на страницах газеты «Нур» («Луч») и журнала «Шура» («Совет»)// Вестник Чувашского университета. 2010. № 1. С.247.

⁴²¹ Галиуллина Д.М. Указ. соч. С. 62.

ские сочинители стараются теперь в своих оригинальных произведениях подделывать свой язык под османскую литературную речь. Таким свойством отличаются позднейшие сочинения Абдуль-Каюм муллы Насырова», но он же называл календари К. Насыри «отрадным явлением» в мусульманской печати: «...можно считать отрадным явлением ежегодное печатание календаря Абдуль-Каюм Насырова с прибавлением разных статей общеплезного содержания, а в самое последнее время издания учебников географии и арабской грамматики, ибо они несколько приучают татарских грамотеев к простому, общежитейскому содержанию читаемого в печатной книге». Все эти суждений русского профессора о Каюме Насыри и его трудах перепечатывает в своей газете «Терджиман» И. Гаспринский⁴²².

Р. Шангараев считает, что «в реформировании татарского языка можно выделить два этапа – вторую половину XIX – начала XX веков (до 1905 г.) и 1905 – 1917 года. На первом этапе основная роль создания национального языка принадлежала К. Насыри. Именно он добился того, чтобы литературный язык стал более «татарским». Кроме прочего, это было сделано и через подготовку словаря «Ләһжәи татари» (1895–1896), содержащего в основном слова татарского (тюркского) происхождения. Но как на самого К. Насыри, так и на его современников, османские и арабские языки ещё продолжали оказывать заметное влияние. ... После революции 1905 – 1907 гг. ситуация в области реформирования татарского языка резко изменилась. Во-первых, начиная с 1905 года появилось большое число газет и журналов на татарском, язык которых всё больше демократизировался. Во-вторых, проводились различные общественные мероприятия, которые способствовали укреплению позиций собственно «татарского» языка, например, известные «языковые соревнования» – «тел ярышы», в 1909 – 1910 годах организованных редактором журнала

⁴²²См.: Гаспринский И. Полное собрание сочинений. Т. III. Публицистика: 1887–1890 гг. Казань – Симферополь: Ин-т ист. им. Ш. Марджани АН РТ, 2019. С. 263 – 264.

«Шура» Р. Фахретдиновым (журнал издавался в Оренбурге – А.Б.), где требовалось написать рассказы и сообщения с минимальным количеством арабских и персидских заимствований»⁴²³.

Итак, газетная монополия в тюркском мире Исмагил-бея Гаспринского, издателя газеты «Терджиман/Переводчик», сторонника единого общетюркского литературного языка, прервалась после событий 1905 года. Появились газеты и в Казани.

Первая из вышедших в Казани татарских газет – «Казан мухбире» (Казанский вестник), с 29 окт. 1905, первый издатель С. Алкин, фактическим редактором в 1906 был Ю. Акчура, после 226 номера «Казан мухбире» выкупил казанский бай А. Сайдашев – по словам исследователя Марсея Аскарлова, «выступала за развитие литературного языка на основе общепонятной живой разговорной речи народа... Газета в первую очередь решительно выступала против попыток отуречить татарский язык... Татарский язык, доказывали они <т.е. – «демократически настроенные публицисты “Казан мухбире”»>, не имеет ничего общего с османо-турецким, который так активно пропагандирует главный редактор газеты «Терджиман/Переводчик» Исмаил Гаспринский»⁴²⁴. Также газета возражала и сторонникам арабских и персидских заимствований, для которых эта лексика была важна, будучи связанная с религиозной терминологией. «Казан мухбире» настаивал: заимствование в большинстве – не прижились, в татарском языке есть свои слова.

Газета «Казан мухбире» одной из первых начала разработку общественно-политической лексики татарской периодической печати. Благодаря «Казан мухбире», татарская публицистика обогатилась новыми понятиями, созданными на основе словарного богатства татарского языка, и терминами,

⁴²³ Шангараев Р.Р. Проблемы формирования татарского литературного языка на рубеже XIX-XX вв. на примере газеты «Нур»// Вестник Российского исламского университета. Казань: РИУ. – 2005. – №1. – 174 с. С. 97– 104. Цит. по электронной публикации: URL.: <https://e-riu.ru/knldg/pbl/?id=256>.

⁴²⁴ Аскарлов М.А. Газета «Казан мухбире» («Казанский вестник») и ее роль в развитии татарской публицистики начала XX века: автореф. дис. на соиск. учен. степ. к.филол.н. Казань, 2004. С. 15, 16.

освоенными из других языков. Газета была своего рода лабораторией, где проводились серьезные опыты в области создания мощнейшего оружия публицистики — общественно-политической лексики», — утверждает М. Аскар⁴²⁵. Мы видим на этих примерах, какую выдающуюся роль играла пресса в формировании татарского литературного языка.

Появление первых татарских газет совпало с появлением первых легальных партий. Наряду с либеральным «Казан мухбире» и умеренно-либеральной «Юлдуз» (Звезда), вскоре свои газеты получили и татарские левые, наиболее влиятельная их группа — левоэссерская «Танчылар» (заристы), по названию газеты «Тан йолдызы» (Полярная звезда). И если в деле учреждения периодических изданий казанские татары отставали от русских примерно на сто лет, то учреждать партии пришлось одновременно представителям обеих наций, и первая печать татар сразу же стала партийной.

Вообще, в истории татарской нации начало XX века — один из ключевых периодов, в эти годы происходит духовное, культурное, политическое, социальное и философское обновление и возрождение нации. Татарские интеллигенты стремятся учиться у русских, цивилизовываться, получать новые знания и новый статус в общероссийском публичном и политическом поле. Газеты, печать — были одним из проявлений этого обновления нации. Политически, философски это обновление зачастую связывалось со сближением с русской культурой и образованием, глубоким изучением русской литературы, стремлением, через сближение с русской войти и в европейскую семью цивилизованных народов.

Русофильский тренд в молодой татарской журналистике поддерживали и многие либералы (например, С.Г. Алкин, основатель «Казан мухбире») и татарские левые (безусловный лидер — Гаяз Исхаки, главная фигура в группе «танчылар» и один из наиболее популярных вообще татарских писателей).

⁴²⁵ Там же. С.17.

Этот тренд был доминирующим в татарской прессе до 1908 года (после разгрома первых двух Дум и принятия столыпинских законов, ущемлявших права национальностей).

После этого доминирующим становится тренд выражения национальной самобытности. Период с 1907-1908 года в целом кризисный для татарской политической журналистики, часть национальных общественных лидеров и ведущих журналистов эмигрирует в Турцию (Ю. Акчура, Г.-Р. Ибрагимов и др.), но именно с этого времени русскоязычная пресса начинает всё активнее замечать и освещать деятельность татар. Некоторые русские журналисты – П.А. Пономарёв (по матери – из татарского рода Алкиных), Н.П. Загоскин, Н.Ф. Юшков и др. начинают печататься в татарских газетах. В русских газетах также появляются татарские имена.

Так постоянную рубрику «Из мусульманского мира» на протяжении почти всего 1909 года вёл в «Камско-Волжской речи» Г. Сайфетдинов (псевдоним «Гассан»). Им делались обзоры татарских газет, печатались новости из театральной жизни татар.

Активным представителем татар в русской прессе являлся Саид-Гирей Алкин, присяжный поверенный, депутат I Думы, основатель газеты «Казан Мухбире», его статьи и открытые письма можно было встретить в ведущих русских газетах Казани 1910-х годов, более всего в «Камско-Волжской речи», реже в «Казанском телеграфе».

Показательна полемика по поводу татарских писателей, разгоревшаяся в 1908 году в русских изданиях, куда потом включились и татарские газеты. «21 мая 1908 года в газете «Волжско-камская речь» была напечатана обзорная статья А. Пинкевича «Очерки новейшей татарской литературы». Сравнивая произведения трех поэтов – Сагита Рамиева, Габдуллы Тукая и Маджита Гафури, обозреватель находит, что лишь стихи первого из них, несмотря на формальные изъяны, могут быть причислены к подлинной поэзии, поскольку ли-

шены морализаторства. Стихи Тукая совершенны по форме, но зачастую грешат дидактикой, а что касается Гафури, то он, по мнению А. Пинкевича, вообще не может называться поэтом. Статья вызвала бурную дискуссию»⁴²⁶.

Далее в монографии, посвящённой Г. Тукаю, известного казанского литературоведа второй половины XX века Ибрагима Нуруллина переданы подробности этой дискуссии. Она началась со статьи некоего Касима Уральяца, опубликованной в левой, социал-демократической газете «Волжский листок». В контр-рецензии её автор обвинил А. Пинкевича в незнании татарской поэзии и переоценке поэзии Тукая. В свою очередь сам К. Уралец там же объявил «гордостью нации» Маджида Гафури.

Несколько дней спустя уже в либеральной, прокадетской газете «Волжско-Камской речи» неизвестный автор под псевдонимом «Татарин» помещает статью «Невежество или глупость». Там он обвиняет М. Гафури в национализме и морализаторстве. «Его произведения, без боязни ошибиться, можно назвать проповедями святых, которых, к сожалению, у нас и так в избытке»⁴²⁷. Также в статье отмечались упреки, брошенные в адрес Тукая.

«Не остался в стороне от полемики и Амирхан. 13 августа в статье «Татарские поэты», помещенной в «Эль-ислахе», он с иронией спрашивал Касима Уральяца: «Господин критик утверждает, что Гафури близок к американскому поэту Уитмену. Я спрашиваю, может быть, он еще ближе к европейскому поэту Гёте по глубине своей философии?»⁴²⁸.

Здесь мы видим пример действия в едином информационном поле русских и татарских казанских газет. Из них – «Волжско-Камская речь» – газета либерально-демократическая, генеалогия которой идёт от «Волжского вестника», «Волжский листок» - к тому времени, марксистская, хотя начинался как либеральная газета, типичный представитель так называемой «малой прессы».

⁴²⁶ Нуруллин И. З. Тукай. М.: Молодая гвардия, Серия ЖЗЛ, 1977. Глава 4. На родной земле. П.4. Эл.версия: <https://biography.wikireading.ru/220703>).

⁴²⁷ Цит по: Нуруллин И. З. Указ. соч.

⁴²⁸ Там же.

Вообще, первые марксистские кружки в Казани появились ещё в 1880-е годы, они учреждали и нелегальные типографии, печатали листовки и воззвания, время легальной марксистской прессы наступит уже в 1900-е годы.

Из русских изданий «Волжско-Камская речь» (издавалась с 1 декабря 1907 по 30 сентября 1908 года, потом её сменила «Камско-Волжская речь»), пожалуй, первая из русских казанских газет делает планомерные попытки познакомить русскую публику с татарской литературой. Кроме упомянутой полемики, здесь печатаются несколько переводов стихов С. Рамиева и другие материалы.

Острая перепалка произойдёт между Ф. Амирханом, редактором татарской лево-националистической газеты «Эль-Ислах» (Реформа) и русским сотрудником театрального отдела консервативной казанской газеты «Бэянелхак» (Глашатай правды) Н.Ф. Юшковым, бывшим редактором «Казанских губернских ведомостей». Театральный критик решает «из сочувствия» к татарам, и «чтобы поднять их культурный уровень», печатать в газете театральные новости на русском языке. В ответ следует едкая отповедь от «Эль-Ислах». В «Бэянелхак»е, в № от 20.01.1908 выходит «Письмо Н.Ф. Юшкова по поводу бестактности “Аль-Ислаха”», газета публикует ответ (в № от 3. 02. 1908), разражается полемика.

Как видим, иногда в информационном поле казанской журналистики начала XX века возникают уже сюжеты, затрагивающие одновременно русские и татарские издания, русских и татарских журналистов.

Либеральные русские издания в целом приветствовали появление и развитие татарской национальной прессы, указывали на то, как быстро произошло это развитие, которому прежде мешали лишь искусственные препоны, чинимые законодательными органами, запрещавшими татарам их газеты и журналы, при том, что потенциальная аудитория для газет давно уже была сформирована у татар. Освещение общественной и культурной жизни татар в целом доброжелательно велось и со страниц правого русского национального

органа печати «Казанского телеграфа». Но при этом отвергалась идея о национальном равноправии и национальной самостоятельности у татар, подчёркивалась ведущая роль русской культуры и русской нации, через сближение с которыми только у любых российских инородцев, в т.ч. у татар, по мнению «Казанского телеграфа», есть шанс войти в мировую цивилизацию и семью народов.

Предвзятое и несерьёзное отношение к татарской печати встречаем мы в первое время и у цензурных органов. Р. Амирханов во введении к монографии «Татарская дореволюционная пресса в контексте «восток – запад» пишет: «Должны заметить, что в процессе более чем 20-летней работы над материалами по периодической печати у нас выработалось предубеждение относительно суждений, высказываний царских цензоров различных рангов, которые с присущим им высокомерием и даже в развязной манере рассуждали о татарской прессе, не очень заботясь об объективности вынесенного ими вердикта. В архивных фондах в своей массе отложились именно такие материалы, в которых чиновники нелестно отзываются не только о татарских газетах и журналах, об их редакторах, подвижниках издательского дела, но и о народе в целом, не утруждают себя серьёзным анализом, пишут в пренебрежительном, а то и в презрительном тоне»⁴²⁹.

Далее учёный приводит несколько подобных цитат и заключает: «Общее пренебрежение к национальной прессе в конечном итоге приводило к тому, что цензура (особенно на первых порах) не пыталась даже разобраться в идейной направленности печати. В одном из отчётов за 1907 год было заявлено, что «точно охарактеризовать направление татарских газет нет возможности, каждая из них содержит материал несомненно прогрессивный, и в то же время помещает статьи консервативного характера»⁴³⁰. Впрочем, позднее цензура

⁴²⁹ Амирханов Р.И. Татарская дореволюционная пресса в контексте "Восток - Запад" (на примере развития русской культуры. Казань: Тат. кн. изд-во, 2002. С.17.

⁴³⁰ Там же С.18.

стала к татарским изданиям относиться внимательнее, примеры из более поздних отчётов также приводятся у Р. Амирханова.

Приведённое заключение цензора не лишено оснований. Действительно, выстраивание направлений в татарской прессе не выглядит столь непримиримым, как в самые характерные годы в истории русской журналистики. Все татарские издания объединяло помимо направления то, что все они как бы представляли и выражали в публичном поле интересы татарского народа, одной из нетитульных национальностей Российской Империи, исповедующих Ислам. И эта «татарскость» и «мусульманскость» делались как бы таким «сверхнаправлением», объединяющим всю татарскую прессу, выступающую в российском медиаполе.

Даже типичные для татарской интеллигенции начала XX века разделения на обновленцев («джадидитов») и традиционалистов («кадимитов») не были уж такими незыблемыми. В последнее время всё больше исследователей приходят к таким выводам. Так Д.Р. Гильмутдинов постулирует «неоднозначность понимания разделения всей татаро-мусульманской общины на кадимитов и джадидитов»⁴³¹. Газета «Бэянешхак» стояла, безусловно, на правых позициях. Но это не помешало в какой-то момент левой группе «танчылар» (эсерского толка), во главе с Г. Исхаки пойти на соединение с ней, а социал-демократу поэту Габдулле Тукаю выполнять для неё рекламные стиховые заказы, или вот «джадидисту» Г.-Р. Ибрагимову печатать в газете свой цикл о медресе разных городов. «Считается, что Ибрагимов был джадидом. Однако, одновременно с этим, он был строгим практиком, выступал против идеологизации «джадидизма»», – комментирует Д. Гильмутдинов⁴³².

Редактор газеты «Юлдуз» (второй казанской газеты татар, позже ставшей самой долгоживущей из татарских периодических изданий,

⁴³¹Гильмутдинов Д.Р. После Марджани (Маркеры религиозного сознания татар-мусульман в эпоху джадидизма) // Исламоведение. 2019. Т. 10, № 2. С.48. См. также: Якупов В. М. (Валиулла хэзрэт Якупов) А была ли дихотомия «Джадидизм-кадимизм»// Звезда Поволжья. 2002. 30 мая – 5 июня.

⁴³² Там же.

успевшей отметить свой 10-летний юбилей в 1916 году), джадидист и благонамеренный либерал Хади Максуди пытается отделить в глазах татарского общественного мнения собственно философский джадидизм от политической и литературно модернизационной активности новых татарских левых (Г. Исхаки, Ф. Амирхан, Г. Тукай и др.). «В статье «Рэхмэтле ихтиляф» (Милость расхождения// Юлдуз, 1913, № 943) он пишет, что крайне правые (тафритчылар) и крайне левые (ифратчылар) всегда найдут общий язык. Главный их враг – умеренные». (там же).

Газета «Юлдуз» уже во втором номере, определила, что вместо прежнего спора о «старом» и «новом» методе образования (джадидисты и кадимисты), теперь разворачивается конкуренция между тремя группами в публичной сфере татар – улемами (учителями-богословами), шакирдами (учениками медресе), и «прихожанами» (в Казани это т.н. сфера купеческого «Сенного базара»). По этим направлениям также можно разделить казанские татарские газеты.

По признаку отношения к названным трём группам, Д. Гильмутдинов считает газету «Юлдуз» Хади Максуди – приверженцем улемов (богословских учителей, интеллигентов), издания социалистов – «Танг йолдызы» и «Эль-Ислах» – «шакирдскими». А «Казан Мухбире» – называет «купеческой» газетой, изданием «Сенного базара»: «“Казан мухбире” была и осталась газетой “улицы”, продукт союза уличных торговцев и мулл-богословов. <...> Олицетворение толпы «Сенной базар» (Печән базары) был воплощением мусульманской “улицы”». Представители купечества («Сенного базара») стали во главе мусульманских приходов, т.е. мусульманских общественных пространств. «Взяв на себя функцию по защите общины, они стали чувствовать себя хозяевами». Х. Максуди, хотя и признавал власть «прихожан» в мусульманских общественных пространствах, но считал, что главными носителями ценностей Ислама в современном обществе должны выступать не купечество и предпри-

ниматели, но интеллигенция, то есть улемы, учителя-богословы джадидистской направленности. По этому поводу между «Юлдуз» и «Казан мухбире» также развернулась полемика⁴³³.

Казанская медиасфера⁴³⁴ у татар имела особенности, которых, например, нет в русской прессе. Так, за общественное мнение татар, даже уже в газетную эпоху (то есть после 1905 года) отвечали и боролись не только газеты. Одну из важных групп составляло духовенство: «Казанские имамы почти не публиковались в прессе (их материалы могли быть опубликованы здесь лишь в двух не имеющих чёткого политического направления газетах «Баянэльхак» и «Ахбар»). У них не было своего издательства в Казани (свои брошюры они публиковали в типографии университета). Однако, они были достаточно сплоченной группой, действуя напрямую – собирая собрания и устраивая разного рода акции».

«Сторонники противоположного лагеря <...> говорили, что общественное мнение в Казани определяет Сенной базар (Печэн базары), в котором отсутствует чёткое отделение прогрессивных мулл от мулл-традиционалистов. Для людей, подобных Г. Тукаю или Г. Камалу, Сенной базар казался местом аморальным, олицетворением бюрократической обезличенной «системности», воплощением беспринципности и продажности. Этот «базар» не прибегал к использованию ислама в политике⁴³⁵».

«“Сенной базар” в переносном смысле – наименование социальной ниши, зарезервированной татарской буржуазией под сферу культа и образования. Он связан с торговлей, оживившей выпуск религиозной литературы, газет, журналов, рекламных прокламаций. Создание «Сенного» было инициировано буржуазией, однако деятельность вышеуказанных персон выходила за

⁴³³ Приведённые в этом абзаце цитаты, а также подробнее о полемике между названными газетами см.: Гильмутдинов Д.Р. Память и повседневность. Формы актуализации/деактуализации общинных и корпоративных идентичностей мусульман Казанской губернии в 1885-1914 гг. С. 86-87.

⁴³⁴ Применим в этом случае термин из современной науки, который включает в себя не только собственно прессу, но и различные другие элементы, участвующие в распространении и обмене массовой информацией.

⁴³⁵ Гильмутдинов Д. Р. Исламизация политического дискурса досоветской татароязычной Казанской прессы как форма секуляризации // Современный мусульманский мир: электрон. журн. 2017. № 1. С.7.

рамки бизнеса. Они сами писали учебные пособия, организовывали медресе, приюты, школы для подготовки учителей, общественно-политические газеты. Связь со свободомыслящей национальной культурой «низов», а также поддержка официальной светской и религиозной политики властей делали их политические взгляды аморфными, часто противоречивыми»⁴³⁶.

Процитируем справочники: «Самый северный из восточных базаров России – Сенной базар был одной из достопримечательностей Казани, привлекавшей внимание приезжих своей красочностью и необычностью. <...> Здесь была не просто торговая площадь, но и центр общественной жизни татарского населения. В доходных домах, окружавших площадь, проживали известные деятели татарской культуры: поэты, драматурги, писатели, актеры. Здесь встречались для заключения сделок представители делового мира. Такое сочетание торговых, ремесленно-производственных и общественно-коммуникативных функций являлось характерной чертой торгово-общественных центров многих городов — Дербента, Баку, Бухары, Хивы»⁴³⁷.

Зарождение первых татарских газет совпадает и взаимосвязано с появлением первых политических организаций у татар. «Усилиями небольшой группы просвещенных мусульман в лице Р. Ибрагимова, Ю. Акчуры, И. Гаспринского в 1905 году началось организованное оформление движения, которое с развитием революционной ситуации охватило фактически всю либерально настроенную часть татарской нации. Активность этой группы людей была направлена на объединение мусульманского движения в политическую структуру. Реальные попытки для осуществления этой цели, начатые в апреле 1905 года, привели к первым ощутимым результатам в августе того же года на первом съезде «Всероссийского союза мусульман» («Иттифака»). В результате проведенного форума сформировались либеральные ориентиры нового

⁴³⁶ Гильмутдинов Д.Р. «Дух ислама», «исламскость», как ultimaratio конфессионального публичного пространства татар на рубеже XIX–XX веков // Исламоведение. 2017. Т. 8. № 4. С. 45.

⁴³⁷ <Б. подписи> Здесь шумел Сенной Базар//Иски Казан. рф. Эл.ресурс. URL.: <http://www.xn---8sbarm-coc4a6a.xn--p1ai/interesnye-fakty/123-zdes-shumel-sennoj-bazar>).

движения и радикальная демократически настроенная оппозиция внутри Иттифака» представленная молодыми делегатами. Наметилось влияние представителей казанских татар в руководстве нарождающейся партии»⁴³⁸.

Мы видим в основателях «Иттифака» всё те же, знакомые нам фамилии журналистов. «Развитие прессы вообще было неразрывно связано с деятельностью либерального по своему характеру «Союза мусульман». Даже процесс его зарождения был напрямую связан с развитием национальной прессы. Её зарождение послужило важной предпосылкой для возможности возникновения такой политической структуры как «Иттифак», – подчёркивает И. Сабиров⁴³⁹.

Наиболее активным оказалось казанское бюро «Иттифака». «Постепенно складывающееся казанское бюро «Союза...», в составе Ю. Акчуры, С. Ш. Алкина, Г. А-К. Апаньева, Г. Баруди, А-Х. Н. Максуди, готовясь ко второму съезду, полностью посвятило себя решению этих насущных проблем. Только за период с ноября по декабрь 1905 года казанские мусульмане провели 8 общегородских собраний, на которых общими усилиями был создан примерный проект программы партии. ... Не случайно из 15 членов ЦК «Иттифака...» 6 представляли Казань, а городское бюро «Союза...» считалось самым деятельным и жизнеспособным в России. Формально состав этого бюро объединял в себе легальных иттифаковцев: Ю. Акчуру, С. Ш. Алкина, Г. А-К. Апаньева, Г. Баруди, братьев Максуди, однако фактически в него входили еще и около двух десятков богатейших купцов Казани, помогавших деньгами и конкретными делами по реализации программных установок «Союза...»⁴⁴⁰.

«В дальнейшем, под влиянием произошедших перемен в государстве, усилением политического и национального самосознания татарского народа,

⁴³⁸ Сабиров И.Т. Эволюция либерализма в татарском обществе на рубеже XIX – XX веков. Казань, 2000. Автореф. дис.... к.ист.н., С.12.

⁴³⁹ Там же. С.14

⁴⁴⁰ Салихов Р.Р. Татарские предприниматели и деятельность казанского бюро партии «Иттифак аль-муслимин» // Форумы российских мусульман на пороге нового тысячелетия, Нижний Новгород, 2006. Эл. ресурс: http://www.idmedina.ru/books/materials/rmforum/1/plenary_salihov.htm.

вызванного политикой П.А. Столыпина, которая, как известно, была направлена против национальных меньшинств, лидеры татарских либералов начинают пересматривать свои взгляды на проблемы национального движения. Становилось всё более очевидным, что программа союза («Иттифак-аль-Муслимин» – А.Б.) уже не отвечала требованиям изменившихся политических условий. К тому же поддержка частью русских либералов политики П. А. Столыпина, усиление, как следствие этой политики, черносотенного движения в стране вынудило некоторых лидеров «Иттифака» (Ю. Акчура, Р. Ибрагимов) эмигрировать за границу. Наступает кризис идеологии татарского либерализма. На этом заканчивается период сотрудничества татарских либералов с кадетами, и партия как политическая организация прекращает свою деятельность. А вместе с тем заканчивается и национально-демократический этап татарского национального движения. Теперь татарские либералы всё больше начинают тяготеть к идее национальной самобытности (теперь их фактическим лидером становится крупнейший татарский ученый-социолог С. Максуди). И с этого времени национально-демократический этап татарского национального движения начинает перерастать в его национально-освободительный этап»⁴⁴¹.

В татарской сфере прессы и общественно-политической и духовной литературы известна оппозиция Казань – Оренбург. Традиционно, Казань больше ассоциировалась с либеральными идеями, в т.ч. с концепцией обновленческого Ислама, Оренбург же – с более традиционными, классическими. Среди газет – известна полемика праволиберального оренбургского издания «Вақыт» (Время) Фатиха Карими и левозсерской казанской «Ган йолдызы» (Полярная звезда) Гаяза Исхаки. В нише религиозных журналов похожую оппозицию представляли оренбургский журнал «Дин вэ магишат» и казанский, издаваемый имамом Галимджаном Баруди «Дин вэ Эдэб».

⁴⁴¹ См.: Материалы и документы по истории общественно-политического движения среди татар (1905 – 1917 гг.). С. 11.

Мы также указывали на ещё одно давнее культурно-идеологическое противопоставление Казани и Стамбула как просветительских центров тюркской межнациональной общности. Казань (лидер книжного рынка тюрков-мусульман) и Стамбул в лице своих виднейших представителей мусульманской общественной мысли, предлагали разные пути европеизации для тюркского мира. «Если в турецкой литературе модернизация проецировалась через французский язык и французскую литературу, то в татарской литературе это происходило через влияние русской культуры и русского языка. Татарские интеллектуалы XIX в. в целом не знали европейских языков и не выезжали в Европу, тогда как часть турецких писателей, благодаря географической близости страны к Европе, получала образование в иностранных колледжах в Стамбуле или непосредственно за рубежом, имела возможность подолгу находиться в европейских странах. Из татарских писателей лишь полиглот Фатих Карими (1870–1937) сумел осуществить тур по европейским странам и, посетив известные музеи и культурные центры, издал книгу «Путешествие в Европу» (1902), которая для татар стала своего рода “окном в Европу”»⁴⁴².

На фоне фактического прекращения деятельности «Иттифак-аль-Муслимин», отъезда либо ареста многих российских общественно-политических лидеров, турецкий вариант временно возобладал. Хотя ещё в 1911 году Гаяз Исхаки в разговорах с кадеткой А. В. Тырковой-Вильямс высказывал такие суждения (записанные ею в дневник): «Они <т.е. турки> смотрят на нас, татар, сверху вниз, а мы на них. Я считаю, что их культура ниже нашей, потому что мы прошли через славянскую культуру, а они через испорченную французскую. Европа присылала сюда свои отбросы, а турки подчинялись их влиянию»⁴⁴³.

⁴⁴² Сибгатуллина А. Т. Поиск идентичности в татарской и турецкой литературах в контексте «Восток-Запад» на рубеже XIX-XX вв. // *Studia Litterarum*. 2017. Т. 2, № 2. С. 249.

⁴⁴³ Наследие Ариадны Владимировны Тырковой: Дневники. Письма / Сост. Н. И. Канищева. - М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. С. 103.

«Русский» путь европеизации тюрок-мусульман, за который ратовали поколения российских мусульманских мыслителей, начиная с И. Гаспринского, К. Насыри, после изменившейся общественно-политической ситуации в России оказался надолго снят с повестки. Либеральная Турция (тогда ещё официально: Османская империя) оставалась важнейшим духовным ориентиром для российских тюрок-мусульман, в том числе и для татар.

К 1912 году намечаются изменения в отношении к мусульманам в российском обществе и в столичной журналистике: «Русские мусульмане перестали быть... массой... Они стали явлением, с которым нужно считаться, которое нужно принимать во внимание при разрешении вопросов внутренней и внешней политики, – писал «Вестник Европы», – нужно признать, что мусульманская интеллигенция встала на верный путь, по которому её народ может прийти к возрождению и обновлению. Разумно поставленная школа и широкое самоуправление – это единственный верный путь для создания дисциплинированных и политически воспитанных граждан»⁴⁴⁴.

В 1911 в возобновлённом и патронируемом М. Горьким «Современнике» выходит статья Н. Думави за подписью «Неджиб» «Пробуждение русских татар и их литература». По мнению автора, «основным мотивом и характернейшим отличием татарской литературы является борьба за освобождение татарской женщины от тяжкой унижительной роли, отведённой ей шариатом и всем укладом татарской жизни, и – борьба с духорвенством, борьба старой жизни с новой по всем линиям, и во главе этого движения крепко стоит Гаяз Ихаков»⁴⁴⁵.

В татарской журналистике, как и в литературе, женский вопрос один из краеугольных и наиболее обсуждаемых. Кроме Г.Исхаки, можно отметить публицистику по женскому вопросу, написанную с социалистических позиций, известного писателя-демократа Гафура Кулахметова, ставшую явлением

⁴⁴⁴ Милища <Лидин В.Г.>. О мусульманском движении // Вестник Европы. 1912. № 8. С. 368 – 369.

⁴⁴⁵ Неджиб <Тахтамышев Н.С. он же Неджип Думави> Пробуждение русских татар и их литература// Современник. 1911. № 4. С. 177.

в татарской журналистике; также – появление целой плеяды женщин-журналисток в татарской прессе. Специальные женские рубрики открыли у себя газеты «Кояш», «Эль-Ислах», «Иль». Высказывания на тему современного положения женщин-татарок есть у большинства ведущих татарских публицистов 1910-х годов.

Возвращаясь к теме общего восприятия татарского, да и в целом, мусульманского публичного поля, а также литературы и журналистики тюркских народов в русской прессе и общественном мнении в первые десятилетия XX века, присоединимся к выводам современного исследователя Д. Усмановой:

«Можно признать, что в Российской империи так называемый «мусульманский вопрос» не был приоритетным. По мнению властей, он не обладал такой степенью остроты и сложности, как т.н. «польский», «еврейский» или «украинский» вопросы. Отчасти это объясняется традицией имперской национальной политики, отчасти — представлениями об имманентной инертности и лояльности мусульманских подданных престолу»⁴⁴⁶.

Назовём основных, на наш взгляд, ведущих деятелей казанской татарской журналистики и издания, ими возглавлявшиеся. Политические направления этих журналистов мы обозначаем с некоторой долей условности.

Левый фланг:

Гаяз Исхаки (усл. эсер), газета «Тан йолдызы», после – газета «Иль» (Родина).

Фатих Амирхан (усл. социал-демократ), газета «Эль-Ислах», после – татарская национальная газета «Кояш» (Солнце).

Габдулла Тукай (усл. социал-демократ), сатирические журналы «Ялт-Йолт», «Яшен».

Хусаин Ямашев (социал-демократ), в Казани пытался закрепиться в газете «Казан мухбире», редактор газеты «Урал» в Оренбурге.

⁴⁴⁶ Усманова Д. Российские мусульмане и пропаганда в годы Первой мировой войны (1914–1916 гг.). С. 76.

Галиаскар Камал (лево-либерал), газета «Азат халык» (свободный народ), позже – ответственный секретарь газеты «Юлдуз».

Сагит Рамиев, Фуат Туктаров – группа «Ган йолдызы».

Галимджан Ибрагимов (демократ), журнал «Анг» (Сознание)

Либералы:

Саид-Гирей Алкин (либерал), редактор «Казан мухбире».

Юсуф Акчура (усл. право-либерал), ответственный секретарь газеты «Казан мухбире», далее – корреспондент оренбургской газеты «Вақыт», позже эмигрировал в Турцию.

Хади Максуди, умеренный либерал, редактор газеты «Юлдуз», брат политика Сагди Максуди.

Правые: братья А. и М. Сайдашевы, издатели-редакторы газеты «Бэянешлак», позже приобрели «Казан мухбире», Ш. Иманаев.

Из неказанских публицистов ключевыми деятели татарской сферы прессы можно считать Исмагила Гаспринского («Герджиман»), Габдрашита Ибрагимова (усл. правый либерал, редактор газеты «Ульфат» (Единство) в Санкт-Петербурге), Фатиха Карими (редактор газеты «Вақыт» в Оренбурге), Ризу Фахретдина (религиозный деятель, богослов, редактор журнала «Шура» в Оренбурге).

Конечно, это лишь небольшой список ключевых деятелей татарской журналистики (с акцентом на Казань), не претендующий на полноту, но могущий быть первым ориентиром при рассмотрении основной диспозиции казанской татарской печати по направлениям.

В нашей этапизации истории татарской журналистики, собственно газетный период вбирают этапы с 5 по 8, хронологически захватывающие период с 1905 года по 1918. Напомним ещё раз эти этапы, и назовём сугубо казанские ключевые издания на каждом из них.

I. 1905 – 1907(8) – зарождение татарской газетной печати, формирование системы татароязычных изданий.

Казанские газеты:

левый фланг: «Танг йолдызы» и его спойлеры (лево-эсерское направление); «Эль-Ислах» (социал-демократическое направление), «Азат» и «Азат халык» (социал-демократическое).

Либеральное издание: «Казан Мухбире» (при С.Г. Алкине и Ю. Акчуре).

Умеренно-либеральное: «Юлдуз»

правый фланг: умеренно-консервативное издание: «Беянелхак».

II. 1908 – 1911 – кризис татарской национальной прессы, после распада партии «Иттифак» и реформ П.А. Столыпина.

Левый фланг: сатирические журналы с участием Габдуллы Тукая: «Яшен», «Ялт-Йолт».

Умеренно-либеральные: «Юлдуз» (газета левеет с приходом на должность ответственного секретаря Г. Камала), «Казан Мухбире» (с переходом к братьям Сайдашевым)

Правые: умеренно-консервативное издание: «Беянелхак».

Взлёт отраслевой и специализированной прессы, а также изданий для детей, женский журнал «Сююмбике» и другие.

III. 1912 – 1916 – поворот к национализму, национальной самобытности в татарской прессе.

Левый фланг с национальным уклоном: газета «Кояш».

Умеренно-либеральное издание: газета «Юлдуз».

Правые: до 1914 года: «Беянелхак».

Пионер татарской арт-журналистики: журнал «Анг».

IV. 1917 – 1918 – борьба татар за государственность, политическую и культурную автономию.

Либеральная газета: «Курултай» (со 2.07.1917 по 4.04.1918) - орган Мусульманского комитета, затем – Всероссийского мусульманского совета (Милли Шура)

Умеренно-либеральная газета: «Юлдуз».

Левый фланг: «Кызыл байрак» (Красное знамя) – орган мусульманского социалистического комитета.

Напомним, рассматривать казанские татарские издания в отрыве от татарских газет, издававшихся в это время в других городах – неверно, все они – часть единой татарской сферы журналистики и литературы. Но в целом она не является нашим общим объектом исследования в настоящей диссертации, и здесь мы называем их как имеющих также отношение и к общей казанской прессе, пересекающихся повесткой с русскими казанскими изданиями и внутри всей татарской печати составляющих как бы отдельный казанский кластер изданий. В монографии мы подробнее характеризуем всю татарскую сферу журналистики начала XX века, захватывая и издания, выходившие в других городах.

Важный период в истории татарской журналистики (в т.ч. казанской) о котором стоит сказать отдельно – годы Первой мировой войны.

Первая мировая война стала большим испытанием для перешагнувшей первое десятилетие своей истории татарской журналистики и первым моментом в её истории, когда она всерьёз обратила на себя внимание российских политических кругов. Это было связано, прежде всего, со вступлением в войну Османской империи на стороне блока Центральных держав, пришедшего на смену Тройственного союза (то есть коалиции, выступавшей против Антанты, блока, куда входила Россия). Турецкое государство, таким образом, стало для России вражеской страной.

Стамбул и Казань – два важнейших города для тюрко-мусульманского мира. Интеллигенция татарская и турецкая были тесно связаны между собой. Оба эти города являлись центрами начинавшегося процесса европеизации тюркской цивилизации. И когда в 1907 – 1908 годах в России периода премьерства П.А. Столыпина началась политика ужесточения относительно инородцев, многие ведущие лидеры татарской нации эмигрировали именно в Турцию.

«Подверглись преследованиям демократически настроенные представители татарской интеллигенции: С. Галиев, Г. Апанаяев, Г. Казаков, Г. Баруди, Ю. Акчура, Р. Ибрагимов, некоторые из них были вынуждены эмигрировать. В 1911 г. были проведены обыски у Дж. Валиди, Ф. Карими, Н. Думави и других представителей татарской творческой интеллигенции. «Особым совещанием по выработке мер противодействия татарско-мусульманскому влиянию в Поволжском крае», созванным в 1910 г. по инициативе председателя Совета министров П.А. Столыпина, были разработаны конкретные меры, направленные против прогрессивного татарского национального движения. Решением правительства была ограничена деятельность средств массовой информации, значительно усилен контроль за общественно-культурной жизнью татарского народа. Только в 1910 г. было закрыто 97 новометодных медресе и мектебов»⁴⁴⁷.

Заметим попутно, что эта политика ужесточения касалась не только тюрок-мусульман, но и прочих российских инородцев, например, финнов, где также новый всплеск политики насильственной русификации, вошедший в финскую историографию под названием «время гонений» (фин. *sortokaudet/sortovuodet*) пришёлся на 1908 год.

В период Первой мировой войны ключевым для татарских изданий стало отношение к Турции, официально вступившей в войну с Россией, и вопрос о целях войны и тема патриотизма.

Реальное отношение татарской, в том числе казанской прессы, а также татарского общества – к туркам и турецкой пропаганде периода Первой мировой войны – предмет острых дискуссий среди учёных. Все они, впрочем, сходятся на том, что ярких антироссийских проявлений в местной печати не обнаруживается. Часть из них (А.В. Жевелева, Э. Абдрашитов и др.) считает, что это – пример вынужденной осторожной политики татарских газет под угрозой

⁴⁴⁷ Гали Б. Т. Татарская общественно-политическая мысль в литературе и публицистике: конца XIX - начала XX вв. Автореф. дис. ... д.и.н. Казань, 2009. С.35.

закрытия и цензурного прессинга, и татарская пресса по-прежнему испытывала в 1914-1916 году симпатии к Османской империи, хотя не имела возможности их проявить, а «русский» патриотизм татарских газет был весьма умеренный и сдержанный. Основным источником для них служат донесения агентов полиции и аналитические записки жандармских и полицейских служб.

Другие же исследователи (С. Исхаков, Л. Габдрафикова), приводя примеры из конкретной практики татарской прессы и событий общественной жизни татар, доказывают, что патриотизм и верность Российскому Отечеству у многих татар был искренний и последовательный. Мы относим себя к этой второй группе учёных. «На самом деле органами политического сыска в годы Первой мировой войны так и не удалось доказать существование каких-либо подпольных образований мусульман, свидетельствующих об их антигосударственных действиях», – подытоживает Л. Габдрафикова⁴⁴⁸.

Председатель мусульманской фракции Гос. Думы К.-М. Тевкелев в заявлении фракции в связи с началом Первой мировой войны утверждал: «Мусульмане Российской Империи считали и считают себя русскими гражданами не только тогда, когда добиваются прав, но и тогда, когда им приходится исполнять обязанности перед родиной»⁴⁴⁹. После вступления Турции в войну на стороне Тройственного союза и объявления всем врагам Германии священного джихада глава Оренбургского магометанского духовного собрания (ОМДС) Мухамедьяр Султанов выпустил фетву — призыв к российским мусульманам выступить против Германии, Австрии и даже единой Турции: «Русское государство есть наше отечество, дорогое и милое сердцу как нашему, сердцу мусульман, так и сердцу всех живущих в нем народов. И во время прежних войн, защищая отечество, русские мусульмане высказывали великие самопожертвования, и во время настоящих, происходивших перед

⁴⁴⁸ Габдрафикова Л.Р., Абдуллин Х.М. Татары в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.). Казань: Инст. ист. им. Ш. Марджани АН РТ, 2015. С. 214.

⁴⁴⁹ См.: Государственная Дума: Стенографические отчеты: Созыв 4: Сессия 3. СПб., 1915. Стб. 34.

нами событий, они, Бог даст, выкажут с избытком еще раз свой патриотизм» (14 октября и 11 ноября 1914 года)⁴⁵⁰.

В казанской прессе со специальным разъяснением выступил С.-Г. Алкин в письме в редакцию «Казанского телеграфа»: «Магометанское религиозное учение содержит тот этический императив гражданина, который заключается в других возвысивших человечество религиях, а именно: всякий правоверный считает своей родиной ту страну, которая приняла его и где он присягнул на верность Монарху. Присяга эта для мусульманина священна, обязывая его неукоснительно и безоговорочно подчиняться действующим законам государства, отправлять все установленные повинности и отдавать всего себя на защиту родины от врагов <...> наши силы будут также охотно участвовать в атаке на новом фронте против турок, как на западе против германцев христиан»⁴⁵¹.

«Казанский телеграф» не просто напечатал письмо С.Г. Алкина, но и снабдил его неприятным комментарием, это стало поводом для нового витка непрекращающейся полемики, колтующую вела с этим русским националистическим изданием либеральная «Камско-Волжская речь».

«Камско-Волжская речь» писала: «У нас, в бывшей столице татарского царства, выступил с письмом бывший член I-й Государственной Думы г. Алкин. В письме этом он высказал то, что мыслят его единоверцы. Нечего говорить, что мысли эти оказались вполне идентичными с мыслями и настроениями всей остальной России. Но этого почему-то показалось мало местному «Телеграфу», и он снабдил письмо г. Алкина оговоркой, заключающей скрытое недоверие к словам общественного деятеля. На чём основано это недоверие – судить не берёмся. Ведь та же газета с удовольствием подхватила фальшивое известие о пленении младо-турецкого комитета, объявившего войну

⁴⁵⁰ Цит. по: Исхаков. Первая мировая война глазами Российских мусульман. С. 420.

⁴⁵¹ Алкин С.-Г. Как относятся русские мусульмане к войне с Турцией (письмо в редакцию)// Казанский телеграф, № 6417 от 22.10.2014. С. 2.

России, «евреями и атеистами». Если это правда (а ведь «Каз. Телеграф», очевидно, в это верит!), то причём же здесь единство веры, которое привлекает якобы татарское население на сторону Турции? Нужно ли доказывать, что и эти заподозривания, и это радостное отношение к неправильному сообщению – одного поля ягоды. Это – всё тот же хмель национализма, вредного и опасного, который пьянит головы присяжных алкоголиков от политики. Это – всё тот же «внутренний немец», по прекрасному выражению кн. Трубецкого, от которого нам столь же основательно надо освободиться, как и от немца внешнего»⁴⁵².

Возвращаясь к вопросу о реакции татарской прессы на войну, укажем, что важно провести границу между разными группами татарской журналистики этого времени:

1. Политические эмигранты, осевшие во враждебных России странах (Турции, Германии), чьи сочинения и действия этого периода приняли явный антироссийский характер (Ю. Акчура, Г-Р. Ибрагимов).
2. Столичные татарские издания. Прежде всего, назовём Гаяза Исхаки, получившего в 1913 году свободу по амнистии в честь 300-летия Дома Романовых, обосновавшись сначала в Москве, после – в Петербурге, Исхаки начал издавать газету «Иль». Он занимал в это время тоже достаточно резкую позицию по многим вопросам, хотя и старался не выходить за рамки, допустимые в российском медиапространстве. Впрочем, газеты его часто приостанавливали и закрывали. Взвешенную позицию занимала петербургская русско-татарская газета «Миллет» (Нация), печатный орган фракции мусульман в Государственной Думе.
3. Провинциальные (в т.ч. интересующие нас больше других – казанские) издания татар. Главные из которых «Кояш» (Солнце) Фатиха Амирхана и «Юлдуз» (Звезда) Хади Максуди.

⁴⁵² Чужой <псевд.> Новый взрыв// Камско-Волжская речь. 1914. № 238. С.2.

С началом военных действий (лето 1914 г.) главные редакторы татарских периодических изданий г. Казани были вызваны в местный Военно-цензурный комитет, где им было дана «рекомендация» печатать поменьше статей с симпатиями в адрес Турции и наоборот увеличить количество патриотических публикаций. Давая подобные рекомендации, цензоры, вероятно, попытались учесть предыдущий негативный опыт. С объявлением войны на страницах русской и татарской прессы то и дело публиковались верноподданнические телеграммы, патриотические адреса.

«Во многом благодаря государственным органам управления и контроля тема войны, занявшая осязаемое место на страницах татарской печати, стала освещаться “политкорректно”», – считают исследователи З. Гилязов и Р. Айнутдинов. «С момента разрешения татарам печатать периодические издания последние внимательно проверялись заинтересованными лицами, что сказывалось на содержании текстов. К началу Первой мировой войны уже была выработана система контроля, хотя законодательно предварительная цензура была отменена еще в 1905 г. Поэтому тема войны на страницах татарской печати в подавляющем большинстве случаев находилась в рамках, определенных контролирующими органами, а не отражала весь спектр взглядов татарского общества» <...>

В целом, председатель ККП (Казанского временного комитета печати – А.Б.) считал, что «...татары не обладают ясным представлением о причинах и целях настоящей войны; она для них малопонятна и потому тягостна усиленным призывам для пополнения армии и по затруднениям в промышленной жизни»⁴⁵³»⁴⁵⁴.

«В годы Первой мировой войны татарские периодические издания, как в целом вся российская печать, запестрели «белыми полосами», т.е. изъятые цензурой тексты не заменялись новыми, а просто оставались незаполненные

⁴⁵³ НАРТ Ф. 420. Оп. 1. Д. 297. Л. 12.

⁴⁵⁴ Гилязов З.З., Айнутдинов Р.А. Татарская периодическая печать времен Первой мировой войны // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета, 2017, № 10. С.54.

места. Иногда эти белые полосы воспринимались как сознательная фронда редакций, которая вызывает нежелательные толки и пересуды. Более того, некоторые изъятые цензурой тексты могли передаваться из рук в руки в виде списков. Поэтому вскоре цензурное ведомство издало распоряжение не пропускать издания с массивными белыми полосами и изъянами, чтобы не возбуждать в населении нежелательных толков и суждений»⁴⁵⁵.

В 1916 году специалисты ККП составили аналитическую записку об общем состоянии татарской прессы за период войны. В подготовленном ими ответе Главному управлению печати от 7 сентября 1916 г. за № 1342/141 указывалось, что «перестали выходить "Ак юл" (с января 1916 г.), "Русия сзудэсы" (с марта 1916 г.), "Мектеб", "Хукук ва хаят", "Баянкульхак" (с 1914 г.). Некоторые из существовавших повременных изданий уменьшили количество выпускаемых номеров. Так, татарские газеты "Кояш" и "Юлдуз", выходившие прежде: одна – пять, а другая – шесть раз в неделю, теперь стали выходить поочередно – один день - одна, а другой – другая, и только по пятницам выходят оба номера. Журнал "ад-Дин ва аль-адаб", выходивший прежде два и три раза, теперь выходит один раз в месяц, "Анг" прежде выходил четыре раза в месяц, а теперь один раз в месяц».

З. Гилазеев и Р. Айнутдинов к этому добавляют: «В 1914 г. закрылась первая татарская газета «Нур» («Луч»), журнал «Мугаллим» («Учитель»), в 1915 г. – газеты «Миллят» («Нация») и «Халык» («Народ»). Некоторые газеты были вынуждены уменьшить формат, повысить цену подписки или стать непостоянными, а также использовать дешевую бумагу. В частности газета «Кояш» начала издаваться на оберточной бумаге. Основной причиной вышеперечисленных изменений являлось повышение цены на бумагу, начавшееся летом 1915 г. Это было вызвано сокращением производства, увеличением потребления, спекуляцией, нехваткой и удорожанием рабочих рук». <...>

⁴⁵⁵ Усманова Д. Российские мусульмане и пропаганда в годы Первой мировой войны (1914–1916 гг.). С. 79.

«Война оказала существенное влияние на татарскую печать, вызвав в ней деструктивные процессы. Активное развитие татарской периодической печати было прервано, во время Первой мировой войны она начала деградировать», – такой мрачный вывод делают исследователи⁴⁵⁶.

При этом другие учёные (Л. Габдрафикова, Х. Абдуллин) указывают на резкое увеличение читательского интереса к газетам в это время, в их монографии даны также другие интересные данные по работе прессы в период войны⁴⁵⁷.

Во время Первой мировой войны резко возросло число читателей татарских газет. В Казани чтения газет часто устраивались в чайных гостиниц «Болгар» и «Сарай». «...«Газеты ходят из рук в руки. Русские газеты были распроданы с утра. Как только кто-нибудь начинает читать газету, вокруг него собираются люди», – писал о татарах г. Чистополя корреспондент газеты «Юлдуз» Ф. Сайфуллин в 1914 году. Неслучайно, в это время значительно увеличились тиражи газет. Например, тираж газеты «Юлдуз» в июле 1914 года составлял 3900 экземпляров, в августе – уже 4600. То же самое наблюдалось и с другими периодическими изданиями на татарском языке. Тираж газеты «Кояш» в июле 1914 года составлял 1700 экземпляров, в августе – 2100, к октябрю того же года она уже выпускалась тиражом 2600 экземпляров. Когда-то «Казан мухбире» имела подписчиков не более 1,5 тысячи, в настоящее время их не менее 25 тысяч, то есть число читателей увеличилось в 16 раз, – писали авторы газеты «Кояш» в 1916 году, – Татарские газеты читают в самых дальних деревнях и они популярнее русских газет». Газеты к этому времени стали ежедневными, тогда как десять лет назад – в 1906 году – они были еженедельными»⁴⁵⁸.

Сокращение производства – увеличение потребления: две эти тенденции были равным образом присущи татарской прессе этого периода. «Конечно, –

⁴⁵⁶ Указ. соч. С. 55.

⁴⁵⁷ См.: Габдрафикова Л.Р., Абдуллин Х.М. Татары в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.). Казань: Инст. ист. им. Ш. Марджани АН РТ, 2015. 396 с.

⁴⁵⁸ Там же. С. 201-202.

подчёркивает далее исследователь, – работа редакций татарских газет постоянно контролировалась цензорами. Поэтому информация носила в основном переводной характер, сообщения брались из русских газет, самостоятельных материалов было не так много»⁴⁵⁹. Такое положение вещей в татарской прессе стало поводом для критики со стороны хорошо знавшего русский язык основателя газеты «Казан Мухбире» С. Алкина.

Вот как этот сюжет передаёт Л. Габдрафикова в недавнем интервью одному казанскому он-лайн-изданию: «Адвокат Алкин как-то позволил себе критику переводов военных сводок в татарских газетах, это было во время Первой мировой войны, дескать, искажают иногда смысл при переводе с русского на татарский язык. Редакциям данное замечание не понравилось, и начали уже критиковать самого Алкина, что не умеет говорить по-татарски и вообще ничего не понимает в этом. Одним из критиков был писатель Фатих Амирхан. При этом Саид-Гирей Алкин — очень значимая фигура для татарской культуры начала XX века. Мало того, что сам по себе был успешным адвокатом, избирался депутатом Государственной Думы, он сделал довольно много для развития татарской культуры: открыл первую татарскую газету в Казани «Казан мухбире», стоял у истоков мусульманского благотворительного общества, «Восточного клуба» и т. д. <...> Он учился в гимназии, университете, и, видимо, действительно были некоторые проблемы с татарским произношением. Но это ведь такой мелкий повод для публичных нападок через прессу, его даже пародировали татарские артисты, а ведь Алкин мог с таким же успехом подтрунивать над русским произношением татароязычных татар. Но у него не имелось никакого снобизма по отношению к ним»⁴⁶⁰.

⁴⁵⁹ Там же. С. 202.

⁴⁶⁰ См.: Нигматуллин А., Мухаметрахимов А. «Начинали соревноваться, писать доносы, клеветать»: об одной татарской национальной черте/историк Лилия Габдрафикова о татарах, которые сохранили ислам, «блогере» Габдулле Тукае и мировоззрении национальной буржуазии начала XX века// Бизнес-онлайн, интернет-газета. От 20.09.2020. Эл. ресурс. URL.: https://www.business-gazeta.ru/article/480287?utm_source=discussable-box).

Оценивая в целом взаимодействие русской и татарской казанской печати, можно констатировать: несмотря на возникновения иногда перекрёстных сюжетов, вовлечение отдельных разноязычных журналистов в общие дискуссии и полемики, степень взаимообщения, равно как и интереса русской прессы и русского общества к татарской журналистике ещё довольно слаба, но увеличивалась во время политических кризисов и катаклизмов (Революционные события 1905-1907, 1917 годов, избирательные кампании в Государственную Думу), а также во время войн (особенно, Первой мировой). Интерес и внимание татарской прессы к русским газетам и русской культуре гораздо сильнее, особенно на первом этапе её существования (до 1907 года). Далее начинают развиваться концепции о национальной самобытности, и татарская интеллигенция в своих воззрениях несколько эмансипируется от русского ориентира.

В целом можно сказать, что казанская татарская журналистика довольно слабо вошла в информационное поле, созданное ранее в городе русскими изданиями, при этом в общетатарской журналистике у казанской прессы было своё особое место. Сугубо казанским феноменом прессы стал так называемый фактор «сенного базара», сложившейся особой неформальной социальной ниши, имеющей в том числе пространственно-географические границы по одному месту в черте города и влияющей на формирование местного татарского общественного мнения. Большую роль в финансировании местной печати сыграло татарское купечество, что также отличало татарскую казанскую прессу от русской.

Показательным моментом стало издание в пору нарастания политизации национального вопроса у татар в 1917 году русскоязычной татарской газеты «Известия Всероссийского мусульманского военного Шуро». Газета выходила с 19 ноября 1917 по 26 февраля 1918. В первом номере, была помещена статья «Клеветникам» известного мусульманского политического деятеля М. Сул-

тангалиева, в 1918 – основателя Российской мусульманской коммунистической партии, частично объясняющая мотивы издания, которые автор объясняет слабой информированностью русскоязычной части населения о деятельности татарского национал-государственного политического движения. Статья содержит прямой упрёк русской прессе:

«Все помнят, как перед вторым мусульманским съездом, среди русского населения и прилегающих к ней губерний кем-то усиленно распространялись слухи об образовании приволжскими мусульманами... казанского ханства. Этот день (22.07.1917) никогда не забудется в памяти мусульман, так как он был днём объявления ими культурно-национальной автономии мусульман Поволжья и Сибири. Но русская пресса слишком мало уделила, к сожалению, внимания этому съезду, и большинство русской демократии так и осталось в неведении относительно истинной политической физиономии мусульман»⁴⁶¹.

Несмотря на указанные проблемы во взаимодействии, появление татароязычной прессы, конечно, резко изменило медиаландшафт региона и стало важным фактором, определяющим работу и функционирование казанской печати в начале XX столетия.

5.2. Русская казанская пресса начала XX века: период политизации

По подсчётам Е.В. Курбаковой, «казанская периодическая печать в первое десятилетие XX в. была представлена более 40 изданиями различного плана и иллюстрировала яркость и многогранность издательских и читательских интересов» (С.197). В примечании она развёрнуто иллюстрирует этот тезис: «На рубеже XIX-XX вв., кроме общественно-политических, в Казани выходили: *литературно-художественные издания («Волжские Дали», «Волжское Утро», «Современный Идеалист», «Сатирический Альманах», «Заволжский Муравей», «На рассвете», «Казанская сцена», «Тропа», «Инородческое

⁴⁶¹ Указ. соч. (см. в основном тексте).

обозрение», «Конфетти», «Театр и экран»); * издания научных и общественных объединений («Казанский медицинский журнал», «Известия Восточно-Сибирского отделения Русского географического общества», «Труды и протоколы педагогического общества, состоящего при Казанском университете», «Труды и протоколы заседаний общества ревнителей военно-санитарных знаний», «Известия Казанского комитета Российского общества Красного Креста», «Известия отделения лазарета при женской гимназии В.А. Ряхиной», «Вестник Казанского отделения русского технического общества»); *научно-популярные («Сборник семейно-педагогического кружка в Казани», «Начальное обучение», «Труды Казанского общества пчеловодства», «Журнал Казанского общества пчеловодства», «Шкура, кожа и обувь», «Вестник образования и воспитания», «Пчеловод»); *религиозные («Сотрудник Братства Святителя Гурия», «Праздник трезвости»); *справочные («Ежемесячный бюллетень метеорологической обсерватории Казанского университета») издания⁴⁶².

Возвращаясь теперь к основной нише общественно-политических изданий, напомним: в 1890-е Казань потеряла две большие газеты – «Казанский биржевой листок» и «Камско-Волжский край». «Волжский вестник» влачил уже жалкое существование (при этом, на рубеже 1890–1900-х у газеты ещё выходили приложения: «Казанская сельскохозяйственная газета» (1897–1903); и «Волжский вестник: Телеграммы Рос. телегр. агентства» (1904), но далее в том же году у «Волжского вестника» финансовые возможности уже вовсе ухудшаются, газета в разгар русско-японской войны уже не может даже оплачивать телеграммы агентств) и тогда же, в 1904, «Волжский вестник» был выставлен на торги. После годичного перерыва он возобновился под новой редакцией, а в 1906-м году, когда его уже будет возглавлять А. Знаменская, газета встанет на эсеровские позиции. Этот «Волжский вестник», кроме названия, мало уже будет иметь общего с предыдущим.

⁴⁶² Курбакова Е.В. История казанской и нижегородской прессы 1811-1917 гг.: власть и общественные настроения российской провинции: Монография. Нижний Новгород: Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, 2008. С. 197 и примеч. 749 на стр. 283.

Итак, место большой либерально-демократической газеты, традиционное для Казани, фактически оставалось незанятым (до своего закрытия её занимал первый «Волжский вестник»). Зато появились легальные социал-демократические издания. Они вырастали с одной стороны – из ниши так называемой «малой прессы», сложившейся в Казани к началу 1890-х, когда кроме известных больших газет стали появляться в Казани дешёвые газеты для публики победнее, городских обывателей. Таким и был первый «Волжский листок», выходивший с 1903 года. А в 1904 году, после прекращения первого – появился уже второй «Волжский листок», ориентирующийся на рабочих и также на малообеспеченную интеллигенцию, горожан, то есть частично пересекавшийся с аудиторией первого «листка», но носивший уже выраженный социал-демократический характер. Кстати, упомянем, именно в «Волжском листке» в 1906 году несколькими стихотворениями дебютировал в печати будущий знаменитый писатель-романист А.Н. Толстой.

На смену «Волжскому листку» (по закрытию) пришёл «Волжский курьер». После – выходила уже газета «Приволжский край», значительно поправившая в сторону кадетов (кадеты – конституционные демократы, читай: либеральные демократы). Редактором-издателем «Приволжского края» был известный в городе книгоиздатель Иван Петрович Кочергин, представитель русского книгоиздательского акционерного товарищества «Просвещение». В дальнейшем Кочергин возглавлял местное издательство просветительской литературы «Молодые силы», основанное в Казани группой студентов⁴⁶³. Собственно же кадетские партийные издания, как мы помним – это «Вечернее эхо», ещё довольно радикальное и революционно настроенное, далее – «Казанский вечер», после ряда переименований превратившийся в «Камско-Волжскую речь». После закрытия «Приволжского края» подписчики также стали получать «Камско-Волжскую речь».

⁴⁶³ Подробнее см: Габдельганеева Г.Г. История казанской книжной торговли (вторая половина XVIII в. – 1917 г.). М.: Берлин, Директ-медиа, 2016. С. 45–46.

Постепенно «Камско-Волжская речь» (с 1908) заново заняла ту историческую нишу – большой либерально-демократической газеты, которая долгое время доминировала в казанской прессе, но позже несколько лет пустовала после прекращения старого «Волжского вестника».

«Камско-Волжская речь» в известном смысле вобрала в себя и стала продолжением нескольких линий казанской прессы:

(а) большая либерально-демократическая и либерально-народническая газета. Прежние издания в этой нише: «Камско-Волжская газета» (1872–1874); «Волжский вестник» (1883–1904); «Камско-Волжский край» (1896–1897).

(б) поправевшая партийная пресса социал-демократов. Издания: «Волжский листок» 1 и 2 (1.: 1903 – 1904, редактор Ф. Ярыгин, после – его жена Н. Ярыгина, подзаголовок: «газета торговли, промышленности и необходимых в обыденной жизни сведений»; 2.: первый редактор И. Степанов, выходила с перерывами в 1904 – 1909 гг., именно 2-й «Волжский листок» постепенно стал органом казанских социал-демократов, подзаголовок у издания теперь другой: «ежедневная политическая, экономическая и литературная газета»); далее: «Волжский курьер» (заменивший закрытый «Волжский листок» в 1906–1907 гг., позже возобновилось издание «Листка»); последняя инкарнация газеты выходила под названием «Приволжский край» (1909–1910).

Наконец, (в): собственная политическая партийная пресса либералов. Предыдущие издания: «Вечернее эхо», «Казанский вечер», «Волжско-Камская речь».

Главным продолжателем линии недавнего «Казанского биржевого листка», газеты, рассчитанной на самый широкий круг универсального читателя-обывателя, коммерчески ориентированной на борьбу за рекламные рынки, стал на первом этапе «Казанский телеграф», эта была газета суворинского типа, следовавшая в некоторой степени новым трендам журналистики, задаваемым в столице газетой «Новое время». Постепенно, однако, (особенно

после 1905 года) физиономия издания меняется, из газеты без ярко выраженного направления «Казанский телеграф» превращается во флагман правой печати, где сильны будут русские националистические тенденции. «Казанский телеграф» станет главным антагонистом «Камско-Волжской речи». Оба издания много лет будут вести непримиримую полемику по самым разным вопросам. Раздоры двух главных газет станут притчей во языцех казанской журналистики.

Как уже видно из только что приведённого обзора, главной тенденцией общественно-политической печати этого периода стала резкая политизация прессы, ускорившаяся в связи с событиями первой революции, а также последовавшим Высочайшим манифестом от 17 октября 1905 года, среди прочего легализовавшим деятельность политических партий.

В Казанской прессе был представлен весь спектр политических партий России. Даже издания, изначально не имевшие выраженного политического направления, приобретают в это время партийную окраску. «Волжский вестник» при новом редакторе становится эсеровским, Руководители «Камско-Волжской речи» входили в ЦК партии кадетов (например, один из редакторов газеты Н. Гусев). Газетой социал-демократов стал «Волжский листок». Партию «октябристов» представляла газета «Обновление». Крайне правые течения были представлены газетами «Черносотинец», «Сошники», «Русь православная и самодержавная» и, как уже говорилось, «Казанским телеграфом».

Те же тенденции наблюдались и в казанской иноязычной прессе. Эсеровские позиции заняла первая чувашская газета, издававшаяся в Казани – «Хыпар». Партию «иттафаковцев», татарских либералов, вступивших в союзнические отношения с кадетами в Казани, представляла газета «Казан Мухбире», группу лево-эсеровского толка - газета «Танг йолдызы».

Остановимся подробнее на газетах, выражавших взгляды различных политических партий.

Левый фланг политического спектра представляли издания эсеров («Волжский вестник», «Дневник Казани» (на первом этапе)), а также газеты социал-демократов (среди них особая роль принадлежит второму «Волжскому листку» и выходявшему после её закрытия «Волжскому курьеру»).

Наиболее полно эсеровская ориентация «Волжского вестника» проявилась вместе с пришедшими на руководящие позиции в этой газете В.Г. Архангельским и А.А. Знаменской.

Идейным руководителем газеты в 1906 году стал видный представитель правого течения эсеров Василий Гаврилович Архангельский. 18 июля 1906 года попечителем Казанского учебного округа он был смещен с должности инспектора народных училищ Ставропольского уезда Самарской губернии за "вредное влияние на подведомственных ему учителей". Архангельский вышел в отставку и уехал в Казань, где устроился литературным сотрудником в редакции демократической газеты "Волжский вестник".

"В середине июня 1906 года редактором-издателем этой газеты стала сторонница партии эсеров А.А.Знаменская. Архангельский был идейным вдохновителем газеты. Федорову дали должность секретаря этой газеты»⁴⁶⁴. Упоминание «Волжского вестника» А.Знаменской в книге о чувашских интеллигентах неслучайно. Многие представители чувашской интеллигенции в это время – активные участники эсеровской партии. Председателем казанской боевой дружины эсеров был Сидор Игнатьев, в то время редактор единственной чувашской газеты «Хыпыр», основанной Никольским и выходявшей в Казани. Упомянутый Гавриил Фёдоров, секретарь «Волжского вестника» - также видный эсеровский партийный деятель, участник чувашского национального движения, с 1909 года его фамилией станет один из псевдонимов «Алюнов».

⁴⁶⁴ Александров Г.А. Чувашские интеллигенты. Биографии и судьбы. Ч. 2002. С.139.

Справочники сообщают, что ещё «в мае 1906 года Фёдоров опубликовал в казанской газете «Волжский вестник», собравшей вокруг себя местных эсеров, критическую статью о брошюре Ленина «Пересмотр аграрной программы рабочей партии». В своем отзыве Фёдоров назвал Ленина «аграрным фокусником», обвинив его в непоследовательности и отсутствии чёткой аграрной программы. В середине того же года Фёдоров занял в «Волжском вестнике» должность секретаря.

Главный редактор «Волжского вестника» в это время, как уже упоминалось, – Александра Александровна Знаменская, убеждённая народница, супруга видного земского деятеля Ф. П. Знаменского, много лет проживала она в Симбирске, дружила с семьёй Ульяновых, после смерти Ильи Николаевича именно Знаменская оплатила окончание Бестужевских курсов в Петербурге Анне Ильиничне Ульяновой, старшей сестре Ленина. В 1891—1892 годах А. А. Знаменская участвовала в борьбе с голодом, охватившим Поволжье. В январе 1893 года, преодолев многочисленные препоны, она вместе с учительницей В. В. Кашкадамовой организовала в Симбирске первую в России провинциальную бесплатную народную библиотеку-читальню имени И. А. Гончарова. А в годы первой русской революции стала издательницей казанской газеты.

Сошлёмся на Г. Александрова, автора статьи «Василий Гаврилович Архангельский: штрихи к биографии»: «В это время казанские эсеры вели активную террористическую деятельность в городе. 25 сентября 1906 года они бросили под карету вице-губернатора Д.Д. Кобеко две бомбы, одна из которых разорвалась и ранила его. 13 октября того же года в Казани произошел взрыв химической лаборатории эсеров, погибло четыре террориста. Из них жандармами были установлены личности троих. Ими оказались студенты университета Сергей и Михаил Зефиры и В.П. Васильев. М. Зефирин незадолго до взрыва числился сотрудником "Волжского вестника", и этот факт очень заинтересовал полицию.

Жандармы установили, что 13 октября около 12 часов дня в помещении редакции происходил тайный разговор о покушении на начальника Казанского жандармского управления полковника Калинина. В разговоре приняли участие сотрудник "Волжского вестника" Виктор Постников (студент ветеринарного института), секретарь редакции Гавриил Федоров (студент ярославского Демидовского лицея), председатель боевой дружины Сидор Игнатьев (редактор чувашской газеты "Хыпар") и еще один неизвестный. Последний объявил, что "все готово". Тогда Игнатьев произнес: "Значит нужно послать сказать Зефирову, что начальник управления (жандармского. — Г.А.) поедет сегодня около 2-х часов дня в крепость (Кремль. — Г.А.)". К Зефирову был направлен посыльный, но во время изготовления бомбы в его квартире произошёл взрыв.

Ночью 16 октября всех сотрудников газеты арестовали и заключили в тюрьму. При аресте В.Г. Архангельского в опись вещественных доказательств были внесены следующие вещи: часть мимеографа (множительного аппарата), постановление съезда представителей партии социалистов-революционеров на Северном Кавказе, печатная брошюра "Программа партии социалистов-революционеров", программа партии социал-демократов, конспект речи или статьи по аграрному вопросу, написанный почерком Архангельского, а также другие его конспекты в ученической тетради. 27 октября арестовали и А.А. Знаменскую»⁴⁶⁵.

Но и до своего закрытия газета часто имела проблемы с законом. Подсчёты произвела Е.В. Курбакова: «...«Волжский Вестник» при А.А. Знаменской опубликовал в одном номере три материала. В статье «Русская печать» содержались призывы к пролетариату и крестьянству «свергнуть самодержавный строй», в стихотворении «Вперед» - призывы к революционной борьбе, в статье «Социалистический митинг в Париже» - «призыв к ниспровержению

⁴⁶⁵ Александров Г. Василий Гаврилович Архангельский: штрихи к биографии // Гасырлар авазы=Эхо веков, 2001, № 3/4. С. 130-132.

существующего в государстве общественного строя». ... В июле-октябре 1906 г. «ВВ» подвергался аресту 14 раз ... Выявлены лишь четыре эпизода утверждения ареста «Волжского Вестника». В большинстве случаев по «ВВ» арест был отменен судом»⁴⁶⁶.

В ночь с 20 на 21 июля был осуществлен арест казанской «боевой организации социалистов-революционеров», большинство представителей которой так или иначе имели отношение к местной периодической печати Бывший редактор «Волжского Вестника» В.М. Боголюбов являлся руководителем кружка пропагандистов организации социалистов-революционеров, предшественник Боголюбова на посту редактора «ВВ» В.И. Кудрявцев сотрудничал и в других местных изданиях, С.Л. Маслов был редактором казанской «Крестьянской Газеты», заведующий конторой «Волжского Вестника» А.И. Кудрявцев являлся «руководителем боевой дружины социалистов-революционеров»⁴⁶⁷.

Как видим, уже до прихода Знаменской на пост главного редактора эсерская ориентация нового «Волжского вестника» вполне сложилась.

Попутно отметим, что цензура отнюдь не бездействовала в этот сложный период. Уничтожались в газете не отдельные места, а целые статьи, даже рубрики. Так, подписью председателя Временного комитета по делам печати Пинегина в газете «Дневник Казани» (сначала тоже эсерской, позже у эсеров газету выкупили марксисты) были уничтожены отделы «Хроника рабочего и профессионального движения» и «Аграрное движение»⁴⁶⁸.

Главной газетой социал-демократов (казанских марксистов) стал 2-й «Волжский листок».

⁴⁶⁶ Курбакова Е.В. Указ. соч. С. 126.

⁴⁶⁷ Там же. С. 127 и 264.

⁴⁶⁸ См.: об этом: Хасанов Х.Х. Революция тысяча девятьсот пятого-седьмого гг. в Татарии. М.: Наука, 1965. С. 262.

Газета «Волжский листок» (2-й) издавалась в Казани с 1 октября 1904 г. по 14 февраля 1906 г., далее многократно приостанавливаясь, снова возобновлялась, и выходила: с 28 октября по 17 ноября 1906 г., с 25 мая 1907 г. по 17 сентября 1908 г., с 1 января по 4 октября 1909 г. С конца ноября 1906 по весну 1907 вместо неё подписчики получали газету «Волжский курьер». По словам Е. Бушканца, «новая газета изменила соотношение сил, «Волжский листок», либеральный в конце 1904 – начале 1905 года, явился известным противовесом «Казанскому телеграфу»»⁴⁶⁹ (напомним, новый флагман либеральной печати Казани – «Камско-Волжская речь», оппонент газеты Н. Ильяшенко, выйдет в свет лишь в 1908 году).

Инициаторами «Волжского листка» были либералы-юристы М.Б. Зельдович, С.А. Ушаков, И.И. Степанов. Последний на правах нового издателя значительно расширил тематику газеты и увеличил периодичность выхода номеров. В первый же год издания, благодаря регулярно получаемым сообщениям от российских телеграфных агентств (при газете с 1 октября 1904 г. по 31 августа 1905 г. в виде приложения выходили «Телеграммы «Волжского листка»»), газета оперативно освещала военные действия на Дальнем Востоке⁴⁷⁰.

К весне 1905 г. внутри редакции определилось два основных политических крыла: либералы из среды адвокатов и социал-демократы – члены Казанского комитета РСДРП: В.В. Адоратский (псевдоним Soci), Н.И. Дамперов, А.С. Кулеша (псевдоним АСКА), Н.Н. Накоряков (псевдоним Чарно), Б.М. Фрумкин (псевдоним Ф.), М.М. Хомяков (псевдоним «Синьор»), в 1905 году под псевдонимом Хомякова писали совместно Адоратский, Дамперов, Кулеша, Накоряков, т.е. большевистская часть редакции, сам М. Хомяков большевиком не был, себя аттестовал как воспитанного «в духе либерализма 90х

⁴⁶⁹ Из истории местной периодической печати. Вып.1: [сб. статей] / ред. Бушканец Е. Г. Казань: Изд-во Казанского университета, 1960. С.27.

⁴⁷⁰ Из других приложений к газете, выходивших в разные годы: Волжский листок: Веч. вып. Беспл. прил. к утр. изд. (ред.-изд. М.З.Комлев). 1908, 26 мая – [?]. 1908; журнал Живописная неделя. 1908.

годов чуть-чуть с радикальным оттенком», он был одно время секретарём редакции; до своего ареста обязанности секретаря исполнял и В. Язвический). Летом в «Волжском листке» печатался приехавший в Казань Я.М. Свердлов (псевдоним Михайлович). Постепенно большевикам удалось перестроить легальную либеральную газету на свои рельсы.

В 1905 году газета фактически выступает на большевистских позициях. С Лившиц даже либеральных адвокатов, членов газеты, аттестует как «сочувствующий социал-демократии» (адвокат И.И. Степанов, первый редактор) и «ещё более близкий к социал-демократам» (адвокат С. А. Ушаков, второй редактор). Впрочем, другие исследователи подчёркивают «явное недовольство» Степанова «быстрой большевизацией» «Волжского листка»⁴⁷¹.

Газета играла большую роль в событиях Первой русской революции в Казани, апогей которой пришёлся на октябрьские дни 1905 года. 17 октября начинаются события, так называемой «Казанской революции». К стенам закрытого университета с утра начала стекаться толпа на назначенный митинг. Но внутрь здания удалось попасть лишь кучке студентов во главе с Дравертом.

«Часов около двух дня в толпу, стоящую около университета (человек 100) врезались 8 конно-полицейских, заработали нагайки и началось поголовное избиение. Публика в панике бросилась бежать по Воскресенской (ныне ул. Кремлёвская – А.Б.) по направлению к Пассажу. <...> Освирепевшие опричники... стали преследовать бегущих..., они стали бесцеремонно давить людей лошадьми, въезжая на тротуары и «счищая» с них публику ударами нагаек. Мало того, полицмейстер вызвал на улицу взвод казаков и всю конно-полицейскую команду, но, найдя, что этими силами разогнать всю столпившихся у Пассажа невозможно, вызвал ещё роту Свияжского батальона. В казаков, орудовавших нагайками, из Пассажа была брошена одним эсером бомба, которая не взорвалась и никому не причинила вреда. Тогда расстреливаемая войсками

⁴⁷¹ См. напр.: Муллина Л.Б. «Волжский Листок» в 1905 г. // Из истории местной периодической печати. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1960. С.49.

в упор толпа бросилась в паническом ужасе бежать в разные стороны. Несколько залпов дано было по поперечным улицам в убежавших. Часть толпы бросилась в семинарию; оттуда отстреливались и была брошена бомба... Озверевшие солдаты ворвались в семинарию и стреляли внутри здания... Полицейстер вызвал ещё одну роту Свяжского батальона... Стрельбе, казалось, не будет конца... Расстреливали всех, не разбирая пола и возраста...»⁴⁷².

Поздно вечером 17 октября в Казань из столицы поступил знаменитый царский манифест. «Высочайший Манифест об усовершенствовании государственного порядка» от 17 октября 1905 года – акт конституционного значения, положивший начало становлению в Российской империи конституционно-монархического государственного строя, формированию в стране парламентаризма и многопартийной системы. Манифестом предписывалось объединить деятельность центральных ведомств в составе единого правительства; ему поручалось предоставить населению «незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов» и обеспечить представительство в будущей Государственной Думе тех слоёв населения, которые ранее были лишены избирательных прав.

Казанская бойня пришлась на день подписания манифеста, местные власти под давлением растущего общественного негодования и сигналов о смене политики в стране, поступающих из столиц оказались в крайней растерянности и затруднительном положении. На следующий день газеты в Казани не вышли, началась забастовка печатников, которая продлится три недели (до 8 ноября).

«Не бастовали лишь типографии губернского правления (где были хорошие условия труда) и Университетская типография, которой заведовал... черносотенец А.Т. Соловьёв (казначей университета). <...> Когда 17 или 18

⁴⁷² Лившиц С. Казанская социал-демократическая организация в 1905 году // Пролетарская революция. 1923. № 2. С. 109.

октября стачечники отправились «снимать» рабочих Университетской типографии, их на дворе типографии встретил соорганизованный «Титычем» (Соловьёвым) отряд «молодцов» и принялся избивать дубинками» («Волжский листок», № 306 от 10 ноября 1905 г.). Когда 18 октября губернатору надо было отпечатать манифест 17 октября, он обратился именно в Университетскую типографию»⁴⁷³.

Из-за забастовки печатников город в эти дни остался без местных газет, вместо них стачечниками выпускались Бюллетени (телеграммы), которые жадно раскупались местными обывателями, доход шёл в пользу стачечного комитета. Вместо «Волжского вестника» также выходил «листок телеграмм». В нём в №№ за 29, 30 и 31 октября и 1 ноября была напечатана резолюция, принятая на общем собрании стачечников: «Не наша вина, что печатное слово не выходит, мы не можем не бастовать, а виноваты хозяева, не желающие идти на уступки». Подобные приложения были в это время у всех газет, ср.: Телеграммы газеты «Казанский телеграф» (1904–1905); Телеграммы газеты «Волжский листок» (1904–1905).

В типографии Б. Домбровского (будущей «Центральной») были отпечатаны в большом количестве экземпляров «Бюллетень № 1», воззвание «Ко всем» Казанского комитета РСДРП и воззвание «Гражданам Казани» от имени «Объединённого комитета партий». Очевидцы вспоминали: «На всех бойких улицах раздавались крики разносчиков: «Утренний» выпуск прокламации Казанского социал-демократического комитета» и «Вечерний» выпуск «Граждане Казани!» Всё это делалось совершенно свободно, листки буквально расхватывались нарасхват»⁴⁷⁴. В прокламации «Граждане Казани!» прямо сообщалось, что революционные силы выступают против правительства и полиции, этими силами назывались в свою очередь «казанские граждане, руководимые Казанской городской думой», а в списке оппозиционных партий, от

⁴⁷³ Там же. С. 147.

⁴⁷⁴ Цит. по: Лившиц С. Указ. соч. С. 121 – 122.

имени которых и был написан данный текст, на первом месте значилась партия эсеров, далее шли социал-демократы (большевики и меньшевики) и кадеты.

Ответом на существующий в городе газетный голод стала организация казанским комитетом РСДРП оживлённой торговли легальными социал-демократическими столичными газетами. «Ответственный организатор окружной группы при Казанском комитете В. Дубинин («Михаил», «Дятел»), выехавший в Москву, входит там в соглашение с кем надлежит, о высылке партийной легальной прессы в Казань, а затем возвращается в богоспасаемую «татарскую столицу». И в доме Годнева на Большой Лядской улице открывается отделение конторы газеты «Новая жизнь» (первая легальная газета большевиков – А.Б.), куда посадили с.-д-тку Е. Д. Титову, вести торговлю. Получение газет было поставлено блестяще. У с.-д. была связь со станцией, и даже поезд чуть ли не останавливался, и газеты выбрасывались из вагона, попадая в руки поджидающих с.-д.-тов; конфискованные номера, таким образом, минуя лапы жандармов и полиции, достигали читающей публики. Получались главным образом органы большевиков «Новая жизнь» (Петербург) и «Борьба» (Москва), были и меньшевистские газеты («Начало») и др.»⁴⁷⁵.

Но уже 22 октября так называемая «Казанская республика» захлебнулась. Мобилизация «патриотических сил», монархистов, черносотенцев, проведение сперва 21-го (годовщина коронации Николая II), но, главное, 22 октября (День Казанской иконы Божьей матери) – манифестаций с иконами, портретами царя, и дальнейшие события решили дело... Мероприятие 22 октября в официальных источниках того времени назовут "Торжественное всенародное шествие (патриотическая манифестация) 22 октября 1905 года в Казани". Брошюра с таким названием появится в 1906 г., лидер черносотенцев В.Ф. Залеский сделал панорамные фотографические снимки проходивших по

⁴⁷⁵ Там же. С. 148.

площади перед университетом манифестантов, которые и поместил в названной брошюре.

К этой акции присоединились и некоторые видные татарские лидеры, в частности имам Г. Баруди, за что он потом будет не раз подвергаться критике среди татарских интеллектуалов, а также купец А.Я. Сайдашев (позже, в 1907 г., он приобретёт у С. Алкина права издателя газеты «Казан мухбире»), и другие. «Красный» историк С. Лившиц вынужден также признать участие и части рабочих в этой акции, организованной черносотенцами. «Это доказывало, что с.-д. пропаганда захватила только верхи казанского пролетариата, незначительный сравнительно слой, чем и объясняется интеллигентный характер «казанской революции», опиравшейся, главным образом, на студентов, а потом уже на рабочих»⁴⁷⁶.

За верноподданнической акцией в Казани пошли погромы, в т.ч. еврейские. «Черносотенцы устраивали в городе погромы в магазинах, частных домах. Ураган прошелся по центральным улицам – Воскресенской (Кремлевской), Рыбнорядской (Пушкина), Университетской, Большой Проломной. В синагоге в доме Смоленцева били камнями, гирями стекла, дубинками – людей, громили их имущество. Кучки громил врывались в земскую больницу на ул. Покровской (К. Маркса, д. 17) и на Красной улице (Большая Красная, д. 20/6). В ходе казанской смуты, продолжавшейся десять дней октября, было убито и покалечено около полусотни человек»⁴⁷⁷.

В Бюллетенях № 2, 3, 4 Казанского комитета РСДРП описывались все подробности погромов. Бюллетень № 4 называет целый ряд вождей «черной сотни» – редактора-издателя газеты «Русь православная и самодержавная» А.Т. Соловьёва, приставов Антонова, Васильева, помощника пристава Баева, ряд купцов, псаломщика Троицкого, бывшего управляющего музеем Блохина.

⁴⁷⁶ Указ. соч. С. 132.

⁴⁷⁷ Варшавская Л. Казанские евреи не знали, что такое черта осёдлости/ Казанские евреи 100 лет назад и сегодня// Казанские истории. Эл. ресурс: URL.: <http://history-kazan.ru/16072-kazanskaya-sinagoga-100-let-i-segodnya>.

«Вот злодеи, от которых все граждане должны отвернуться. Пусть они докажут теперь нам, что они не принимали участие в манифестации, а затем избиении. Мы предлагаем всем гражданам самый широкий и строгий бойкот этих торгашей человеческой кровью»⁴⁷⁸. Главным виновником и попустителем избиений называли они казанского губернатора Хомутова.

Тем не менее, 22 октября, «Торжественное патриотическое шествие» стало переломным моментом Казанской революции, стало понятно, что прежняя официальная власть устояла, постепенно порядок в городе был водворён. Главным антагонистом революционеров в казанской печати стала в это время газета «Казанский телеграф». «...«Казанский Телеграф» открыто выступил в поддержку действий и. д.⁴⁷⁹ Казанского губернатора А.А. Рейнбота, направленных на решительное подавление любых проявлений революционной активности»⁴⁸⁰.

8 ноября закончилась забастовка казанских печатников, в стране в это время продолжался так называемый «медовый месяц» свободы печати (от даты манифеста 17 октября до 24 ноября, принятия новых правил о печати).

Социал-демократическая казанская газета «Волжский листок» (тираж порядка 5-6 тысяч экземпляров, в год выходило до 300 номеров) занимает в это время одну из ведущих позиций, она подробно освещает деятельность московских и петербургских штабов РСДРП, перепечатывает партийные резолюции из «Новой жизни», освещает, насколько возможно, события Московского восстания.

В № 309 была помещена большая статья «Чего хотят социал-демократы», в которой в популярной форме излагалась программа РСДРП. В статье «Армия и народ» за подписью «Soci» (псевд. В. Адоратского), в № 315 от 20

⁴⁷⁸ См. в: Большевики во главе Всероссийской политической стачки в октябре 1905 г. Сборник документов и материалов, М., 1955. С.515.

⁴⁷⁹ Исполняющего должность.

⁴⁸⁰ Алексеев И.Е. Флагман правой казанской периодики: газета «Казанский Телеграф» и её редактор Н.А. Ильяшенко. URL.: <https://rusk.ru/st.php?idar=113922>

ноября говорилось, что при социалистическом строе армия, вероятно, исчезнет; теперь же следует добиваться организации народной милиции и демократизации армии.

24 ноября 1905 года по новым Временным правилам о повременных изданиях в городах официально отменялась предварительная цензура, но в Казани она продолжала действовать до 29 декабря. Фактически, по новому закону казанская журналистика проживёт лишь год: в 1906-м, и также в декабре, издатели большинства казанских газет заключат неформальное соглашение с местным цензором о фактическом возобновлении предварительной цензуры... В 1905 же – тот же социал-демократический «Волжский листок» жаждал освобождения от цензуры. 22 декабря, в №341 «Волжский листок» вышел с таким заявлением от редакции: «Редакция считает своим долгом оповестить господ читателей, что вследствие цензурных условий она не может дать своего освещения текущим событиям в России, так и перепечатать освещение тех же событий, которое даётся в газетах столичных».

30 ноября жандармы нагрянули в подпольную типографию РСДРП. Нелегальная печать достигала тогда больших размахов (тираж – до 15000 экз.), провал типографии стал большим ударом для революционеров. В течение декабря не вышло ни одного бюллетеня или листка с подписью казанского комитета РСДРП, легальная газета оставалась фактически единственным рупором.

В 1906 году продолжилось издание «Волжского листка». Газета освещала выборные кампании и работу Государственной думы, печатала выступления депутатов, особенно социал-демократической фракции. Большое внимание уделялось характеристике российских политических партий: освещались основные положения марксизма, вопросы стратегии и тактики партии большевиков; анализировалась деятельность кадетской партии; была дана негативная оценка правым и черносотенным организациям. «Волжский ли-

сток» критиковал национальную политику царизма. Разветвленная сеть собственных корреспондентов позволяла газете отражать реальную картину жизни народов поволжских губерний. «Волжский листок» считал необходимым кардинально изменить аграрные отношения, так как проводимый П.А. Столыпиным курс социально-политических реформ «мало продвигает вперед разрешение земельного вопроса».

В перерыв, вызванный очередной приостановкой, выходила газета «Волжский курьер» (ответственный секретарь В.М. Фрумкин, после его отъезда за границу – Виктор Вановский). Снова издавалась в это время и нелегальная литература. В 1906 году были выпущены: в апреле - два листка («Чего хотят мятежники», «Полезные для всех сведения (о земле и налогах», – оба перепечатки); летом - «Что такое погромы? (крестьянам)», тираж 10 000. В августе, в связи с роспуском Государственной думы – «Выборгское воззвание», 15 000 экз., «Манифест всему российскому крестьянству», 40 000 экз. Август или сентябрь - прокламация «О рекрутском наборе», 15 000 экз., с призывом не давать правительству рекрутов. Октябрь - «Товарищи-крестьяне» (20 000 экз.).

8 (21) августа 1907 г. Казанский комитет РСДРП был ликвидирован.

В период Первой русской революции главные казанские газеты либерального толка – «Вечернее эхо» и «Казанский вечер». Казанский губернский комитет кадетов был учреждён в декабре 1905 года (осенью возникло отделение партии). Газета «Вечернее эхо» издавалась с этого времени по 1 июля 1906 г., «Казанский вечер» — с 29 июля 1906 г. по 30 ноября 1907 г. В 1906 г. они неоднократно закрывались властями. В отличие от поздней «Камско-Волжской речи», они носили гораздо более выраженный партийный характер, их выход пришёлся на период формирования и действия Первой Государственной Думы (т.н. «Думы народного гнева»), и поэтому именно «думский вопрос» был главным на повестке у этих изданий. Позднейшая «Камско-Волжская

речь», в целом поддерживая заданный либерально-демократический тренд, носила уже более универсальный характер.

Газеты 1906 года «Волжский вестник», «Волжский листок» и «Вечернее эхо» представляли левый фланг казанской журналистики, и хотя они принадлежали разным партиям (эсерам, РСДРП и кадетам соответственно), но в условиях казанских реалий периода Первой русской революции, участившихся арестов, обысков, конфискации номеров часто действовали сообща, единым фронтом. Так, в № 19 «Вечернего эха» от 15 янв. 1906 года появилось объявление от редакции «Волжского вестника»: «Редакция извещает своих подписчиков, что, не имея возможности, по независящим от редакции обстоятельствам выпустить сегодня номер «Волжского Вестника», взамен рассылает «Вечернее Эхо». Принимаются все меры к тому, чтобы «Волжский Вестник» выпустить во вторник 17 января»⁴⁸¹.

В том же номере «Вечернее эхо» на последней странице (и в следующем - на первой) печатается объявление о приостановке «Волжского листка». Редакция снабжает это объявление от дружественной редакции таким пояснением:

«Эта тяжёлая кара наложена на газету судом и вызвана исключительно тем, что «Волжский листок» перепечатал из «Молвы» показания одного из арестованных участников московских событий о расправах в участках. Цензор и прокуратура усмотрели в этом распространение ложных слухов, между тем, номер «Молвы», где была напечатана эта статья, столичная прокуратура, главное управление по делам печати с министром юстиции Генеральным прокурором во главе не нашли нужным конфисковать, и «ложность» этих слухов до сих пор не опровергнуты заинтересованной стороной. Очевидно Казанские органы пожелали дать пример бдительности Петербургу»⁴⁸².

⁴⁸¹ Указ соч. (см. основной текст).

⁴⁸² Там же.

С закрытием уже самого «Вечернего эха» связано такое событие в истории казанской прессы, как неформальный договор с местным цензурным комитетом о сохранении здесь (в отличие от всей России) предварительной цензуры).

Готовя к открытию приходящую на смену «Вечернего эха» новую газету либералов «Казанский вечер» издатель и владелец типографии И.С. Перов обратился к главному цензору Казани М. Пинегину с оригинальной просьбой... Вот как он сам в письме тому же адресату, отправленном год спустя, 20 декабря 1907 г., вспоминал об этом. Перов выражает М.Н. Пинегину благодарность «за спокойствие, которое крайне необходимо для здоровья, за возможность иметь заработок и быть спокойным насчет арестов» и с просьбой оставить в силе предварительную цензуру: «Еще в 1906 г. после многочисленных арестов газеты «Вечернее эхо» и после ее прекращения судом я обратился к Вам со словесной просьбой о предварительном просмотре новой газеты «Казанский Вечер», которую я брался печатать только при том непременно условии, если корректурные оттиски статей будут просматриваться инспектором печати и если все статьи, за которые, по Вашему указанию, газета может быть арестована, будут исключаться беспрекословно со стороны редакции»⁴⁸³.

После роспуска I Государственной Думы кадеты были вынуждены замаскироваться и выступать под именем «прогрессивных избирателей», а свой партийный орган «Казанский вечер» переименовать в «беспартийно-прогрессивный». С 1 декабря 1907 «Казанский вечер» переименовывается в «Волжско-Камскую речь». Газета под редакцией Н. Скворцова и изданием Н. Гусева выходила в двух выпусках: утреннем и вечернем. Вечерние выпуски прекратились 31 марта 1908 года. 30 сентября вышел последний номер издания. А с 1 октября 1908 года газета уже под редакцией А. Музовского станет выходить под названием «Камско-Волжская речь».

⁴⁸³ Цит. по: Курбакова Е.В. История казанской и нижегородской прессы 1811-1917 гг.: власть и общественные настроения российской провинции. Н.Новгород: Нижегородский гос. лингв. ун-т им. Н.А. Добролюбова, 2008. С. 105.

Интересно, что ещё в середине 1906 года, когда революционные настроения в городе достигли своего пика, редакции казанских газет выступали решительными борцами с предварительной цензурой. Ср.: обнаруженная нами телеграмма в «Русских ведомостях» в № от 26 июля 1906 года следующего содержания: «Казань. В виду того, что чиновник, заведующий типографиями, приходит в типографии, где печатаются прогрессивные газеты, и посылает губернатору для предварительного просмотра гранки до пуска их в машину, редакторы трёх местных газет вошли в соглашение относительно того, чтобы не подчиняться предварительной цензуре и требовать от владельцев типографии не выдавать номера до выпуска» (С.2).

А в 1908 мы уже видим в прессе сообщения совсем противоположные по смыслу. Так, в № 1 старообрядческого журнала товарищества Рябушинских «Церковь» публиковалась следующая новость: «Редакторы казанских газет, на предложение губернатора отменить предварительную цензуру, ответили отказом, видя в цензуре относительную гарантию против штрафов» (С. 31).

В письме от 9 февраля 1908 г. М.Н. Пинегин адресовал губернатору «объяснение» сложившейся ситуации: к нему с настойчивой просьбой обратились владельцы типографий и редакторы казанских газет, «указывая на то, что если я не соглашусь предварительно просматривать корректурные оттиски газет, то Казань может остаться совершенно без частных периодических изданий»⁴⁸⁴.

В итоге, в Казани сложилась парадоксальная ситуация, в отличие от всей остальной России здесь продолжала действовать предварительная цензура. В Казани предварительная цензура просуществовала до марта 1914 г. Этот юридический нонсенс стал даже предметом обсуждения на заседании в Государственной Думе. В своей речи о свободе слова лидер партии кадетов П. Н. Миллюков с возмущением констатировал: «А в Казани предварительная цензура

⁴⁸⁴ Курбакова Е.В. Указ. соч. С. 105.

превращается в институт, признанный властью, включая сюда и Сенат. Происхождение казанской цензуры то же самое, как и в указанном мной выше случае (П. Миллюков приводил примеры, связанные с украинскими газетами, «Донецкой жизнью» и «Киевским голосом» - А.Б.). Точно также типографии угрожали закрытием, если она не будет предоставлять номеров. Номера представлялись, и цензура установилась. И настолько уже редакция газеты приспособилась к этому, что, когда после этого предварительного просмотра тем не менее был наложен штраф на газету, редактор «Камско-Волжской речи» жалуется в Сенат. И Первый Департамент Сената признаёт, что жалобщик прав, что действительно после предварительного просмотра штрафовать уже не следует; таким образом институт предварительной цензуры не только официально известен, но и официально санкционирован»⁴⁸⁵.

В столичной газете «Русское Слово» 16 апреля 1914 г. появилась небольшая заметка с названием «Опоздание на 9 лет». В этой заметке повествуется о том, что в Казани отмена предварительной цензуры произошла лишь при губернаторе П.М. Боярском. Т.е. «свобода» казанской прессе была дарована не с ноября 1905 г., а с марта 1914 г. <...> В марте 1914 г. «Дело по ходатайствам редакторов местных газет о сохранении установившегося порядка предварительного просмотра газет и журналов» возникло вновь, видимо, по причине интереса ГУДП к сложившейся в Казани противозаконной практике.

Редакторы-издатели и в 1914 году новость о даровании «свободы» и отмене предварительной цензуры встретили с огорчением. Е. Курбакова приводит очередную порцию писем уже 1914 года от издателей казанских газет «Город Казань», «Казанский телеграф», владельцев типографий с просьбой оставить им «предварилровку», но решением от 15 марта 1914 года казанские газеты вернули в общероссийское правовое поле⁴⁸⁶.

⁴⁸⁵ См.: речь П.Н. Миллюкова на 22 заседании I сессии IV созыва Государственной Думы от 13.02.1913. – в: Государственная Дума. Четвёртый созыв. Стенографические отчёты 1912-1913 гг. Ч.1. СПб.: Государственная типография, 1913. Стб. 1598.

⁴⁸⁶ Сюжет рассмотрен в цитированной монографии Е.В. Курбаковой «История казанской и нижегородской прессы 1811-1917 гг.: власть и общественные настроения российской провинции» на С. 104 – 106.

Свою казанскую газету получила к 1906 году и партия октябристов, ею стала газета «Обновление». Основу право-либеральной партии «октябристов» составили земцы-конституционалисты, поэтому именно издания земств (в Казани они берут начало с 1902 года⁴⁸⁷) первыми перешли на партийные позиции.

С начала 1906 года частично на этой основе начала выпускаться газета «Обновление». В мемуарах известного земского деятеля казанской губернии, и, кстати, одного из основателей «Казанской земской газеты» Николая Мельникова мы и находим такой вот отрывок про первое издание «октябристов»: «...”сочувствующих” октябристам было очень много, что дало возможность партийному комитету, в состав которого входил и я, создать перед выборами в третью Государственную Думу местный ежедневный партийный орган — газету «Обновление». Редактором и главным сотрудником ее был профессор *Варнеке*, способный, живой и очень энергичный человек. Всей хозяйственной частью и корректурой ведал Н.А. Остряков. «Обновление» просуществовало около года и сыграло заметную роль при подготовке выборов. Я почти ежедневно заглядывал в редакцию, чтобы помочь *Варнеке* в его хлопотах, иногда писал статьи и заметки, но моей главной партийной обязанностью сделалась пропаганда. Служебные дела требовали от меня постоянных разъездов по губернии. Это дало возможность находить знакомства среди уездных обывателей»⁴⁸⁸.

На самом деле «Обновление» начало свой выход уже с января 1906, то есть в преддверии выборов в самую первую (а не третью, как ошибочно говорит Н. Мельников в написанных им много лет спустя, по памяти, воспоминаниях) Государственную Думу. И просуществовала она всего лишь неполных

⁴⁸⁷ С момента основания «Казанской газеты».

⁴⁸⁸ Мельников Н. А. 19 лет на земской службе: (Автобиографический очерк и воспоминания) // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2008. [Т. XVII]. С. 288.

пять месяцев (последний номер – 104 от 21 мая). Первым её редактором-издателем был Михаил Иванович Лопаткин.

«Казань хорошо знала М. И. Лопаткина не только как химика, но и как широко образованного человека — как философа, филолога, историка и краеведа. Его имя известно не одним казанцам: в 1905 г. в «Ученых записках» Казанского университета (и отдельно) был напечатан сделанный им перевод (с латинского) «Богословско-политического трактата» Спинозы, который был повторен в издании 1935 г. (Москва, ОГИЗ, Гос. антирелигиозное издательство). В последние годы жизни М. И. Лопаткин был сотрудником «Казанского музейного вестника». В 1922 г. в этом издании был напечатан некролог о нем», — писал Б. Эйхенбаум⁴⁸⁹.

Вторым редактором «Обновления» (с № 79; а издателем газеты после М. Лопаткина с апреля 1906 г. указывался Перцов) стал выдающийся театровед и искусствовед, профессор Борис Васильевич Варнеке.

Упомянем отдельно о большом участии в газете, как и партии «октябристов», казанских старообрядцев, с которыми связано несколько резонансных публикаций «Обновления».

«Старообрядцы достаточно активно использовали октябристскую партийную трибуну для выступления по волнующим их проблемам <...> Наиболее злободневными... были незаконные религиозные притеснения и многолетние административные препятствия строительству ими собственного храма. Этому, в частности, была посвящена значительная часть «Речи старообрядческого священника А.Я. Калягина, сказанной в предвыборном собрании членов «17 октября» по 4 участку г. Казани, в доме старообрядческой общины», опубликованной в №№ 68 и 69 от 2 и 6 апреля 1906 г. газеты «Обновление».

«В 1883 году, — указывал он, в частности, — в царствование блаженных памяти Императора Александра III, был издан закон о веротерпимости, коим

⁴⁸⁹ Эйхенбаум Б.М. Казанская тетрадь Лермонтова// Литературное наследство. 1948. Т. 45-46. С.6-8.

разрешалось старообрядцам: «исполнять духовные требы как в частных домах, так и в особо предназначенных для сего зданиях» <...>; но на деле далеко не так, – по закону бы и можно, да по циркуляру нельзя. <...> старообрядческое общество в течение 20 лет ходило как около кольца, да не находило конца; так оно и осталось до сего времени без подобающего молитвенного храма. Вот каковы плоды безответственного министерства <внутренних дел, уполномоченного органа по выдаче соответствующего разрешения>, а будь в то время Государственная Дума, с правом контроля, этого бы не произошло» [Обновление, № 68. С.3]»⁴⁹⁰.

В № 21 от 2 февраля газеты «Обновление» было опубликовано интервью видного деятеля старообрядчества, купца М. Л. Свешникова, главы казанского комитета «Торгово-Промышленной партии», организации, по сути, выступавшей учредителем и главным спонсором газеты. Решение о создании Торгово-Промышленной партии (близкой к «октябристам») было принято 12 ноября 1905 года 87 видными деятелями «Москвы купеческой». Был сформирован ЦК ТПП, подписано воззвание к избирателям. Региональные отделения создавались через биржевые комитеты. Был создан и Казанский Губернский Отдел партии с его руководящим органом – Комитетом, который и возглавил М.Л. Свешников, одновременно являвшийся Председателем Совета «Казанской общины древлеправославных христиан, приемлющих священство» (Белокрицкого согласия). Казанское отделение ТПП сразу же установило самые тесные связи с «октябристами» и начали оказывать им немалую финансовую поддержку. Уже на организационном собрании 14 декабря 1905 года профессору М.Я. Капустину удалось собрать с купцов приличный стартовый капитал на издание газеты «Обновление». 19 января 1906 года газета «Обновление» сообщило: «Казанская партия манифеста 17 октября, партия торгово-промышлен-

⁴⁹⁰ Алексеев И.Е. Участие старообрядцев в деятельности умеренно монархических организаций Казанской губернии в начале XX века // Традиции старообрядческой благотворительности: сб. мат-лов Респ. науч.-практич. конф-и с междунар. участием. Казань - Чистополь, 3 – 4 октября 2018 г. Казань: Бриг, 2019. С. 186-187.

ная и собрание церковных пастырей слились в общий Союз 17 октября». Третья из названных организаций позже вышла из состава Союза из-за отрицательной реакции официальной церкви.

В упомянутом большом интервью «Обновлению» М. Свечников среди прочего высказался и по вопросу свободы печати: «Я считаю преступлением, – заявил он в частности, – все помехи, которые ставят правительству в его деятельности революционеры. И я не могу оправдывать прессу крайнего направления, горько жалующуюся на «строгости» правительства.

Свободное слово – двигатель прогресса человечества, без которого человек не может обойтись, как без воздуха, должно защищать, ибо оно вносит свет в потёмки человеческой жизни, оно указывает на существование зла, и оно содействует людскому благополучию. Но, как скоро, свобода, дающая право указывать истину, превращается в право лгать из партийных целей – этой свободе должен быть положен конец. Пресса крайнего направления старательно разжигала, не стесняясь прибегать и ко лжи, недоверие общества к правительству и социальную рознь, – и Власть поступила совершенно правильно, лишив эту часть прессы право голоса, ибо она мешала созидательной государственной работе»⁴⁹¹.

После закрытия «Обновления» подписчики стали получать газету «Казанский телеграф», позже известную как крайне правую и националистическую, а в первой избирательной кампании также поддерживавшую «октябристов».

Вот как об этом пишет И. Е. Алексеев, видный исследователь казанских «правых» начала XX века. «В марте 1906 г. во время избирательной кампании в Государственную Думу первого созыва Н.А. Ильяшенко выступил в «Казанском Телеграфе» с призывом беречься кадетов и голосовать за кандидатов

⁴⁹¹ См. Обновление. 1906. № 21 от 2.02.

«Казанской партии Манифеста 17 октября». Но, судя по общему тону его выступлений и направлению редакторской политики газеты, взгляды Николая Алексеевича были в то время значительно правее умеренно-монархических. Соответственно, в «диапазоне» между умеренными и правыми монархистами постоянно «колебалась» и издаваемая им газета. <...> Издание открыто симпатизировало черносотенцам, а с 1911 — 1912 гг. по начало 1917 г. — «националистам», отчасти правым октябристам и опять же черносотенцам. При этом смена редакцией политических пристрастий являлась одним из поводов для критики газеты со стороны либеральных изданий, называвших её, в частности, «флюгером»⁴⁹².

К 1906 году оформилась и приобрела очертание отдельного кружка казанская правомонархистская группа (черносотенцы etc.). Главным представителем правых в местной периодической печати была, как уже говорилось, ежедневная общественно-политическая газета «Казанский телеграф», под редакцией Н.А. Ильяшенко. Также рупором правых выступала еженедельная газета «Черносотенец» – орган «Царско-народного русского общества», под редакцией П.К. Кувшинова, а с № 3 – В.Ф. Залеского. Центральным органом «Русского собрания» являлась общественно - политическая литературная газета «Русь православная и самодержавная», под редакцией А. Т. Соловьева, лидера «Русского собрания». Под его же редакцией выходил с 1897 года журнал «Деятель». «Газета Правых», под редакцией Н.О. Прокофьева, также была органом «Русского собрания».

В записке с характеристикой личности редактора-издателя журнала «Деятель» А.Т. Соловьева для разрешения последнему издавать газету «Русь православная и самодержавная» цензор М.Н. Пинегин указывал, что газета может распространяться в «полуинтеллигентной среде и простом народе, т. е. тех

⁴⁹² Алексеев И.Е. Флагман правой казанской периодики: газета «Казанский Телеграф» и её редактор Н.А. Ильяшенко. URL.: <https://rusk.ru/st.php?idar=113922>.

классах, которые особенно нуждаются в надлежащем руководительстве их умственным настроением». Он призывал губернатора разрешить Соловьеву издавать «Русь...» именно в силу того, что в ней будут проводиться патриотические идеи о необходимости для России самодержавия, православия и народности⁴⁹³. Всего у «Руси православной и самодержавной» в 1905 г. вышло 20 номеров. Затем репутация газеты в глазах публики сильно пошатнулась. «“Волжский листок”» (т.е. левая, социал-демократическая газета – А.Б.) сыграл большую роль в дискредитации черносотенных изданий. Скандально провалилась «Русь православная и самодержавная». Совет университета вынужден был запретить печатать её в своей типографии, а содержатели других типографий, – как сообщал цензор, – из боязни бойкота со стороны наборщиков, не решались взять печатание «Руси православной и самодержавной», и потому она приостановилась на 20 номере. «Главная причина тому, – отмечал цензор, – ожесточённая полемика с “Волжским листком”»⁴⁹⁴. Попытки возрождения газеты «Русь православная и самодержавная» предпринимались в 1907 и 1915 годах.

Аграрная программа правых выражалась в газете В.Ф. Залеского «Сошники» (от старорус. «сошник» — режущая часть сохи, плуга) — основанной ими еженедельной монархической газеты «для крестьян», выходившей с декабря 1906 года.

Вместо создания неких «местных комитетов» (по программе кадетов), ими предлагалось опираться на существующие общины, владеющие крестьянскими наделами, превратив их в своеобразную вечно-наследственную форму крестьянского землевладения, призванную не только сдержать быстрое социальное расслоение деревни, но также остановить парцелляцию земли и её продажу представителям других сословий и национальностей. Всю общинную землю предлагалось «раз и навсегда» поделить на наследственные семейные

⁴⁹³ См.: Национальный архив Республики Татарстан. Ф. 420. Оп. 1. Д. 45. – Л. 3 об.

⁴⁹⁴ Цит. по: Муллина Л.Б. «Волжский Листок» в 1905 г. //Из истории местной периодической печати. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1960. С.27.

участки, заключающиеся «каждый в одном куске», и расселить на них крестьян («мелкими посёлками» или хуторами). Раздел должен был производиться на добровольной основе по наличному числу мужских и женских душ (по половине надела на каждую). Брачной паре предлагалось предоставить два надела. Такие хуторские участки должны были находиться в полном «личном владении» домохозяев, передаваться по наследству, а при вымирании семьи — переходить к общине⁴⁹⁵.

Итак, на страницах газеты «Сошники» популяризировалась «общинно-хуторская» модель землевладения. В своих основных положениях она почти полностью предвосхитила появление правительственной — «стольпинской» — программы по аграрному вопросу. Это обстоятельство долгое время оставалось предметом большой гордости царско-народников, лидер которых В. Ф. Залеский не преминул даже 10 (23) сентября 1910 г. лично похвастаться перед находившимся в г. Казани П. А. Столыпиным тем, что «Казанское Царско-Народное Русское Общество» «высказалось за хуторское землевладение почти за год до возбуждения этого вопроса правительством».

В отличие от кадет, предполагавших решать аграрный вопрос на основе созыва представительного органа, местного комитета, и рассчитывавших на общественную инициативу, ответственность и самостоятельность, правыми выдвигался некий общегосударственный централизованный принцип, позволяющий, как им казалось, реализовать перевод аграрного сектора на хуторные хозяйства.

Два главных лидера-идеолога казанского черносотенства, и одновременно оба: редакторы черносотенных казанских газет – профессор права Владислав Францевич Залеский и Александр Титович Соловьёв (в конце 1900-х годов между представляемыми ими партиями случится распря и раскол, по-

⁴⁹⁵ Здесь и далее по газете «Сошники» мы воспользовались материалом википедии, судя по всему, авторства И.Е. Алексеева.

вливавшая на состояние всего черносотенного движения в Поволжье) – теснейшим образом были связаны с университетом. А.Т. Соловьёв являлся казначеем и типографом императорского Казанского университета. В.Ф. Залеский, кроме прочего, был членом университетского профессорского совета. В.Ф. Залеский редактировал газеты «Черносотинец» (нояб. 1906 – март 1907), «Сошники» (дек. 1906 – янв. 1907), был инициатором создания и лидером «Казанского царско-народного русского общества». А.Т. Соловьёв лидер казанского отдела «Русского собрания», возникшего на базе Казанского общества трезвости. КОРС – первая по времени создания правомонархическая (черносотенная) и первая национально-русская политическая организация в г. Казани и Казанской губернии, действовавшая с 1905 по 1917 год. Александр Титович редактировал журнал «Деятель» и, с июня 1905 года, газету «Русь православная и самодержавная».

В сборнике под названием «Материалы к истории Казанского Общества Трезвости и других обществ», увидевшем свет в 1911 году в г. Казани, помимо прочего, говорилось: «Ещё в 1904 году, видя подготовку к беспорядкам, в которой главным образом участвовали евреи, Общество трезвости постановило учредить в Казани «Русское Собрание» и в 1905 году, чтобы повлиять на русское, увлечённое <еврейским> движением, общество, увеличило количество выпускаемых №[-ов] журнала «Деятель» и начало издавать газету «Русь православная и самодержавная»⁴⁹⁶.

Е.М. Михайлова в диссертации, посвящённой политическому движению правых монархистов в Поволжье, отмечает: «Характерной чертой правомонархической идеологии был антисемитизм. Вменяя ему роль социального шлюза, правые рассматривали насаждение юдофобии как самозащиту национально-конфессиональной русской идентичности, как инструмент конкурентной борьбы в экономике. Приписывая евреям ответственность за социально-

⁴⁹⁶ Цит. по статье И.Е. Алексеева в «википедии» – «Казанский отдел русского собрания».

экономические и политические неурядицы, правые, тем самым, уводили общественную критику от просчетов и ошибок власти во внутренней политике. Правые считали необходимым сохранение исключительных законов в отношении евреев и искоренение какого бы то ни было их влияния на общественно-политические процессы»⁴⁹⁷.

Согласно Е.В. Курбаковой, «по являвшемуся ключевым в позиции «правых» «еврейскому вопросу» казанские издания выражали менее неприятия к представителям этой нации, чем нижегородские газеты»⁴⁹⁸. Тем не менее, юдофобствующая позиция у казанских публицистов этой группы проявлена весьма ярко. Казанский краевед Лев Жаржевский вообще считает Казань начала XX века одной из столиц российского черносотенства и антисемитизма: «Вопреки расхожим представлениям, черносотенство не было уделом преимущественно лавочников и люмпенов. Черносотенную практику породила охранительная идеология, и на российском фоне Казань не только выглядела, но и на самом деле была одним из идеологических центров черносотенства и тесно связанного с ним антисемитизма»⁴⁹⁹.

Катализирующими для объединения казанских правых стали события октября 1905 года. Профессорский совет университета, куда входил и лидер правых В. Залеский (Л. Жаржевский в названной статье аттестует его как «главного антисемита Казани начала прошлого века»)… «совет оказался в роли буферной зоны между митингующими и городскими властями. В связи с этим на протяжении всех дней разгула волнений между членами Совета шли ожесточенные споры о способах установления порядка. Особенно острый конфликт вызвал вопрос о вводе в университет полиции. Приверженцы правых взглядов во главе с профессором В. Ф. Залеским настаивали на ее привлечении

⁴⁹⁷ Михайлова Е.М. Правомонархическое движение начала XX века в Поволжье: идеологическое оформление и общественно-политическая практика. Автореф. дис... д.и.н. Казань. 2007. С. 36.

⁴⁹⁸ Курбакова Е.В. История казанской и нижегородской прессы 1811–1917 гг.: власть и общественные настроения российской провинции. Н.Новгород. 2008. С. 199.

⁴⁹⁹ Жаржевский Л.М. Казанский антисемитизм: газеты черносотенцев, местный маркиз де Сад и академические юдофобы// Реальное время. URL.: <https://realnoevremya.ru/articles/62332-istoriya-antisemitizma-v-kazani>. Режим доступа – свободный. Дата обращения – 31.01.2023.

«для охраны читающих и слушающих лекции от насилия»⁵⁰⁰. Однако для либеральной профессуры ввод войск в университет означал грубейшее нарушение автономии. Профессора Е. Ф. Будде, В. И. Разумовский, А. Я. Гольдгамер, возражая В. Ф. Залескому, заявляли о категорическом неприятии вмешательства во внутренние дела университета властей различных уровней, будь то попечитель учебного округа или городская администрация. Они подчеркивали, что «такая мера... кроме вреда ничего принести не может». В результате, представителям правого течения не удалось создать внутри Совета сплоченной группы и добиться вмешательства полиции. Большинство членов Совета почитало необходимым встать на защиту автономных прав и студентов, оградив их от действий казанских властей»⁵⁰¹.

Конец 1905 года стал временем образования казанских политических партий. Черносотенный лагерь в Казани был представлен тремя самостоятельными партиями – царско-народным русским обществом (ЦНРО, лидер В.Ф. Залеский), Казанским отделом русского собрания (КОРС, лидер А.Т. Соловьёв), обществом церковных старост и приходских попечительств (ОЦСПП, лидер А.И. Кукарников). В противовес последнему был создан умеренно-монархистский «Союз пастырей и церковных старост г. Казани», один из ярких лидеров которого известный профессор Н.Ф. Высоцкий, староста университетской церкви. Союзу удалось переманить нескольких священников и старост из консервативного ОЦСПП на свою сторону. В отличие от последнего, имевшего черносотенную окраску, Союз присоединился к праволиберальной партии «октябристов».

По мнению А.В. Хабибрахмановой, «казанским черносотенцам в целом не удалось создать конкурентоспособных изданий в системе периодической печати Казани»⁵⁰². Газету «Казанский телеграф» она рассматривает лишь как

⁵⁰⁰ Бушуева Л. А. Профессорская корпорация Казани в эпоху перемен: межличностные коммуникации университетских людей (начало XX века) // Диалог со временем. 2011. Вып. 36. С.254.

⁵⁰¹ Там же.

⁵⁰² Хабибрахманова А.В. Деятельность политических партий в Казани в годы Первой российской революции//Автореф. дис. ... к.и.н. Казань, 2005. С.24.

«выражавшую интересы правых октябристов». Между тем известно, что после 1905 года эта, одна из двух популярнейших газет Казани, начала стремительно праветь. И её «диапазон», по мнению И.Е. Алексеева, которое мы уже цитировали, охватывает весь правый фланг, от умеренных монархистов («октябристов») до черносотенцев.

«Гермин «черносотенец» казанские «правые» наделяли позитивным патриотическим смыслом:

«Кто молитву творя, чтит народ и царя,
В ком ни сердце, ни дух не шатается,
Кто под градом клевет Русь спасает от бед –
Черносотенцем тот называется»

Этим эпиграфом-девизом открывался каждый номер «Черносотенца», газеты ЦНРО, возглавлявшейся В.Ф. Залеским. Первый номер «правого» «Казанского Раешника» открывался «гадательным кругом Мартына Задеки», состоящим из 12 секторов с 12 вопросами, из которых лишь три имели некоторое отношение к местной жизни, но были поданы не с позиций поиска ответов, а с позиций осмеяния: «Когда казанская публика перестанет сморкаться в вагонах трамвая на пол? Долго ли г. П-инь будет «занимать место» Городского Головы? Что такое милиция?». «Казанский Раешник», созданный «правыми» для развенчания идей октябристов и кадетов, способствовал укреплению идей скептицизма и филистерства»; «В июле 1906 г. в Казани начинает выходить «Газета «Правых» и направляет пафос своих материалов на развенчание позиций “левых» сил»⁵⁰³.

Редактор «Газеты «Правых» и «Казанского раешника» - Николай Осипович Прокофьев, известный как первый казанский кинооператор. В 1910 г. он издал «Полный путеводитель по Казани и окрестностям» тиражом 1200 экзем-

⁵⁰³ Курбакова Е.В. История казанской и нижегородской прессы 1811–1917 гг.: власть и общественные настроения российской провинции. С. 199–200.

плярров в Типографии Казанского университета. А в 1905 г. он предпринял издание открытых писем на основе собственных фотографий. Возглавляемая им «Газета «Правых» выходила под девизами: «Русская газета для русских людей», «Самодержавие и народность».

Скажем ещё несколько слов о лидере казанского черносотенства Владиславе Францевиче Залеском. Круг его интересов и тем публицистических выступлений довольно обширен. Статьи о природе права («Власть и право. Философия объективного права» и др.); об экономике («Психологическая теория ценности» и др.); против либерализма («Либерализм», «Либеральная инквизиция», «Закулисная сторона либерально-прогрессивного движения» и др.); юдофобские выступления («Психическое убожество иудеев», «Тайна крови. К вопросу о ритуальных убийствах», «Равноправие или исход?», «Всемирный обман», «Властелин мира», «Мудрый совет, данный в XV столетии» и др.); на тему обезлесения Волжско-Камского края; развития сельского хозяйства; налогообложения крестьянства; оценки городской недвижимости; краеведческие («Гражданская практика Казанских Судебных установлений первой четверти XIX столетия», «Казанский разбойник Быков и бродяга, назвавшийся Чайкиным», «Из Казанской старины», «К истории просвещения инородцев Казанского края в XVIII столетии», рецензию на работу профессора Н.П. Загоскина «История Казанского Университета» и др.); многочисленные партийные и политические выступления В. Залеского (особенно в контексте раскола «черносотенцев», в столицах главные лидеры-антагонисты: Дубровин и Пуришкевич, а казанское движение сотрясал бурный раскол между В. Залеским и «Титычем» (А.Т. Соловьёвым), начавшийся с лета 1907 года.

Список учёных трудов, редактируемых изданий и публицистических статей, приводимый в приложении к опубликованному в 1913 г. «Опыту характеристики» В. Ф. Залеского, включал в себя 104 пункта. Из основных газет, им возглавляемых: «Черносотинец», «Сошники», однодневная «Предвыборная газета».

Таков в целом спектр правой монархической прессы в Казани в 1900-е годы, центральное место в которой будет занимать газета «Казанский телеграф» Н.А. Ильяшенко. Её резкое поправление (от поддержки умеренных монархистов, «октябристов» до сближения с кругами черносотенцев) некоторые исследователи увязывают сближением её редактора с известным профессором, вскоре оказавшимся в центре сексуального скандала и опорочившим своё имя К.С. Мережковским, а также с возможными, получаемыми от правительства «Казанским телеграфом» тайными субсидиями.

Напомним, что «Казанский телеграф» начинал как массовая общественная газета без выраженного направления. Значительную часть издания занимали коммерческие, частные объявления и реклама. Мы помним генеалогическую связь «Казанского телеграфа» с «Казанским биржевым листком». Среди основных рубрик и разделов можно выделить передовые статьи, фельетоны, разделы казанской и биржевой хроники, областные известия, заметки «из мусульманского мира», литературную и театральную критику. В 1902 г. официальная издательница А.Г. Ильяшенко получила разрешение на расширение программы газеты за счёт открытия отдела «Волжское эхо» (где публиковались материалы о судоходстве в Волжском бассейне), а также — на помещение иллюстраций.

Однако с началом революционных событий тон газеты заметно изменился, постепенно приобретая охранительную политическую окраску. 24 февраля 1906 г. в «Казанском Телеграфе», под псевдонимом «Русский», была помещена статья с призывом к организации при содействии и под наблюдением губернаторов вооружённых «царских дружин» для «защиты себя и всего общества от грабежа, смертоубийств и всяких насилий социал-бандитов явных и тайных, каковыми являются, несомненно, конституционалисты-демократы». По причине бездействия самих губернаторов предлагалось инициировать процесс создания дружин посредством отправки Императору Николаю II петиций от монархических организаций.

В ответ на эту публикацию местными кадетами И.И. Бабушкиным и Г. Г. Тельбергом против Н.А. Ильяшенко было инициировано уголовное дело по обвинению в призыве к возбуждению вражды одной части населения Казани против другой, расцененное журналистом А.С. Рождествовым, как «грубое, непристойное посягательство на свободу печатного слова, на ту свободу, которой наша печать так долго, с таким трудом добивалась»⁵⁰⁴.

Интересной тенденцией в журналистике Казани стало зарождение здесь к началу XX века художественной журналистики (то есть того направления, которое в терминах современных мы бы именовали арт-журналистикой) и появление в городе художественных критиков всероссийского масштаба. Прежде всего, нужно назвать здесь фигуры А.Ф. Мантеля и П.М. Дульского, оба – не только выступили авторами и издателями многочисленных книг и статей, а кроме всего, оба корреспондировали в столичные журналы (в частности, в «Аполлон»), устраивали выставки и занимались просветительской работой.

Главным казанским «мирискусником», тесным образом связанным с основным петербургским кружком, и был Александр Фердинандович Мантель, самый крупный казанский арт-издатель, редактор и художественный критик рубежа 1900–1910-х годов. Позже в этой последней роли (автора и публициста-искусствоведа) доминирующее положение в Казани будет у П.М. Дульского, сначала сотрудничавшего с А.Ф. Мантелем, но позже несколько отошедшего и разорвавшего с ним близкие отношения. Эпоха же П. Дульского в качестве редактора и издателя журналов по искусству и культуре наступит позднее, уже в 1920-е годы. В 1910-е годы можно констатировать доминирование А.Ф. Мантеля в формировании артистической среды и художественной критики в Казани, и вёл он здесь долгое время именно «мирискусническую» линию. Впоследствии, правда, он выпустил ещё нео-футуристические сбор-

⁵⁰⁴ Алексеев И.Е. Флагман правой казанской периодики: газета «Казанский Телеграф» и её редактор Н.А. Ильяшенко// Русская линия: правосл.-информ. агентство. Эл.ресурс: URL: <https://rusk.ru/st.php?idar=113922>).

ники, пробуя себя и в рамках других модернистских течений, противоположных по духу «Миру искусства». Но всё же это был для Мантеля заход на чужую территорию. «Мирискусничество» оставалось для А.Ф. Мантеля главным направлением, в выразителях которого он числился.

Сотрудничали А.Ф. Мантель и П.М. Дульский, как уже упоминалось, в «Аполлоне». Но в этом журнале печатались и другие казанские авторы, например, профессор-театровед Б. Варнеке, поэт, литературный и театральный критик, правнук Е.А. Баратынского Е.Ю. Геркен. В Казани к началу 1900-х формировалась целая когорта художественных критиков, журналистов, учёных, писателей на тему искусств (назовём таких авторов, как Д. Айналов, Д. Нагуевский, А. Миронов, П. Перцов, М. Премиров, в 1910-е – Е. Шамурин, Б. Денике и другие). П. Перцов, бывший казанский журналист периода 1890-х, в начале XX столетия возглавляет один из важнейших журналов русского модернизма «Новый путь» (группы: Мережковский–Гиппиус–Философов). Таким образом, Казань тесно была связана и хорошо вписалась в общероссийские тренды новейшей артистической и художественной журналистики и критики.

Основные линии по освещению Первой мировой войны в Казанской прессе представляли «Казанский телеграф» и «Камско-Волжская речь», к тому времени система местной печати вернулась к своей доминирующей модели – двух главных конкурирующих изданий.

В русских газетах Казани отразились многие тенденции, характерные для российской прессы вообще этого времени. Была перестроена основная рубрикация изданий. Первое время ощущался информационный голод, нехватка сообщений с фронтов, на этом фоне распространёнными (особенно в правой печати, а в Казани это – «Казанский телеграф») стали сообщения, представляющие немцев как орду зверей, потерявших облик человеческий, различные полные шовинистического угара высказывания и речи. Все эти тенденции уже хорошо описаны во многих работах, причём подобные шовинистические

высказывания были свойственны тогда не только российской печати, но со своей стороны – и той же немецкой, или английской.

В Казанских газетах так же, как и в целом по России, насущным сделался вопрос о получении сводок и новостей с войны, как обзирать события войны, сражений и т.д. Но каждая газета представляла свою концепцию войны, взгляд на её причины, цели, во имя которых она ведётся, общественные задачи войны. Два ведущих казанских издания – правый «Казанский телеграф» и либеральная «Камско-волжская речь», находившиеся в жёсткой полемике друг с другом, не только не сбавили обороты в первые месяцы после объявления манифеста, но и усилили газетную перепалку на повышенных тонах и уже в связи с войной, в частности, обвиняя друг друга в некачественном освещении, неумелом пользовании официальными сводками и пр.

«Казанский телеграф» в своих трактовках войны первую роль отводит царю и вере православной. Война – это испытание общества на любовь к царю и отечеству, на крепость веры. Ведущий критик газеты Г. Клепацкий даже напрямую обвиняет общество в том, что во время недавней русско-японской войны (1904) оно отвернулось от царя, что и привело к плачевным результатам. Пришло, де, время извлечь уроки из тех событий: «Печальный, так горько оплакиваемый нами опыт русско-японской войны, по всем признакам, не прошёл для нас даром. Русское общество поняло и оценило весь вред, причиняемый разрозненностью действий правительства и народа, и желает теперь сторицею загладить свой великий грех перед Родиною». В этот период Г. Клепацкий находится уже в Санкт-Петербурге и свои обширные материалы шлёт оттуда в качестве собственного корреспондента газеты. Они выходили под рубрикой «Петербургские письма».

В некоторых номерах «Казанского телеграфа» Г. Клепацкий выступал и как автор передовиц. Статья Г. Клепацкого под названием «Казань. 12 сентября» в номере газеты за эту дату посвящена возможному вхождению в войну

Турции: «...Мы считали ниже своего великодержавного достоинства «запугивать» нынешних вершителей судеб Оттоманской империи. Им в самом начале европейской войны дано было предостережение от слишком воинственных выступлений, и они великолепно понимают, какому серьёзному риску они подвергают Турцию, само бытие её в Европе, вмешательством в ход нынешних событий <...> Вся несложная, детски наивная «политика» ныне стоящих у власти турецких деятелей сводилась в сущности к одному: повернуть дело так, чтобы не Турция объявила войну России, а Россия Турции. <... Чтобы> изобразить себя перед турецким народом жертвами, а не виновниками войны. <...> К несчастью для Энвер-паши, Россия и её союзницы сразу разгадали эту нехитрую игру и именно своим молчаливым отношением к «вызовам» поставили Энвер-пашу в невыгоднейшее положение <...>. По-видимому, струна сейчас достигла той степени напряжения, когда может лопнуть каждую минуту. Волей-неволей, Турция должна объявить нам войну. Жестоко, однако будет её разочарование...». (Казанский Телеграф, 1914, № 6384. С.2)⁵⁰⁵.

Вот это «великодержавное достоинство», тема величия России, проходящая под лозунгами «С нами Царь!», «С нами Бог!» – красной нитью проходит во многих материалах «Казанского телеграфа» (правомонархической газеты). В «Камско-Волжской речи» (легальной газете левого фланга, либерально-демократической) пафос многих материалов будет посвящён теме войны как гуманитарной катастрофы. Там часто будут публиковаться статьи, наполненные призывами к созиданию, помощи, восстановлению, соучастию и образованию т.н. «мирных легионов». Впрочем, и в «Казанском телеграфе» благотворительных статей будет немало.

Проповеди «Казанского телеграфа» при этом часто сопровождалась размышлениями о величии русского народа с выпадами против немцев, евреев, противоречивыми высказываниями об инородцах (дискуссии на тему того,

⁵⁰⁵ Здесь и далее в этом параграфе ссылки на статьи газет 1914 года будут даваться непосредственно в основном тексте диссертации. Сокращения: КТ – Казанский телеграф; КВР – Камско-Волжская речь.

насколько инородцы верны русскому престолу). Главные патриотические стремления обращены в сторону Царя как Помазанника Божия. В «Камско-Волжской речи», напротив, чаще можно встретить слова «Родина», «страна», а «Царь» и «Престол» преимущественно в значении главного выразителя идеи Родины для русского человека.

«Казанский телеграф» говорит об особой роли русского народа и в самом Российском государстве, и в участии России в нынешней войне, а «Камско-Волжская речь» – о том, что это война всей нации, всех граждан без различий национальных или сословных, активно выступает против шовинистических выпадов «Казанского телеграфа». Позиция «Казанского телеграфа» особенно в первый год – оптимистическая, полная веры в победу России, в газете выходят статьи, направленные против сомневающихся в окончательном успехе войны. По мнению публицистов «Казанского телеграфа» образца 1914 года – Победа неизбежна, ибо с нами Бог! Напротив, в настроениях в «Камско-Волжской речи» ощущаются нотки тревоги перед приближающейся возможной гуманитарной катастрофой. Несмотря на это, газета тоже занимает патриотическую позицию, призывая защищать Родину по всем фронтам, не только в сражениях, но и в рамках громадной работы, разворачивающейся в тылу.

Приведём теперь некоторые характерные примеры, иллюстрирующие высказанные положения. Обратимся к «Казанскому телеграфу». Наибольшей патетикой и восторженным выражением монархических чувств среди всех авторов «Казанского телеграфа» отличаются материалы Д. Боброва. Вот примеры из его публикаций: «Уже не раз русские силы стояли у врат Царьграда. Они видели на себе и победный Олегов щит, они видели перед собой победные Скобелевские полки и снова, словно обманчивое марево, уходили от наших взоров. Ныне пробил час великих решений, час исполнения исторических судеб. Россия со своим Венценосным Помазанником несёт свободу народам, перед всем миром защищает права слабого против насильника, требует признать, что мир живёт не только бронированным кулаком и правом захвата, но есть на

небе Бог, в человеческом сердце совесть, а выше всего стоит требование христианской правды». (Бобров Д. Царьград// КТ. 1914. № 6459. С.2.).

Идея возвращения в русское лоно (под начало и знамя Православного Царя) Царьграда, то есть Константинополя (Стамбула) довольно популярная в российских кругах в период Первой мировой войны, не только среди правомонархистов, но и для кадетов, т.е. либерал-демократов, которые озвучивали её в своём сборнике «Чего ждёт Россия от войны» (1915). Подобные же мечты обуревали видного религиозно-политического деятеля, идеолога христианского социализма, будущего священника Сергея Булгакова (о. Сергия) (см. например, об этом в одном из последних текстов, вышедших за его подписью, названных публикатором «Агония»). Но, конечно, в устах монархистов и черносотенцев эта мысль обрастает особой символикой и патетикой.

В статье «Да прекратятся сомнения» Д. Бобров такими словами предваряет текст очередного царского манифеста: «Великое и мудрое Царское веление прозвучало с высоты Престола в ответ на тревогу Москвы, отразившую в себе мысль всей России <...> Священным благовестом по всей России раздались слова государя <...> Великое царское слово, утверждающее наше спокойствие за то, что принесённые жертвы и одержанные победы не останутся бесплодными, не только должно успокоить общественное сознание, но и напомнить нам, оставшимся здесь, внутри России, о нашем долге неустанно работать для того, чтобы обеспечить нашим войскам всё необходимое, для их победоносного труда». (Бобров Д. Да прекратятся сомнения// КТ. 1914. № 6432. С.2.).

В предыдущем номере «Казанского телеграфа» статья Д. Боброва с характерным названием «Единение Царя с Его народом» включает в себя и националистический аспект, ну и конечно, как и другие статьи этого автора полна высокопарной патетики: «Волна восторга и слёзы радости сопровождают Русского Царя, милости Которого нет и пределов, любовь Которого к своим само-

отверженным детям-героям безгранична. Какие ещё чудеса храбрости и подвиги героизма дадут русские люди, согретые Царскою ласкою, увидит мир. <...> В Галиции русские люди, в подавляющем большинстве крестьяне: высшие классы или польские или еврейские. Они наиболее обеспечены, они обладали всеми преимуществами, который им давал австрийский закон, предоставляло вне закона, а часто вопреки закону австрийское правительство. У Русского Царя милость и правда, а не преимущества нерусских людей над русскими – и обрадуется, и восхвалит Бога и Царскую милость несчастный ныне, но счастливый завтра галицкий крестьянский люд». (Бобров Д. Единение Царя с Его народом// КТ. 1914. № 6431. С. 2).

В «Казанском телеграфе» этого времени содержатся многие националистические выпады. Особенно против немцев, в том числе и давно проживающих в России. В Казани, как известно, держателями аптек было несколько немецких семейств, в ответ на такую политику издания, один из немецких аптекарей отправил в редакцию письмо. В письме были такие слова: «вообще мне кажется неуместным говорить о равнодушии к этой войне русских немцев, когда нет почти ни одной семьи, из которой кто-нибудь не ушёл бы в ряды защитников родины, ушёл с твердым намерением выполнить свой долг перед Государем и отчизной, как ушли сыны всех других национальностей великой Руси! Русские немцы, насколько помнится, никогда не навлекали на себя упрёка в недобросовестном выполнении своего долга, находясь в рядах армии...»

Письмо казанского немца-аптекаря было отправлено в ответ на статью в «КТ» – «Равнодушие казанских немцев»... Письмо «Телеграф» поместил, но снабдив таким примечанием от редакции: «”Русские немцы”, как французские, английские, бельгийские и т.д. подорвали к себе всякое доверие государств, в которых они множились, богатели, и... как удостоверено - занимались шпионажем. Немец, в большинстве случаев, где бы он ни жил, остаётся

верным «кайзеру и фатерланду». Конечно, есть исключения, но от этого общий вывод не меняется: немцев русских людям надо остерегаться особенно теперь»... (См.: КТ. № 6430, С.3). В следующих номерах газета опубликовала ещё несколько читательских писем в поддержку своего «примечания» (см. напр.: письмо, опубликованное под заголовком «Давно пора» (КТ. № 6431. С.3).

Газета протестовала против устроенного в Саратовской губернии благотворительного вечера в пользу пленных немцев (статья «Неуместная гуманность» в № 6471. С.2.), также отметилась выпадами против евреев, требовала более ясных свидетельств верноподданничества татар (в примечании к открытому письму С. Алкина) и др. Однако, важен факт, что открытые письма от имени казанских немцев, казанских татар, хотя и с примечаниями от редакции, всё же публиковались, а в № 6350 перепечатывается из газеты «День» заметка «Патриотическая манифестация евреев»: «Появился оратор: – Евреи, в эти знаменательные, великие дни, когда наша родина в опасности, мы встанем, как один человек и грудью защитим наше дорогое отечество <...> Решено было всей массой двинуться к Зимнему дворцу. Запели «Боже Царя храни» и толпа в несколько тысяч человек тронулась в путь <...> – Кто и куда, – спрашивал чей-то голос. – Русские евреи из синагоги к Зимнему дворцу, – ответил кто-то. И этот ответ был покрыт громкими раскатами толпы». (С.3.). На той же странице в новостях ещё одна положительная новость о евреях, под заголовком «война и евреи». Для «Казанского телеграфа», не раз отмечавшегося антисемитскими выпадами, подобные публикации выглядят довольно неожиданно, и говорят о том, что позиция по еврейскому вопросу у газеты, по крайней мере, в начальные дни Первой мировой войны была более взвешенной, чем это привычно думать.

В первые недели войны видный публицист «Казанского телеграфа» Н. Александров, выступавший под псевдонимом «Волжин», писал о единении

народов России без различия вероисповеданий перед общей угрозой Отечеству: «В сердцах наших именно в эти минуты с необычайной мощностью пробудилось таившееся в глубине их сознание, что все мы – братья; все – сыны Единой Великой России и никакое различие в вероисповедании, происхождении, национальности или взглядах не может ни заглушить нашей любви к ней, ни помешать нам быть не только на словах, но и на деле одним Великим Русским народом» (Волжин <Александров Н.> Единая Великая Россия// КТ. 1914. № 6348 от 29.07.14. С.2.).

Ещё одна, часто встречающаяся на страницах «Казанского телеграфа» этого времени подпись – Дмитрий Позднеев. Мы полагаем, что это может быть известный российский востоковед и журналист, редактор журнала «Мир Ислама», репрессированный и расстрелянный в сталинские годы Дмитрий Матвеевич Позднеев.

«С мая 1911 по сентябрь 1912 г. он состоял старшим редактором Санкт-Петербургского телеграфного агентства. На 1912 г. падает и его сотрудничество в «Бюро русской печати», в бюллетенях которого им были помещены около 100 статей. В ноябре 1912 г. он открыл «Бюро русских журналистов» для обслуживания публицистическими статьями провинциальной прессы, редактором и издателем которого он и был. Он пишет для него статьи по вопросам Азии и вообще по вопросам русской и иностранной общественной жизни — до 1914 г. там было помещено свыше 600 статей. Бюро просуществовало до 1917 г.»⁵⁰⁶.

Если, действительно, этот тот самый Дмитрий Позднеев, то он не являлся специальным автором «Казанского телеграфа», а газета использовала по подписке материалы «Бюро...». Как бы то ни было, подпись «Дмитрий Позднеев» появляется в «Казанском телеграфе» довольно часто. В статье «Вопрос о проливах» автор заключает: «Перестройка всей карты Европы и Ближнего

⁵⁰⁶ См.: Маранджян К.Г. Дмитрий Матвеевич Позднеев (1865–1937): к портрету «культурного бродяги»// Письменные памятники Востока, 2012. № 2(17). С.292.

Востока в результате настоящей мировой войны неизбежна, и нужно теперь же рассудить, как должна быть эта карта нарисована, чтобы в будущем она не вызывала больше международных трений и осложнений. Мы воочию видим в настоящее время все ужасы европейской войны. Она должна быть поэтому первою и последнею. После неё должно наступить царство мира, когда вся сила внимания цивилизованных держав направится не на военные вооружения, а на мирное культурное развитие всех стран Европы, Азии и Африки. Залогом же такого порядка будет справедливое удовлетворение жизненных требований России в её стремлении найти себе свободный выход в Средиземное море, т.е. иначе говоря, передача ей Константинополя, Босфора, Мраморного моря и Дарданелл». (Позднеев Д. <Дмитрий Позднеев> Вопрос о проливах// КТ. 1914. № 6431. С.2.).

Если Д. Бобров мечтает о взятии Россией Константинополя как о воплощении Божьего промысла и торжества Православия и российской монархии, то Д. Позднеев – обосновывает это рациональностью и залогом будущей мирной жизни, при этом указывая на «ужасы европейской войны». В этом смысле, его позиция ближе к кадетам.

В другой статье Д. Позднеева, опубликованной в «Казанском телеграфе», речь идёт о благотворительности и участии в ней граждан. Но конечным адресатом этой благотворительности выступают по Позднееву не сами даже нуждающиеся семьи, но солдаты, русское воинство, которым спокойнее воюется, когда они уверены, что с их семьями всё в порядке, они окружены заботой и защитой. Дать эту заботу семьям бойцов – «значит, в сильной мере гарантировать успех военных действий, значит, вдохнуть мужество в армию, значит, служить родине, хотя и другим путём, нежели служат ей на поле брани». (Позднеев Д. <Дмитрий Позднеев> Заботы о семьях военных// КТ. 1914. № 6347. С.4).

О религиозном значении войны также говорится во многих статьях «Казанского телеграфа», кроме материалов Д. Боброва можно привести статью

Елатомского «Религия и война», столь же высокопатетичную, как и у предыдущего автора. Елатомский говорит, что самый патриотизм у русского народа – религиозный: «Не рискуя впасть в преувеличение, можно сказать, что ни один народ на земном шаре не отличается такой глубокой внутренней религиозностью, как народ русский». Елатомский далее подчёркивает «ту глубокую аналогию, которая замечается при сравнении русского патриотизма и русской религиозности». <...> И вот одно из ценнейших приобретений теперешней войны: наши недоброжелатели теперь узнали, как мы религиозны и патриотичны... любовь к Богу и любовь к родине неразрывно связаны одно с другим в душе русского человека. И мало-помалу в сознании нашей интеллигенции, которая теперь стоит к народу ближе, чем когда-либо до сих пор, проникает мысль о религиозном значении нынешней войны». (Елатомский Религия и война// КТ. 1914. № 6453 № 2.

Говоря о полемике между «Казанским телеграфом» и «Камско-Волжской речью», одним из первых пунктов, вокруг которых разразились баталии стал национальный вопрос. Как известно, «Казанский телеграф» стоял на позициях русского национализма, «Камско-Волжская речь» придерживался принципов интернационализм.

И если поначалу и в «Телеграфе» можно было прочесть, к примеру, о «русских евреях», поющих «Боже Царя храни», и о братстве всех народов Империи под знаменем Русского Царя, то очень скоро, прежние антисемитские позиции, которых в основном и держалась газета, начали снова весьма заметно проявляться на её страницах.

Один из характерных сюжетов связан с общегородской благотворительной акцией «День Польши». Пионером таких общегородских событий-сборов (цикл культурных мероприятий с целью сбора пожертвований) стала для Казани всероссийская акция «Белый цветок» в помощь больным туберкулёзом, к которой Казань впервые присоединилась в 1912 году. Во время же Первой ми-

ровой войны, за несколько месяцев 1914 года прошёл целый ряд таких общеказанских благотворительных акций, среди них – «День Флагов», «Бельгийский День» и «Польский День». В их рамках проводились крупные мероприятия и объявлялся широкомасштабный сбор средств в помощь странам, особенно пострадавшим от германских нападений, и их гражданам. Газеты освещали эти специальные «Дни» в течение нескольких номеров.

И вот в связи с «Польским днём» в одном из номеров «Казанского телеграфа» появилась заметка «Жертвуйте без опасений»: «Мы получаем многочисленные запросы: не будут ли деньги, собранные в польский день, отданы евреям? Публика, очевидно, встревожена навязчивыми попытками евреев примазаться к этому сбору и оттянуть часть его в пользу своих единоверцев. Большинство спрашивающих добавляет: если только хоть копейка сбора попадёт к евреям или, если евреи участвуют в организации сбора, мы будем бойкотировать «польский день» и т.д. ... Отвечаем, успокойтесь, господа! Еврейские домогательства на этот раз, благодаря энергичному протесту Казанской польской колонии потерпели полное поражение. Нам достоверно известно, что ни в комитете по устройству сбора в пользу разорённой Польши, ни в порайонных организациях ни один еврей участия не принимает». (КТ, № 6446 от 27.11.1914).

Возможно, эта выходка газеты была связана с тем, что несколькими днями раньше в «Камско-Волжской речи» (№ от 21 ноября 1914) была опубликована отчётная заметка «2-е совещание аптекарей и драгистов», где появилась информация о прозвучавшем на совещании предложении Герштейна устроить подписку между членами фармацевтического общества, а собранные средства должны были пойти – половина в пользу раненых, а половина – «в пользу населения польского края, но при обязательном условии без ограничения национальности, так как кроме поляков в Польше много и евреев». (КВР, № 260 от 21.11.1914).

После заметки в «Казанском телеграфе» в «Камско-Волжской речи» появилось объявление от имени комитета по устройству сбора в пользу разорённой Польши, где ещё раз подтверждалось, что «весь сбор поступает в комитет Великой Княжны Татьяны Николаевны, распределяющей жертвуемые ему суммы среди всего разорённого населения Польши». (КВР, № 266 от 29.11.1914). Комитет сделал это заявление именно после статьи в «Казанском телеграфе» с целью пресечь инсинуации по поводу возможности как-то не так распределить бюджет и кому-то «примазаться к сбору». Заметим, подобные выражения – «примазаться», «навязчивые попытки», «домогательства» – явные проявления антисемитизма у «Казанского телеграфа», газета, публикуя слух-опасение, начинённый антиеврейским пафосом, ещё и добавляет, присоединяет свой голос к этому разжиганию розни между нациями.

От имени своей редакции «Камско-Волжская речь» ответила на подобные разговоры и речи, транслируемые «Телеграфом», воззванием «Гражданине!», написанным постоянным корреспондентом «Камско-Волжской речи», поэтом, а в будущем – выдающимся учёным, этническим поляком (что важно в контексте всей истории) Петром Дравертом. Воззвание заканчивалось словами:

«Так неужели российский гражданин, кто бы он ни был, допустит, чтоб население страны, которой обещано возрождение, накануне своих светлых дней было ввергнуто в полную нищету, обречено на гибель, чтобы вдобавок к этому здесь, перед лицом голодной смерти наших соотечественников, шли распри и раздоры, поддерживаемые нашими врагами?» (КВР, № 264 от 27.11.1914). В 277 номере в продолжение темы «Камско-Волжская речь» делает перепечатку из газеты «Голос Москвы» под красноречивым заголовком: «Поляки и евреи», выбирая, видимо, один из ответов председателя центрального обывательского комитета в Варшаве кн. С. Четвертинского на вопросы московской газеты. Тот самый вопрос, вокруг которого в Казани разразилась

полемика. «Никакой польско-еврейской борьбы нет, как нет среди поляков места антисемитизму», авторитетно заявляет князь Четвертинский⁵⁰⁷. Наконец, в № 280 от 17 декабря «Камско-Волжской речью» перепечатана из «Русских ведомостей» статья «Евреи в Польше» по поводу лекции, состоявшейся в Москве, из чего можно заключить, что вопрос этот имел отнюдь не только казанское, но всероссийское звучание.

Для «Казанского телеграфа» в этой теме как бы соединились две ведущие ими наступательные медиакампании, объектом которых стали евреи и аптекари. Против аптекарей, как уже было сказано, «Казанский телеграф» в это время вёл свою кампанию по национальному признаку (большая часть аптекарей в Казани – потомственные немецкие семьи). В газете во втором полугодии 1914 года не менее трёх раз появляются публикации с критикой аптекарей. К этому примыкала тема «русских немцев». Статья с таким названием – «Русские немцы» – вышла в «Казанском телеграфе» в № 6450 за подписью «Н. Заречный», возможно за ней скрывался сам редактор г. Н. Ильяшенко. Публицист-националист писал: «Вывод может быть сделан только один: вскармливая немцев, мы ошиблись <...> Ошиблись в былые времена, теперь поняли ошибку и исправляем её. Как исправить – это уж дело государственной власти, у которой в руках имеются все данные для разрешения вопроса» (С.2.). Конечно, эта статья также метила в аптекарские династии.

При этом в городе наблюдался «лекарственный голод», на упомянутом в «Камско-Волжской речи» совещании аптекарей принималось непопулярное, особенно для националистического лагеря, решение прекратить в отношении лекарств бойкот немецких средств, ибо аналогов медицинских препаратов немецкого происхождения оказалось невозможно найти, а горожане нужда-

⁵⁰⁷ Указ. соч. С.2.

лись в лечебных средствах. Ещё ранее, в № 258 «Камско-Волжская речь» опубликовала отдельно доклад профессора Фишера под красноречивым названием «Лекарственный голод».

«Камско-Волжская речь» отреагировала также на примечание, которым «Казанский телеграф» снабдил напечатанное у них заявление С.-Г. Алкина (мы упоминали это письмо татарского адвоката в разделе о татарской журналистике, см.: Алкин С.-Г. Как относятся русские мусульмане к войне с Турцией (письмо в редакцию)// КТ. № 6417 от 22.10.2014. С. 2). «Камско-Волжская речь» писала:

«У нас, в бывшей столице татарского царства, выступил с письмом бывший член I-й Государственной Думы г. Алкин. В письме этом он высказал то, что мыслят его единоверцы. Нечего говорить, что мысли эти оказались вполне идентичными с мыслями и настроениями всей остальной России. Но этого почему-то показалось мало местному «Телеграфу», и он снабдил письмо г. Алкина оговоркой, заключающей скрытое недоверие к словам общественного деятеля. На чём основано это недоверие – судить не берёмся. Ведь та же газета с удовольствием подхватила фальшивое известие о пленении младо-турецкого комитета, объявившего войну России, «евреями и атеистами». Если это правда (а ведь «Каз. Телеграф», очевидно, в это верит!), то при чём же здесь единство веры, которое привлекает якобы татарское население на сторону Турции? Нужно ли доказывать, что и эти заподозривания, и это радостное отношение к неправильному сообщению – одного поля ягоды. Это – всё тот же хмель национализма, вредного и опасного, который пьянит головы присяжных алкоголиков от политики. Это – всё тот же «внутренний немец», по прекрасному выражению кн. Трубецкого, от которого нам столь же основательно надо освободиться, как и от немца внешнего». (<Чужой, псевд.> Новый взрыв// КВР. 1914. № 238. С.2.).

Вторым полем битвы между «Казанским телеграфом» и «Камско-Волжской речью» в первые месяцы войны стал вопрос о сводках с фронтов и их

использовании в газетах. Вспомним, в татароязычной прессе этот вопрос также поднимался, всё тем же неутомимым С.-Г. Алкиным, замечавшим, что сводки неправильно переводятся с русского, и в татарских газетах появляются с искажениями (заметим, что в это время Алкин активно публикует свои воззвания и открытые письма в русской печати, как в «Казанском телеграфе», так и в «Камско-Волжском речи». В последнем издании, например, появилось его обращение к мусульманам с призывом участвовать в благотворительности (КВР. 1914, № 191. С.3.), а в «Казанском телеграфе» ещё – некролог на смерть И. Гаспринского: «В нашей среде покойный составил, можно сказать эпоху. Он первый безбоязненно вступил на защиту светского образования, первый ратовал за необходимость приобщения к общечеловеческой цивилизации» (Саид-Гарай Алкин <Алкин С.-Г.> Памяти Гаспринского// КТ. 1914. № 6400 от 01.10.1914. С.3)).

«Казанский телеграф» часть сводок давал под рубрикой «от наших собственных корреспондентов», либо «от собственного корреспондента», памятуя о том, что в Санкт-Петербурге (с августа 1914 – Петрограде) находился важный журналист «Телеграфа» Г. Клепацкий. «Камско-Волжская речь» пробовала указать, что большая часть этих «собственных» корреспонденций «Казанского телеграфа» вовсе не оригинальны, а перепечатки из столичных газет. В самой же «Камско-Волжской речи» обзором военных событий на основе сводок занимался молодой журналист Юрий Денике (публиковался под псевдонимом «Д.», в поздних своих воспоминаниях Денике признался, что именно он был автором этих обзоров), студент, участник революционного движения, недавно прошедший тюрьму и разочаровавшийся в большевистских лидерах.

«Д.» пытался заявить, что он-то тщательно выбирает сводки, которые включает в свои обзоры. Но военный специалист, автор «Казанского телеграфа» Н. Колесников уличил Ю. Денике в дилетантизме и незнании военного дела (см.: Колесников Н. Кустарная стратегия// КТ. 1914. № 6381. С.2. Цитата: «Странно, что человек, совершенно не понимающий военного дела, толкует о

нём с такой развязностью, как господин Д. из «К.-В. речи»). Сам Денике позже признавался: «При той системе информации о ходе войны, которая тогда существовала, было совершенно невозможно разобраться, какие военные операции происходят на фронте. В официальных сообщениях всегда указывали какие-то маленькие, совершенно неизвестные местечки. Только с помощью чрезвычайно подробных карт Генерального штаба, которые я достал, можно было понять, что на самом деле происходит. Скажем, сообщалось, что наши войска заняли позиции вблизи такого-то городка. Никто не знал, что это означало довольно-таки резкое отступление от прежде занятых позиций»⁵⁰⁸. Фактически, это признание журналиста из «Камско-Волжской речи» косвенно подтверждает правоту оценок Н. Колесникова. Этот раунд соперничества двух казанских газет остался за «Казанским телеграфом».

«Военные» рубрики выдвинулись на первый план в обеих главных газетах Казани. А из них первую роль стали играть различные сводки, телеграммы и пр. Последние даже составили в обоих изданиях отдельные приложения – «Телеграммы газеты «Казанский телеграф» (1914–1915); «Телеграммы «Камско-Волжской речи» (1915). Раздел «Война» в обеих газетах включал сводки «от штаба верховного главнокомандующего», «от штаба кавказской армии»; или же (для «Казанского телеграфа»): «От собственных корреспондентов»; или же «от Петроградского телеграфного агентства». Различные «Последние известия», «В последний час», «телеграммы», «По следам печати» (перепечатки из столичных газет) – и другие рубрики отдавались под короткие сообщения о событиях, связанных с войной. Среди других военных рубрик «Казанского телеграфа»: «Из военных эпизодов», «дневник войны». В «Камско-Волжской речи» – «среди раненных», «обзор военных действий», «на французском театре». Обе газеты открыли отдельные рубрики, посвящённые Русско-Турецкой войне в контексте ныне идущей Первой мировой войны, где

⁵⁰⁸ Из публикации расшифровки аудиозаписи беседы Ю. Денике с А. Малышевым, записанной в Нью-Йорке в 1964 г. Публикацию подготовил к печати Ив. Толстой, см.: Толстой Ив. Казанский пленник// Русская жизнь, 2017. № 4. URL.: http://www.intelros.ru/2007/11/12/kazanskijj_plennik.html.

Турция оказалась во враждебной нам коалиции. Активно использовались различные юбилеи и исторические аналогии, «Казанский телеграф» перепечатывал патриотическое стихотворение А.С. Хомякова, лидера славянофилов времён Крымской войны 1850-х годов, труд профессора В. Залеского «Великая Виндия. Раскрепощение славянства». «Камско-Волжская речь» напоминала, что это Россия 100 лет назад освободила Германию от Наполеона, и вот теперь испытывает от соседа вместо благодарности такое вероломство.

Конечно, регулярно печатались все царские манифесты и заявления правительства, а также обращения военачальников, в частности, выражения благодарности казанским гражданам за их благотворительную помощь войскам. В первых номерах после официального начала войны и вступления России в войну обе газеты писали много о патриотических манифестациях и общегородских (торжественное молебствие и манифестация), и отдельных групп (например, мусульман Казани; рабочих и др.), и учреждений. Некоторые номера выходили с аншлагами-девизами на всю полосу. Так, третья полоса 161 номера «Камско-Волжской речи» за 1914 год вышла под девизом «Война за честь и величие России», позже такие аншлаги-девизы появлялись во время общегородских благотворительных акций, например, «Дня флагов» или «Польского дня» (3 полоса № 191 той же газеты, вышедшего в «День флагов» 28 августа, открывалась лозунгом-девизом: «Граждане! Исполните ваш долг! Сегодня «День национальных флагов»»).

Газеты в первые месяцы войны увеличили тираж и изменили привычную рубрикацию номеров. «Казанский телеграф» даже выпустил по этому случаю специальное объявление: «В последние дни контора «Казанского телеграфа» вынуждена была по техническим соображениям отложить некоторые публикации, а другие переместить с первой на четвёртую страницу. Извиняясь перед заказчиками, контора считает долгом пояснить, что нарушения обычного порядка вызваны внезапно и сильно увеличившимся тиражом «Казанского Телеграфа», вынудившим спускать полосы в машины раньше.

Основными темами русских изданий в это время были: 1. Организация благотворительных акций и помощи пострадавшим в войне по всему миру, но в том числе – помощи семьям русских солдат. 2. Размещение и лечение раненых, открытие госпиталей, встреча поездов с ранеными. 3. Пленные: и положение русских в немецком плену, немецкие и австрийские пленные в России. 4. Экономика губернии и России в период войны: налоги, торговля, запрет на продажу алкоголя даже в ресторанах («сухой закон») и его последствия; «импортозамещение», выдавливание немецких товаров с рынка и др. 5. Положение социально незащищённых слоёв и нуждающихся: рабочие, крестьяне (жизнь деревни), сироты, обеспечение солдат на фронтах войны (обмундирование, еда). 6. Женский вопрос (роль женщины в обществе возросла с уходом мужчин на фронта, количество публикаций на женскую тему увеличилось). 7. Изменившаяся жизнь Казани с началом войны. В татарских изданиях, как мы помним, к этому добавлялась ещё дискуссия на тему того, что такое эта война для татар, ради чего они вступают в войну, а также особо: турецкий вопрос и отношение с единоверцами.

В номерах газет можно много информации почерпнуть о благотворительных мероприятиях этого времени (сборы с которых шли на помощь раненым), от представлений в цирке братьев Никитиных, до любительского спектакля в уездном городе Мамадыше. Вообще – о деятельности земств в уездных городах по губернии, их подготовке к встрече раненых. Об открытии дополнительных лазаретов, как в госучреждениях (например, в университете), так и в частных (купцы, фабриканты, заводчики открывали больницы на свой счёт в различных помещениях, состоящих у них на балансе, не только в Казани (например, один такой был открыт братьями Крестовниками), но и во многих уездных городах губернии.

«Деревенский вопрос» в отражении казанской прессы периода Первой мировой войны исследовал в ходе своей диссертации Булат Сибгатов, вот его вывод по вопросу: «Поскольку в годы войны действовала жесткая цензура и

значительная часть материалов ориентировалась на пропаганду правительственной политики. Лишь в 1916–1917 гг. цензурный пресс ослабевает, и в периодике начинают печататься материалы, выставляющие в негативном свете внутреннюю политику правительства, в том числе показываются кризисные и протестные явления в деревне. Все же при сопоставлении материалов периодики оказалось, что архивные материалы гораздо более объективно и подробнее раскрывают социальные и экономические трансформации, проходившие в деревне Казанской губернии в годы Первой мировой войны, нежели газетные и журнальные. В то же время информация, содержащаяся в периодической печати, была гораздо богаче представлена фактами о настроениях сельского населения в годы войны, об экономическом положении, о сопротивлении хлебной монополии, росте цен и продовольственном кризисе, социальных процессах в деревне»⁵⁰⁹.

Вопросу о российских военнопленных в немецком плену в отражении казанской прессы посвящена специальная работа Э. Абдрашитова⁵¹⁰.

В целом военный период, сказавшийся на рубрикации газет, общей тональности их выступлений и ведущейся полемики, не сильно изменил расстановку сил в системе печати Казани. Полное ниспровержение прежнего её устройства случится уже в контексте революционных событий 1917 года и их последствий. Хронологические рамки нашей диссертации заканчиваются таким образом 1918 годом, годом окончательного разрушения прежней системы казанской журналистики. Последний 7103 номер газеты вышел 11 марта 1917 г. Редакционный архив «Казанского Телеграфа» не сохранился.

⁵⁰⁹ Сибгатов Б.И. Деревня Казанской губернии в годы Первой мировой войны: социально-экономический аспект (1914 – 1917 гг.)// Автореф. дис... к.и.н. Казань.2015.С.15.

⁵¹⁰ См.: Абдрашитов Э.Г. Периодическая печать Казанской губернии как источник информации о положении российских военнопленных в годы Первой мировой войны// Научное наследие профессора А.П. Пронштейна и актуальные проблемы развития исторической науки: мат-лы всеросс. конф-и. Р.-на-Дону: Фонд науки и образования, 2014. С. 9-12.

Чтобы продолжить своё дело в новых условиях, Н.А. Ильяшенко решил перепрофилировать издание, сменив издание газеты и придав ей «окололиберальную» окраску. С 12 марта 1917 г. в Казани начала выходить ежедневная «политическая, общественная, литературная и коммерческая» газета «Голос Казани». Формально её редактором являлся Ю.(Г.) С. Геркен, а издательницей — А.Г. Ильяшенко, реально же издание газеты направлял сам Николай Алексеевич.

Однако последнее обстоятельство оказалось роковым в дальнейшей незавидной судьбе газеты. Пятнадцать неожиданно «прозревших» типографских наборщиков, припомнив в опубликованном 12 апреля 1917 г. в кадетской газете «Камско-Волжская Речь» открытом обращении к Н.А. Ильяшенко его «погромную, черносотенную деятельность», отказались работать на «одного из врагов народа». После этого издание «Голоса Казани» прекратилось (всего известны двадцать два номера газеты). Дальнейшая судьба Н.А. Ильяшенко документально не прослеживается»⁵¹¹.

Наборщики «Голоса Казани» были приняты «Казанской рабочей газетой». Прекратились и другие издания правых. Последний номер журнала «Деятель» 1917 года – № 4-5. В другой статье И. Алексеева говорится о судьбе в 1917 году ещё одного видного правого идеолога и публициста – В.Ф. Залеского:

«Заявив о приостановке деятельности Казанского Царско-Народного Русского Общества, Владислав Францович сообщил 4 марта 1917 г. в газете "Камско-Волжская Речь": «Небольшая группа правых, объединяющаяся вокруг портновской школы (давно уже работающей на оборону), заранее решила воздерживаться от политических выступлений впредь до окончательной победы над внешними врагами и полного внутреннего успокоения. С восстановлением нормальной политической жизни члены этой группы воспользуются принад-

⁵¹¹ Алексеев И.Е. Флагман правой казанской периодики: газета «Казанский Телеграф» и её редактор Н.А. Ильяшенко. URL.: <https://rusk.ru/st.php?idar=113922>.

лежащим всякому русскому гражданину правом примкнуть к тем легализованным политическим партиям, программы которых будут соответствовать их убеждениям»⁵¹².

Вслед за этим – 5 марта 1917 г. – на экстренном заседании Совета Казанского университета В.Ф. Залеский, комментируя распространявшиеся в местном обществе тревожные слухи о необходимости защиты революции от монархистов, подчеркнул, что: «В Казани правых организаций нет». Одновременно он заявил о своём признании «нового строя», добавив, что не может ничего сказать в указанном отношении о членах монархических организаций, «потому что их нет». Однако, несмотря на всё это, 17 – 19 марта 1917 г. В.Ф. Залеский подвергся аресту, после которого под давлением обстоятельств вновь был вынужден доказывать свою лояльность к «новому строю».

Летом 1917 года предпринимаются шаги по объединению литературных сил в Казани. 16 июня 1917 года по инициативе казанских изданий в 3-ей аудитории университета состоялось собрание сотрудников местных газет для обсуждения вопроса об организации в Казани Союза деятелей печати. После обмена мнениями относительно задач будущего Союза собрание решило организоваться по группам: журналисты, служащие в конторах газет, и корректоры должны были выработать свои проекты уставов, а потом уже совместно обсудить вопрос об объединении всех групп в один общий союз. Однако июльские события, а затем и октябрьский переворот 25-26 октября 1917 года не позволили завершить в Казани организацию Союза деятелей периодической печати⁵¹³.

После октябрьского переворота 1917 года закрывается и главная либерально-демократическая газета «Камско-Волжская речь» (правда, на короткий

⁵¹² Алексеев И.Е. «Чьим бы то ни было слугою я никогда не был». Жизнь и судьба профессора В.Ф.Залеского/ 100-летию Союза русского народа посвящается //Русская линия. 25.06.2005. URL.: <https://rusk.ru/st.php?idar=103364> Режим доступа: свободный. Дата обращения – 01.02.2023.

⁵¹³ См. вступительную статью союза журналистов РТ: URL.: <http://sj-rt.ru/o-soyuze/istoriya-soyuza-zhurnalistov-respubliki-tatarstan/>. Режим доступа – свободный. Дата обращения – 01.02.2023.

период возродится в 1918). С тех пор туманна и неизвестна судьба главных журналистов этого издания В. Самсонова, Н. Гусева и других. Старая схема организации печати в Казанской губернии, во главе которой две главные большие газеты – левая и правая (в последние годы: «Камско-Волжская речь» и «Казанский телеграф») разрушилась к окончанию 1917 года. Также, к концу этого бурного года, по новому стилю – 10 декабря 1917 в своей деревне скончался постоянный автор «Камско-Волжской речи», человек составивший эпоху в казанской журналистике – Константин Викторович Лаврский.

«Камско-Волжская речь» активно информировала казанцев о пореволюционной хронике страны, в 1917 году «Камско-Волжской речью» в виде приложения выпускались «Телеграммы Петроградского телеграфного агентства». Издание оставалось одной из самых авторитетных газет Казани. Но судьба «Камско-Волжской речи» была предрешена 6 ноября 1917 года. В этот день исполнительное бюро Казанского совета депутатов постановило просить Совет народных комиссаров закрыть «Камско-Волжскую речь».

Однако 8 ноября 1917 г. газета смогла возобновить свою деятельность. Она провела широкую агитационную кампанию по выборам в Учредительное собрание, состоявшимся в конце ноября 1917 г. В ноябрьских и декабрьских номерах за 1917 г. газета критиковала большевиков и лично В. И. Ленина за производимые в стране массовые аресты, создание препятствий для работы Учредительного собрания и стремление заключить сепаратный мир.

Итоговое заседание Совета по газете состоялось 14 декабря. Причём, предварительно из зала заседаний удаляют корреспондентов оппозиционных изданий: «Казанского слова», «Камско-Волжской речи», «Крестьянской газеты», «Рабочего дела». Для практического завершения дела по закрытию газеты, по предложению председательствовавшего на заседании Я. Шейнкмана, в типографию «Умид», где печаталась «Камско-Волжская речь», был послан Г. Олькеницкий с вооружённой командой. Так закончилась история одной из

главных казанских газет 1910-х годов. «Камско-Волжская речь» была фактически первой небольшевистской газетой в Казани, официально запрещенной властями после Октябрьской революции.

Поводом для закрытия «Крестьянской газеты» правых эсеров стало опубликование ею 31 октября (старый стиль), через несколько дней после революции двух распоряжений Керенского о всемерном сопротивлении большевикам. Решение о закрытии газеты оформлялось на III Крестьянском съезде. В 1918 году прекратятся эсеровский «Трудовой путь» (март 1918), меньшевистское «Рабочее дело» (май 1918), возникшая на её обломках «Рабочая воля», а также «Казанская газета» (обе закрыты 18 июня 1918, редакторы изданий подверглись аресту). Закрывается и лево-эсерская «За Землю и Волю» (19 июля). Подробный перечень всех закрытых газет (большинство из которых крайне недолговечны, у многих вышло менее 10 номеров)⁵¹⁴. «С ноября 1917 до начала августа 1918 г. в Казани Советская власть путем конфискации типографий, запасов бумаги и денежных средств, принудительного закрытия органов прессы, ареста издателей и редакторов, упразднения выпускавших периодику организаций закрыла около 40 небольшевистских газет и журналов на русском, татарском и чувашском языках»⁵¹⁵.

Из вновь появившихся: «Знамя революции», с 29 октября 1917, печатный орган Казанского Совета рабочих и солдатских депутатов. В 1918 – журналы: «Вестник Казанского промышленного района», «Известия казанских профессиональных союзов», «Красный земледелец», «К свету», «Бюллетени казанского губернского отдела народного образования», из татарских – «Эшче» («Рабочий»), «Мэгариф» (Просвещение») и др. Напомним, с августа по сентябрь 1918 Казань была под контролем армии КОМУЧа (Комитет членов Всероссийского Учредительного собрания), в этот период в городе возрождаются антибольшевистские газеты (например, «Народная Армия»,

⁵¹⁴ Подробнее см. в статье: Насыров Т.М. Октябрь и гонения на казанскую русскую небольшевистскую прессу// Гасыр авазы – Эхо веков. 2014. № 3–4. С. 75–84.

⁵¹⁵ Указ. соч. С. 84.

«Народная Жизнь», «Новое Казанское Слово», «Рабочее Дело», «Народное дело, «Обновлённая Россия»).

В 1917 году в Казани появилась новая когорта журналистов-революционеров, красных комиссаров, участников и организаторов красного террора и одновременно руководителей большевистских казанских газет (прежде всего упомянутого «Знамени революции»), такие фигуры как Л. Агниев, П. Ионов, добавим сюда Карла Грасиса, редактора газеты с декабря 1917 г., и др. – кровавые, участвовавшие в погромах, красном терроре (зачастую не просто участвовавшие, но руководившие ими), выдвинутые на арену событиями революционных метяжей. Характерные цитаты: Л. Агниев: «Необходимость требует от нас убийств – мы убиваем, революция, во имя высших идей, требует от нас вынужденной жестокости – мы творим эти жестокости, высокие идеи требуют от нас самопожертвования – мы отдаём без малейшего ропота и свои жизни»; П. Ионов: «Мечь врагам! Беспощадная мечь! Вечное проклятие им! Разобьем головы их младенцев о камень!»⁵¹⁶

Именно круг «Знамени революции» вернулся в 1918 году к идее создания казанского союза журналистов. 21 декабря 1918 года состоялось первое организационное собрание журналистов, сотрудничавших с советской прессой. Вел собрание ответственный редактор газеты «Знамя революции» Л.С.Агниев. Доклад об организации Казанского союза журналистов сделал редактор газеты «Бедняк» А. Барщевский. Делегатом на второй съезд советских журналистов в Москве от имени инициативной группы и Временного бюро был выбран сотрудник газеты «Знамя революции» П. Ионов.

Из большевистских казанских журналистов более раннего призыва выделяется фигура Гирша Олькеницкого: в 1917 г. – секретарь Казанского комитета РСДРП(б), один из руководителей Октябрьского восстания, член ревкома,

⁵¹⁶ Цитаты казанских революционных деятелей, опубликованные в 1919 году в журнале Казанского совета депутатов «Красные зори» приводит в своём «живом журнале» известный казанский краевед Лев Жаржевский, в посте от 05.03.2008, озаглавленном «Обещал давать кое-что казанское. Вот сегодняшняя порция»: см.: URL.: <https://rdp4v.livejournal.com/458002.html>. Режим доступа – свободный. Дата обращения – 01.02.2023.

секретарь военно-революционного штаба, комиссар банка. В 1918 г. – первый председатель Казанской губ. ЧК. Был убит. О его журналистской работе в большевистской газете «Рабочий» в 1917 году есть комплиментарные воспоминания одного из соратников.

«Кто бывал в те дни (март – октябрь 1917 года) в маленьком, тесном, полутёмном помещении комитета партии большевиков, где одновременно помещалась и редакция, и контора газеты «Рабочий» (на Рыбнорядской улице (ныне: ул. Пушкина – А.Б.)), тот помнит, конечно, Гришу Олькеницкого, который проводил там не только целые дни, но и ночевал в сырости, на столе или на кихах газет. Он был живым перлом партии, в его руках были все живые нити. <...> Всякий, кто хоть раз встречался с Гришей Олькеницким, знает, что это был идеальный, неутомимый, чрезвычайно чутко реагирующий на всякую неправду, и сам кристаллически чистый товарищ. Он пережил тяжёлые дни партии, дни гонений, при Временном Правительстве, когда газета «Рабочий» была закрыта, а на помещение комитета был повешен замок с сургучной печатью, но я не видел, чтобы он хотя на минуту пал духом. Я не встречал другого такого человека, который был бы до такой степени уверен в грядущей победе Советской власти и могуществе своей партии, при всех, казалось бы, неблагоприятных условиях⁵¹⁷.

Шнуровский К.Ю., автор процитированных воспоминаний, на рубеже 1917–1918 – лидер казанских левых эсеров, комиссар земледелия Казанской республики, в конце 1918 был принят в РКП(б), до этого в статьях в левозэрсских газетах выступал против большевистской продовольственной и аграрной политики. Писал о том, что политика выколачивания штыком хлеба по «голодным ценам» грозит катастрофическими последствиями. Силой хлеб взять невозможно. «Политика выколачивания хлеба штыком развивает контрреволюционное движение в деревне, и роняет авторитет советской власти»⁵¹⁸. Там

⁵¹⁷ Шнуровский К. Воспоминания о тов. Олькеницком // Пути революции, 1923. №3. Казань. – С. 25-26.

⁵¹⁸ Цит. по: Стариков С.В. Политическая борьба в Поволжье: левые социалисты в 1917–1918 гг. Йошкар-Ола: МарГУ, 1996. С. 221.

же он предлагал и конкретные меры по улучшению ситуации в аграрном секторе. Статьи К. Шнуровского во многом стали поводом закрытия эсеровских газет в Казани летом 1918 года.

Гирш Олькеницкий, воспоминания о котором К. Шнуровского выше мы цитировали, в Казани с 1915 года, он – представитель студенческого, молодежного крыла большевиков. Ещё до появления «Рабочего», главной дооктябрьской (1917 года) газеты казанских большевиков, их молодёжной группе в январе 1917 удалось выпустить один номер неподцензурного журнала «Клич». В 1916 году на средства студенческого кооператива были куплены бумага и другие необходимые материалы. К исполнению технических работ пригласили курсисток высших женских курсов Е. Разумову, О. Цветкову (именно она позже будет писаться официальным редактором «Рабочего»), О. Фелицыну и Е. Каранже. В журнале предполагалось обсуждать следующие вопросы: современное политическое положение, пропаганда революции, вопрос о войне, программные вопросы, крестьянская и рабочая жизнь, революционное студенческое движение, революционное и социалистическое движение на Западе, хроника, библиография.

Подпольщики предпринимали все меры, чтобы не попасться охране. «Ротатор, на котором печатали прокламации, хранился главным образом у К. Машкина и Ивана Волкова. Иногда приходилось нам ездить с ротатором целые ночи напролёт на розвальнях, сменяя извозчиков у вокзала. Такие разъезды приходилось делать часто, когда узнавали об арестах и ждали арестов. Принуждало нас иногда положить ротатор и его продукцию в корзину и зарывать в снег в «Русской Швейцарии» (так называлось кладбище), куда вечером собирались группой, ходили кататься с гор на лыжах. Вместо катания мы делали своё дело»⁵¹⁹.

⁵¹⁹ Цит. по: Павлов Н.П. Иван Волков: документальный очерк. Ижевск: Удмуртия, 1991. С.112.

В начале 1917 г. журнал вышел. В редакционном обращении были такие призывы: «...Долой войну! Долой правительство! Да здравствует революция! – вот те лозунги, вокруг которых объединились различные социалистические направления, собравшиеся вокруг «Клича». Журнал состоял из 80 страниц, в нём было напечатано 7 статей, включая вводную: «Внутреннее политическое положение (общий обзор); «Война и рабочий класс»; «О работницах»; «За рубежом» (против участия пролетариата разных стран в войнах); «Готовятся» (в статье, посвящённой крестьянам, автор пишет: «Когда вспомнишь о миллионах крестьян, одетых в солдатские шинели и отправляющихся на убой, то невольно является вопрос: «За что же, собственно, они должны драться? Что получают крестьяне после войны, когда они, усталые и изнурённые, вернуться домой? В свои разорённые хозяйства?» «Вернутся крестьяне с позиций, – отвечает автор, – и скажут: «Мы воевали, кровь проливали – давайте нам землю». А правительство позаботилось и знает, как ответить мужикам. Оно ответит им пулемётами»)⁵²⁰.

Приведённый отрывок вполне иллюстрирует стиль издания, агитационный, несколько лубочный, нацеленный на работу с трудовой массой. «Клич» являлся единственным нелегальным журналом России в годы войны, он активно распространялся среди трудящихся Казани и Казанской губернии, отдельные экземпляры попали и в соседние регионы (в частности, в Симбирскую губернию).

На выход журнала казанская полиция ответила чередой обысков и арестов, основные мероприятия прошли в ночь на 7 февраля. Студенческие сходки в поддержку арестованных проходили 14 и 21 февраля, на последнюю из них собралось порядка 1000 человек (978 по листку голосования, большинством 500 против 478 было принято решение забастовку прекратить).

⁵²⁰ Там же. С. 115-116.

Такими резкими, политически заострёнными были последние годы казанской журналистики и начала создания системы уже новой советской печати в отдельно взятом регионе России – Казанском крае, с 1920 года получившем новое административно-государственное оформление в виде Татарской Автономной республики.

Итак, подведём итоги этого последнего в дореволюционной казанской журналистике этапа развития местной прессы. Вот его основные черты:

1. Резкий количественный рост изданий по сравнению с предыдущим периодом в основном за счёт специализированной прессы и изданий политических партий.
2. Появления изданий на других языках, разветвлённой системы татарской печати, первой чувашской газеты «Хыпар», а на границе с 1917 годом – изданий других народов, выходивших в Казани.
3. Политизация казанской прессы, появление многопартийной печати, некоторые политические группы (например, казанские «правые») впервые получают своё политическое оформление в эти годы.
4. К 1910-м годам постепенное восстановление прежней структуры местной печати с двумя доминирующими газетами, в этой роли выступают правая русская националистическая газета "Казанский телеграф" и либеральная «Камско-Волжская речь».
5. Дальнейшая коммерциализация рынка местной печати.
6. Зарождение местной хуложественной критики и журналистики, укрепление её связей со столичными изданиями.
7. Появление казанской земской печати.
8. Резкое разрушение и слом местной системы журналистики к 1917-1918 году (закрытие прежних долгожителей местной печати, открытие и быстрое прекращение многих новых органов прессы, появление новой когорты журналистов).

История казанской журналистики, во многом вписываясь в общероссийские тренды развития провинциальной прессы нашей страны в XIX- начале XX века, имеет при этом свои уникальные черты и страницы. Зачастую именно казанская пресса в эти годы выступала новатором, зачинателем многих процессов, позже подхватывавшихся и в других регионах. В начале своего существования географически казанская пресса охватывала многие регионы, включая Урал и Сибирь, не имевшие тогда ещё своих газет и журналов, освещавших местную повестку. Но и позже интересы и география казанских изданий далеко выходили за границы губернии.

Напомним ещё раз, Казань – первый губернский город Российской империи, в котором удалось с 1811 года наладить непрерывный выход местных периодических изданий. До этого имелось лишь несколько журналов конца XVIII века с небольшим присутствием местной повестки в них и кратковременное издание «Тамбовских известий», газеты, не получившей продолжения и не оставившей по себе большой памяти у современников. 100-летие провинциальной прессы России, отмечавшееся в 1911 году, отсчитывалось именно от начала выхода «Казанских известий».

Казань – один из немногих городов России, где местная печать зародилась не в рамках создаваемой сверху системы «губернских ведомостей» конца 1830-х годов, а на базе местного университета, независимого от губернской администрации. Уже у первой газеты – «Казанские известия» мы наблюдаем попытки стать органом, выразителем общественных интересов и чаяний, выстраивающим конструктивный диалог с властью и местной публикой. Основу сотрудников первой газеты составила казанская профессура.

Связь казанской журналистики с университетом благотворно отразилась на начальном периоде «Казанских губернских ведомостей», выделив их из общего ряда. Именно «Казанские губернские ведомости» 1840-х называются

исследователями лучшим провинциальным изданием России. Мы утверждаем, что связь редакторов с университетом стала одной из важных причин этого успеха.

В 1870-е годы в контексте дискуссий об издававшейся в Казани «Камско-Волжской газете» возникает полемика о сути и задачах российской провинциальной прессы (известная специалистам по статье Д.Л. Мордовцева и реакций на неё, среди которых важнейшее место отводится сборнику «Первый шаг», выпущенному в Казани в 1876 году). Дискуссия о роли провинции и организации общественной жизни в ней начинается именно в «Камско-Волжской газете», ставшей флагманом «областного проекта». Современные учёные-регионалисты называют «Камско-Волжскую газету» «поволжским феноменом».

В 1880-1890-е гг. Казань постепенно теряет свои лидирующие позиции в российской провинциальной прессе, но вполне отражает общероссийские тренды, свойственные развитию провинциальной журналистики в России в целом. После 1905 года Казань становится регионом многоязычной журналистики (зарождается и расцветает татарская пресса, появляется первая чувашская газета), и в этом смысле Казань делается экспериментальным регионом, по которому можно проследить взаимодействие российской прессы на русском языке и языках других народов.

Таким образом, кроме большого этнографического, просветительского, культурного, регионоведческого значения – изучение казанской прессы даёт очень многое и собственно в историко-журналистском смысле, помогая лучше понять устройство и «драйверы» развития не только прессы Казани, но и всей российской провинциальной журналистики, а значит, и в целом: российской журналистики, которую невозможно представить без журналистики её областей. Выявленные нами закономерности и этапы развития казанской прессы до 1917 года позволят сделать дальнейшее изучение этой прессы, отдельных её изданий и журналистов более системным и структурно выверенным.

Заключение

Казанская журналистика XIX - начала XX века представляет собою один из интереснейших примеров в истории российской провинциальной печати. Процессы, происходившие в прессе этого отдельно взятого региона (Казани и Казанской губернии) с одной стороны хорошо укладываются в закономерности, характерные в целом для российской провинциальной журналистики, иллюстрируют эти тренды своими примерами, и в этом смысле являются показательными для самого широкого круга исследований по истории местной печати. С другой стороны – казанская журналистика обладает своеобразием, делающим прессу Казани и всю профессионально-общественную информационную сферу, ею образованную, по-настоящему уникальным явлением в истории российской провинциальной журналистики.

Настоящая диссертация нацелена на выявление общих тенденций, характеризующих процесс развития казанской прессы от её зарождения до 1918 года, рассмотрение основных трендов в истории российской провинциальной прессы и того, какое отражение они нашли в журналистике Казани, а также выделение её специфических черт, определение периодизации казанской периодической печати и журналистики, характеристику основных изданий Казани в их взаимосвязи и преемственности.

Мы вполне принимаем модель периодизации общей истории российской провинциальной журналистики, предложенную ставропольским профессором О.И. Лепилкиной. Однако оговариваем ряд уточнений, которые необходимо сделать для прессы Казани.

Мы считаем, что главным основанием для выделения этапов развития провинциальной журналистики может служить доминирование в те или иные эпохи разных типов учредителей изданий, что соответствует нашей идее о сменах институционализаций журналистики, положенной нами в основу периодизации истории уже всей отечественной журналистики.

В основном для Казани можно выделить три группы учредителей газет и журналов, в разное время доминировавших в сфере казанской прессы:

- (а) Учебные заведения. Прежде всего: Казанский университет. Но и (например) Казанская Духовная Академия.
- (б) Губернское правление
- (в) Частные лица, общества или компании.

Говоря о *закономерностях* в истории казанской журналистики, мы имеем в виду те стороны её развития и существования, которые вполне вписываются в общую модель развития провинциальной прессы России, предложенную О.И. Лепилкиной. Казанской журналистике, как и журналистике других областей вполне были свойственны: период дискретности (во время которого шла апробация разных типов изданий), период монотипологический, характеризующийся доминированием губернских ведомостей; период становления многокомпонентной децентрализованной структуры провинциальной периодики; и наконец - преобразования системы провинциальной периодической печати, их политизация⁵²¹.

Однако, границы этих периодов именно в казанской журналистике были несколько иные. Также потребовалось выделение и некоторых других этапов, отсутствовавших в предложенной общей схеме. Были и другие *особенности* отличавшие казанскую прессу от провинциальной периодической печати других регионов, выводы о которых и составили основную результативную часть диссертации.

Говоря о генезисе и зарождении казанской прессы, мы выявили ряд предпосылок для этого, из которых важнейшие⁵²²: открытие Первой казанской гимназии (1758) и Казанского университета (1804), формирование в Казани интеллектуально-культурной среды; появление литературных групп, обществ,

⁵²¹ Лепилкина О.И. Структурно-типологическая трансформация системы русской провинциальной прессы в XVIII – начале XX в. : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Ростов-на-Дону, 2011. С. 9.

⁵²² Полный перечень см. на С. 89-90 диссертации.

кружков; заведение первых типографий в городе; налаженные связи с московским университетом; с деятелями русского масонства. Наконец, важной предпосылкой зарождения прессы стало само появление инициатора первой газеты, создателя её проекта, живого энтузиаста газетного дела (И.И. Запольского), а позже – сложившегося тандема руководителей проекта: Запольский – Зиновьев.

На разных этапах истории казанской прессы мы выделяли некоторые её особенности, характерные именно для Казани, явившиеся спецификой для казанской прессы по сравнению с другими регионами.

Так, в казанской прессе первой половины XIX века таким фактором стала связь с университетом (в отличие от большинства регионов, где зарождение прессы шло по линии администраций губерний, в рамках централизованно создаваемой единой системы «губернских ведомостей»). Интересным моментом явилось то, что до 1850-х годов даже «Казанские губернские ведомости» сохраняли связь с университетом, и редактировались зачастую его сотрудниками (А. Артемьев, И. Березин).

Спецификой казанской прессы 1870-1880-х годов стал возникновение и обоснование областного проекта провинциальной журналистики, в котором приняли участие как журналисты Казани и Волжско-Камского региона (Н. Агафонов, К. Лаврский, А. Гацкий, В. Малинин, П. Пономарёв), так и сибирская фракция журналистов-областников (Г. Потанин, Н. Ядринцев). Важное значение для формирования областного проекта в Казани имели и теоретические положения, сформулированные в статьях А. Щапова.

В начале 1870-х годов обоснование областной провинциальной прессы её приверженцами строилось на оппозиции газет по их географическому охвату: областные газеты (ср.: «Камско-Волжская газета») противоп-

ставлялись городским (в Казани это – «Казанский биржевой листок»). По мнению Г. Потанина, газеты первого типа – «охватывают целый край», газеты же второго типа – ни что иное, как «буржуазная макулатура»⁵²³.

Однако в 1880-е годы оказалось, что географический ареал распространения и нацеленности тематики газеты не является главным и неколебимым типоформирующим признаком областнических газет. Во всяком случае, главный продолжатель этой линии в Казанской прессе 1880-х годов – газета «Волжский вестник» – позиционировала себя и как городскую газету, с сильным городским отделом.

Важнее оказались общие принципы областнической журналистики – серьёзность тона, нацеливание общества провинции на формирование собственной повестки, независимой от столиц, проникнутой нуждами края. При этом противопоставление «области» и «города» позднейшими деятелями прессы снималось, напротив, доказывалось их возможное совмещение в рамках одной газеты. Однако симптоматично, что в названиях многих позднейших казанских газет, фактически городских – фигурирует не город, а область: «Волжско-Камское слово» (1881-1882), «Волжско-Камская речь» (1907-1908); «Камско-Волжская речь» (1908-1918), журнал «Наш Край» (1912).

Уместно в этом контексте привести мнение бывшего участника «Камско-Волжской газеты», профессора Д.А. Корсакова, высказанное в статье 1877 года. «Казань со времени своего основания была религиозным, умственным и торгово-экономическим центром всего Волжско-Камского Края. Этим центром была она и в татаро-мусульманскую эпоху, и в эпоху русско-христианскую <...> Основание университета в Казани сделало её умственным центром всей восточной части Европейской России. Поэтому всю эту часть, весь Волжско-Камский Край можно назвать «Казанским краем».

⁵²³ Потанин Г.Н. Избранные произведения в 3-х тт. Т.3. Иркутск, 1989. С.22.

И затем – следует примечание Д.А. Корсакова, особенно важное в свете нашей темы: «В недавнее время явилась мысль о литературно-публицистическом объединении нашего края: эта мысль нашла себе выражение в издававшейся в Казани «Камско-Волжской газете» (1872 – 1874)»⁵²⁴. То есть, газета была, с т.з. Д. Корсакова литературно-публицистической формой, закрепляющей единство и целостность области – т.н. «Казанского края», не совпадающего в своих границах с губернией, но зато вполне совпадающего с границами учебного и военных округов.

Итак, в настоящей диссертации мы впервые обосновываем областнический проект как одну из важных и продолжающихся тенденций казанской журналистики, начиная с 1870-х годов. Характерные попытки взгляда и на ранние казанские издания («Казанские известия; «Заволжский муравей») как на областнические предприняты в сочинениях местных журналистов второй половины XIX века (П. Пономарёва и Н. Загоскина), цитаты которых об этом мы приводили в основной части нашей работы.

Чаще всего, говоря об областничестве, как течении, вспоминают представителей т.н. сибирского областничества, но ещё в 1920-м году известный казанский историк М. Худяков в очерке о П. Пономарёве относил его, а также Н.Агафонова, К. Лаврского, Н. Загоскина к группе т.н. «волжского областничества»⁵²⁵, особо оговаривая их участие в прессе на протяжении всего времени от 1870-х до 1920-х гг. Для того, чтобы заявить о «волжском областничестве» как о полноправном течении или особой группе, необходимы ещё дополнительные исследования, но об областничестве как о важной тенденции казанской журналистики своего времени, определившей её специфику, мы делаем вывод и обосновываем его в нашей диссертации.

⁵²⁴ см.: Корсаков Д.А. Об основании в Казани общества для исследования археологии, истории и этнографии Казанского Края. Несколько соображений по 1-му вопросу программы IV Археологического съезда // Труды четвертого археологического съезда, бывшего в Казани с 31 июля по 18 августа 1877 года. Казань. Т.1. Вопросы общие. С. 6. Все приведённые выше цитаты – на этой стр.

⁵²⁵ Худяков М.Г. Петр Алексеевич Пономарев // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. 1920. Т. 30, вып. 3. С. 254.

Спецификой казанской журналистики 1905-1917 годов становится также то, что Казань в это время становится одним из центров билингвальной журналистики в России. Возникает татарская пресса, а в 1906 году в Казани выходит также и чувашская газеты «Хыпар», возобновлённая в 1917 году. Татарская пресса за считанные годы становится значительным явлением, включающим десятки наименований новых изданий.

В настоящей диссертации впервые казанская татарская пресса рассматривается не только в общем контексте новоявленной татарской сферы прессы (включившей в себя издания ряда городов – Казани, Уфы, Оренбурга, Санкт-Петербурга, Уральска, Троицка, Бахчисарая, эмигрантские издания в Турции и Германии), но и во взаимосвязи с русскоязычной прессой Казани, исследуется характер их взаимодействия, примеры участия татарских журналистов в русской прессе и наоборот.

Оценивая в целом взаимодействие русской и татарской казанской печати, мы пришли к выводу о том, что: несмотря на возникновение иногда перекрёстных сюжетов, вовлечение отдельных разноязычных журналистов в общие дискуссии и полемики, степень взаимообщения, равно как и интереса русской прессы и русского общества к татарской журналистике была довольно слаба, но увеличивалась во имя политических кризисов и катаклизмов (Революционные события 1905-1907, 1917 годов, избирательные кампании в Государственную Думу), а также во время войн (особенно, первой мировой). Интерес и внимание татарской прессы к русским газетам и русской культуре гораздо сильнее особенно на первом этапе её существования (до 1907 года). Далее, начинают развиваться концепции о национальной самобытности, и татарская интеллигенция в своих воззрениях несколько эмансипируется от русского ориентира.

В целом, можно сказать, что казанская татарская журналистика не вполне вошла в медиаполе, созданное ранее в городе русскими изданиями, при

этом в общетатарской журналистике у казанской прессы было своё особое место, сугубо казанским феноменом прессы стал так называемый фактор «сенного базара», сложившейся особой неформальной социальной ниши, имеющей в том числе пространственно-географические границы по одноимённому месту в черте города и влияющей на формирование местного татарского общественного мнения. Большую роль в финансировании местной печати сыграло татарское купечество, что также отличало татарскую казанскую прессу от русской.

Сформулировав и обобщив наши выводы по общей периодизации казанской журналистики с момента возникновения и до 1918 года, мы выделили следующие периоды:

- I. 1758 – 1811. *Формирование предпосылок для зарождения казанской журналистики.*
- II. 1811 – 1838. *Ранняя казанская журналистика, «университетский» период казанской прессы*
- III. 1838 (1843) – 1862. *Период доминирования «Казанских губернских ведомостей» в информационном поле Казанской прессы.*
- IV. *1860-1870-е гг. – зарождение и оформление сферы частно-общественной казанской прессы. Условно, можно разделить по десятилетиям на 1860-е и 1870-е гг.*
 1860-е гг.: Период можно назвать переходным: от доминирования официальных к частным независимым органам печати.
- 1870-е гг. Возникновение «Камско-Волжской газеты» и группы публицистов, т.н. «волжского областничества».
- V. *1880-1890-е гг. Функционирование казанской прессы в условиях проникновения торговых отношений и капитализации отрасли.*

*VI. 1900-1910-е гг. Функционирование казанской печати в условиях политизации журналистики и одновременного существования русской и татарской прессы*⁵²⁶.

Далее эти периоды были сгруппированы нами хронологически и разделены на три группы: периоды от зарождения казанской прессы и до первой половины XIX века включительно, периоды второй половины XIX века, период начала XX века. Каждая из этих объединённых групп периодов истории казанской журналистики была рассмотрена нами особо согласно задачам, сформулированным во введении.

Ключевой особенностью казанской прессы первых периодов является её ориентированность на университет (см.: 1 положение, выносимое на защиту). До 1838 года университет либо его отдельные преподаватели являлись единственными учредителями казанских газет. Наиболее блестящий период возникшей в 1838 году газеты «Казанские губернские ведомости», пришедшийся на 1843-1853 годы, связан с редакторами, не порывавшими отношений с университетом. Ближайшим советником и старшим другом редактора Н.И. Второва был знаменитый профессор, прежде ректор Казанского университета, активный участник всей предыдущей казанской прессы Карл Фёдорович Фукс, следующий редактор А.И. Артемьев занимал должность университетского библиотекаря, а его приемник И.Н. Березин был профессором востоковедения. В это время главная официальная газета губернии фактически составлялась в университете.

Эмансипация «Казанских губернских ведомостей» от университета состоялась уже в 1850-е годы, к это времени комментаторы-современники относят падение интереса казанской публики к университетской жизни, об этом в частности, писал редактор А.Ф. Михайлов.

⁵²⁶ Развёрнутую характеристику каждого периода см. на С. 91-93 диссертации.

Казанские издания 1810-1830-х годов: «Казанские известия» (1812 – 1820); «Труды Казанского общества любителей отечественной словесности» (1817, один номер), «Казанский вестник» и «Прибавления к «Казанскому вестнику»» (1820-1834), «Заволжский муравей» (1832 – 1834), «Учёные записки Казанского Императорского университета» (с 1834 г.).

Также в это время выходили студенческие рукописные журналы, было несколько проектов нереализованных периодических изданий, некоторые важные публицистические сочинения были изданы отдельными брошюрами и книгами.

Ведущие журналисты первого 20-летия казанской прессы: К.Ф. Фукс, Д.Н. Зиновьев, П.С. Кондырев, М.С. Рыбушкин, С.А. Москотильников, Г.П. Каменев, Н.С. Арцыбышев из иногородних корреспондентов наиболее значителен вклад Словцова (Иркутск) и Кужелева (Нижний Новгород).

В 1840-1850-е годы ведущим изданием сделались «Казанские губернские ведомости». На излёте 1850-х годов наблюдается всплеск отраслевой и специализированной печати. Важным изданием сделались «Записки Императорского Казанского экономического общества». Школа казанских публицистов-технологов (М.Я. Киттары, А.К. Чугунов, Ф. И. Целлинский, А.М. Бутлеров, Е.С. Фальков и др.) сделалась ведущей в стране, а казанский журнал признавался лучшим технологическим журналом. Представитель научной школы Модеста Киттары, сменивший его в должности редактора «Записок...» А.К. Чугунов позже возглавит вторую частную газету Казани – «Казанский биржевой листок». Ключевым положением для технологов и публицистов этой школы являлась идея о необходимости тесной взаимосвязи промышленности, бизнеса, с нею связанного и представителей науки и общественного интереса.

Другим представителем специальной прессы стал возникший при Духовной академии орган – «Православный собеседник». Оба названных издания носили в 1850-е годы либеральный характер, но к началу 1860-х годов эта направленность сошла у них на нет.

Ведущие казанские журналисты 1840-1850-х годов: Н.И. Второв, А.И. Артемьев, И.Н. Березин, С.М. Михайлов (Яндуш), А.Ф. Михайлов, А.А. Камков, М.Я. Киттары, А.К. Чугунов, рубеж 1850-1860-х – А.П. Щапов, А.Г. Пупарев, С.Е. Мельников.

С 1860-х годов начинается новая эпоха в истории казанской журналистики и провинциальной прессы в целом, связанная с появлением частных изданий, которые позже займут доминирующее положение во всей системе местной печати.

Были выделены признаки и тенденции складывающейся на новых началах системы казанской печати, окончательно развившиеся уже в 1870-е годы (ключевое значение имела появившаяся в 1872 году «Камско-Волжская газета», знаменовавшая собой окончание формирования сферы казанской прессы). Предыдущее же десятилетие следует считать промежуточным этапом между двумя системами казанской прессы, первичной, центрующейся вокруг университета и затем губернской администрации (с 1811 по 1850-е гг.), и новой, связанной с доминированием частной прессы (с 1870-х годов).

Были выделены следующие тенденции 1860-1870-х годов, закрепившие оформление новой казанской сферы прессы и журналистики и её коренное отличие от предыдущей:

1. Административное реформирование губернии, Казань становится столицей военного и судебного округов, оставаясь также столицей учебного округа. Изменяется статус губернатора, появляются новые общественные площадки, например, публичные суды присяжных. Среди реформ, влияющих на развитие и общее состояние казанского общества

назовём также новый университетский устав 1863 года, Земскую реформу 1864 году, Временные правила о печати 1865 года. Все эти процессы переформатировали местное общество, создав предпосылки к появлению новой печати.

2. Кризис и упадок губернской прессы в Казани после 1862 года
3. В это же время: кризис и упадок (после взлёта начала 1850-х) местной отраслевой и специализированной журналистики, наследовавшей традициям журналистики университетского периода.
4. Политизация студенческого движения на рубеже 1850-1860-х годов. Из среды которого позже выйдет целая плеяда будущих казанских журналистов, вообще: приход в журналистику политически мотивированной молодёжи, зарождение феномена «потаённой литературы».
5. Формирование в начале 1860-х годов областнической концепции истории (в Казани – под влиянием А.П. Щапова), в будущем лёгшей в основу журналистской концепции «Камско-Волжской газеты» (1872-1874) и её последователей.
6. Постепенное складывание нового поколения казанских журналистов: умеренные либералы, либерал-демократы: С.М. Шпилевский, П.П. Васильев, С.И. Черепанов. Демократы, народники, областники: К.В. Лавровский, Н.Я. Агафонов, П.А. Пономарёв, Н.А. Демерт и др.
7. Появление первых частных газет, афелированных либо с местной администрацией («Справочный листок города Казани»), либо с промышленными кругами «Казанский биржевой листок». В нише отраслевых изданий на рубеже 1860-1870-х годов появляются «Дневник Казанского общества врачей» и «Казанский книжный вестник» (вышел один номер).

В контексте 1870-х годов была подробно рассмотрена «Камско-Волжская газета», формирования публицистов группы т.н. «волжского областничества» и их дальнейшее развитие после закрытия газеты (литературно-публицистиче-

ские сборники «Первый шаг», «Литературные блины» и др.; специализированное издание «Известия казанского общества Археологии, истории и этнографии при Казанском Императорском университете»).

В 1870-е годы сложилась классическая структура казанской местной печати с доминирующими двумя ведущими органами. Первый орган – более демократический, идейный, социально заострённый. Вторая газета – коммерческая и промышленная. С 1880-х годов система печати в Казани будет множиться и делаться разветвлённое, но в основе её всегда будут две (реже три) главные газеты, из которых часто: одна будет тяготеть к типу общественно-массовых, учитывающих более рыночную конъюнктуру, а другая к типу общественно-демократических, идейных изданий.

Важной тенденцией рубежа 1880-1890-х годов является складывание рекламного рынка, а также розничной продажи местной печати, общая массовизация и демократизация аудитории прессы. Крупнейшие казанские газеты под влиянием этих тенденций меняли свой характер (рассмотрены примеры «Волжского вестника», «Казанского телеграфа», «Казанского биржевого листка», «Камско-Волжского края» и их редакционной политики в свете указанных меняющихся характеристик сферы прессы и местной журналистики.

Наряду с продолжающимся формированием рынка прессы ведущими новыми тенденциями казанской журналистики начала XX века мы считаем появление татароязычной прессы и общую политизацию прессы, формирование многопартийной печати.

Таким образом, нами впервые представлен и систематизирован материал по истории казанской журналистики за первые 100 с лишним лет её существования, выявлены её ключевые характеристики, этапизация и основания их трансформации. Конечно, это работа может и будет продолжена, необходимые уточнения ещё будут внесены, мы рассчитываем на проведение более подробного исследования ряда ключевых казанских газет и журналов, тем не менее результаты диссертации могут, на наш взгляд, быть использованы как

основание и фундамент для дальнейшего комплексного изучения казанской прессы до 1917 года.

Приложение № 1.

Характеристика этапов истории казанской прессы

1. Сводная таблица.

Этап/ название этапа, границы по годам	Издания	Наиболее заметные журналисты, авторы	Институции, участвующие в формировании медиополя
I. 1758 – 1811. Формирование предпосылок для зарождения казанской журналистики	Первые рукописные журналы гимназистов и первых студентов университета, участников «Общества любителей отечественной словесности»; Собранный, но не изданный первый выпуск периодического литературного альманаха группы Москотильникова.	Первая половина периода: М. Верёвкин, Ю.фон-Каниц; Г.Державин. Вторая половина периода: И.Запольский, С.Москотильников, Г.Каменев, Н.Арцыбышев, Н.Ибрагимов, бр.Панаевы; С.Аксаков	Круг преподавателей 1-й Казанской гимназии; Неформальный кружок преподавателей гимназии 2-го периода: Карташевского-Запольского-Ибрагимова; Кружок С.А. Москотильникова; Казанские масоны; Гимназисты, участники кружка «Казанского Общества любителей отечественной словесности». Круг семьи Панаевых.
II. 1811 – 1838. Ранняя казанская журналистика, «университетский» период казанской прессы:	«Казанские известия» (1811-1820), «Труды Казанского общества любителей отечественной словесности» (1817); «Казанский вестник» (1820-1834) и «Прибавления» к нему, «Заволжский муравей» (1832-1834), «Учёные записки	Д.Н. Зиновьев, К.Ф. Фукс, П.С. Кондырев, Г.А. Городчанинов, С.М. Рыбушкин, Ф.М. Рындовский, Н.И. Лобачевский, наиболее активные иногородние корреспонденты казанских газет: Г. Кужелев, П. Словцов	Университет, отдельные его преподаватели и профессора, «Казанское общество любителей Отечественной словесности» в статусе официального научного общества университета.

	Императорского Казанского университета».		
III. 1838 (1843) – 1862. Период доминирования «Казанских губернских ведомостей» в информационном поле Казани.	«Казанские губернские ведомости»; «Православный собеседник»; «Записки Императорского казанского экономического общества»	Н.И. Второв, А.И. Артемьев, И.Н. Березин, Н.А. Попов, М.Я. Киттары, А.К. Чугунов, С.М. Михайлов, С.Е. Мельников, А.Ф. Михайлов, А.А. Камков, А.Г. Пупарев, А. Невзоров	Губернская канцелярия. Для специализированных научных изданий: Казанский университет; Духовная академия
IV. 1860-1870-е гг. – зарождение и оформление сферы частно-общественной казанской прессы.	а) 1860-е: «Справочный листок г. Казани»; «Казанский биржевой листок» (1869-1892) б) «Камско-Волжская газета» (1872-1874; + сб.: «Первый шаг» (1876)	(а) 1860-е С.М. Шпилевский, Н.Н. Вячеслав, П.В. Васильев, С.И. Черепанов, Н.А. Демерт (б) 1870-е. Н.Я. Агафонов, К.В. Лаврский, П.А. Пономарёв. Сибирские областники в казанских газетах: Г.Н. Потанин, Н.М. Ядринцев; нижегородец А.С. Гацкий.	Казанская биржа, крупный бизнес, интеллигентские частные кружки (т.н. «поволжские областники»). Городская администрация.
V. 1880-1890-е гг. Функционирование казанской прессы в условиях проникновения торговых отношений и капитализации отрасли.	а) 1880-е: «Волжский вестник», загоскинский период – с 1883 до 1891. «Казанский биржевой листок» (до 1892) и его сателлиты. б) 1890-е: «Волжский вестник» Н.В. Рейнгардта (с 1891). «Казанский телеграф» (с 1893) «Камско-Волжский край» (1896-1898)	а) 1880-е: Н.П. Загоскин (Миролюбов), Основняк, П.А. Голубев, А.И. Миропольский, Д.А. Соколовский, В.Л. Поляк, А.Н. Подосёнова б) 1890-е Е.Н. Чириков Страханов, С.А. Гисси, В.О. Ключников, Н.А. Ильяшенко, Кульниченко Вятские корреспонденты: А.Н. Баранов, И.О. Жирнов	Частные лица, управление казанского округа путей сообщения («Камско-Волжский край»)

<p>VI. 1900-1910-е гг. Функционирование казанской печати в условиях политизации журналистики и одновременного существования русской и татарской прессы</p>	<p>Разветвление системы казанской печати.</p> <p>1. Либеральные (в т.ч. лево-либеральные, либерально-демократические): «Вечернее эхо»; «Казанский вечер»; «Приволжский край», ранний «Волжский листок»; «Волжско-Камская речь»; «Камско-Волжская речь».</p> <p>2. Социалистические (марксисты): «Волжский листок» (второй период); «Волжский курьер» (эсеры); «Дневник Казани» (во 2-м периоде: марксистский); «Волжский вестник» А. Знаменской.</p> <p>3. Правые и националисты: «Казанский телеграф»; «Обновление»; Газета «Правых»; «Сошники»</p> <p>4. Татарские казанские газеты: (правые – «Бэянешак»; умеренно-либеральные</p>	<p>Либералы: В. Шерстенников Н. Гусев И. Бабушкин К. Лаврский Лево-либералы: П. Стадырнов М. Мандельштам В. Язвицкий</p> <p>Эсеры: А. Знаменская В. Архангельский П. Драверт</p> <p>марксисты: Ю. Денике В. Адоратский А. Кулеша Я. Свердлов Н. Дамперов</p> <p>«Правые»: В. Залеский Н. Ильяшенко Г. Клепацкий Ю. Геркен Н. Александров В. Казин</p>	<p>Партии и политические группы; земство</p>
--	---	---	--

	– «Йолдыз»; либеральные – «Казан мухбире»; эсеры – «Тан йолдызы», лево-либеральные – «Эль-Ислах», «Кояш»).		
--	--	--	--

2. Цензурные условия:

а) университетский этап: В отдельных случаях создавалась для университетской газеты тройная цензура: общая университетская ..., цензура издательного комитета, и наконец, цензура ещё и центральных органов министерства». Иногда целые статьи отправлялись для просмотра в Петербург. Цензурный комитет для книг, печатаемых в университетском округе, согласно § 177, открылся в Казани 30 мая 1807 года, ранее многих других функций университета, согласно предписанию попечителя. На первый случай совет должен был избрать из среды своих трёх членов и сообщить о том в губернские правления губерний, округ составляющих. Ужесточение цензурных условий в период попечительства М.Л. Магницкого. «Заволжский муравей» цензурировался в Москве.

б) губернский этап: изначально «Губернские ведомости» формально были бесцензурными, но фактически они находились «под наблюдением» высшей губернской администрации и местных властей. По реформе 1848 года (начало «мрачного семилетия») для надзора за губернскими ведомостями столичным комитетом были выделены три специальных чиновника, обязанные регулярно подавать сведения о наиболее «криминальных», с их точки зрения, материалах, опубликованных газетами.

в) 4-5 этапы (расцвет частной прессы): отдельный цензор в Казани, за исключением 1874-1875 г.г., когда должность была упразднена и цензура газет была переведена в Москву, что привело к закрытию «Камско-Волжской газеты».

г) этап политизации прессы: и после 1905 года до 1914 – в Казани, в отличие от остальной России в нарушение законодательства по неформальной договорённости хозяев изданий с цензурным комитетом сохраняется предварительная цензура; вместо отдельного цензора – цензурный комитет.

3. Аудитория и распространение:

а) университетский этап:

распространение по подписке, большая часть читателей – иногородняя

б) губернский этап:

города и уезды губернии, служебная функция «губернских ведомостей» для коммуникации губернских властей с местным населением. Территориальное распределение прессы связано с административными границами губернии, но не исчерпывается ими.

в) этап частной прессы:

С конца 1870-х: появление розницы; рекламы. Некоторые казанские издания выполняют роль оппозиционных газет для соседних регионов, «Казанский биржевой листок» открывает филиалы в Нижнем Новгороде и Симбирске.

Появляются городские и областные газеты. Понятие «область» не совпадает с административным делением в глазах у местной демократической интеллигенции (лидеров прессы). Местную область они обозначают как «Камско-Волжский край». Влиятельная местная «Камско-Волжская газета» ориентируется именно на эту территорию и её население в своём издании.

г) этап политизации прессы: газеты – центры и штабы политических партий и групп Казани.

Список источников и использованной литературы

І. Источники

(а) Газеты:

1. Азат (Свобода): экономическая, торговая, религиозная и литературная газета на татарском языке. №№ 1-56. 1906: с 1 февраля по 30 мая.
2. Азат Халык (Свободный народ – тат.): общественно-политическая и литературная газета на татарском языке. №№ 1-15. 1906: с 4 июля по 12 сентября.
3. Баянкуль-хак (Глашатай правды – тат.): общественно-политическая газета на татарском языке. 1906–1914 гг.
4. Вечернее эхо: политическая и торгово-промышленная газета. 1905—1906 гг.
5. Волжский вестник:
 - (а) журнал (1861): издание симбирского общества сельского хозяйства № 1.
 - (б) газета (1879): еженедельное издание (г. Симбирск). №№ 1-27.
 - (в) журнал (1883): журнал общественный, политический и литературный (г. Казань). №№ 1-52.
 - (г) газета (1884-1906): газета общественная, политическая и литературная. 1884—1906.
6. Волжский курьер: [Газета]. 1906—1907.
7. Волжский листок (І): газета торговли, промышленности и необходимых сведений в обыденной жизни. 1903—1904.
8. Волжский листок (ІІ): газета политическая, литературная, общественная и экономическая. 1904—1909.

9. Волжско-Камская речь: газета общественно-литературная и политическая. Утреннее издание. 1907—1908.
10. Волжско-Камская речь: газета общественно-литературная и политическая. Утреннее издание. 1907—1908.
11. Волжско-Камское слово: политическо-общественная газета. 1881—1882.
12. Голос Казани: общественно-политическая, литературная и коммерческая ежедневная газета. 1917. №№ 1-22.
13. Дневник Казани: ежедневная газета политико-экономическая, литературная и научная. 1906—1907.
14. Известия Всероссийского мусульманского военного ШУРО: [Газета]. 1917—1918.
15. Казан мухбире (Казанский вестник – тат.): общественно-политическая и литературная газета. 1905-1911. Первые три номера: на русском и татарском языках. Далее – на татарском.
16. Казанская газета: еженедельное издание Казанского губернского земства. 1902—1914.
17. Казанская газета-копейка: газета общественно-литературная и политическая. 1912—1914.
18. Казанские вести: политическая, общественная, литературная и торговая газета. 1890—1892.
19. Казанские губернские ведомости: [Газета]. 1838—1917.
20. Казанские известия: [Газета]. 1811—1820.
21. Казанские новости: газета общественная и литературная 1885—1886.
22. Казанский биржевой листок: [Газета]. 1869—1892.
23. Казанский вечер: политическая, социально-экономическая и литературная газета. 1906—1907.
24. Казанский телеграф: газета политическая, общественная, литературная и коммерческая. 1893—1917

25. Казань: ежедневная газета. 1910—1913.
26. Камско-Волжская газета: газета политическая и литературная. 1872—1874.
27. Камско-Волжская речь: газета общественно-литературная и политическая. 1908—1917.
28. Камско-Волжский край: общественная, литературная и политическая газета. 1896—1898.
29. Кояш (Солнце – тат.): общественно-политическая, литературная газета на татарском языке. 1912—1918.
30. Крестьянская газета. 1906. №№ 1–73. С 29 января по 2 ноября.
31. Обновление: газета политическая, общественная и литературная. №№1–104. 1906.
32. Русь православная и самодержавная: газета общественно-политическая и литературная. 1905, 1907—1916.
33. Справочный листок г. Казани: [Газета]. 1867.
34. Сошники: еженедельная газета для крестьян. 1906—1907.
35. Тавыш (Голос – тат.), еженедельная общественно-политическая газета на татарском языке. 1907. №№ 1–6. С 23 апреля по 1 августа.
36. Тан йолдызы (Полярная звезда – тат.): общественно-политическая, литературная газета на татарском языке. 1906. №№ 1–65. С 18 мая по 16 ноября.
37. Тарджеман /Переводчик: еженедельная газета на крымскотатарском и русском языке. Г. Бахчисарай. 1883—1918.
38. Эль-Ислах (Реформа – тат.): общественно-политическая еженедельная газета. 1907—1909.
39. Юлдуз (Звезда – тат.): общественно-политическая, литературная газета на татарском языке. 1906—1918.

б) журналы и сборники:

1. Анг (Сознание – тат.): научно-литературный, общественно-политический иллюстрированный журнал. 1912—1918.
2. Братчина: Сб. студ. воспом. Имп. Казан. ун-та. - СПб., 1859. Ч. 1. 280 с.
3. Волжские дали: литературно-художественный журнал. 1908.
4. Голодным на хлеб: Лит. сб. Казань: типо-лит. Ун-та, 1907. [2], XVI, 298, III с.
5. Дневник Общества врачей при Казанском университете. 1872—1874, 1880—1915.
6. Деятель: Журнал общественно-литературный. 1896—1917.
7. Дин вэ Эдэб (ад-ДИН ВА аль-АДА`Б (Религия и нравственность – тат.)), религиозный и литературный журнал. 1906 по 1917 (в 1908–13 не выходил).
8. Заволжский муравей: [Журнал]. 1833—1834.
9. Записки Императорского Казанского экономического общества; [Журнал], 1854—1860.
10. Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. 1878—1929.
11. Известия по Казанской епархии. 1867—1918.
12. Казанский вестник, издаваемый при Императорском Казанском университете. 1821—1833.
13. Казанский календарь на 1869 год / Сост. И. Гавриловым. Казань : К.А. Тилли, 1868—1869. 23 с.
14. Казанский раешник: Литературно-юмористический альманах с рисунками и карикатурами. 1907— 1908.
15. Казанский литературный сборник 1878. Казань: тип. Гладышевой, 1878. 539 с.
16. Казанское книжное дело : Материалы по мест. книж.-лит. деятельности, изд. П.П. Васильевым. Вып. 1. Казань, 1866. 24 с.

17. Календарь-указатель города Казани на 1882 год / Сост. П. Васильев. Казань: В.А. Назарьев, 1881. III, 2-144 с.
18. Календарь-альманах на 1897 год: С карикатурами: Юморист. рассказы, стихотворения, шутки и афоризмы гр. Бенгальского. Казань: изд. тип. И.Н. Харитоновна. 1896. 106 с.
19. «Литературные блины» на масленицу 1877 года. Казань: Тип. М.А. Гладышевой, 1877. II, 158 с.
20. Литературный сборник в пользу голодающих. Казань: М.И. Липатов, 1912. 210 с.
21. Литературный сборник Волжского вестника Т.1, Вып.1, 1883 год. [Текст]. Казань : Волжский вестник, 1884. 271 с.
22. Литературный сборник "Волжского Вестника". Т. 1. Вып. 2: 1884-1885 гг. [Текст]. Казань : Волжский вестник, 1884. 249 с.
23. Метеор: [Еженедельный иллюстрированный художественно-литературный и сатирико-политический журнал]. 1906—1907.
24. Первый шаг: Провинциальный литературный сборник / [Изд. Н.Я. Агафонов]. Казань, 1876. 594 с.
25. Православный собеседник: [Журнал]. 1855—1918.
26. Развлечение: российский иллюстрированный литературно-художественный юмористический журнал. М. 1875.
27. Сююмбике: женский иллюстрированный журнал на татарском языке. 1912—1918.
11. Сотрудник Братства св. Гурия: [Журнал, касающийся вопросов развития церковной жизни и инородческой миссии]. 1909—1911.
28. Тан межмугасы (Утренний альманах – тат.): №№ 1 (18 дек. 1906), 2 (1 июня 1907).
- Труды Казанского общества любителей отечественной словесности [сб.]. Казань: университетская типография. Ч.1. Кн. 1. 1815. 108 с.

29. Ялт-Йолт (Сверкание – тат.): сатирический, юмористический иллюстрированный журнал на татарском языке. 1910—1918.

30. Яшен (Молния – тат.): сатирический, юмористический журнал на татарском языке. 1908 —1909.

в) неопубликованные материалы

1. Дела цензурного комитета за 1814 г. Отдел редких книг и рукописей Научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского КГУ.

2. Пресса Казанской губерний фонды периодических изданий РГБ, РНБ, НБ КГУ, НБ ГАРФ.

3. Протоколы комитета по изданию газеты «Казанские известия». – Отдел редких книг и рукописей Научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского КГУ.

Национальный архив Республики Татарстан, г. Казань

4. Ф. 420. Казанский временный комитет по делам печати. – Оп. 1. Д. 87.

5. Ф.186. Шафики Гаспринской. – ед.хр. 22, 1906 - 1918 гг.

6. Ф.36. Павла Знаменского. – ед.хр. 165, 1856 - 1917 гг.

7. Ф.970. Каюма Насыри. - ед.хр. 22, 1860 - 1916 гг.

ОРРК НБ Казанского (П)ФУ⁵²⁷.

8. Фонд Н.Я. Агафонова. – 22 ед. хр. 1850-е гг. – 1890-е гг

Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

9. Ф. 13. Агафонов Н.Я. – 447 ед. хр. 1745–1906 гг. Творческие материалы. Д. 1–50.

РГАЛИ — Российский Государственный Архив литературы и искусства

10. Ф. 320 фонд Д.Л. Мордовцева;

11. Ф. 553 - фонд В.Е. Чешихина;

12. Ф. 561, 1026 - переписка А.С. Гациского.

⁵²⁷ Отдел рукописей и редких книг научной библиотеки Казанского университета

Законодательные и нормативные акты:

2. Временные правила о преобразовании губернских учреждений от 8 июня 1865 г. II Полное Собрание Законов Российской Империи. Собрание II. -Отделение первое. - Т. XL. - № 42180. - СПб., 1867. - С. 633-638.

3. Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета о некоторых переменах и дополнениях в действующих ныне цензурных постановлениях от 6 апреля 1865 г. // ПСЗРИ. — Собрание II. Т. XL. - № 41990.-СПб.-С. 397-406.

4. Высочайше утвержденное Положение комитета министров о временных мерах относительно периодической печати от 27 августа 1882 г.И ПСЗРИ. Собрание III. - Т. II. - № 1072. - СПб., 1886. - С. 390391.

5. Высочайше утвержденное Положение об издании Губернских ведомостей от 27 окт. 1830 г.Н ПСЗРИ. СПб., 1838. - Т. V. - № 4036. - § 62. - С. 213-220.

6. Высочайше утвержденное положение о порядке производства дел в Губернских правлениях от 3 июня 1837 г. II ПСЗРИ. — Собрание II. Т. XII. - СПб., 1838.-459-462.

7. Высочайше утвержденный Устав о цензуре от 10 июня 1826 г. II ПСЗРИ. Собрание II. - Т. I. -№ 403. - СПб., 1830. - С. 550-571.

8. Высочайше утвержденный Устав о цензуре от 22 апреля 1828 г. II ПСЗРИ. Собрание II. - Т. III. - № 1979. - СПб., 1830. - С. 459-489.

9. Городовое Положение от 16 июня 1870 г. // ПСЗРИ. Собр. II. - Т. XLV. Отд. 1. - № 48498. - СПб., 1874. - С. 812-839.

10. Городовое Пололсение от 11 июня 1892 г. // ПСЗРИ. Собр. III. - Т. XII. № 8708. - СПб., 1895. - С. 403-456.

11. Грамота на права и выгоды городам Российской империи от 21 апреля 1785 г. И ПСЗРИ. Собр. I. - Т. XXII. - № 16188. - СПб., 1830. - С. 358384.

12. Декрет СНК о печати от 28 октября 1917 г. // Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. — М. : тов-во скоропеч. А.А. Левенсона, 1918. С. VI, статья 7.

13. Декрет СНК о революционном трибунале печати от 28 января 1918 г., ст. 362 // Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. — М. : тов-во скоропеч. А.А. Левенсона, 1918. С. 350-351.
14. Законодательные проекты и предположения партии Народной свободы. 1905-1907 гг. / Под ред. Н.И. Астрова. СПб., 1907. - 386 с.
15. Именной Высочайший Указ, данный Сенату о введении в действие нового Положения о губернских и уездных земских учреждениях 12 июня 1890 г. II ПСЗРИ. Собр. III. - Отд. I. - № 6922, 6927. - СПб., 1893. - С. 465,493-511.
16. Именной Высочайший Указ, данный Сенату о временных правилах о временных изданиях от 24 ноября 1905 г. // ПСЗРИ. Собрание III. - Т. XXV. - Отд. I. - № 26962. - СПб. - С. 837-840.
17. Именной Высочайший Указ, данный Сенату о предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка от 12 декабря 1904 г. II ПСЗРИ. Собрание III. - Т. XXIV. - Отд. I. - № 25495. - СПб. - С. 11961198.
18. Именной Высочайший Указ, данный Сенату об изменении и дополнении временных правил для периодической печати от 18 марта 1906 г. II ПСЗРИ. Собрание III. - Т. XXVI. - Отд. I. - № 27574. - С. 281283.
19. Именной, данный Сенату Указ от 6 апреля 1865 г. II ПСЗРИ. — Собрание II. Т. ХБ. - № 41988. - СПб. - С. 396.
20. Именной Указ, данный Сенату о преобразовании цензурного управления от 10 марта 1862 г. II ПСЗРИ. Собр. II. - Т. XXXVII. -Реестр хронологический - С. 8.
21. Об учреждении губернских правлений от 2 января 1845 г. II ПСЗРИ. — Собрание II. Отделение второе. - Т. XX. - № 18580. - СПб., 1846. - С. 397-406.
22. Общий наказ гражданским губернаторам от 3 июня 1837 г. II ПСЗРИ. Собрание II. - Т. XII. - Отделение первое. - № 10303. - СПб., 1838. - С. 361-439.
23. Постановление о революционном трибунале печати II Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. — М. : тов-во скоропеч. А.А. Левенсона, 1918. С. 11, статья 156.
24. Указ об утверждении должности отдельных цензоров во Владивостоке, Екатеринославе, Нижнем Новгороде, Ростове-на-Дону, Саратове, Томске и Харькове от 8 июня 1903 г. II ПСЗРИ. — Собрание III. -Т. XXIII.-№23110.

25. Устав о цензуре от 9 июля 1804 г. // ПСЗРИ. — Собрание I. — Т. XXVIII. № 21.388. - С. 439-444.1. Архивные материалы.

в) мемуары, письма, воспоминания и другие сочинения публицистов, авторов-современников казанской периодической прессы до 1917 года помимо научных трудов.

1. Агафонов Н. Я. Автобиография // Отдел рукописей и редких книг Научной библиотеки им. Н. И. Лобачевского.. Ед. хр. 2304. Л. 26-27.
2. Агафонов Н. Я. Заметка автобиографического характера // Там же. Ед. хр. 2304. Непронумерованный лист.
3. Агафонов Н.Я. Из Казанской истории. Казань: лито-типогр. И.Н.Харитонова, 1906. 228 с.
4. Агафонов Н.Я. Обзорение корреспонденции из Казани в русских газетах и журналах за 1866 год. Казань: типогр. Каз. ун-та, 1867. 30 с.
5. Аксаков С.Т. Собр. соч.: В 4 т. М.: Гослитиздат. 1955-1956.
6. Алкин С.-Г. Как относятся русские мусульмане к войне с Турцией (письмо в редакцию)// Казанский телеграф, № 6417 от 22.10.2014. С. 2.
7. Артемьев А.И. Дневник. «Летние месяцы, путевые записки во время экспедиции в Ярославскую губернию с целями статистическими и по части собирания сведений о раскольниках» 1852 г.// сайт музея села Великое. Эл. ресурс: <http://velikoemuseum.ru/putevye-zapiski-vo-vremya-ekspeditsii-v-yaroslavskuyu-guberniyu-29-iyunya-1852-g-2/>. Режим доступа: свободный. Дата обращения: 03.04.2023.
8. <Васильев П.П.> -льев Казанская городская публичная библиотека// Книжный Вестник, № 5 от 15.03.1865. С.90.
9. <Васильев П.П.> -льев О литературной деятельности в Казани// Книжный вестник. № 9 от 15.05.1864. С.179.

10. [Гациский А. С.] Нижегородский летописец. Работа А. С. Гациского. Нижний Новгород. Типография губернского правления. 1886г. [4], XII, 137 с.
11. Гейнс А. К. Собрание литературных трудов А. К. Гейнса. Том I. — СПб., 1897. 590 с.
12. Горький А.М. Полное собрание сочинений: художественные произведения: в 25 т. /АН СССР, Институт мировой литературы им. А. М. Горького. М.: Наука, 1968-1976.
13. Горький А.М. Полное собрание сочинений. Письма в 24 томах (1997—). М.: Наука. [последний на данный момент вышедший том: Т.22, 2022].
14. Демерт Н.А. Признаки пробуждения наших сонных провинций// Отечественные записки, 1871, №№ 7,8. — отд.: Современное обозрение.
15. Заволжская вивлиофика Николая Агафонова. I. Казань: типогр. губ. правл-я, 1887. 59 с
16. Загоскин Н.П. Очерки города Казани и казанской жизни в 40-х годах. Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 2003. 163 с.
17. Каронин с. [Петропавловский Н.Е.] Собр. соч.: В 2 т. М.: Гос. изд-во худ. Лит. 1958.
18. Короленко В.Г. Собр. соч.: В 10-ти тт. М., 1953-1956.
19. Корсаков Д.А. Об основании в Казани общества для исследования археологии, истории и этнографии Казанского Края. Несколько соображений по 1-му вопросу программы IV Археологического съезда// Труды четвертого археологического съезда, бывшего в Казани с 31 июля по 18 августа 1877 года. Казань. Т.1. Вопросы общие. С. 3-14.
20. Мамин-Сибиряк Д.Н. Собрание сочинений: В 10 т. / [Под общ. ред. А. И. Груздева] ; [Вступ. статьи Ф. Гладкова и А. Груздева]. М.: Правда, 1958. 10 т.

21. Казанские захоlustья и трущобы : [Рассказы] / Соч. В. Невельского. Казань: И.А. Шидловский, 1867. 173 с.
22. Мантель А.Ф. Письмо из Казани// Аполлон, 1910, № 4. Раздел: Хроника. С.49.
23. Никитенко А.В. Записки и дневник: В 3 т. Т. 3. М., 2005.
24. Перцов П.П. Литературные воспоминания 1890-1902 гг. [Текст] / П. П. Перцов. - Москва: Новое лит. обозрение, 2002. 489 с.
25. Письма Г. Н. Потанина. Т. 1-3. Иркутск: Изд-во Иркут, ун-та, 1989.
26. Пономарёв П.А. Общий план подъема сельского хозяйства Казанской губернии: (По заветам старины и гения Лобачевского). Казань: тип. Д.М. Гран, 1913. 21 с.
27. Потанин Г.Н. Избранные произведения в 3-х тт. Павлодар, 2005.
28. Фукс А. Письма из Москвы в Казань // Заволжский муравей. 1833. № 15, август. С. 813-832.
29. Фукс А. Основание города Казани. Повесть в стихах, взятая из татарских преданий. Казань: тип. Имп. Казанского ун-та, 1836. XXXIX, 136 с.
30. Фукс А. А. Записки Александры Фукс о чувашах и черемисах Казанской губернии. Казань: тип. Имп. Казанского ун-та, 1840. 329 с.
31. Фукс А. Княжна Хабиба, повесть в стихах, взятая из татарских преданий. Казань: тип. Имп. Казанского ун-та, 1841. 64 с.
32. [Фукс А. А.] Поездка к вотякам Казанской губернии (Письма А. А. Фукс к супругу ее, К. Ф. Фукусу) // Прибавления к Казанским губернским ведомостям. 1844. № 14, с. 209-213; № 16, с. 241-244; № 17, с. 257-264; № 19, с. 287-292; № 22, С. 337-338; № 26, с. 389-393; № 29, с. 431-432.
33. Чириков, Е. Собрание сочинений / обл. М. Соломонова. В 17 т. Т. 1-17. М.: Московское книгоиздательство, 1913-1917.

II. Научная литература

1. Абдрашитов Э.Г. Периодическая печать Казанской губернии как источник информации о положении российских военнопленных в годы Первой мировой войны// Научное наследие профессора А.П. Пронштейна и актуальные проблемы развития исторической науки: мат-лы всеросс. конф-и. Р.-на-Дону: Фонд науки и образования, 2014. С. 9 – 12.
2. Абибуллаева С.И. Газета «Терджиман»: факторы уникальности// Вопросы Крымскотатарской филологии, истории и культуры, 2018, № 6. С. 127 – 130.
3. А-въ. <Адрианов А. В.> Славный сибиряк Иван Александрович Худяков. СПб.: типогр. Альтшулера, 1911. С.15 – 16.
4. Агзамов Ф.И. Тукай – журналист. Казань: Татар. кн. изд-во, 1986. 270 с.
5. Айплатов Г.Н. Губернские ведомости как исторический источник (по материалам неофициальной части «Казанских ведомостей»)// Исторические науки: Межвузовская конференция. Краткое содерж. докладов. Л., 1968. С. 43 – 44. — (XXI Герценовские чтения).
6. Александров Г.А. Чувашские интеллигенты. Биографии и судьбы. Чебоксары. 2002. 212 с.
7. Александров Г. А. Василий Гаврилович Архангельский: штрихи к биографии // Гасырлар авазы=Эхо веков, 2001, № 3/4. С. 130 –132.
8. Алексеев И.Е. Участие старообрядцев в деятельности умеренно монархических организаций Казанской губернии в начале XX века // Традиции старообрядческой благотворительности: сб. мат-лов Респ. науч.-практич. конф-и с междунар. участием. Казань - Чистополь, 3 – 4 октября 2018 г. Казань: Бриг, 2019. С. 186 –187.
9. Алексеев И.Е. Флагман правой казанской периодики: газета «Казанский Телеграф» и её редактор Н.А. Ильяшенко. Эл. ресурс. URL.:

- <https://rusk.ru/st.php?idar=113922>. Режим доступа – свободный. 03.10.2021.
10. Алексеев И.Е. «Чьим бы то ни было слугою я никогда не был». Жизнь и судьба профессора В.Ф.Залеского/ 100-летию Союза русского народа посвящается //Русская линия. 25.06.2005. URL.: <https://rusk.ru/st.php?idar=103364> Режим доступа: свободный. Дата обращения – 01.02.2023.
 11. Амирханов Р.И. Татарская дореволюционная пресса в контексте "Восток - Запад" (на примере развития русской культуры. Казань: Тат. кн. изд-во, 2002. 238 с.
 12. Аристов В. В. Описание рукописей научной библиотеки им. Н. И. Лобачевского. Выпуски I – XV.
 13. Аристов В.В. Первое литературное общество Поволжья: (К истории Казан. о-ва любителей отеч. словесности в 1806-1818 гг.). Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1992. 45 с.
 14. Аристов В.В. Подарок декабриста: (По страницам неизвестных рукописей и забытых книг). Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1970. 119 с.
 15. Аристов В. В., Ермолаева Н. В. Все началось с путеводителя: поиски литературные и исторические. Казань: изд-во Казан. ун-та, 1975. 222с.
 16. Арсентьева А.В., Петрянкина А.П. Чебоксарское городское училище в образовательном пространстве Чувашии конца XVIII начала XX веков // Вестн. Чуваш. ун-та. 2005. №1. С. 3–19.
 17. Артемьев А.И. Казанские гимназии в XVIII столетии // Журнал Министерства Народного Просвещения: Май 1874. Часть CLXXIII. 32 – 98 с.; Июль 1874. Часть CLXXIV. 1 – 52 с.; Ноябрь 1874. Часть CLXXVI. 1 – 67 с.
 18. Аскарлов М.А. Газета «Казан мохбире» («Казанский вестник») и её роль в развитии татарской публицистики начала XX века: дис. ... канд. филолог. наук: 10.01.01. Казань, 2004.166 с.

19. Ахмадулин Е.В. Правительственная печать России (конец XIX – февраль 1917 г.). Ростов н/Д, 2000. 80 с.
20. Ахмадулин Е.В. Пресса политических партий России начала XX века: Издания консерваторов. Ростов н/Д, 2001. 132 с.
21. Ахмадулин Е.В. Пресса политических партий России начала XX века: Издания либералов. Ростов н/Д, 2001. 174 с.
22. Ахмадулин Е.В. Проблемы методологии системного исследования истории отечественной журналистики // Известия ЮФУ: филологические науки. 2009. № 1. С. 118 – 129.
23. Ахмадулин Е.В. Системный подход в исследовании региональной печати // Местная и национальная печать. Вопросы истории и методологии. Ростов н/Д., 1983. С. 17 – 18.
24. Ахмадулин Е.В. «Энциклопедия региональной печати» и научный потенциал регионов // Известия ЮФУ: филологические науки. 2012. №2. С. 186 – 190.
25. <Б. подписи> Здесь шумел Сенной Базар // Иски Казан. рф. Эл.ресурс. URL.: <http://www.xn----8sbarmcoc4aba.xn--p1ai/interesnye-fakty/123-zdes-shumel-sennoj-bazar>). Режим доступа – свободный: 22.03.2022.
26. Байбулатова Л.Ф. Некоторые вопросы науки в Казани на страницах газеты «Казанские губернские ведомости» в XIX в. // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья: Сб. статей. Казань: изд-во «Ихлас»; Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2011. С. 9 – 21.
27. Баландина Н.Н. А.И. Герцен и «Владимирские губернские ведомости» // Ученые записки Владимирского педагогического института [б/н]. Ковров, 1958. С. 133 – 166.
28. Берви-Флеровский, В. В. Свобода речи, терпимость и наши законы о печати / В. В. Берви-Флеровский. СПб.: Тип. Н. Неклюдова, 1869. 254 с.
29. Березина В.Г. Газеты 1860-х годов // Очерки по истории русской журналистики и критики. Т. II. Л.: ЛГУ, 1965. С. 30 – 60.

30. Березина В.Г. Русская журналистика первой четверти XIX в. Л.: ЛГУ, 1965. 90 с.
31. Березина В.Г. Русская журналистика второй четверти XIX в. (1840-е годы). Л.: ЛГУ, 1969. 102 с.
32. Берсон М. С. «Волжский вестник» о смерти Тургенева// Учен. зап. Казан. пед. ин-т, 1971. Вып. 72. Вопросы теории и истории литературы. С. 115—124.
33. Берсон М. С. Журнал «Волжский вестник» (1883 год) как исторический источник для изучения культурной жизни Казани// Учен. зап./Казан. пед. ин-т, 1969. Вып. 71. Вопросы историографии и источниковедения, Сб. 4, С. 102—119.
34. Берсон М.С. Роль «периодики в культурной жизни Казани первой половины 1880-х годов (по материалам газеты «Волжский вестник»)// Учен. зап./Казан, пед. ин-т, 1973. Вып. 116. Из истории Татарии. Сб. 5, С. 36—48.
35. Бизяева Т.В. П.С. Кондырев – «официальный поэт университета»// Г.Р. Державин в новом тысячелетии: мат-лы междунар. науч. конф-и (10 – 12 ноября 2003 г.). Казань, КГУ, 2003. С.82–84.
36. Блохин В.Ф. Провинция газетная: Государственное управление периодической печатью и становление газетного дела в российской провинции (1830-е – 1870-е гг.). Брянск, 2009. 384 с.
37. Блюм А. В. Фольклорно-этнографические материалы «Губернских «ведомостей» в оценке царской цензуры (по документам «Комитета 2-го апреля 1848 г.») //Сов. этнография, 1971. №1. С. 111-114.
38. Бобров Е. А. Литература и просвещение в России XIX в. Материалы, исследования и заметки. Т. I-IV. Казань, 1901-1902.
39. Бобров Е.А. Проф. А.А. Фукс и казанские литераторы 30-40-х годов // Русская старина. 1904. Июнь. С. 482 – 509; Июль – Август – сентябрь. С. 5–35.

40. Богданович Ангел Иванович (1860-1907). Годы перелома 1895-1906: Сб. крит. ст. со вступ. ст. Короленко, Куприна и Неведомского. СПб.: Мир божий, 1908. XXXVI, 458 с.
41. Боричевский И.П. Обзорение губернских ведомостей с 1842 по 1847 гг. // Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1848–1851. Ч. 58, 59, 61, 63, 65, 67, 68, 69, 72.
42. Боричевский И.П. Обзорение губернских ведомостей с 1848 по 1850 гг. // Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1852–55. Ч. 75, 76, 80, 83, 85.
43. Боярченков В.В. Историки-федералисты. Концепции местной истории в русской мысли 20 – 70-х годов XIX в. СПб.: Дмитрий Буланин, 2005. 251 с.
44. Брилёва Д.С. И. Гаспринский и газета «Терджиман» в журнале «Шура» (1908–1917) // Исламоведение, 2015, Т.6. № 2. С. 5-16.
45. Булацев Х. С. Избранное. Статьи, рецензии, рассказы, письма. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2018. 293 с.
46. Булацев, Х. С. Из истории провинциальной печати («Камско-Волжская Газета», 1872-1874) // Вестник Ленинградского ун-та. 1972. №2. С. 77 – 86.
47. Булацев Х.С. Пионеры провинциальной печати: (Первые шаги демократической прессы российской провинции второй половины XIX в.) Л., 1981. 141 с.
48. Булич Н.Н. Из первых лет Казанского университета (1805-1819) : рассказы по архивным документам : [в 2 ч.] / Н. Булича. - Казань : Тип. Императорского ун-та, 1887-1891.
49. Бурмистрова Л. П. «Губернские ведомости» как исторический источник эпохи падения крепостного права (на материале Поволжья и Урала) : автореф. дис. ... канд ист. наук. Казань, 1968. 25 с.

50. Бурмистрова Л. П. К изучению корреспондентского состава «Губернских ведомостей» Поволжья и Урала (конец 50-х — нач. 60-х годов XIX в.). // Очерки истории народов Поволжья и Приуралья. Казань, 1969, вып. 2-3. С. 97—111.
51. Бурмистрова Л.П. Провинциальная газета в эпоху русских просветителей (Губернские ведомости Поволжья и Урала 1840 – 1850 гг.). Изд-во Казанского ун-та. 1985. 140 с.
52. Бушканец Е. Г. А. М. Горький и «Волжский вестник»// Горьковские чтения, 1949—1952. М., 1954. С. 406—416.
53. Бушканец Е. Г. В. Г. Короленко в борьбе с реакцией 80-х годов: (Из истории сотрудничества Короленко в «Волжском вестнике»)// Лит. Татарстан, 1953. Кн. 6. С. 210—237.
54. Бушканец Е.Г. В. Г. Короленко — сотрудник казанской прессы// Лит. Татарстан, 1949. Кн. 3, С. 186—192.
55. Бушканец Е. Г. Глеб Успенский и «Волжский вестник». Казань, 1957. 16 с.
56. Бушканец Е.Г. Казань в жизни и творчестве русских писателей XIX века // Казань в истории русской литературы. Казань: Казан. гос. пед. ин-т, 1965. Сб.1. С.3 – 15.
57. Бушканец, Е. Г. Местная печать как историко-литературный источник / Е. Г. Бушканец // Вопросы источниковедения русской литературы второй половины XIX-XX вв. Казань: Изд-во КГУ, 1985. С. 3 – 16.
58. Бушканец Л.Е. К.В. Лаврский как литературный критик провинциальной газеты// Литературная критика в газете. На материалах русской прессы 1870–1880 годов. Peterland Frankfurt am Main. 1996. С. 153–173.
59. Бушуева Л. А. Профессорская корпорация Казани в эпоху перемен: межличностные коммуникации университетских людей (начало XX века) // Диалог со временем. 2011. Вып. 36. С. 248-266.

60. Валеева Ю.Н. Библиотека Казанского губернского статистического комитета: особенности организации фонда// Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. 2014. № 1. С.138-140.
61. Валеева Ю.Н. «Казанские письма» историка Н.А. Попова как источник общественной и культурной жизни Казани дореформенного периода// Вестник архивиста, 2013. № 2. С. 15-29.
62. Варшавская Л. Казанские евреи не знали, что такое черта осёдлости/ Казанские евреи 100 лет назад и сегодня// Казанские истории. Эл. ресурс: URL.: <http://history-kazan.ru/16072-kazanskaya-sinagoga-100-let-i-segodnya>. Режим доступа – свободный. 22.03.2023.
63. Васильева М.А. Песни казанского студенчества (1850-60-х гг.)//Из прошлого Казанского университета// Учёные записки Казанского. Гос. Университета им. В.И. Ульянова-Ленина. Т. LXXXX. Кн.5. Казань, 1930. С.4-5.
64. Ватейшвили Д.Л. Русская общественная мысль и печать на Кавказе в первой трети XIX в. М.: Наука, 1973. 460 с.
65. Вахрушев А.А. Становление и развитие печати Вятской губернии (XIX - начало XX в.): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ростов н/Д, 1994. 18 с.
66. Вацуро В. Э. Некрасов и К. А. Данненберг // Русская литература. 1976. № 1. С. 131-144.
67. Воронова Л.А. Пушкинские юбилеи 1887 и 1899 годов в Казанском университете// Филология и культура, 2012, № 3 (29). С. 119-125.
68. Вульфсон Г.Н., Бурмистрова Л.П. Губернские ведомости как источник для изучения антифеодальных взглядов просветителей эпохи падения крепостного права // Очерки истории народов Поволжья и Приуралья. Вып. 1. Казань, 1967. С. 200–217.

69. Вульфсон Г.Н., Нуреева Ф.Ф. Модест Яковлевич Киттары – редактор «Записок Казанского экономического общества»// Учёные Записки Казанского Государственного университета. Т.134. Проблемы отечественной и зарубежной истории и историографии. Казань: Унипресс, 1998. С. 138-147.
70. Габдельганеева Г.Г. История казанской книжной торговли (вторая половина XVIII в. – 1917 г.). М.: Берлин, Директ-медиа, 2016.188 с.
71. Габдельганеева Г.Г. Казанская литературно-художественная печать в XIX веке// Русская литература в изданиях и переводах: материалы докладов Межрегиональной заочной научно-практической конференции. Казань, КГИК, 2015. С. 130–131.
72. Габдельганеева Г.Г. Казанская литературно-художественная печать первого десятилетия XX века// Русская литература в изданиях и переводах: материалы докладов Межрегиональной заочной научно-практической конференции. Казань, КГИК, 2015. С. 127–129.
73. Габдельганеева Г.Г. Казанское книжное дело в контексте историко-культурного развития края: 2-я половина XVIII в. - 1917 г.: дис. ... докт. филол. наук. Казань, 2006. 740 с.
74. Габдрафикова Л.Р., Абдуллин Х.М. Татары в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.). Казань: Инст. ист. им. Ш. Марджани АН РТ, 2015. 396 с.
75. Гаврилова Н. В. Использование казанскими большевиками местной легальной прессы в борьбе за массы (1906—1907 гг.); Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 1972. 18 с.
76. Галанин С.Ф. Газетная реклама как исторический источник: по материалам казанских газет второй половины XIX века: диссертация ... кандидата исторических наук: 07.00.09. Казань, 1999. 322 с.

77. Галанин С.Ф. Рекламное дело в Казанской губернии в пореформенный период: пути формирования и особенности функционирования // Методология и методы изучения региональной истории: Центральное Поволжье в глокализационном измерении: Материалы научного семинара. Казань: Казанский государственный технический университет им. А.Н. Туполева, 2016. С. 68 – 76.
78. Галанин С.Ф. Роль казанской биржевой газеты в развитии городской периодической печати во второй половине XIX века / С.Ф. Галанин // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств («Вестник КазГУКИ»). 2019. № 1. С. 13-21.
79. Гали Б. Т. Татарская общественно-политическая мысль в литературе и публицистике: конца XIX - начала XX вв. Автореф. дис. ... д.и.н. Казань, 2009. 45 с.
80. Галиева Р.М. Сатирик журналистика тарихы (XX гасыр башы) = История сатирической журналистики (начало XX века) (на татарском языке): уку ярдәмлеге. Казань : Издательство Казанского университета, 2014. 172 с.
81. Галиуллина Д.М. Влияние идей И. Гаспринского на развитие просветительства среди казанских татар в конце XIX – начале XX века// Образование и просвещение в губернской Казани: сб. статей. Вып.2. Казань: Ин-т истории АН РТ, 2009. С. 59 –75.
82. Галиуллина, Р. Х., Ильина, К. А. «Ученые записки» ученого сословия (первая половина XIX века) : препринт WP6/2012/02 [Текст] / Р. Х. Галиуллина, К. А. Ильина ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. 44 с.
83. Гарзавина А.В. «В Казань, профессору К.Ф. Фуксу...». Казань: Татарское книжное изд-во. 1987. 240 с.

84. Гарифуллин В. З. Изучение принципа гуманизма в журналистике: исторический опыт (на примере трудов Ф. Агзамова)// Журналистика цифровой эпохи: как меняется профессия : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Екатеринбург, 14–15 апреля 2016 года. Екатеринбург, 2016. С. 147 – 150.
85. Гарифуллин В.З., Мубаракзянова А.З. Этапы публицистической деятельности Гаяза Исхаки// Учёные записки казанского университета. Гуманитарные науки, 2014. Т. 155, Кн. 6. С. 134–135.
86. Гаспринский И. Полное собрание сочинений. Т. I–III. Казань – Симферополь: Ин-т ист. им. Ш. Марджани АН РТ, 2019.
87. Георгиев П.В. «Учёные записки Казанского университета» в поле научных коммуникаций России (1834-1917)//Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. 2014. Т.156. Вып.3. С.7 – 17.
88. Гилязов З.З., Айнутдинов Р.А. Татарская периодическая печать времен Первой мировой войны// Вестник Вятского государственного гуманитарного университета, 2017, № 10. С.33 – 39.
89. Гильмутдинов Д.Р. «Дух ислама», «исламскость», как ultimaratio конфессионального публичного пространства татар на рубеже XIX–XX веков // Исламоведение. 2017. Т. 8. № 4. С. 43 – 52.
90. Гильмутдинов Д. Р. Исламизация политического дискурса досоветской татароязычной Казанской прессы как форма секуляризации [Электронный ресурс]// Современный мусульманский мир: электрон. журнал. – 2017. – № 1. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).
91. Гильмутдинов Д.Р. Память и повседневность. Формы актуализации/деактуализации общинных и корпоративных идентичностей мусульман Казанской губернии в 1885-1914 гг.// Minbar. Islamic Studies, Том 13. № 1 /2020. С. 75-100.

92. Гильмутдинов Д.Р. После Марджани (Маркеры религиозного сознания татар-мусульман в эпоху джадидизма) // Исламоведение. 2019. Т. 10, № 2. С.47-58.
93. Глинский Б.Б. Русская периодическая печать в провинции // Исторический вестник. 1898. № 1. С. 292-333.
94. Громова Л.П. Публицистика в современных исследованиях//Медиа в современном мире. 60-е Петербургские чтения. сборник материалов Международного научного форума. В 2 т. Том. 2. СПб.: СПбГУ,2021. С. 16 – 17.
95. Гуторова Н.А.: Печать Рязанской губернии (1838-1917 гг.): Становление и типология: дис. ...канд. филолог. наук. СПб., 2009. Эл. ресурс. URL.: <https://62info.ru/history/node/7289#2>). Режим доступа: свободный. Дата обращения – 06.05.2023.
96. Девярых Л.И. Бард местного парнаса// Казанские ведомости. 2004. № от 19 окт. Эл. версия: <https://kazved.ru/news/bard-mestnago-parnasa>. Режим доступа: свободный. Дата обращения – 06.05.2023.
97. Девярых Л.И. «Всех лицемеров – к ногтю»// Казанские ведомости. 2004. № от 21 июня. Эл. версия: <https://kazved.ru/news/vseh-litsemerov-k-nogtyu-4717262>. Режим доступа: свободный. Дата обращения – 06.05.2023.
98. Де-Пуле М.Ф. Николай Иванович Второв// Русский архив. 1877. №№ 6-8.
99. Дмитриев И.И. Взгляд на мою жизнь. — Сочинения под ред. А. Флоридова, Т. 1-2. СПб., 1893.
100. Дмитриев-Мамонов А. И. Начало печати в Сибири. 500 лет. СПб.: т-во «Худож. печати», 1900. 72 с.
101. Добролюбов Н. А. Новые книги: Пермский сборник. Повременное издание. Книжка I// Современник, 1859. Т. 77. Окт.: Русская литература. С. 366.

102. Долгов Е.Б. "По усмотрению в нем расторопности и отличных познаний" (Казанский гражданский губернатор Иван Григорьевич Жеванов)// Гасыр авазы – Эхо веков. 2007. №2. С.224-230.
103. Дулов А. В. Общественно-политическая деятельность и эволюция взглядов петрашевцев в Сибири: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 1965. 23 с.
104. Дубовицкий П. А. Лекции об альбинизме// Учёные записки Императорского Казанского университета, 1838. Кн. II. С. 175-176.
105. Дульский П.М. Книга и ее художественная внешность (в связи с казанским книгопечатанием)//Казан, библиофил, 1921, № 1, С. 28—44.
106. Ермолинский Л.Л. Сибирские газеты 70-80-х гг. XIX в. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1985. С. 134.
107. Ершова А. А. А.П. Чехов в оценке казанской критики и литературоведения конца XIX - начала XX веков: дис. ... кандидата филологических наук. Казань, 2016. 394 с.
108. Есин Б. И. Запрещение розничной продажи газет как средство ограничения свободы печати (на материалах русской газеты второй половины XIX века) // Вестник Моск. ун-та. Сер. 11. 1967. № 6. С. 70 – 71.
109. Есин Б. И. Материалы к истории газетного дела в России // Вестник Моск. ун-та. Сер. 11. 1967. № 4. С. 84 – 86; 1969. № 3. С. 79 – 82.
110. Есин Б. И. Реплика к последним трудам по истории русской региональной печати России // Век информации. 2017. № 3. С.126.
111. Есин Б. И. Русская дореволюционная газета. 1702 – 1917 гг. Краткий очерк. М., 1971. 88 с.
112. Есин Б. И. Русская газета второй половины XIX века. Автореф. докт. дисс. М., 1973. 29 с.
113. Есин Б. И. Путешествие в прошлое (газетный мир XIX века). М., 1983. 160 с.

114. Есин Б. И. Русская газета и газетное дело в России. Задачи и теоретико-методологические принципы изучения. М., 1988. 132 с.
115. Есин Б. И. Государственные меры поощрения прессы в России конца XIX – начала XX в. // Вестник Моск. ун-та. Сер. 10. 1995. № 4. С. 23 – 27.
116. Жаржевский Л.М. Казанский антисемитизм: газеты черносотенцев, местный маркиз де Сад и академические юдофобы// Реальное время. URL.: <https://realnoevremya.ru/articles/62332-istoriya-antisemitizma-v-kazani>». Режим доступа – свободный. Дата обращения – 31.01.2023.
117. Жизнь и труды М.П. Погодина. Издание Николая Барсукова. СПб.: Тип-я М.М. Стасюлевича, 1885. Кн.9.
118. Жилиякова, Н.В. Журналистика города Томска (XIX – начала XX века): становление и развитие / Н.В. Жилиякова. – Томск : Изд. Том. ун-та, 2011. 446 с.
119. Журавский А.В. К истории «Православного собеседника»// КазПДС. Эл. ресурс: URL: <https://kazpds.ru/к-истории-православного-собеседника>. Режим доступа: свободный. – 27.02.2022.
120. Загоскин Н.П. История Императорского казанского университета за первые сто лет его существования, 1804–1904. Казань: Типо-литогр. Имп. казанскаго ун-та, 1902—1904.
121. Зайни Р.М. Татарские печатные календари: становление и развитие : Вторая половина XIX - начало XX вв. : автореферат дис. ... кандидата филологических наук : 10.01.10 / Казан. гос. ун-т. Казань, 2004. 21 с.
122. Захарова И.Е. Рукопись И.А. Артемьева «Отцы и дети»// История и историческая память. Саратов: СНИГУ им. Н.Г. Чернышевского, 2016. Т.13-14, С. 324-337.

123. Залеский В.Ф. Рецензия на «Историю Казанского университета» проф. Н.П.Загоскина. СПб.1905. Отт. из. Ж.М.Н.П.: Ч.362. 1905. № 12. С. 416 – 432.
124. Иванов А.Н. Константин Дмитриевич Ушинский в Ярославле. Ярославль, 1963. 492 с.
125. Из истории местной периодической печати. Вып.1: [сб. статей] / ред. Бушканец Е. Г. Казань: Изд-во Казанского университета, 1960. 99 с.
126. Ильенко Е.М. «Северное созвездие»// Описание рукописей библиотеки им. Н.И. Лобачевского. Вып. XI. Неизвестные страницы литературной жизни казанского студенчества 30-40-х гг. XIX в. Казань: Изд-во КГУ, 1962. С.5-20.
127. История Симбирской-Ульяновской журналистики в фактах, документах, воспоминаниях (1838-2017) / сост. В. А. Лучников. Ульяновск: Печатный двор, 2017. 361 с.
128. Исхаков С.М. Первая мировая война глазами Российских мусульман. М.: Социал.-полит. мысль, 2004. 598 с.
129. К.П. Победоносцев и его корреспонденты. Письма и записки. М.-Пг.: Гос. изд-во, 1923. 439 с.
130. Казанский университет: хронология становления химической лаборатории и Казанской химической школы. 1806–1872. – Казань: Казан. ун-т, 2011. Ч.1. 848 с.
131. Карасёв П. С. В. Г. Короленко – газетчик (1885-1896) // Очерки по истории русской журналистики и критики. Т. II. Л.: ЛГУ, 1965. С. 462-470.
132. Каримуллин А.Г. О проекте татарской газеты "Файда" Владимира Курочкина// Учёные записки Казанского Гос. Пед. Инст-та, 1972, вып. 101. С. 84-89.

133. Карцев В.Г. М.В. Буташевич-Петрашевский в период революционной ситуации конца 1850 - начала 1860-х гг. // Ученые записки Калининского государственного пед. института. Калинин, 1963. Т. 35. С. 137 – 169.
134. Клочков А.И. Казань: логовища мокрых улиц: иллюстрированное повествование, в основе которого лежит полная драматических событий многовековая история забулачного района Казани и привокзальных трущоб. Казань: Печать-Сервис XXI век, 2019. 343 с.
135. Колмаков Б.И. Литературная критика газеты "Волжский вестник": дис. ... к. филолог. н.: 10.01.01 / Гос. ун-т им. В. И. Ульянова-Ленина. Казань, 1996. 229 с.
136. Кожевина М.А. Николай Павлович Загоскин и «Наука истории русского права...» // Научный вестник Омской академии МВД России. 2012. № 1(44). С.53 – 59.
137. Ковалёва М.М. Периодизация как основа изучения истории отечественной журналистики // Журналистика в 2003 году: обретения и потери, стратегии развития. Материалы науч.-практ. конф. М.: Моск. гос. ун-т, 2004. С. 86-88.
138. Колесникова Е. А. К вопросу об истории ранних произведений М. Горького, опубликованных в «Волжском вестнике» в 1893 г.// Учен. зап. Казан. ун-т, 1951. Т. 111. Кн.3. С. 77—96.
139. Котельникова Л. М. В. Г. Короленко — корреспондент газеты «Волжский вестник»// Методические указания к спецсеминару «Литературное краеведение (русские писатели в Казани)» для студентов-филологов. Казань: Казан. пед. инст., 1978. С. 21-22.
140. Конец крепостничества в России (документы, письма, мемуары, статьи). М.: Изд-во МГУ, 1994. 527 с.
141. Краевский А.А. Обзорение русских газет и журналов А. Краевского // ЖМНП. 1834. Т. 1. Отд. VI. С.458.

142. Красовский Ю. А. Казанский корреспондент Ф. М. Достоевского (Неопубликованное письмо к Н. Ф. Юшкову) // Встречи с прошлым. Вып. 1. М.: Сов. Россия, 1971. С. 47-50.
143. Кройчик Л.Е. «Губернские ведомости» как официальная газета русской провинции: формирование концепции // Проблемы массовой коммуникации. Мат. Всерос. научн. конф. Ч.2. Воронеж, 2012. С.99.
144. Крылов В.Н. Русская символистская критика конца XIX- начала XX века: генезис, традиции, жанры. Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 2005. 267 с.
145. Кубалов Б.Г. А.И. Герцен и общественность Сибири. Иркутск, 1958. 162 с.
146. Кузбеков Ф.Т. Башкирская журналистика как явление этнической культуры. Уфа: Китап, 2006. 384 с.
147. Куранов К.Н. Казанская пресса. Начало. Казань: Идель-пресс, 2011. 110 с.
148. Курбакова Е.В. Губернская власть и пресса российской провинции в 1811-1917 гг.: на материалах Казанской и Нижегородской губерний: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.02. Нижний Новгород, 2009. 590 с.
149. Курбакова Е.В. История казанской и нижегородской прессы 1811-1917 гг.: власть и общественные настроения российской провинции: Монография. Нижний Новгород: Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, 2008. 375 с.
150. Курбакова, Е В Газетное дело в провинции: путь Е Н. Чирикова-журналиста / Е В . Курбакова // Возвращение к читателю. К 120-летию литературной деятельности Е.Н. Чирикова: материалы междунар. культуролог. чтений / Дом-музей М Цветаевой / . М., 2008 - С 145-159.
151. Лавров А.В. Архив П.П. Перцова// Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского дома на 1973 г. Л., 1976. С. 25-50.

152. Леонтьев А.П. «Хыпар»: минувшее и настоящее. Факты. События. Личности. Судьбы. Чебоксары: Изд. дом. «Хыпар», 2011. 640 с.
153. Лепилкина О. И. Структурно-типологическая трансформация системы русской провинциальной прессы в XVIII — начале XX вв.: дис. ... докт. филол.наук. Ростов н/Д.2011. 429 с.
154. Лепилкина О.И. Условия и факторы зарождения провинциальной журналистики в России // Вестник Исык-Кульского университета. Каракол (Киргизия), 2010. №26. III ч. С. 181-186.
155. Лепилкина О.И. Этап дискретности в формировании провинциальной прессы в Российской империи (1786-1837 гг.) // RELGA: научно-культурологический электронный журнал, № 6 [224] от 01.04.2011. Эл. ресурс: URL: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=2889&level1=main&level2=articles>. – Режим доступа: свободный. – 01.11.2021.
156. <Лесков Н.С.> С.-Петербург. 7 января// Северная пчела, 1869, № 2.
157. Летенков Э.В. «Литературная промышленность» России конца XIX начала XX века. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1988. 176 с.
158. Летенков Э.В. Губернские, областные, войсковые, епархиальные ведомости. 1838-1917. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2005. 148 с.
159. Лившиц С.И. Казанская социал-демократическая организация в 1905 г. Пролетарская революция, 1923, № 14, С.216-297; № 15, С.92-177.
160. Литературно-критические публикации казанской газеты "Волжский вестник" (1884-1906): библиогр. указ. /сост. Б.И.Колмаков. Казань: КГУ, 2000. 23с.
161. Литературный процесс в региональной периодической печати 1830–1930-х гг.: от «Заволжского муравья» к «Уральскому рабочему»: коллективная монография. Институт истории и археологии УрО

- РАН/ред.: Е.К. Созина, Т.А. Снигирева. Екатеринбург: Кабинетный учёный, 2016. 422 с.
162. Лихачев Н.П. Казанский Вестник// Книговедение. 1894. № 2. С.17-18.
163. Лихтин А. Н. История газет российской провинции в процессе взаимоотношений с органами государственной власти (на материалах Оренбургского края XIX - XXI вв.): дис. ... канд. ист наук. Оренбург, 2005. 295 с.
164. Любимов Н.М. Александр Васильевич Петров как председатель Казанского общества врачей. Казань: типогр. Казан. Ун-та, 1885. 40 с.
165. Любимов Л.С. История сибирской печати. Иркутск, 1982. Изд-во Иркутск. ун-та. 78 с.
166. Малинов А.В. Областничество в истории русской мысли// Журнал социологии и социальной антропологии. 2013. Т. 16. № 1. С. 41-52.
167. Манассеин В.С. Сибирь в казанской периодической печати первой половины XIX столетия: серия: труды библиотеки Иркутского университета. № 1. Иркутск, 1927. 39 с.
168. Мандрика, Ю.Л. Неофициальная часть губернских ведомостей как тип провинциального издания (На материале «Тобольских губернских ведомостей»): дис. ... канд. филолог. наук. Воронеж, 2004. 453 с.
169. Маранджян К.Г. Дмитрий Матвеевич Позднеев (1865–1937): к портрету «культурного бродяги»// Письменные памятники Востока, 2012. № 2(17). С. 281-303.
170. Масальцева Т.Н. История Отечественной журналистики: периодическая печать Пермской губернии XIX – начала XX века. Пермь, 2017. 171 с.
171. Материалы и документы по истории общественно-политического движения среди татар (1905-1917 гг.) / Казан. гос. пед. ин-т; [Сост., авт. вступ. статей и примеч. Р. Р. Фахрутдинов]. Казань: КГПИ, 1992. 126 с.

172. Матханова Н. П. Авторы и читатели сибирских губернских ведомостей в первые годы их издания // Книжное дело в Сибири (конец XVIII – начало XX в.). Новосибирск, 1991. С. 49-58.
173. Махарадзе Н.А. Первая русская газета на Кавказе (1828-1832). Тбилиси: Сабчота Сакартвело, 1976. 165 с.
174. Мельников Н. А. 19 лет на земской службе: (Автобиографический очерк и воспоминания) // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2008. 342 с.
175. Милица <Лидин В.Г.>. О мусульманском движении // Вестник Европы. 1912. № 8. С. 368 – 369.
176. Миначетдинова Г.С. Н. Я. Агафонов «Идеальный летописец казанской жизни» // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 34 (249). История. Вып. 48. С. 152 – 157.
177. Миронова Е.В. Багаутдинова Х.З. Антиправительственные выступления // История селений Ашитского джиена Заказанья: коллективная монография /под ред. А.И. Ногманова. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2017. С. 179 – 193.
178. Михайлова Е.М. Правомонархическое движение начала XX века в Поволжье: идеологическое оформление и общественно-политическая практика. Автореф. дис... д.и.н. Казань. 2007. 46 с.
179. Морозова Е.В. Организация земского здравоохранения в Казанской губернии во второй половине XIX – начале XX века: дис. ... к. мед.н. Казань, 2014. 194 с.
180. Мордовцев Д. Л. Печать в провинции // Дело. 1875. № 9-10
181. Морозова К.И. Источники изучения самарской прессы конца XIX – начала XX в.: к постановке проблемы//Поволжский педагогический вестник, 2018. Т.6. №1. С. 107 – 111.

182. Мохначева М.П. Журналистика и историческая наука: в 2 кн. М., 1999.
183. Муллина Л.Б. «Волжский Листок» в 1905 г. // Из истории местной периодической печати. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1960. С. 25-63.
184. Нагуевский Д.И. Казанская гимназия накануне основания Казанского университета (1804 – 1805). Казань: типо-лит. Каз. ун-та, 1900. 75 с.
185. Наследие Ариадны Владимировны Тырковой: Дневники. Письма/ Сост. Н. И. Канищева. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. 1110 с.
186. Наследие братьев Крестовниковых: полуторавековые традиции качества// Казанские истории. 26.02.2017 [Эл. ресурс]. URL.: <https://history-kazan.ru/kazan-vchera-segodnya-zavtra/istoriya-v-litsakh/zhzl-kazanskaya-seriya/16867-nasledie-bratev-krestovnikovyx-polutoravekovye-traditsii-kachestva>. Режим доступа – свободный. 02.04.2022.
187. Насыров Т.М. Октябрь и гонения на казанскую русскую меньшевистскую прессу// Гасыр авазы – Эхо веков. 2014. № 3–4. С. 75–84.
188. Нафигов Р. И. Из истории борьбы против либерального народничества (по страницам казанской прессы 80-х годов) // Из истории казанского революционного подполья 80-х годов XIX в. Казань. 1970. С. 3-25.
189. Нафигов Р. И. О чем спорили на страницах казанской периодики в 80-е годы XIX в.// Некоторые вопросы отечественной истории в трудах В. И. Ленина. Казань, 1971. С. 95— 114.
190. Неджиб <Тахтамышев Н.С. он же Неджип Думави> Пробуждение русских татар и их литература// Современник. 1911. № 4. С.173-177.
191. Немашкалов П.Г. Издательское дело российской провинции в XIX - начале XX в. (на материалах Ставропольской губернии): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ставрополь, 2006. 25 с.

192. Нигматуллин А., Мухаметрахимов А. «Начинали соревноваться, писать доносы, клеветать»: об одной татарской национальной черте/историк Лилия Габдрафикова о татарах, которые сохранили ислам, «блогере» Габдулле Тукае и мировоззрении национальной буржуазии начала XX века// Бизнес-онлайн, интернет-газета. От 20.09.2020. Эл. ресурс. URL.: https://www.business-gazeta.ru/article/480287?utm_source=discussable-box. Режим доступа – свободный. 02.04.2022.
193. Нижегородский сборник памяти Вл. Гал. Корленко). Н.Новгород: Изд-е нижегородского губсоюза, 1923. 242 с.
194. Нуруллин И. З. Тукай. М.: Молодая гвардия, Серия ЖЗЛ, 1977. 238 с.
195. Очерки истории народов Поволжья и Приуралья/ отв. ред. А.Л. Литвин. Казань: изд. Казан. ун-та, 1969, вып. 2-3. 293 с.
196. Павлов В. А. Очерки истории журналистики Урала: в 2 т. Свердловск; Екатеринбург, 1992; 1995.
197. Павлов Н. П. Иван Волков: документальный очерк. Ижевск: Удмуртия, 1991. 240 с.
198. Петровский М. П. Михаил Иванович Веревкин. Очерк из истории русского образования в половине XVIII века// Русская беседа. 1860. Кн.1. отд.V. С. 1 – 24.
199. Петровский Н.М. Первая частная газета в Казани//ИОАИЭ. 1919. Т.30. Вып.1. С.1 – 20.
200. Петровский Н. М. По поводу столетия казанской периодической печати. Казань: типо-лит. Имп. ун-та, 1911.14 с.
201. Печать 1905 года и забастовка. М.: ЦК связи, 1925. 91 с.
202. Пивоварова Л. М. Камско-Волжская газета// История казанской прессы: сб. статей. Казань: Изд-во КГУ, 1977. С. 3-13.

203. Полянская, Л. И. Архивный фонд Главного управления по делам печати. Обзор // Лит. Наследство. М.: АН СССР, 1935. Т. 22-24. С. 603-634.
204. Пономарёв П.А. Казанский поэт Каменев// Волжский вестник, 1889, № 76 от 25 марта, С.1.
205. Пономарев П. А. Казанская периодическая пресса. «Заволжский муравей» // Казанский литературный сборник. — Казань: Типография М. А. Гладышевой, 1878. С. 177–222.
206. Попов Н. А. Общество любителей отечественной словесности и периодическая литература в Казани с 1805 по 1834 г. // Русский вестник. 1859. Т. 23. Сентябрь. С. 52-98.
207. Потапов, П. Ф. Печать республик Поволжья и этнокультурные процессы в переходном обществе (80-90-е гг. XX в.) : дисс. . . д-ра филол. наук. Казань, 2004. 304 с.
208. Приветственная статья союза журналистов РТ: URL.: <http://sj-rt.ru/o-soyuze/istoriya-soyuza-zhurnalistov-respubliki-tatarstan/>. Режим доступа – свободный. Дата обращения – 01.02.2023.
209. Приклонский С.А. (подпись: С. Пр.) Внутреннее обозрение. Положение печати//Русская мысль, 1881, № 8. С. 62
210. Прозоров Л. <Гуревич Л.Я.> Из провинциальной печати// Северный вестник. 1893. № 2. Областной отд. С.33.
211. Прусс Н.М. Журнал «Городской и сельский учитель» как источник распространения прогрессивных педагогических знаний в Казанском крае в конце XIX в.// Сборник аспирантских работ: Гуманит. науки. История. Педагогика/Казан, ун-т. Казань, 1977. С 205—214.
212. Разгон А. М. Губернские ведомости // Советская историческая энциклопедия. М., 1963. Т. 4. Стб. 899 – 871.
213. Рзаев А. К. Мухаммед Али Мирза Казем-Бек. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1989. 197 с.

214. Родигина Н.Н. «Журналы были нашими лабораториями...»: конструирование исторического сознания провинциальных интеллектуалов второй половины XIX века//Историческая культура императорской России: формирование представлений о прошлом: коллект. моногр. в честь проф. И. М. Савельевой. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. С. 280 – 307.
215. Роднов М.И. Свет из Петербурга. Уфа: [б.и.], 2010. 157 с.
216. Роднов М.И. Судьба редактора. Уфа: [б.и.], 2009. 91 с.
217. Роднов М.И. У истоков уфимской прессы, вкупе с прогулками по старинной Уфе и просторам Башкирии. Уфа: [б.и.], 2009. 171 с.
218. Руденко К.А. Казанские масоны: татарские корни «каменщика», ложа «Восходящее солнце» и расписка Лобачевского// Реальное время. Опубликовано: 6.04.2017. Эл. ресурс: <https://realnoevremya.ru/articles/61453-tayny-i-idei-kazanskogo-masonstva-rubezha-xviii-xix-vekov>. Режим доступа: свободный. – 07.01.2022.
219. Румянцев, Е. Д. Рабочий класс Поволжья в годы Первой мировой войны и Февральской революции (1914-1917 гг.). Казань: Изд-во КГУ, 1989. 221 с.
220. Русская потаённая литература XIX столетия. Отд I. Стихотворения. Ч. 1. С предисловием Н. Огарёва. Лондон: Trübner & Co; Paternoster Row, E.C., 1861. LXLVI, 427, XII с.
221. Русский странник [Кочетов Е.Л.] Тысячу вёрст по поволжским общественным работам: от Свияжска до Казани// Новое время, № 5790 от 13 (25) апреля 1892. С.1.
222. Рыбушкин М.С. Замечания на пути к Свияжску// Казанские губернские ведомости, 1846, № 27-29.

223. Рысаева Г.Р. М. Я. Киттары. У истоков инженерно-технологического образования на Востоке Российской империи//Ученые записки Казанской государственной академии ветеринарной медицины им. Н.Э. Баумана. Казань, 2016. Т. 226. № 2. С. 129-132.
224. Рысаева Г.Р. Просветительство и пропаганда передового сельскохозяйственного опыта учёными Казани в XIX веке //Ученые записки Казанской государственной академии ветеринарной медицины им. Н.Э. Баумана, 2012.Т.4. С.478-481.
225. С. Пр. <Приклонский С.А.> Внутреннее обозрение. Положение печати//Русская мысль, 1881, № 8. С. 62.
226. Сабиров И.Т. Эволюция либерализма в татарском обществе на рубеже XIX – XX веков. Автореф. дис... к.ист.н. Казань, 2000. 20 с.
227. Салихов Р.Р. Татарские предприниматели и деятельность казанского бюро партии «Иттифак аль-муслимин»)// Форумы российских мусульман на пороге нового тысячелетия, Нижний Новгород, 2006. Эл. ресурс:
http://www.idmedina.ru/books/materials/rmforum/1/plenary_salihov.htm.
Дата обращения – 03.08.2022. Режим доступа – свободный.
228. Салихов Р.Р. Участь первопроходца// Время и деньги: сайт Юрия Алаева. Публикация от 13.10.2003. Эл. ресурс: URL.: <https://www.evid.ru/index-m-192-p-63-article-4551.htm>. Дата обращения – 03.08.2022. Режим доступа – свободный.
229. Салова, С. В. Буржуазия Среднего Поволжья в 1914-1917 гг. : автореф. дис...канд. ист. наук. Самара, 1996. 23 с.
230. Сафиуллина Р.Р. История татароязычной мусульманской журналистики: учебное пособие. Казань: Издательство Казанского университета, 2019. 299 с.
231. Сборник избранных статей, стихотворений и фельетонов Николая Михайловича Ядринцева из газет "Камско-Волжское слово", "Сибирь" и

- "Восточное обозрение" за 1873-1884 г. / Изд. журн. "Сибирские записки" в память 25 л. со дня кончины Н. М. Ядринцева 7 июня 1894 г. Красноярск: [б. и.], 1919. 223 с.
232. Семевский М.И. От Твери до Астрахани. Волжские заметки// Отечественные записки, 1862, № 12, С. 503-504.
233. Серебренников Н.В. Опыт формирования областнической литературы. Дис... д.филолог.н. Великий Новгород, 2005. 361 с.
234. Сесюнина М. Г. Потанин Г. Н. и Ядринцев Н.М. – идеологи сибирского областничества второй половины XIX века (к вопросу о классовой сущности областничества второй половины XIX века). Томск, 1974. 137 с.
235. Сибгатов Б.И. Деревня Казанской губернии в годы Первой мировой войны: социально-экономический аспект (1914 – 1917 гг.)// Автореф. дис... к.и.н. Казань. 2015. 26 с.
236. Сибгатуллина А. Т. Поиск идентичности в татарской и турецкой литературах в контексте «Восток-Запад» на рубеже XIX-XX вв.// *Studia Litterarum*. 2017. Т. 2, № 2. С. 244-263.
237. Сидорова М.М. «Вы невольно втягиваете меня в беседу о старине Казанской»/переписка Н.Н. Булича и М.Ф. Де-Пуле // Наше наследие = *Our heritage*. М., 2011. № 97. С. 74–94.
238. Смирнов С.В. М. Горький – газетчик// Очерки по истории русской журналистики и критики. Т. II. Л.: ЛГУ, 1965. С. 470-486.
239. Созина Е.К. "Меж чуваш, татар, мордвы...": Восточная Россия в казанском журнале «Заволжский муравей» // Имагология и компаративистика. 2017. № 7. С. 108-125.
240. Смерть провинции, или нет? (Открытые письма Д.Л. Мордовцеву). Письмо I. А.С. Гациского. Нижний Новгород, 1876. С. 3-6.
241. Смищенко Р.С. Демократический регионализм А.П. Щапова// Изв-я Алтайск. гос. ун-та, 1999. № 4. С.30-35.

242. Снегина Т.Б. Историк русского театра Б.В. Варнеке: страницы биографии // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2008. Т. 150, кн. 6. С. 27-32.
243. Станько А.И. Региональная газета как тип издания (истоки изучения) // Типология местной прессы. Советский Союз Польша. -Ростов н/Д, 1991. С. 6-14.
244. Станько А.И. Русские газеты первой половины XIX в. Ростов н/Дону, 1969. 204 с.
245. Станько А. И. Становление теоретических знаний о периодической печати в России (XVIII в. — 60-е гг. XIX в.). Ростов-н/Д: Изд-во Ростов. ун-та, 1986. 206 с.
246. Стариков С.В. Политическая борьба в Поволжье: левые социалисты в 1917–1918 гг. Йошкар-Ола: МарГУ, 1996. 267 с.
247. Старых А.В. Становление фельетона в русской провинциальной частной газете: газета «Оренбургский Листок» 1876-1879 гг.: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2010. 17 с.
248. Стровский Д.Л. Отечественные политические традиции в журналистике советского периода. Екатеринбург: Издательство Урал. ун-та, 2001. 245 с.
249. Сурнина И.А. Газета " Промышленный листок" М. Я. Киттары (1858-1859) М.: Флинта, 2018. 130 с.
250. Сыченкова Л. А. Основатели Музея изящных искусств Казанского университета Дмитрий Айналов и Алексей Миронов // Вопросы музеологии / СПбГУ. СПб., 2012. № 1 (5). С.98 – 112.
251. Тихонова М. С. Дом Фуксов - центр казанской интеллигенции: от литературных вечеров к губернскому салону // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. 2015. № 1. С. 133 – 138.

252. Толки о нашей провинциальной печати // Самарский справочный листок. 1876. № 140.
253. Толстой Ив. Казанский пленник// Русская жизнь, 2017. № 4. Эл. ресурс. URL.: http://www.intelros.ru/2007/11/12/kazanskijj_plennik.html.
Режим доступа – свободный. 1.02.2023.
254. Трапезников В. Л. (Н.). Первая частная газета в Перми// Каторга и ссылка. 1931. Вып. 8-9 (81-82). С. 111–112.
255. Трубецкой Б.А. Из истории периодической печати Бессарабии (1854-1916 гг.). Кишинев: Штиинца, 1989. 271 с.
256. Тулупов В.В. Региональная журналистика: сегодня и завтра// Вопросы теории и практики журналистики, 2013, №2 (4). С. 78-92.
257. Турарбеков З. Из опыта перевода дореволюционной казахской периодической печати (вторая половина XIX - начало XX в.): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Алма-Ата, 1966. 30 с.
258. Усманова Д. Российские мусульмане и пропаганда в годы Первой мировой войны (1914–1916 гг.)// / Acta Slavica Iaponica, Tom 37 (2016), pp. 73–101.
259. Уткин А.А. Вопросы экономического развития России середины XIX века в творчестве профессора А. К. Чугунова//Социально-гуманитарные науки: Humanities and Social Sciences: N. 5 (53). Красноярск, 2014. С. 32 – 37.
260. Уткин А.А. Либеральная интеллигенция Казани на рубеже 50 - 60-х годов XIX в. : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.02. Казань, 2002. 213 с.
261. Ученова В.В. Основные направления разработки теории публицистики. Учебно-методическое пособие. М., 1978. 70 с.
262. Фаизов С.Ф. Движение мусульманок России за права женщин в 1917 г. Страницы истории». Н.Новгород: НИМ «Махинур», 2005. 106 с.

263. Фирсов Н.А. Студенческие истории в Казанском университете 1855 – 1863 гг. /Русская старина 1889. № 3,4, 6 – 8.
264. Фукс К.Ф. Казанские татары, в статистическом и этнографическом отношениях. Казань : Унив. тип., 1844. 131 с.
265. Хабибрахманова А.В. Деятельность политических партий в Казани в годы Первой российской революции//Автореф. дис. ... к.и.н. Казань, 2005. 26 с.
266. Хабутдинов А.Ю. Казанская тень Победоносцева: Николай Ильминский// Мадина аль-Ислам, 2011, № 112. Эл. ресурс: URL.: <http://www.idmedina.ru/medina/?2184>. Дата обращения – 03.08.2022. Режим доступа – свободный.
267. Хайрутдинова Л.Ф. Литературная критика газеты "Казанский телеграф": 1893 – 1917 гг.: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.01.01. Казань, 2000, 237 с.
268. Хамитбаева Н.С. Газета «Казанские губернские ведомости» и музыкальная жизнь города Казани во второй половине XIX в.// Из истории и культуры народов Среднего Поволжья: Сб.статей. Казань: изд-во «Ихлас»; Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2011. С. 191 – 205.
269. Хамитбаева Н.С. Театральная жизнь Казани второй половины XIX века на страницах газеты «Казанские губернские ведомости» // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья: Сб.статей. Казань: изд-во «Ихлас»; Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2011.С. 173 – 191.
270. Хамитбаева Н.С., Байбулатова Л.Ф. Вопросы образования в Казани на страницах газеты «Казанские губернские ведомости» в XIX в.// Образование и просвещение в губернской Казани. Сб. статей. Вып. 2. Казань: Институт истории АН РТ, 2009. С.267 – 284.
271. Харитонов В. А. Неизвестный Доржи Банзаров: записки краеведа из Бурятии// Московский комсомолец: Улан-Удэ, 2020. № 12 от 18.03.

272. Хасанов Х.Х. Революция тысяча девятьсот пятого-седьмого гг. в Татарии. М.: Наука, 1965. 341 с.
273. Холиков А.А., Хруслова В.Г. Поэзия революционного народничества. От эдиционной практики к изучению форм взаимодействия литературы и журналистики. Вопросы литературы. 2021. № 3. С. 178-209.
274. Хоруев Ю.В. История печати на Тереке (1863-1907 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Махачкала, 1966. 27 с.
275. Худяков М.Г. Петр Алексеевич Пономарев // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. 1920. Т. 30, вып. 3. С. 245–260.
276. Хуснетдинов Р.М. Вопросы татарского языка на страницах газеты «Нур» («Луч») и журнала «Шура» («Совет»)// Вестник Чувашского университета, 2010, № 1. С. 247-249.
277. Черепанов М.С. Проблемы теории публицистики. М., 1973. 272 с.
278. Чернуха, В. Г. Главное управление по делам печати в 1865—1881 гг. / В. Г. Чернуха // Книжное дело в России во второй половине XIX — начале XX в.: сб. науч. тр. СПб., 1992. Вып. 6. С. 20—40.
279. Шакирова Л.Р. Казанская математическая школа, 1804–1954. Казань: КГУ, 2002. Электронный ресурс: URL.: <http://libed.ru/knigi-nauka/532789-2-kazanskaya-matematicheskaya-shkola-1804-1954-vvedenie-reshenie-nasuschnih-problem-sovremennogo-obrazovaniya-trebuat.php>. Режим доступа – свободный. 9.01.2022.
280. Шангараев Р.Р. Проблемы формирования татарского литературного языка на рубеже XIX-XX вв. на примере газеты «Нур»// Вестник Российского исламского университета. Казань: РИУ. – 2005. – №1. – 174 с. С. 97– 104.
281. Шевцов В. В. «Губернские ведомости» в советской и постсоветской историографии: основные направления изучения // Вестник Пермского университета. Сер. История. 2013. № 3 (23). С.105—123.

282. Шевцов, В.В. «Томские губернские ведомости» (1857–1917 гг.) в социокультурном и информационном пространстве Сибири (вторая половина XIX – начало XX века) / В.В. Шевцов. – Томск : Томский государственный университет, 2012. 414 с.
283. Шелгунов Н.В. Внутреннее обозрение// Дело, 1873, № 9. Отд. XIX. С.56-104.
284. Шелгунов Н.В. Очерки русской жизни. СПб.: издание О.Н. Поповой, 1895. 1098 стб.
285. Шестаков П.Д. О студенческих волнениях в Казани 1882 года // Русская старина. 1889. Кн. I С. 124-125.
286. Шнуровский К. Воспоминания о тов. Олькеницком // Пути революции, 1923. №3. Казань. – С. 25-26.
287. Шпилевский С.М. Указатель исторических достопримечательностей города Казани. Казань: Унив. тип., 1873. 66 с.
288. Щапов А.П. Неизданные сочинения: с предисловием и примечаниями Е.И. Чернышева// Известия общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Казань, 1926. Т. 33, вып. 2-3. С. 1-58.
289. Эйхенбаум Б.М. Казанская тетрадь Лермонтова// Литературное наследство. 1948. Т. 45-46. С.6-8.
290. Юдина И. М. Архив А. И. Иванчина-Писарева// Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского дома на 1973 г. Л., 1976. С. 3—24.
291. Юдина И. М. В. Г. Короленко и провинциальная печать// Русская литература, 1972, № 1. С. 133—146.
292. Ядринцев Н.М. Письма Николая Михайловича Ядринцева к Г.Н. Потанину. Вып. 1. (с 20 февраля 1872 г. по 8 апреля 1873 года). Издание редакции журнала «Северные записки». Красноярск: Типогр. Енис. губ. союз. кооперативов, 1918. 28 с.

293. Якупов В. М. (Валиулла хэзрэт Якупов) А была ли дихотомия «Джадидизм-кадимизм»// Звезда Поволжья. 2002. № от 30 мая – 5 июня.

Учебники

1. Беляева Л.Н., Зиновьева М.К., Никифоров М.М. Библиография периодических изданий России 1901 – 1916: в 4. Т. Л.: Государственная Публичная библиотека имени М. Е. Салтыкова-Щедрина, 1958-1961.
2. Западов А.В. История русской журналистики XVIII-XIX вв. М., 1963. 516 с.
3. История русской журналистики XVIII-XIX веков / [Д. А. Бадалян и др.]; под ред. Л. П. Громовой; Санкт-Петербургский гос. ун-т. 3-е изд., испр. и доп. СПб. 2013. 527 с.
4. Корконосенко С.Г. Основы журналистики. М.: Аспект-Пресс, 2009. 316 с.
5. Махонина С.Я. История русской журналистики начала XX века: Учеб. пособие. 3-е изд. М.: Флинта; Наука, 2004. 238 с.

Библиографические указатели и справочники:

1. Биографический словарь профессоров и преподавателей императорского Казанского университета (1804–1904): в 2-х частях. /Под ред. Н. П. Загоскина. Казань, 1904.
2. Казанская периодическая печать (русские издания) 1811—1916. Библиографический указатель / Составитель В. И. Шишкин; Научный редактор доцент Л. М. Пивоварова. Казань: Издательство Казанского ун-та, 1985. 37 с.

3. Казанская периодическая печать XIX - начала XX века: Библиогр. указатели / Научный ред. Ф. Ф. Нуреева. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1991. 87 с.
4. "Казанский вестник", 1821 - 1933 гг.: Указатель содержания / Составители: В.Г.Салова, В.И.Шишкин, Ж.В.Щельванова. Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 2003. 116 с. Эл. ресурс: https://web.archive.org/web/20121105162912/http://ksu.ru/kgu200/knigi/kaz_vestn.htm. Режим доступа: свободный. – 05.01.22.
5. Лисовский Н. М. Русская периодическая печати, 1703 — 900 гг.: (Библиография и графические таблицы). Вып. 1-4. СПб.: кн. маг. А.Ф. Цинзерлига (б. Мелье и К°), 1895-1915.
6. Мишина Е. М. Систематический указатель статей к периодическим изданиям Казанского ордена Трудового Красного Знамени государственного университета им В.И. Ульянова-Ленина, 1815—1947 -гг. (кроме «Ученых, записок», «Известий Общества археологии, истории и этнографии» и «Казанских известий»). Казань, 1960. 280 с.
7. Полный систематический указатель статей местно-областного содержания, напечатанных в "Казанских известиях", издававшихся при Казанском университете с 1811 по 1821 г. / Сост. П. Пономарев. Казань : тип. Ун-та, 1880. 45 с.
8. Русская периодическая печать (1702—1894): Справочник / Под ред. А. Г. Дементьева, А. В. Западова, М. С. Черепанова. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1959. 835 с.
9. Смышляев Д. Д. Указатель статей о Пермской губернии, помещенных в «Казанских известиях» (1811—1820) //Пермский сборник, 1860. Кн. 2, С. XVII—XXI.
10. Татарская периодическая печать: Научно-энциклопедическое издание / Сост. и науч. ред. Р.А. Айнутдинов, З.З. Гилязов. Казань: Изд-во Академии наук РТ, 2017. 200 с.

11. Теория и методология истории: учебник для вузов / Отв. ред. В. В. Алексеев, Н. Н. Крадин, А. В. Коротаев, Л. Е. Гринин. Волгоград: Учитель, 2014. С.391.
12. Указатель статей о археологии, истории и этнографии, помещенных в неофициальной части Казанских губернских ведомостей, 1843—1891/ Изв. Об-ва археологии, истории и этнографии при Казан, ун-те, 1892. Т. 10. Вып. 1. С. 127—131.

Публикации автора:

Научные монографии:

1. Бик-Булатов А.Ш. Очерки истории казанской журналистики 1758–1918. Вып. 2. Казань: Издательский дом Маковского. 978 с.
2. Бик-Булатов А.Ш. Очерки истории казанской журналистики (1811-1918). Вып.1.Чебоксары: free poetry,2020. 242 с.
3. Бик-Булатов А.Ш. Образы и типы православного духовенства в русской журналистике XIX - начала XX века. СПб: Дмитрий Буланин, 2018. 304 с.
4. Бик-Булатов А.Ш. История отечественной публицистики XIX - XX веков: дискурсы нигилизма. Казань : Казанский гос. ун-т, 2010. 289 с.

Список статей в журналах, рецензируемых ВАК:

1. Бик-Булатов А.Ш. От базаровской лягушки до социалистических коммун: к вопросу о положительной программе нигилистов-шестидесятников// Ученые записки КГАВМ им. Н.Э.Баумана. Казань: КГАВМ, 2006. Т.187. С.307 – 315.
2. Бик-Булатов А.Ш. Эволюция оппозиционных демократических течений русской журналистики рубежа 19-20 в. // Ученые записки Казанского

- университета. Серия: гуманитарные науки. 2008. Т. 150, кн. 4, раздел: журналистика. С. 130–136.
3. Бик-Булатов А.Ш. Педагогическая публицистика Л.Н.Толстого в контексте нигилистического дискурса второй половины 19 века// Ученые записки Казанского университета. Серия: гуманитарные науки. – Казань: КФУ, 2011. Т. 152, кн. 5, раздел: журналистика. С. 82 – 91.
 4. Бик-Булатов А.Ш. Концепт «нигилизм» в публичных дискурсах публицистики конца 80-х - 90-х годов XX века// Ученые записки Казанского университета. Серия: гуманитарные науки. Казань: КФУ, 2011. Т. 152, кн. 5, раздел: журналистика. С. 82 – 91.
 5. Бик-Булатов А.Ш. Концептуализация истории отечественной журналистики на со-временном этапе (методологический аспект)// Ученые записки Казанского университета. Серия: гуманитарные науки. 2012. Т. 154, № 6. С. 169 – 179.
 6. Бик-Булатов А.Ш. Проблематика терроризма в российской публицистике второй половины XIX – начала XX века// Проблематика терроризма в российской публицистике второй половины XIX – начала XX века // Учен. зап. Казан. ун-та. Серия: гуманитарные науки. 2013. Т. 155, кн. 6. С. 117–124.
 7. Бик-Булатов А.Ш., Бандеров И.И. Концепция духовного синкретизма// Учен. зап. Казан. ун-та. Серия: гуманитарные науки. 2013. Т. 156, кн. 6. С. 37 – 43.
 8. Бик-Булатов А.Ш. Публицистическая пушкиниана М.Н.Каткова// Ученые записки Казанского Университета. Серия: гуманитарные науки. - Казань: Изд-во Казан.ун-та. Т. 157, кн. 4. 2015. С.36 – 45.
 9. Бик-Булатов А.Ш. Поэтика апокалипсиса в культурософской публицистике России пореволюционного времени (1917-1918) // Научные ведомости БелГУ, серия: гуманитарные науки 2015. №18 (215). С.87– 94.

10. Бик-Булатов А.Ш., Туманов Д.В. Сущность и перспективы исследования журналистики сталинской эпохи // Ученые записки Казанского университета. 2016. Т. 158, кн. 4. С. 1207 – 1212.
11. Туманов Д.В., Бик-Булатов А.Ш., Шайхитдинова С.К. Казанская научная школа журналистики: определение парадигмальных границ // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2017. Т. 159, кн. 3. С. 541–568.
12. Бик-Булатов А.Ш. Расследовательские методы В. Г. Короленко в контексте общего развития русской журналистики рубежа XIX - XX веков// Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2018. Т. 160, кн. 4. С. 850–859.
13. Гарифуллин В.З., Баканов Р.П., Бик-Булатов А.Ш., Сабирова Л.Р. От первых советских газет до современных медиахолдингов (навстречу столетию Союза журналистов Республики Татарстан) / В.З. Гарифуллин, Р.П. Баканов, А.Ш. Бик-Булатов, Л.Р. Сабирова // Журналист. Социальные коммуникации. 2019. № 4 (32). С. 32 – 46.
14. Бик-Булатов, А.Ш. Алексей Пешков — редактор «Самарской газеты» / А.Ш. Бик-Булатов // Вопросы литературы. 2020 №4. С. 128 – 139.
15. Бик-Булатов А.Ш. Сборник произведений выпускников Казанского университета «Братчина» (1859) и отзыв на него Н.А. Добролюбова// Вестник ВГУ: серия филология и журналистика, 2021. № 4. С.96 – 99.
16. Бик-Булатов А.Ш. Первая мировая война в зеркале казанской прессы 1914 года // Известия ЮФУ. Филол. науки. 2022 № 1 С. 220 – 233.
17. Бик-Булатов А.Ш. Отделения газеты «Казанский биржевой листок (1869–1892) в городах Поволжья // Вестник Моск. ун-та. Серия 10. Журналистика. 2022. № 3. С. 152–169.
18. Бик-Булатов А.Ш. Литературная газетная критика казанского поэта серебряного века Ильи Британа// Вестник ВГУ: серия филология и журналистика, 2023. №3. С.90 – 94.

Публикации в иностранных научных изданиях, входящих в базу «Скопус» (кроме рецензируемых в российской ВАК)

1. Bik-Bulatov A. Sh. THE IMAGES OF THE CLERGY IN RUSSIAN JOURNALISM AND LITERATURE OF THE XIX-XX CENTURIES: TENDENCIES AND CONTEXTS OF OCCURRENCE// Journal of Organizational Culture, Communications and Conflict. - Volume 20, Special Issue2, 2016. - P.1-8.

Публикации в научных сборниках и сборниках конференций:

1. Бик-Булатов А.Ш. П.Л. Драверт – казанский журналист (неизвестные страницы биографии великого ученого) // Девятнадцатые чтения памяти Вениамина Иофе: 20-22 апреля 2021/ Польский институт в Санкт-Петербурге, Фонд Иофе. Сборник материалов. СПб.: Норма, 2022. С. 14 – 21.
2. Бик-Булатов А.Ш. Взаимодействие Русской и Татарской журналистики Казани начала XX века// Медиа в современном мире. 61-е Петербургские чтения: сб. матер. Междунар. научн. форума (21–22 апреля 2022 г.). В 2 т. Т. 2 . СПб.: Медиапапир, 2022. С. 14 – 15.
3. Бик-Булатов А.Ш. Казанский публикатор Н.А. Некрасова Николай Фирсович Юшков/ А.Ш. Бик-Булатов// Некрасов в XXI веке: материалы международного научного конгресса (Ярославль - Карабиха, 1-2 июля 2021 года). Ярославль, 2021. С.13 – 18.
4. Бик-Булатов А.Ш. Первое «Мултанское дело» 1885 года как предтеча событий и процесса по одноимённому делу 1890-х годов/ А.Ш. Бик-Булатов// Мултанское дело: истоки, уроки, исторические последствия: к 125-летию окончания Мулатнского процесса (1892-1896 гг.): сборник

материалов по итогам Всероссийской научно-практической конференции, 27-28 августа 2021 года. Ижевск; п.Кизнер; с. Короленко, 2021. С.29 – 33.

5. Бик-Булатов А.Ш. Концепция провинциальной газеты как центра общественной и умственной жизни региона (по материалам писем Г.Н. Потанина 1874 года по поводу «Камско-Волжской газеты»)// Актуальные проблемы региональной истории: взаимоотношения центра и регионов в исторической динамике. мат-лы I Всерос. с междунар. участием науч. конф. Ижевск. 2019. С.181 – 187.

Публикации в СМИ:

1. Бик-Булатов А.Ш. Казанская журналистика XIX века. Борьба с пытками// Идель. 2020.№ 9. Эл. версия: <https://idel-tat.ru/news/vremya/kazanskaya-zhurnalistika-xix-veka-borba-s-pytkami>.
Режим доступа: свободный. Дата обращения: 03.04.2023.
2. Бик-Булатов А.Ш. Острые перья науки// Казань. 2020. № 9. Эл. версия: <https://kazan-journal.ru/news/mashina-vremeni/ostrye-perya-nauki>
Режим доступа: свободный. Дата обращения: 03.04.2023.
3. Бик-Булатов А.Ш. Назвать бы улицы их именами...О казанской прессе XIX века/ спецпроекты ЛГ: Многоликая Россия// Литературная газета. № № 40 (6854) (05-10-2022). Эл. версия: <https://lgz.ru/article/-40-6854-05-10-2022/nazvat-by-ulitsy-ikh-imenami-/>
Режим доступа: свободный. Дата обращения: 03.04.2023.
4. Бик-Булатов А.Ш. 100 лет назад. Казанские юристы – журналисты// Право и жизнь в Татарстане. 2022. №3-4. С.41.
5. Бирин М. «Казанские известия»: как Александр I утвердил выход первой провинциальной газеты России [Интервью с А.Ш. Бик-Булатовым. Ч.1.]// Бизнес-онлайн. От 5.12.2020. Эл.версия.

<https://www.business-gazeta.ru/article/491077> Режим доступа: свободный. Дата обращения: 03.04.2023.

6. Бирин М. Айрат Бик-Булатов: «Татарская – это, конечно, совсем другая, параллельная русской, журналистика» [Интервью с А.Ш. Бик-Булатовым. Ч.2.]// Бизнес-онлайн. От 12.12.2020. Эл.версия. <https://www.business-gazeta.ru/article/492049>
7. Якупова В.А. Для Казани «газета сейчас важнее университета». О малоизвестных страницах истории казанской журналистики. [Интервью с А.Ш. Бик-Булатовым]// Казанские ведомости. № от 21 окт.2021. Эл. версия: <https://kazved.ru/news/dlya-kazani-gazeta-seicas-vaznee-universiteta-5841519>